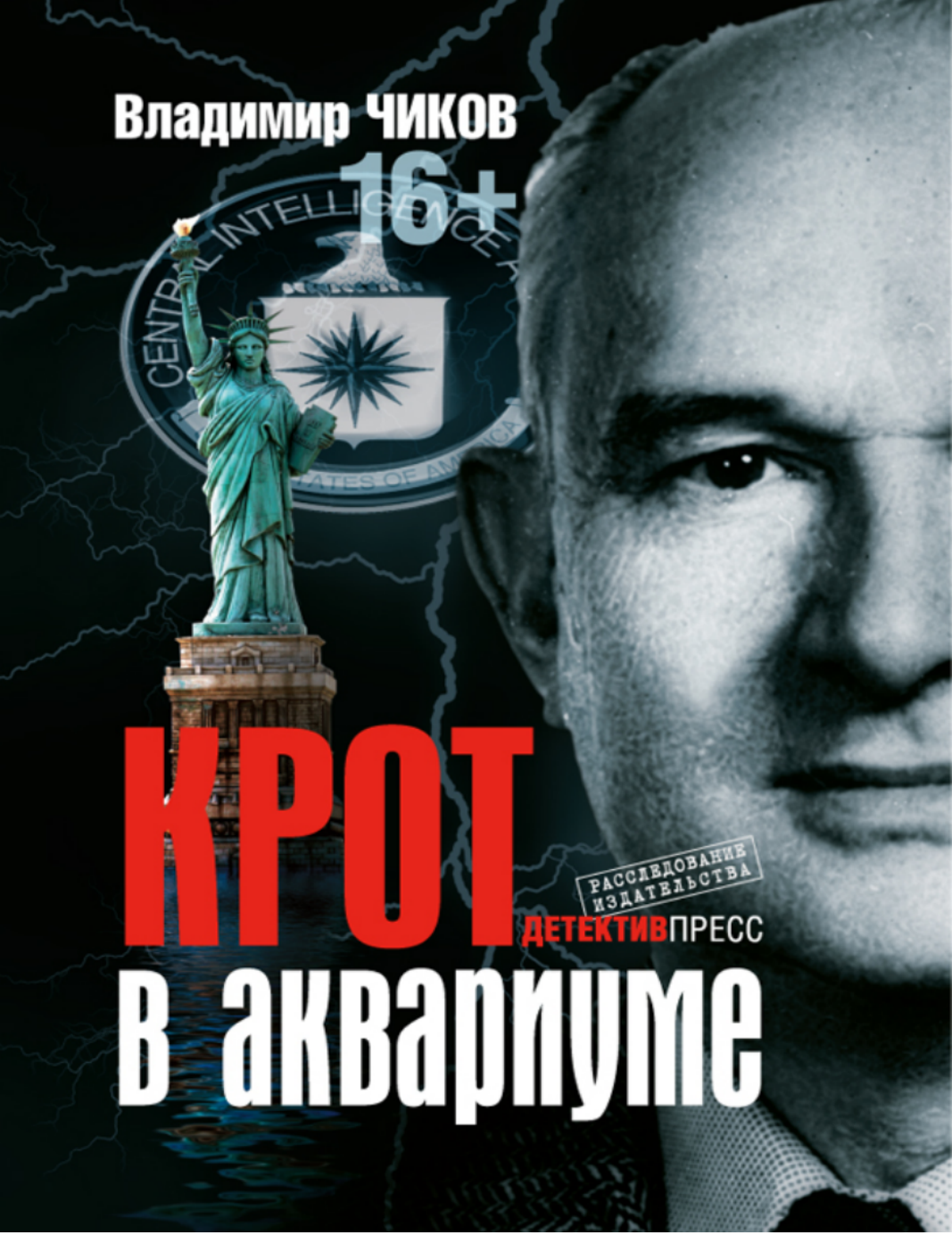
Владимир ЧИКОВ

16+



КРОТ в аквариуме

Расследование издательства

ДЕТЕКТИВПРЕСС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Владимира Чикова повествует о беспрецедентном факте в истории отечественных спецслужб, когда один человек решал не то что судьбы сотен советских разведчиков и их агентов, но и судьбу огромной ядерной державы. Это был шпион, поставивший своеобразный рекорд как по длительности работы с американскими спецслужбами — двадцать пять лет, так и по объему выданной США секретной информации, для обработки и анализа которой в ЦРУ было создано специальное подразделение. А наша страна от его шпионской деятельности понесла ущерб в десятки миллионов долларов, не говоря уже о загубленных жизнях и сотнях сломленных судеб советских и иностранных граждан.

Во время встречи в верхах Рейган попросил Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева о помиловании агента ЦРУ. Горбачев ответил ему: «Господин президент, мне придется вас огорчить. Человек, которого вы просите помиловать, уже мертв: приговор приведен в исполнение…» Этот разговор лидеров двух сверхдержав поставил точку в судьбе одного из самых мерзких и подлых предателей в истории отечественных спецслужб. О том, как все же удалось разоблачить матерого шпиона, впервые подробно и объективно рассказывается в этой книге.

- Чиков Владимир Матвеевич
  - ○
  - ○ Глава 1
    - ■ Понедельник, 30 октября 1961 года, Нью-Йорк
    - ■ Среда, 1 ноября, ФБР
    - ■ Среда, 8 ноября, Нью-Йорк
    - ■ Четверг, 16 ноября, резиденция американской миссии
    - ■ Вторник, 21 ноября, Нью-Йорк
    - ■ Воскресенье, 26 ноября, штаб-квартира ФБР
    - ■ Воскресенье, 26 ноября, отель «Камерун»
    - ■ Понедельник, 27 ноября, штаб-квартира ФБР
    - ■ Вторник, 19 декабря, Мэдисон-авеню
    - ■ Пятница, 22 декабря, штаб-квартира ФБР
    - ■ Среда, 24 января 1962 года, Мэдисон-авеню
    - ■ Суббота, 3 февраля, Вашингтон, штаб-квартира ФБР
    - ■ Четверг, 29 марта, Нью-Йорк
    - ■ Четверг, 7 июня, 36-я стрит Нью-Йорка

- Глава 2. «Крот» в «аквариуме»
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Приложение
  -
  - В США
  - Подарки, приобретённые также на доллары ЦРУ для жены и жён некоторых начальников подразделений ГРУ
  - В Бирме
  - В Индии (стоимость не указана)
  - Комментарии к перечню наименований

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77

- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111

Чиков Владимир Матвеевич
Крот в аквариуме

После провала в августе 1991 года конвульсивной попытки остановить набравший ход процесс распада союзного государства, предпринятой группой высших руководителей СССР, в жизни нашей державы произошли разрушительные перемены. Вместе с памятными нам событиями того времени на граждан России была обрушена лавина низкопробной переводной литературы враждебного идеологического содержания, посвященной главным образом «антинародной и антигуманной» сущности роли коммунистической партии и советского строя в целом. Указанная тема, которая должна была по замыслу организаторов акции поменять в сознании людей полюса в восприятии и оценке исторических фактов, освещалась разными авторами через призму противостояния двух политических систем и их спецслужб на различных этапах всей 74-летней истории СССР.

Сразу после устранения от власти коммунистической верхушки СССР, не сумевшей организовать и повести за собой народ, для администрации США наступило время подведения итогов реализации разработанного и принятого еще в 1948 году на основе так называемого «плана Даллеса» (меморандум СНБ 20/1 — «Задачи в отношении России»). В этом плане, вышедшем в 1945 году из-под пера первого директора ЦРУ Аллена Даллеса, открыто заявлялось о претензиях США на мировое господство и о праве использования Соединенными Штатами в этих целях любых, даже самых чудовищных средств. В частности, в нем цинично предусматривались следующие средства воздействия на советское общество с целью развала СССР:

> «…бросить всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности поверить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на Земле народа… угасания его самосознания. Литература, театр, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать

> всех, кто станет насаждать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякую безнравственность. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху… Честность и порядочность будут осмеиваться… Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, предательство, национализм и вражду народов — все это мы будем культивировать в сознании людей…Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем таким образом расшатывать поколение за поколением, мы будем браться за людей с детских и юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь… Вот так мы это сделаем».

И поэтому не случайно уже в наступившем 1992 году на лотках, прилавках газетных киосков и книжных магазинов появились изданные на средства иностранных разведок и зарубежных антисоветских центров большими тиражами следующие книги: В. Бакатина «Избавление от КГБ», В. Суворова (он же Резун) «Аквариум», К. Эндрю и О. Гордиевского «КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева», Д. Баррона «КГБ сегодня. Невидимые щупальца». В 1993–1994 годы к ним добавились книги Т. Вольтона «КГБ во Франции», Д. Шектера и П. Дерябина «Шпион, который спас мир», О. Калугина «Первое главное управление» и другие. Целью этой литературной интервенции являлась дальнейшая идеологическая обработка и продолжение процесса оболванивания людей нашей страны, противопоставление органов государственной безопасности российскому обществу и внушение каждому гражданину мысли о необходимости полного и окончательного вытравления из его сознания так называемого «чекизма» и уничтожения отечественных спецслужб как якобы «исчадия ада». Вместе с развенчанием нашего замечательного исторического прошлого нам пытались подменить созданный в сознании пантеон героев периода Гражданской и Великой Отечественной войн, а также социалистического строительства образами предателей и отступников, которых усиленно возносили на пьедестал антикоммунизма.

И только значительно позже стали появляться в продаже издававшиеся небольшими тиражами книги воспоминаний бывших руководителей КГБ СССР. Они стремились поведать правду о событиях того времени в стране и мире, о политических лидерах и их решениях, о КГБ и его сотрудниках, отделить правду

от беззастенчиво распространяемой «вражескими голосами» лжи, приоткрыть завесу тайны, плотно окружавшую деятельность спецслужб и представить людям достоверную картину происходившего.

Одновременно с этим они старались объяснить читателям, как могло случиться, что обрушилась мировая система социализма, и в первую очередь ее оплот — Советский Союз, и кто в этом виноват? Почему Комитет госбезопасности в сложившейся ситуации не смог исполнить свой долг по обеспечению безопасности страны?

А между тем все новые и новые книжные издания, газетные публикации и документальные фильмы шпионско-разведывательной направленности, чаще всего имеющие весьма сомнительное качество, продолжали бесконтрольно издаваться и поступать в продажу. Для некоторых приглашенных в качестве консультантов бывших сотрудников КГБ, чаще всего из числа случайно подвернувшихся под руку, гораздо более важным стало нивелирование ранее допущенных службой явных промахов. При внимательном ознакомлении с такой книжной продукцией не сложно было выявить множество фактических ошибок и несоответствий и даже искажений и подтасовок, что в корне меняло существо и восприятие событий читателем. Эти, мягко говоря, вкравшиеся в работы недостатки объяснялись не только поверхностным владением авторами основным материалом, но и чрезмерной поспешностью при подготовке к изданию очередной книги или выпуску телефильма. Либо это было вызвано осознанным стремлением переписать, перелицевать и подать общественности в сенсационно-скандальном ключе какую-либо из ранее уже освещавшихся в прессе историй из жизни органов госбезопасности.

Во всем этом усматривался хорошо скрытый умысел иностранных спецслужб на продолжение разрушения России. Ради этого еще в начале 80-х годов «просвещенным демократическим Западом» и его спецслужбами для борьбы с СССР, провозглашенным президентом США Рейганом «империей зла», был открыт ящик Пандоры. Как результат выпущенные на свободу зло, клевета, ложь, зависть и ненависть нашли для себя в нашем «демократически обновлявшемся» обществе благоприятную среду и успешно прижились. Исказить, оболгать, вытереть ноги об историю своего государства, унизить и опорочить все отечественное — стало в нашей стране к началу 90-х годов признаком хорошего тона, активного участия в «перестройке», а позже — проявлением лояльности по отношению к новой власти и чуть ли не показателем внутренней

интеллигентности. Все оказалось вывернуто наизнанку: правда никого больше не интересовала, да и люди не готовы были ее воспринимать. Всем хотелось обещанных новыми лидерами немедленных демократических преобразований и изменений к лучшему в декларируемых ими «стодневках». Даже самая отъявленная ложь шла на ура! В обществе царило состояние массового психоза и сумасшествия. Обманываемые другими, люди были рады обманываться и сами. Поэтому патриотизм, зашита Отечества, семейные и общественные ценности, честь, достоинство, дружба, любовь, верность присяге и многие другие святые для советского человека понятия были отброшены и забыты.

Выпавшую из обессилевших рук деморализованного руководства власть в стране захватили активные, горластые, с огромными амбициями представители партийно-комсомольского аппарата и «недооцененные», младшие научные сотрудники от истории, политологии и экономики упивались хаосом и вседозволенностью того времени. Они не понимали, что творят, и не хотели сознавать, что жизнь без чести, к которой они призывали, бессмысленна, а их заимствованные у Запада монетарные теории и схемы экономического развития — это дорога в никуда.

Всем известно, что лжецы приносят зло. Вот почему всегда было крайне важно, чтобы люди знали правду, одну только правду, а не ее эрзацы, чтобы подлинная история событий во всей ее сложности, многогранности, противоречивости доходила до них в неискаженном виде. А иначе, в чем мы все успели убедиться, человека достаточно легко ввести в заблуждение и пустить на долгие годы по ложному пути.

Автор представляемой книги полковник Владимир Матвеевич Чиков — бывший сотрудник органов государственной безопасности, он работал в одном из оперативных отделов ведущего контрразведывательного органа страны — Второго главного управления КГБ СССР. По роду деятельности имел непосредственное отношение к выявлению действовавших на территории СССР агентов иностранных разведок из числа советских граждан, иностранцев и лиц без гражданства. Этим я хочу особо подчеркнуть, что, владея информацией не из вторых рук и не понаслышке, он использовал знание предмета и изложил в своей книге события, связанные с деятельностью органов госбезопасности и обстоятельствами разоблачения одного из самых изощренных и коварных предателей в истории отечественных спецслужб, предельно объективно. Иудой оказался генерал-майор Главного разведывательного управления

Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Дмитрий Поляков. В документах ФБР и ЦРУ с 1961 по 1986 год он проходил под псевдонимами Топхэт, Бурбон, Спектр, а в материалах оперативной разработки КГБ 1980–1986 годов значился как Дипломат.

Данное дело занимает, во-первых, особое место в ряду наиболее значимых уголовных дел, когда-либо расследовавшихся органами КГБ СССР. Его уникальность, прежде всего, заключается в том, что речь идет о старшем офицере, а затем генерале военной разведки, который сотрудничал со спецслужбами США в течение невероятно продолжительного срока — 25 лет. Во-вторых, что особенно будет понятно профессионалам, поддерживая в течение всего этого времени агентурную связь с американской разведкой не только за границей, но и на территории СССР, Поляков оставался невидимым для советской контрразведки и пребывал вне всяких подозрений. В-третьих, предатель был разоблачен именно следователями КГБ, ими были обнаружены важнейшие вещественные доказательства его изменнической деятельности. Особо хочу подчеркнуть, что именно следственным путем были выявлены тогда и разоблачены еще несколько агентов иностранных спецслужб из числа советских и иностранных граждан. Это был поистине беспрецедентный случай в истории отечественных органов госбезопасности.

Разоблачение шпиона Полякова привлекло к себе огромное внимание с момента первого упоминания о нем в январе 1990 года на страницах газеты «Правда». Американцев, только через четыре года узнавших об аресте своего суперагента, больше всего интересовало, когда именно и вследствие чего был разоблачен генерал Поляков. Многие отечественные и зарубежные авторы из числа историков разведки и ветеранов спецслужб не раз брались за освещение этой особой темы, но, положа руку на сердце, следует сказать, что никому из них в силу разных причин не удалось даже приблизиться к раскрытию образа этого супершпиона, а также к полному, всестороннему и объективному изложению реальных событий. Эти работы чаще всего являлись своего рода фотомонтажом, в них было все: от простого вымысла до полета фантазии, — не хватало только правдивого изложения фактов, раскрытия образа и психологии личности предателя. В этом смысле работа писателя Владимира Чикова выгодно отличается в лучшую сторону: она более точна по фактам и гораздо профессиональнее изложена.

Главный вопрос, который мы задаем себе: как могло случиться, что человек, участвовавший в Великой Отечественной

войне с первых ее дней и награжденный за мужество и героизм орденами, вдруг добровольно пошел на сотрудничество со спецслужбами США? Этот вопрос под стать тем, что мы время от времени задаем себе: что есть жизнь? Зачем я живу? Что будет потом? И для чего все это?

Об этом и о многом другом читатель узнает, прочитав книгу писателя Владимира Чикова, в которой сохранены все обстоятельства вербовки и разоблачения американского шпиона, а также подлинные имена и фамилии противостоявших друг другу сотрудников двух спецслужб — СССР и США.

Мне, как одному из руководителей Следственного управления КГБ СССР, на которого была возложена задача по осуществлению расследования принятых к производству уголовных дел, нелегко отойти от сложившихся личных оценок этой документальной книги. Хочу лишь подчеркнуть, что особая притягательность литературного произведения Владимира Чикова со столь странным для большинства читателей названием ««Крот» в «аквариуме»» заключается не только в том, что она основана на реальных событиях, но и в заинтересованности автора честно рассказать о кропотливой и в буквальном смысле ювелирной по исполнению работе следователей. Эта работа основана на их высоком профессиональном мастерстве, интеллекте и умелом использовании законов психологии. И автор убеждает нас в этом в одной из глав книги, отслеживая схватку умов, когда в результате длительной оперативной разработки подозреваемого в шпионаже лица не было добыто ни одного прямого или косвенного доказательства его преступной деятельности. Для абсолютного большинства читателей это, конечно, сенсационный факт.

Все дело в том, что сочинители различных публикаций из года в год уверяли и продолжают настойчиво утверждать, что «все уликовые материалы на шпиона Полякова, нужные для следствия, добыли военные контрразведчики». Конечно, так и должно было бы быть, но, к сожалению, на деле оказалось все далеко не так, что и является глубоким заблуждением, широко бытующим как среди военных контрразведчиков, так и среди авторов книг и газетных статей, в которых сообщалось о предательстве генерала Полякова и его разоблачении. И об этом как раз и свидетельствует основанная на подлинных документах книга Владимира Чикова. Он пишет об этом не для того, чтобы сразить литераторов, журналистов и историков разведки своей информированностью или упрекнуть кого-либо из них в нечестности и передергивании фактов, а чтобы читатель понял, на чьей стороне правда и что собой представляли задачи, реально

стоявшие перед следствием.

По существу изложения видно, что полковник Чиков не только внимательно читал многотомное уголовное дело, но и скрупулезно изучал материалы следствия и предшествовавшей оперативной разработки. Он правдиво изложил и ту информацию, которую извлек из бесед с бывшими коллегами Полякова по работе в «аквариуме» и в зарубежных резидентурах ГРУ Генерального штаба. Поэтому главное и бесспорное достоинство книги ««Крот» в «аквариуме»» — в ее достоверности, в отсутствии излишне подробных описаний, которые склонны иногда вызывать только недоверие.

Создавая эту книгу о шпионе Полякове и о разоблачении его следователями КГБ во главе с начальником отделения Следственного управления КГБ СССР подполковником (позже генералом) Александром Духаниным, автор был предельно честным и непредвзятым, он стремился отделять вымысел от реальности и тем самым с беспощадной прямотой поставил вопрос: какой жизни достоин человек и как ее он должен прожить? Но об этом, как и о многом другом, должен задуматься сам читатель.

Александр Загвоздин, участник Великой Отечественной войны, генерал-майор юстиции в отставке, в 1970–1992 годах заместитель начальника Следственного управления КГБ СССР

Глава 1
Топхэт сдаёт своих

Для измены родине нужна чрезвычайная низость души.

Н.Г. Чернышевский

Понедельник, 30 октября 1961 года, Нью-Йорк

В этот день, 30 октября, случилось неожиданное событие для полковника Фейхи — сотрудника американской военной миссии при Военно-штабном комитете (ВШК) Организации Объединенных Наций. После семи вечера в офисе раздался телефонный звонок. Подняв трубку, Фейхи услышал взволнованный мужской голос:

— Это говорит полковник Генерального штаба Вооруженных сил СССР Дмитрий Поляков[1]. Начальник секретариата советской военной миссии при ВШК.

— Здравия желаю, мистер Поляков, — поспешно ответил американец. — Слушаю вас.

— Мне необходимо по неотложному делу встретиться с руководителем вашей миссии генералом О'Нейли…

Фейхи почувствовал в голосе русского полковника большое волнение и подумал о том, что, наверное, произошло что-то непредвиденное, из ряда вон выходящее. Поначалу он несколько растерялся, потом вежливо ответил:

— Хорошо, я доложу о вашей просьбе генералу, но это будет только завтра. Сегодня его в офисе не будет. А что у вас случилось?

Наступило короткое молчание: теперь уже Поляков растерялся, не зная, как лучше ответить. Дыхание его в трубке заметно участилось, и он тихо, с некоторым раздражением обронил:

— О том, что у меня случилось, я расскажу вашему генералу. — И он положил трубку, даже не попрощавшись с американским полковником.

Подойдя к окну, Поляков вдруг как-то особо остро почувствовал свое одиночество, и как будто в одно мгновение все вокруг него стало ненадежно зыбким. А в голове возникли мысли: «Стоило ли говорить Фейхи о своем намерении встретиться с руководителем американской миссии генерал-лейтенантом О'Нейли? И при этом еще подчеркивать: по неотложному, важному делу? Не дай бог этот Фейхи проболтается кому-нибудь из знакомых советских граждан, командированных на работу в ООН?!»

После таких тягостных сомнений ему стало страшно, словно после звонка в офис американского генерала за его спиной начали совершаться какие-то сделки и его самого уже продают

кому-то.

На самом деле так оно и было. В тот же вечер, 30 октября, полковник Фейхи позвонил в Федеральное бюро расследований США и сообщил о коротком телефонном разговоре с советским полковником Дмитрием Поляковым.

Среда, 1 ноября, ФБР

В среду утром руководитель советского отдела контрразведки ФБР Джеймс Нолан проснулся с сильной головной болью. Она явилась следствием неспокойной ночи: его мучили кошмары, которые перед рассветом внезапно уступили место размышлениям о загадочном звонке советского полковника в резиденцию генерала О'Нейли. «Что нужно этому русскому? Почему он не сказал, для чего нужна ему эта встреча с высокопоставленным официальным представителем США в ООН? И вообще, кто он — этот русский? «Чистый» военный дипломат или разведчик?» Решив, что многое должны прояснить материалы слежки за ним и, возможно, имеющееся на него досье в архиве, Нолан успокоился и задремал. Проснувшись с головной болью, он торопливо побрился, порезавшись при этом, что с ним случалось редко, принял холодный душ и, чтобы не тратить время на приготовление завтрака, сразу приступил к решению служебных вопросов: набрал номер телефона Дэвида Мэнли[2] — специалиста ФБР по Советскому Союзу.

Тот ответил не сразу. Услышав сонный, глухой голос Мэнли, Нолан, не извиняясь перед ним за ранний звонок — не было еще и восьми утра, с раздражением предупредил его:

— Ты должен быть у меня сегодня между десятью и половиной одиннадцатого со всеми материалами, которые должен был вчера собрать в архиве.

Ответа не последовало.

— Ты меня понял?

— Да, мистер Нолан, — еле слышно ответил Мэнли заспанным, вялым голосом.

Этот тихий, вялый голос привел начальника отдела в бешенство:

— Так у тебя есть что докладывать или нет?!

— Есть.

— Ну хорошо. Я жду тебя.

Ровно в десять Дэвид Мэнли вошел в кабинет шефа и, положив перед ним толстую папку с документами, направился к сидевшему за столом для докладов мужчине лет пятидесяти. Это был известный в ФБР разработчик острых операций, направленных против Советского Союза, Джон Мори[3]. Исполненный достоинства, высокий, седовласый Мори поднялся из кресла, сделал шаг навстречу Мэнли и, крепко пожав ему руку, спросил:

— Ты ознакомился уже с материалами этой папки?

— Да.

— Прекрасно, — отозвался Мори, затем повернулся к читавшему сводки наружного наблюдения Нолану и громко, чтобы тот услышал, спросил: — А может, мы послушаем Дэвида, что интересного содержат принесенные им сводки? Я говорю это к тому, чтобы мне не тратить потом время на ознакомление с ними.

Нолан, отложив в сторону папку, откашлялся и сказал:

— Я согласен с тобой, мистер Мори. Пожалуйста, Дэвид… Можешь сидя докладывать.

— Спасибо, мистер Нолан… Основываясь на досье, которое было заведено нами в мае пятьдесят первого года, и на сводки наружного наблюдения тех лет, а также прошлого и нынешнего года, у меня нет сомнений, что полковник Поляков является советским разведчиком…

Джон Мори и Джеймс Нолан удивленно переглянулись.

— А теперь позвольте мне изложить свои доказательства, — продолжал Мэнли. — Я постараюсь быть очень кратким…

— Нет, давайте лучше поподробнее, — предложил начальник отдела.

— О'кей. Начну с первой его командировки в нашу страну: с мая пятьдесят первого по июль пятьдесят шестого года. В то время он являлся офицером для поручений при представительстве СССР в Военно-штабном комитете ООН. Имел звание подполковника. Через два года его назначают начальником секретариата ВШК этого же представительства. Кстати, неплохая для разведчика должность прикрытия. При выходах в город он профессионально выявлял нашу слежку, а в ряде случаев и уходил от нее. Так было, например, при посещении банка и переводе денег в одну из гостиниц Лос-Анджелеса…

— А установлено кому именно в Лос-Анджелесе переводились эти деньги? — спросил Мори. — Это во-первых. Во-вторых…

— А во-вторых, — не дал ему договорить начальник отдела, — были ли при первой его командировке выявлены какие-либо контакты, представляющие для нас интерес?

— На оба ваших вопроса отвечаю отрицательно: нет.

На лице Джона Мори появилось изумленное выражение. Нолан в это время продолжал молча просматривать досье на Полякова. Когда он обнаружил что-то интересное в папке, то, вскинув голову, спросил:

— А как ты, Дэвид, можешь расценивать выступление мистера Полякова в октябре пятьдесят третьего года на

совещании сотрудников советских учреждений в Нью-Йорке?

— Вы имеете в виду, — подхватил Мэнли, — высказанную им неправильную, с позиции руководства СССР, точку зрения в отношении постановки вопроса советской делегацией на восьмой сессии ООН?

— Да, я это имел в виду. Практически он выступил на том совещании с антисоветских позиций по вопросу разоружения пяти великих держав на одну треть всех вооруженных сил. Поляков заявил тогда, что вопрос о разоружении уже неоднократно ставился советской делегацией и ни разу не получал поддержки со стороны остальных членов ООН. И что снова ставить его в повестку дня не следовало бы, подчеркнув при этом, что этот вопрос потерял уже всякую остроту. Как ты думаешь, Дэвид, что должно было последовать в отношении Полякова после такого смелого, антиправительственного выступления?

Мэнли откинулся на спинку кресла и спокойно произнес:

— Насколько мне известно, компартия Советского Союза никогда и никому не позволяла отклоняться от своего внешнеполитического курса. Если же кто-то из членов партии шел вразрез с ее установками и не согласен был с ее политической линией, тех изгоняли из ее рядов, а иногда даже и расстреливали.

— Так он коммунист или нет? — поинтересовался Мори.

— Да, он — член Коммунистической партии Советского Союза.

— Тогда, по логике вещей, — продолжал Мори, — он должен был быть исключен из партии и откомандирован в Москву. Но ни того, ни другого не было сделано. Мало того, он во второй раз приезжает в Нью-Йорк, как будто ничего не произошло, на свою прежнюю должность в Военно-штабной комитет… Так о чем это может свидетельствовать?

— Разумеется, о сокрытии бывшим руководством Полякова его антипартийного выступления в Нью-Йорке.

— Наверное, так оно и было, — задумчиво произнес Нолан. — Иначе бы его не командировали во второй раз в Нью-Йорк.

— Но меня поражает другое, более компрометирующее его обстоятельство, — продолжал Мэнли. — По данным наружного наблюдения, в период первой командировки Поляков вел себя не очень осторожно. Он был неразборчив в связях с женщинами, часто посещал магазины и покупал в них фототехнику, шубы, золотые кольца, магнитофоны, кожаные пальто и другие товары. Причем по несколько штук. Связи заводил в основном с продавцами. Возможно, я и заблуждаюсь, но все это никак не

вяжется с обликом советского разведчика.

— Так кто же он? — подавшись вперед, спросил начальник отдела Нолан. — Военный разведчик или военный спекулянт? И что он хочет поиметь от встречи с генерал-лейтенантом О'Нейли?

Мэнли пожал плечами.

— Не знаю. Возможно, для достижения каких-то своих личных целей.

— А генерал О'Нейли уже знает о телефонном звонке советского полковника? Если знает, то как он отнесся к его просьбе? — спросил опять Джон Мори.

— Вчера вечером я имел разговор по закрытой связи с мистером О'Нейли, — ответил Нолан. — Он сказал, что встречаться ему с русским при любых обстоятельствах надо, потому что Поляков — его коллега по работе в Военно-штабном комитете и поэтому было бы не совсем правильно и неэтично отказывать ему во встрече. Я согласился с генералом и попросил немного подождать с назначением дня встречи. Когда и где она должна состояться, мистер О'Нейли просил меня сообщить ему через два дня…

— А генерал не возмутился, что вы вмешались в решение этого вопроса и взяли эту функцию на себя? — прервал его Джон Мори.

Заметив улыбку на лице коллеги, Джеймс Нолан, помолчав секунду-другую, сказал:

— Нет, не возмутился. И, скорее всего, потому, что я прямо заявил ему о большой нашей заинтересованности в проведении встречи и что мы готовы принять в ней участие. К тому времени у меня родилась идея взять на контакт мистера Полякова. Эта мысль укрепилась во мне после сообщения характеризующих данных на него по предыдущей командировке в Нью-Йорк. Мы ничего не потеряем, даже если он откажется от контакта с нами. Зато мы можем, чем черт не шутит, приобрести хорошего источника в советском представительстве ООН. Если, конечно, сумеем склонить его на свою сторону. Это надо сделать на материальной основе, поскольку русские очень любят американские доллары. На своем веку я немало видел русских типов, которые за доллары соглашались забыть свои коммунистические идеалы и готовы были работать на своего заклятого идеологического врага. Я имею в виду США. Да и вообще я невысокого мнения о моральном облике этих русских. Считаю, что любого из них можно завербовать на материальной основе. Все дело только в размерах денежного вознаграждения… — Подумав немного, Нолан добавил: — Между прочим, мы можем завербовать Полякова и по имеющемуся у нас

компромату прошлых лет. Было бы лучше, конечно, — начальник отдела ФБР перевел взгляд на Мэнли, — если бы мы располагали новыми компрометирующими материалами по второй его командировке. Поэтому я прошу тебя, Дэвид, поинтересоваться: не появилось ли в отношении русского полковника каких-то свежих фактов его неправильного поведения?. Если их нет, то попроси от моего имени поработать над этим вопросом более плотно. И пусть попытаются создать ситуации, понуждающие его к совершению противоправных действий, которые можно было бы задокументировать. А теперь давайте определимся, когда и где должна состояться встреча с русским полковником. И кто в ней должен участвовать… И еще: кто должен взять на себя разработку Полякова? — Нолан вопросительно посмотрел на Мэнли, потом — на Мори, ожидая от них конкретных предложений.

Первым откликнулся Дэвид:

— Я полагаю, что встречу с русским желательно провести через пару недель. Этим самым мы дадим возможность плотно поработать «наружке» за интересующим нас объектом. А организовать встречу надо в офисе генерала О'Нейли. Например, под видом проведения приема по какому-нибудь надуманному случаю. Для этого надо направить официальные приглашения не только мистеру Полякову с супругой, но и кому-нибудь еще из офицеров советского представительства. И тоже с супругой. Это для того, чтобы советская контрразведка при советском посольстве не заподозрила в чем-то Полякова при посещении им офиса американской миссии. И последнее: разработку его должен начать и довести до прямой вербовки Джон Мори. Он, как участник многих контрразведывательных операций против Советского Союза, лучше, чем кто-либо другой, знает русских, их характер и психологию, — вот ему и карты в руки.

Седовласый Джон Мори по общему признанию своих коллег, в том числе и директора ФБР Эдгара Гувера, был опытным контрразведчиком и поэтому, естественно, больше, чем кто-либо, подходил для вербовочной разработки полковника Полякова.

Посмотрев на Мори, Нолан спросил:

— Вы принимаете такое предложение? Мори улыбнулся и сказал:

— Мне кажется, что вы и без моего ответа все уже решили.

— О'кей, мистер Мори. Я согласен и с другим предложением Дэвида — о назначении встречи на шестнадцатое ноября. Организацию ее проведения поручаю тебе, Дэвид. Таким образом, русский полковник будет две недели находиться в полном неведении, то есть без ответа на свою просьбу о встрече с генералом О'Нейли. Посмотрим, как он поведет себя во время

ожидания этой встречи. А вы оба за это время проверьте его по всем учетам ЦРУ, ФБР, МИ-пять и МИ-шесть. Надо нам узнать о нем все, всю его подноготную!

— Но в душу-то мы, конечно, не залезем… Вы же сами не раз говорили, что русская душа всегда была загадочной.

— Да, это так, — согласился Нолан. — Вот вы и помогите ему раскрыть свою душу, задействуйте для этого весь комплекс проверочных мер. Необходимое информационное обеспечение получите завтра в аналитической службе. И еще раз напоминаю: «наружка» должна до вашей встречи с ним поработать как можно плотнее… Нам очень нужен свежий компромат на него…

Среда, 8 ноября, Нью-Йорк

Полковник Поляков был вне себя оттого, что прошло почти полторы недели, а его просьба словно повисла в воздухе — ни «да», ни «нет»… «Во всем, черт побери, виноват сам: надо было не связываться с Фейхи, а напрямую звонить генералу О'Нейли и просить его о встрече. Теперь вот жди, когда придет ответ от него».

Спокойно работать Поляков уже не мог, ему был нужен кто-то, кому бы он мог довериться, кто сумел бы успокоить его. «Наверное, надо было бы рассказать жене о том, что якобы во имя личной мести ГРУ решил установить контакт с ФБР, — продолжал он размышлять. Потом засомневался: — А что толку, если бы она и узнала? Она, конечно, выслушала бы меня, но не смогла бы ничем помочь. Да и не безопасно это все: Нина может случайно проговориться…» И тут он впервые ужаснулся, поняв, что зашел слишком далеко в своих намерениях. «Может, пока не поздно, позвонить Фейхи и отказаться от встречи с главой американской миссии?» Прислушался к своему сердцу, но сердце молчало. Подошел к окну и отворил створку. На улице было темно, шел уже восьмой час, пора бы и домой пойти, но его не покидало ощущение, будто он забыл что-то сделать. Вернувшись к столу, взглянул на телефон и тут решил, что надо позвонить в американскую миссию.

На его звонок ответил опять Фейхи:

— О, я рад, мистер Поляков, что вы позвонили! В ответ Фейхи услышал раздраженный голос:

— Меня удивляет, что вы, очевидно, забыли о моей просьбе? И если это так, то, может быть, не надо беспокоить генерала О'Нейли?

— Да нет! Вопрос уже решен. Вчера, седьмого ноября… Я, кстати, поздравляю вас с сорок четвертой годовщиной Октябрьской революции! Так вот вчера мы направили вам и еще одному вашему коллеге из советского представительства официальные приглашения на прием, который состоится в нашей резиденции шестнадцатого ноября…

Что говорил дальше американский полковник, Поляков уже не слушал и, поблагодарив Фейхи, положил трубку…

На другой и в последующие дни Поляков обнаружил за собой активную, чуть ли не лобовую слежку, настолько наглую, что ему даже слышны были радиопереговоры сотрудников ФБР. Опасаясь, что своими неумелыми действиями и разговорами в эфире они раскроют его перед «наружкой» советской внешней разведки,

Поляков засомневался: стоит ли идти на установление контакта с американцами? Его колебания усиливались еще и неотступными, черными, как стая галок, мыслями о том, что фэбээровцы на первых же встречах постараются «выпотрошить» из него ценную информацию, а потом откажутся от продолжения контакта. «Можно было бы, конечно, попросить и политическое убежище, — подумал он, — но я не могу один решать судьбу своей семьи — жены и детей. Кроме того, в Советском Союзе остались родители и родственники, которые не знают и не должны знать о моих намерениях». Именно это и побуждало его идти не на измену в форме невозвращения на родину, а только на скрытые контакты с американцами.

Через два дня Полякову позвонил его подчиненный подполковник Сенькин Анатолий Борисович и сообщил, что он и его супруга приглашены официально на прием 16 ноября в американскую миссию Военно-штабного комитета ООН.

— Это очень хорошо! — воскликнул в ответ Поляков. — Я тоже приглашен туда со своей супругой. Тогда поступаем таким образом: ты должен заказать на тот день посольскую машину. На ней вы заедете за моей женой, а затем уже и за мной. Договорились?

— Так точно!

— Ну вот и хорошо.

Четверг, 16 ноября, резиденция американской миссии

Ночью Тренту — такой оперативный псевдоним был присвоен в ГРУ Полякову еще в 1951 году в его первую командировку в США — приснился тревожный сон: будто стоит он перед почтенным старцем около высокой белокаменной церкви, а чуть поодаль улыбался ему лохматый сатана и, подмигивая, манил пальцем к себе. Старец, словно зная его намерения, просил раскрыть их, а сатана в это время отрицательно мотал головой. И тут на него такая оторопь нашла, что он не знал, что сказать в ответ. И тогда старец угрюмо изрек: «Ты живешь непутевой жизнью и при здравом уме своем поступаешь как безумец. Ты получил от Бога сердце, способное наслаждаться чувствами всего истинного, доброго и светлого, а теперь ты убиваешь в себе эти чувства. Ты носишь в себе тяжесть бесовщины и так уже привык к ней, что не замечаешь ее. И даже сам увеличиваешь ее, потому что сатана, оспаривая тебя у Господа Бога, удесятеряет эту тяжесть и гонит тебя к нему. Вини во всем самого себя, потому что дьявол нашел в тебе что-то такое, к чему можно было пристать. Гони вон его из души, иначе сокрытое зло никогда не замрет в тебе, и от этого будет тебе тесно на Земле и в мире Божьем». В этот момент он очнулся и только тогда понял, что все это привиделось ему во сне…[4]

После сна щемящее чувство тревоги не покидало Полякова весь день. Сон мешал ему собраться с мыслями и на другой день. Придя на работу, он начал просматривать поступившую с утра служебную почту. Но на ум ничего не шло. Отодвинув в сторону лежавшие перед ним документы, он вышел из-за стола и с понурым видом направился к окну. Откинув занавеску, прижался лицом к стеклу и стал смотреть вниз на проходящих мимо людей. Будто привлекаемые какой-то неведомою силой, они поднимали головы и смотрели на его окно — одни, как ему казалось, укоризненным, другие — беглым уничтожающим взглядом. Некоторые, увидев его в окне, словно приходили в замешательство и ускоряли шаги, поправляя на ходу галстук или шляпу. В голове Полякова внезапно возникла успокоительная мысль: вероятно, его душевное состояние через чувство зрения передавалось другим людям и потому они устремляли на него свой неприязненный взгляд.

Отвернувшись от окна, Поляков подошел к зеркалу, закрепленному на дверце шкафа. Посмотрев на себя, он удивился:

на массивной квадратной голове с короткой шеей образовались большие залысины, на высоком лбу появились глубокие морщины. «По-разному, наверно, смотрят на мою физиономию люди, — подумал он. — Одни с уважением, а другие с недоверием или даже с ненавистью…» Самому ему это лицо ничего не говорило, оно было безразлично ко всему…

В этот момент раздался телефонный звонок.

— Дмитрий Федорович, — раздался в трубке знакомый голос подполковника Сенькина. — Мы ждем тебя в машине…

— Кто мы? — не дал ему договорить Поляков.

— Моя и твоя супруги. Забыл, что ли, что нас ждут в восемнадцать тридцать в апартаментах генерала О'Нейли?

— Да-да, Анатоль Борисович, в суматохе дня я совсем забыл об этом, — слукавил Поляков, хотя с самого утра ждал этого часа.

— Не забудь взять зонтик, Дмитрий Федорович, а то дождь идет.

— Я, как и многие американцы, всегда ношу его с собой. Хотя ты не хуже меня знаешь, что если в Нью-Йорке наклевывается дождик, то поднимается такой сильный ветер, что никакой зонтик уже не нужен, потому что его невозможно раскрыть… Хорошо, я выхожу.

На прием в американскую миссию советские офицеры с женами прибыли к точно назначенному времени. Кроме О'Нейли и его супруги, в офисе находились полковник Фейхи с супругой и еще трое атлетически сложенных незнакомых мужчин, одетых в смокинги с черными «бабочками». Не представляя их, О'Нейли сообщил, что это его знакомые, занимающиеся изучением русского языка, а приглашены они для того, чтобы попрактиковаться в разговорной речи с русскими офицерами. Сенькин и Поляков сразу поняли, кто они и что присутствие их далеко не случайное. Естественно, это стало настораживать и тяготить советских разведчиков, и поэтому за трапезой они старались меньше пить и говорить.

Беседа началась с осуждения американцами ввода советских войск в Венгрию для подавления мятежа антиправительственных сил, затем перешли к обсуждению вопроса об ухудшении советско-китайских отношений и о развертывании американских баллистических ракет, нацеленных на СССР. При этом незнакомцы в смокингах не обмолвились ни одним русским словом, говорили между собой только по-английски.

Прием в американской миссии длился около двух часов. По его окончании первыми вышли на улицу супруги Сенькины и жена Полякова, а сам он был остановлен на пороге офиса одним из незнакомцев, назвавшимся Джоном Муром, который

полушепотом опять же по-английски спросил:

— Почему вы, мистер Поляков, изменили свое решение сообщить генералу О'Нейли что-то очень важное?

Поляков вздрогнул, но не растерялся:

— Это было вызвано неуверенностью в моей личной безопасности.

— Я гарантирую ее вам, если вы согласны встретиться со мной на пересечении Шестой авеню с Шестидесятой стрит через полтора часа.

— О'кей, — ответил шепотом Поляков и как ошпаренный выскочил из офиса, прекрасно понимая, что даже небольшая задержка наедине с американцами вызовет подозрение у Сенькина.

Так оно и получилось. Анатолий Борисович заметил его душевное смятение и не удержался, чтобы не спросить:

— Ты чего такой всполошенный?

Невероятным усилием воли Поляков сохранил внешнюю невозмутимость и, не растерявшись, ответил:

— Они пытались втянуть меня в дискуссию о бывшем министре иностранных дел Молотове и о несправедливости понижения его в должности. Я отказался от обсуждения этого вопроса, сказал, что вы ждете меня на улице, на дожде и, извинившись, убежал от них…

По прибытии в гостиницу «Троцкий» — такая вывеска была над входом в холл, хотя на самом деле отель имел другое название — «Камерун», Поляков предупредил супругу, что вынужден на некоторое время уйти из дома по служебным делам. Нина Петровна Киселева — она оставила после замужества девичью фамилию — отнеслась к его предупреждению с пониманием. За шесть лет совместного проживания в Нью-Йорке она знала, что частые вечерние отлучки мужа из гостиницы были связаны с проведением операций по связи с агентами.

Встреча с Джоном состоялась в назначенном месте в половине одиннадцатого вечера. Увидев Полякова, Мори улыбнулся: он был доволен, что советский разведчик сдержал свое слово и явился на их первую конспиративную встречу. Поскольку дождь еще продолжался, Джон предложил Полякову сесть в машину, и только тогда они отъехали на несколько миль, а затем припарковались в каком-то глухом темном переулке. Американец не стал скрывать свою принадлежность к спецслужбам США, но при этом не конкретизировал, к какой именно службе он имеет отношение. Лишь по характеру профессионально задаваемых в лоб вопросов, а именно кем является Поляков — «чистым» дипломатом или разведчиком и

почему он искал контакт с генералом О'Нейли, а не с представителем ФБР, — Поляков понял, что Джон — фэбээровец, и это обрадовало его. Не испытывая угрызений совести, он точно так же, как и Джон, сообщил всю правду о себе: «Я — военный разведчик, полковник, заместитель резидента по нелегальной работе в США».

Седовласый Джон Мори впервые в практике своей работы столкнулся с таким податливым русским, который легко шел на контакт и этой своей легкостью вызвал даже отторжение и подозрение: «А не подстава ли он?» И Мори, решившись сразу поставить все точки над «и», дал понять об этом русскому полковнику:

— Скажите честно, вас внедряют к нам? И так же честно ответьте на другой вопрос: вы крепко стоите за советскую власть?

Трент-Поляков улыбнулся и шутливо обронил:

— Вообще-то, конечно, лучше крепко стоять, чем сидеть за нее.

Джон правильно понял его и, блеснув белыми зубами в веселой улыбке, опять спросил:

— В таком случае ответьте и на третий вопрос: почему в первую свою командировку в США вы не искали контакта с нами?

Тут Трент немного растерялся, невольно возникла пауза, потом он сказал:

— Если честно, тогда у меня были опасения быть засвеченным вами. Эти опасения остаются у меня и сейчас.

— А вот этого я не могу понять: почему возникают у вас такие опасения? — удивился Джон.

— Да потому, что неумело работает ваша контрразведка! При ведении наружного наблюдения за интересующими ФБР советскими гражданами ваши «топтуны» постоянно проявляют в работе недопустимую небрежность. Выражается она в том, что в радиопереговорах при передвижении по улице или в поездках по загородным трассам они называют фамилии контролируемых вами объектов наблюдения. Вы, очевидно, не знаете, что наша контрразведка на вашей же территории успешно осуществляет перехват радиопереговоров американских филеров. И вообще посольская резидентура КГБ круглосуточно контролирует эфир в Нью-Йорке. Отсюда и идут мои опасения…

Сообщение Полякова подействовало на Джона Мори ошеломляюще. Вздрогнув, он сделал большие глаза — это был для него неприятный сюрприз.

— Любое упоминание обо мне в радиоперехватах, — продолжал Трент, — может стать причиной засветки меня перед советской контрразведкой. Именно это обстоятельство и

удерживало меня в те годы от установления контакта с вами.

— О'кей, мистер Поляков. С этого дня я готов выполнять функции громоотвода в те моменты, когда молния может ударить в вас. Заверяю, что впредь ваша фамилия не будет фигурировать ни в радиопереговорах, ни в наших сводках, ни в других оперативных документах… Вы будете проходить у нас под другим именем или номером.

Трент кивнул и, одарив его довольной улыбкой, сказал:

— Хорошо. Что от меня требуется?

— На первых порах не очень многое. Если хотите, чтобы мы поверили вам с первой встречи, то, пожалуйста, назовите имена шифровальщиков, которые работают под крышей вашего представительства при ООН, а также и в посольстве СССР в Вашингтоне. Если не сможете назвать сейчас, то подготовьте список их к следующей встрече.

— Я назову их вам прямо сейчас, — торопливо ответил Трент. — Но только тех, кого знаю точно.

И он назвал Мори шесть фамилий советских шифровальщиков, работавших в загранпредставительствах, аккредитованных в США. Записав их в своем блокнотике, Джон неожиданно спросил пренебрежительным тоном:

— У вас есть ко мне вопросы?

Трент уставился на американца недоуменным взглядом, подумав о том, что, наверное, как он и предполагал, на этом их контакт заканчивается: «Да ему что? Он получил нужную информацию, и аля-улю, ничего больше ему не надо. Потому и не назначает следующую встречу». Испугавшись своего же предположения, он поспешил заверить Мори:

— Поверьте, мистер Джон, я, как резидент нелегальной разведки, буду вам очень полезен и в будущем. Вы только не провалите меня.

— Это не в наших интересах, мистер Поляков, — спокойно ответил ему Мори. Поняв, что долгой возни с вербовкой русского полковника не будет, он доверительным тоном добавил: — Если я правильно понял, то вы по своей доброй воле готовы с нами сотрудничать?

Вздохнув облегченно, Поляков ответил кивком, а потом сказал:

— Да, это так. И потому я хочу еще раз заверить, что готов идти с вами до конца, чем бы это ни грозило мне.

Такая навязчивость настораживала Джона Мори, но он, делая вид, что обрадован его твердым заявлением, прищелкнув пальцами, ободряюще улыбнулся и воскликнул:

— О'кей! А почему вы по своей инициативе идете на

сотрудничество с нами, мы поговорим в следующий раз — ровно через десять дней в десять часов утра на девятом этаже вашей гостиницы. Вас устраивает это место?

Поляков замешкался: он жил со своей семьей и семьями других разведчиков на шестом этаже и, естественно, опасался вызвать подозрения возможной случайной встречей его и Мори с кем-либо из знакомых постояльцев. Это во-первых. А во-вторых, нарушался принцип конспиративности. И потому он был в душе не согласен с таким его предложением. Но торг в его ситуации был неуместен. Поэтому, опасаясь вызвать отрицательные эмоции у Джона с первой же встречи, он решительно ответил:

— Да!

— Тогда позвольте, я подвезу вас? — предложил Джон Мори.

— Нет, спасибо. Я доберусь общественным транспортом. Так будет безопаснее…

Когда Поляков вышел из машины, то у него возникло ощущение, что за ним кто-то наблюдает. Заподозрив это, он, как опытный разведчик, решился на небольшой эксперимент: перешел на другую сторону переулка, несколько раз проверился и, не обнаружив ничего подозрительного, поспешил к остановке такси. Перед тем как сесть в машину, оглянулся: в столь позднее время на улице никого не было. Поняв, что стали сдавать нервы, он заставил себя немного успокоиться…

Вторник, 21 ноября, Нью-Йорк

После встречи с Джоном Мори настроение у Полякова было хуже некуда, он постоянно ощущал безысходность своего положения и опасную зыбкость под ногами. Понимая, что совершил предательство и зашел слишком далеко, что теперь уже не выбраться из капкана, в который добровольно загнал сам себя, он все чаще стал уединяться в своем кабинете. Ему казалось, что он отрешен от разведывательной деятельности и что движется по какой-то никого не интересующей, бесполезной орбите. Голос разума подсказывал, что он совершил непоправимую ошибку, которой нет оправдания. Он и сам до конца еще не осознавал, что толкнуло его к такому подлому поступку. «Ведь ничто не угрожало моему существованию и благополучию. И здесь, и в Москве. Что же со мной происходит? Я ли это?» — не раз спрашивал себя Поляков.

Зыбкость его положения усиливалась еще и недоверием, которое, как ему казалось, проявляет Джон. «Надо же такому быть: я выдал ему имена шестерых шифровальщиков, а он все еще смотрит на меня с недоверием и подозрением, — возмущался Поляков. — Ничего не понимаю! То ли он завербовал меня, то ли это была ознакомительная беседа? Возможно, после того как они убедятся, что я назвал подлинные фамилии, они оценят это и займутся мною более серьезно».

В дополнение к этим мыслям его продолжал мучить и такой вопрос: «Неужели Джон в самом деле подозревает, что я — подстава КГБ?» Отгоняя эту неотвязную, угнетающую его мысль, он начал опасаться, что контрразведка ПГУ может засечь его контакты на последующих операциях по связи с Джоном Мори. Чтобы погасить такие опасения, Поляков начал злоупотреблять спиртным. Это не осталось без внимания его жены. Она стала все чаще замечать, что муж в последнее время сам не свой, стал часто пить, ведет себя замкнуто, разговаривает с нею нехотя и скупо, словно боясь сболтнуть лишнее. Было видно, что он скрывает что-то. Она сообщила об этом его коллегам, проживавшим в том же отеле, однако никто из них не придал этому значения.

По прошествии еще некоторого времени она не выдержала и спросила у него:

— Что с тобой происходит, Дима? Почему ты такой скованный стал? Может, у тебя что-то случилось? Или ты заболел?

— Ничего у меня не случилось! И не задавай мне больше глупых вопросов! Помалкивай, а не то нам всем плохо будет! —

огрызнулся он, досадуя больше на себя за то, что его переживания заметила жена.

Не понравились Нине Петровне его объяснения.

— Это почему же нам плохо будет?

Он понял, что сказал не то, что нужно, и тут же начал оправдываться:

— Ну что ты изводишь меня своими ненужными вопросами? Ты же видишь, что отвечать мне нечем. Если бы даже и знал, что отвечать, то все равно бы промолчал.

— Это что же за такая запретная тема? — возмутилась она.

— Да нет, тема не запретная.

— Тогда в чем же дело?

— Дело в том, что есть такой закон: что бы ты ни сказал вслух, завтра же об этом будут знать все, даже кого это не касается и кого следует опасаться.

И тут она разозлилась, махнула рукой.

— Ну хватит мозги мне пудрить! Неужели ты не замечаешь, что я перестаю понимать тебя?

— А чего тут непонятного! — хмыкнул он. — Вот когда под зад коленом дадут мне, тогда ты поймешь, как жить дальше без меня.

Лицо жены мгновенно помрачнело. И тут он спохватился, сообразив, что сказал опять не то, что нужно. Явно недовольный, что не смог скрыть своего состояния перед супругой, что сболтнул лишнее, он стал успокаивать себя: «Все решения уже приняты, повлиять уже ни на что нельзя и волноваться теперь нечего. Да и не тот сегодня день, чтобы опасаться разоблачения. Тот день еще не скоро придет и от него мне никуда уже не деться. Уж он-то все расставит на свои места. Вот его и надо бояться! А сегодняшний, завтрашний и все последующие дни, недели, месяцы, а может быть, и годы — это время пока для приятных бесед, увеселений и благ. И все-таки Нину надо успокоить и объяснить ей, почему я такой нервный стал…»

Эти успокоительные мысли пронеслись в его голове в одно мгновение, и он сказал жене, которая продолжала стоять и напряженно смотреть на него, что его беспокоят последнее время служебные дела.

— Бегаю с утра до вечера, как Бобик, пытаюсь делать все хорошо, а нашему начальству никак не угодишь: все не то, все не так.

— Ну, уж если тобой, трудягой, недовольны, то кто же тогда пользуется расположением у твоих шефов?

И она обиженно удалилась в другую комнату, а он, уединившись в своей, выпил снова фужер виски. Однако алкоголь

не дал спасительного состояния — забыть, отрешиться, успокоиться, — и он опять погрузился в неприятные размышления о своей дальнейшей судьбе. Все существо его продолжала разрывать борьба мотивов. Закрадывалась мысль отказаться от сотрудничества с ФБР и тем самым предотвратить непредсказуемые последствия за измену Родине. При одной этой мысли его начинал трясти нервный озноб. «Что же делать? Как поступить в этой ситуации?.. Чтобы этот вопрос больше не мучил меня, надо ответить прямо и честно самому себе на вопрос: с кем я, с ними или против них? Но в случае отказа от продолжения сотрудничества фэбээровцы смешают меня с дерьмом или просто ликвидируют без всякой огласки. Но это еще полбеды, может получиться и гораздо хуже, если ФБР передаст досье на меня в советское посольство. Нет, как ни крути, а назад пути нет!»

И он твердо решил: «С ФБР и ЦРУ надо сотрудничать. Главное, надо продать себя как можно дороже. А опасности провала мне не стоит бояться. Не так-то просто будет расколоть меня — профессионала, знающего методы работы КГБ и их технические возможности. В конце концов, кто не рискует, тот не пьет шампанского…» И Поляков опять налил себе виски и осушил фужер до дна.

Потом подошел к окну и начал по привычке смотреть вниз с шестого этажа отеля. У черного лимузина стояла группа улыбавшихся молодых американцев с букетами ярких цветов. Это вызвало у него чувство зависти к веселым и беззаботным ребятам, которым не нужно было думать о том, что будет с ними завтра. «Они и завтра, и послезавтра будут жить так же весело и безмятежно, как сегодня. А что будет со мной?» — задумался опять Поляков. В памяти его невольно всплыли воспоминания о прожитых годах — путаные и неприятные. Трудное детство и юношество в Старобельске Луганской области, жестокие бои в Великую Отечественную войну и полное разочарование в советской действительности после смерти Сталина. Особенно при захватившем власть Никите Хрущеве. Его маразматические лозунги «о коммунизме не за горами», неспособность отвечать на вызовы быстро меняющейся ситуации в стране и мире, авторитаризм в решении внешнеполитических и внутриэкономических проблем и разрушили идеологические устои Полякова, толкнув его в стан противника[5]. Подорвало его веру в руководящую верхушку партии и навязанное Хрущевым осуждение культа личности Сталина, разоблачение антипартийной группировки во главе с Молотовым, а также снятие с должности и увольнение из Вооруженных Сил министра обороны СССР маршала Георгия Жукова.

Воскресенье, 26 ноября, штаб-квартира ФБР

Перед тем как провести вторую встречу с советским полковником Поляковым начальник отдела ФБР Джеймс Нолан пригласил к себе Джона Мори и Дэвида Мэнли для обсуждения тактики ведения беседы с объектом их заинтересованности. Нолан сообщил им, что в целях зашифровки полковнику Полякову, как дипломату, присваивается оперативный псевдоним Топхэт[6].

— В документах и личных беседах он будет с сегодняшнего дня фигурировать под этой кличкой, — предупредил Нолан. — А теперь о двух досье на Топхэта. Одно велось со дня его приезда в первую командировку в США с тысяча девятьсот пятьдесят первого года по пятьдесят шестой, другое — с пятьдесят девятого по сей день. Ознакомившись с этими двумя досье, я не могу понять: что заставило советского полковника, заместителя резидента ГРУ пойти на добровольное услужение своему главному противнику? Поэтому я ставлю перед вами задачу — попытаться разговорить Топхэта и выяснить, что же побудило его встать на нашу сторону. С выяснения именно этого вопроса, — начальник отдела смотрел на Мэнли, — вы и должны начать с ним беседу… — Видя недоуменный взгляд Дэвида, Нолан сделал паузу и, глядя на него, вежливо спросил: — Тебя, очевидно, удивляет, почему я обращаюсь в том числе и к тебе? Дэвид кивнул и негромко обронил:

— Да, меня это удивляет. Почему вдвоем надо ехать из Вашингтона в Нью-Йорк на проведение беседы? Вы считаете, что Джон не справится один?

Нолан улыбнулся и полушутя сказал:

— Твое присутствие, Дэвид, необходимо для того, чтобы Топхэт в беседе один на один не перевербовал уважаемого нами Джона на свою сторону. А если говорить серьезно, то мне, как, наверное, и вам, не хотелось бы попасть под пресс Тощего Джима[7]. Вы же хорошо знаете, что мистер Энглтон смотрит на вербуемых нами русских, особенно из числа перебежчиков, как на реальных «кротов»[8]. А главное, потом невозможно доказать обратное, поскольку его поддерживает сам Аллен Даллес[9]. Он дал Тощему Джиму полную власть в манипулировании всеми контрразведывательными операциями. Поэтому, чтобы не попасть впросак и не быть нам троим уволенными, надо убедиться: не подстава ли он? К тому же мне важно иметь и твое, мистер

Мэнли, мнение о Топхэте. В плане его откровенности с нами.

Дэвид усмехнулся.

— Неужели после того, как он выдал нам шестерых шифровальщиков, у вас все еще остаются какие-то сомнения и опасения?

Нолан заскрежетал зубами. Слова Дэвида Мэнли задели в нем что-то глубинное.

— Да, они у меня остаются. И вот почему… — Побагровевший начальник отдела осекся, молча взял со стола одну из папок, полистал ее, затем положил на прежнее место и сказал: — Все дело в том, что Топхэт может действительно являться подставой. Мои подозрения основываются на следующих фактах из его досье…

И Нолан начал рассказывать о содержимом первой папки, датированной 1951–1956 годами, в частности о том, что в те годы у Топхэта родился сын, который через три месяца заболел серьезной, трудноизлечимой болезнью. Спасти ребенка могла тогда только сложная операция. Но денег на ее проведение у Топхэта не хватило, и он вынужден был обратиться за материальной помощью к своему резиденту генералу Склярову. Тот, естественно, запросил Центр о выделении 400 долларов на лечение сына. Однако руководство ГРУ Генштаба отказало ему в этой просьбе…

— Он что, сам рассказывал вам лично десять лет назад? — поддел и без того рассерженного Нолана его подчиненный Мэнли.

— Мы узнали об этом через своих людей в Военно-штабном комитете и через них же предложили прооперировать сына Топхэта в нью-йоркской клинике, но при условии, если он согласится оказать Америке некоторые услуги. Но он не пошел на это. Сын же без надлежащего оперативного лечения вскоре умер. Через два года, когда родился второй сын, к Топхэту на официальных приемах не раз подходили под разными предлогами наши сотрудники и намекали ему о том, что поскольку сын родился в Америке, то он и его семья могут на законном основании получить американское гражданство. Однако Топхэт категорически отверг тогда наши предложения. Для сковывания его разведывательной деятельности мы за ним установили плотное наружное наблюдение и создали ему невыносимые условия для работы. Подключилась к этому и полиция. Его машину останавливали на улицах Нью-Йорка и требовали документы для проверки, а на стоянке у представительства СССР на 680 Парк-авеню стали наклеивать на стекла машины квитанции о штрафе за якобы неправильную

парковку.

Нервы у Топхэта в конце концов не выдержали, — продолжал Нолан, — и незадолго до окончания срока своей командировки он обратился к офицеру службы безопасности при Военно-штабном комитете подполковнику Гинзбургу с просьбой оградить его от неправомерных действий копов. Посоветовавшись с мистером Гувером, мы дали добро на прекращение таких незаконных акций. Все, что я сообщил вам сейчас, свидетельствует о том, что Поляков в те годы не шел ни на какие контакты с нами. А теперь вдруг сам напрашивается на сотрудничество, заверяя, что готов идти с нами до конца…

Нолан долго молча смотрел на задумавшихся Мори и Мэнли, потом, откинувшись на спинку кресла, спросил:

— Но неужели и после всего этого, что я сейчас сообщил, у вас не возникает подозрений в том, что Топхэт — скорее всего, подстава советской разведки? Смотрите, что получается: в первой командировке он был недоступен для нас, не шел ни на какие контакты. Потом уехал в Москву, поработал там три года и вернулся к нам уже в качестве резидента нелегальной разведки. Два года он никак не проявлял себя, мы, со своей стороны, тоже не выказывали своего интереса к нему. А теперь, когда до окончания его второй командировки осталось полгода, он, видя, что мы не обращаем на него внимания, начал сам искать подходы к нам. Меня больше всего удивляет и то обстоятельство, что человек, прошедший войну с Германией, награжденный двумя боевыми орденами, идет добровольно на прямое сотрудничество с нами. Я могу еще как-то понять, когда кто-то из советских граждан изменяет Родине ради денег. Что касается Топхэта, то для оправдания его поступка я не вижу достаточных и убедительных причин. А посему нам нужна сейчас полная гарантия того, что он, возвратившись в Москву, не доложит своему начальству об успешном внедрении в ФБР. Поэтому, повторяю, нам надо выяснить, что могло стать побудительным мотивом его перехода на нашу сторону. Другой задачей вашей беседы должно стать раскрытие с его помощью состава резидентур ГРУ и КГБ в Нью-Йорке и Вашингтоне. И, если он раскроет это, то у нас появится возможность руками Топхэта сводить на нет все усилия самой опасной для США советской разведки. Если Топхэт назовет вам хотя бы несколько человек, то шансы на доверие к нему у нас увеличатся. Можете так и сказать ему.

Терпеливо выслушав монолог Нолана, первым опять откликнулся Дэвид Мэнли:

— Я полагаю, что нам нужно взять с собой подслушивающее

устройство и установить его под крышкой стола. А то, чего доброго, вы, как и мистер Энглтон, не поверите потом нашему докладу о результатах беседы.

— Не надо ехидничать, Дэвид, — живо откликнулся Нолан. — Да, Энглтон отличается крайней подозрительностью к русским и категорически не верит перебежчикам из СССР. Возможно, он и прав, считая их всех подставой. Как прав он и в том, что предавший один раз — предаст еще много раз. А что касается установки слухового контроля, то я поддерживаю твое предложение. Запись беседы мы доложим потом Гуверу. — Нолан посмотрел на часы, потер щеки ладонями и громко воскликнул: — Все, господа, получайте спецтехнику и поезжайте на решающую встречу с Топхэтом.

Воскресенье, 26 ноября, отель «Камерун»

Мэнли и Мори приехали в отель заблаговременно, чтобы до прихода Топхэта установить под крышкой стола подслушивающее устройство. Сделав дело, седовласый Мори отошел к окну и стал выстукивать по стеклу костяшками пальцев случайно припомнившийся ему мотив. Когда минутная стрелка часов перескочила за десять часов, Дэвид Мэнли запаниковал:

— Так где же наш подопечный, мистер Мори? Может быть, он перепутал этаж?

В этот момент дверь приоткрылась и в номер заглянул Поляков. Раскрыв дверь пошире, он обратился к стоявшему у окна Мори:

— Можно к вам, мистер Джон?

Мори быстро повернулся, сердитое выражение его лица мгновенно преобразилось в приветливо-радушное. Подойдя к Топхэту-Полякову, он пожал ему руку и вежливо произнес:

— Проходите, пожалуйста, к столу и присаживайтесь на любое место.

— Благодарю вас.

Заметив робкий, вопросительный взгляд Топхэта, направленный на сидевшего в большом мягком кресле незнакомца, Мори пояснил:

— Не беспокойтесь, это мой коллега Дэвид… Прошу вас, Дэвид, тоже присаживаться к столу.

Мэнли поднялся из кресла и сел напротив Полякова. Положив руку на плечо Топхэту, Джон с доверчивыми нотками в голосе спросил:

— Ваши часы показывают правильное время? Поляков посмотрел на стрелки своих золотых и, догадавшись, почему был задан вопрос, спокойно ответил:

— Вы, я вижу, недовольны моим опозданием. Извините, но я пришел в отель без десяти десять и ждал вас, как условились, в холле. Но не дождался и вот решил подняться на девятый этаж, чтобы проверить себя: может, я неправильно понял место нашей встречи.

— А мы приехали на полчаса раньше и, чтобы не рисоваться в холле, решили ожидать вас в номере отеля.

— Вы правильно поступили, — похвалил американцев Топхэт. — Я ведь живу в этом отеле, и не только я, но и некоторые мои сослуживцы. И не дай бог, если бы они увидели нас вместе в холле. Это хорошо, что многие из них ушли уже на работу.

В этот момент Мэнли громко кашлянул, давая понять, что пора приступать к деловому разговору.

Джон Мори отреагировал незамедлительно:

— А сейчас, мистер Поляков, ответьте, пожалуйста, на первый наш вопрос: почему вы инициативно пошли на контакт с нами? Кто внедряет вас к нам?

Поляков сначала опешил, потом покачал головой и неожиданно для самого себя обронил:

— Я отвечу на ваш вопрос, но вначале тоже хочу спросить: вы что… не доверяете мне?

— Да ну что вы? — сделав вид, что обиделся, промолвил Дэвид и уставился на своего коллегу Джона тяжелым, свинцовым взглядом.

Топхэт побагровел, внутренне напрягся и после небольшой паузы решил обоих поставить на место:

— А стоит ли мне отвечать на ваш бестактный и унизительный вопрос?

Мэнли и Мори переглянулись.

— Пожалуйста, не обижайтесь, колонель[10] Поляков. Это очень важно для нас, — примирительно ответил Джон Мори.

— Хорошо, я отвечу, только не перебивайте меня…

— Но если будут одни разглагольствования, которыми обычно кормят нас перебежчики из России, то нам придется прерывать вас, — огрызнулся опять Мэнли.

Поляков был глубоко задет этим предупреждением и с достоинством ответил:

— Извините, но я для вас не перебежчик! И никогда не буду им!

— Ну хорошо, хорошо. Излагайте свои доводы, — смягчился Дэвид.

Поляков несколько секунд молчал, как бы собираясь с мыслями, потом многозначительно посмотрел на притихших американцев и, скептически приподняв бровь, спокойно начал отвечать:

— Коли вы придаете большое значение побудительным мотивам установления моего контакта с вами, то скажу вам честно: я противник проповедуемых в нашей стране разного рода «измов» — большевизма, социализма, коммунизма. Поверьте мне, все это — чушь и вранье. Разочаровался я во всех этих «измах», от которых скоро взвоет весь мир. А еще я не могу оставаться безразличным к тому, что делает с моей страной Никита Хрущев и вся его камарилья. Подыгрывают им и наша пресса, и радио, и телевидение. Они, кстати, тоже заражают советский народ бредовой идеей построения коммунизма в отдельно взятой

стране. Мы, русские, стали какими-то странными, мы почему-то всему верим: и в строительство провозглашенного Хрущевым красного рая, и в спасительницу-кукурузу, и в приближение коммунизма. А на самом деле Хрущ уже довел страну до ручки. Это же надо: он недавно распорядился добавлять в производство хлеба пятьдесят процентов отрубей, а в изготовление так называемой «народной» колбасы — тридцать три процента сои. Он же инициировал осуждение культа личности Сталина, хотя товарищ Сталин, в отличие от него, действительно думал о народе. Судите сами, не успел Советский Союз восстановиться после окончания войны, а уже через год начал снижать цены на продовольственные и промышленные товары. И делалось это каждый год до самой его кончины. И потому советские люди шли за ним, верили ему и оплакивали его смерть… — Подумав немного, Топхэт заключил: — Поскольку вы, американцы, преследуете ту же цель, что и я, — уберечь мир от коммунизма, то мне теперь с вами по пути, — с нажимом произнес он последние три слова.

Дэвид Мэнли, прищурив глаза, подозрительно посмотрел на него, потом недоверчиво спросил:

— А почему вы, мистер Поляков, считаете, что несогласие с образом действий Хрущева[11] и его камарильи, как вы выразились, может являться индульгенцией на оправдание вашего перехода на нашу сторону? Что ж вы у себя в Москве не боролись с его перекосами и перегибами во внутренней и внешней политике?

Услышав это, Поляков даже привстал, хотел что-то сказать, но в горле у него застрял ком. С трудом преодолев возникший спазм, он откашлялся и, вконец сбитый с толку, замешкался. Заметив это, американцы подмигнули друг другу и стали ждать ответа. Возникла долгая пауза. Неугомонный Дэвид решил нарушить ее:

— Вы, мистер Поляков, хорошо знаете: если наш президент или его администрация начинает что-то делать неправильно, то американцы, используя свои права, открыто заявляют протест. Он может выражаться в разных формах: в направлении письма президенту, во вступлении в какую-нибудь протестную организацию, чтобы бороться вместе с ней за перемены в нашей стране. Почему же ваши советские люди не прибегают к подобным действиям?

Поляков ухмыльнулся и горько ответил:

— У нас, в России, к сожалению, нет таких возможностей. Протестные организации, митинги и забастовки в Советском Союзе запрещены. Направлять же письма Первому секретарю ЦК

или руководителю правительства с требованием каких-либо перемен — бесполезное и опасное дел. Это значит подписать самому себе приговор на увольнение с работы, или, скорее всего, подобное письмо отправит человека на скамью подсудимых за клевету на партию и родное правительство.

Сделав паузу, он тяжело вздохнул и сказал: — Я повторяю, что изменения в моих взглядах произошли под воздействием причин политического и идеологического характера. Одну из них я уже называл — это неверие во всевозможные «измы» с цветастыми декорациями, а также в лживо пропагандируемое превосходство советского строя над капиталистическим. Вторая причина — полное неверие в политику мирного сосуществования, которая провозглашена Советским Союзом лишь для того, чтобы усыпить бдительность США. Об этом я расскажу несколько позже. О третьей причине я тоже уже говорил — это неверие в справедливость социалистического общества из-за таких вот руководителей страны, как Хрущев. До сего времени не могу понять: как можно было выдвигать на высокие руководящие должности в партии и государстве таких вот авантюристов? Ответов на подобные вопросы у себя в стране я не находил. Поэтому, оказавшись в Нью-Йорке во второй командировке, я решил обратиться к американским коллегам, работающим, как и я, в Военно-штабном комитете ООН, а через них выйти на вас. В-четвертых, я пошел на контакт с вами потому, что вся социалистическая система насквозь прогнила, что жизнь в СССР лицемерна и лжива. Между прочим, все мы сейчас живем по лжи. Теоретические посылы ведущей и направляющей коммунистической партии далеко не соответствуют практическим ее делам. Внешняя политика России стала более агрессивной и более циничной, чем американская. В нашей стране все держится на секретности. Безумие советских военных планов постоянно скрывается от народа с помощью все той секретности. Как человек, занимавшийся вопросами оценки и сопоставления ядерных потенциалов СССР и США, свидетельствую вам, что Америка отстает как в ударной силе атомного оружия, так и в средствах его доставки. Есть преимущество Советского Союза и в поражении территорий стран — сателлитов США по НАТО. Вот скажите мне, как после этого можно говорить о борьбе за мир, за разоружение, если наши страны планируют под грифом «совершенно секретно» ужасные войны?! Поэтому я считаю, что мы должны что-то делать для спасения человечества. И делать это надо уже сегодня и сейчас. Если же мы будем терять время — значит, можно потерять все…

— Послушайте, мистер Поляков, а лично вы-то что-нибудь

успели сделать, чтобы сохранить это человечество? — опять прервал его Мэнли.

Топхэт бросил на него взгляд, полный презрения.

— Да, кое-что я успел сделать, — ответил он. — На официальных приемах и в личных встречах я всегда внушал своим американским коллегам из Военно-штабного комитета недоверие к концепции мирного сосуществования двух систем на принципах, проповедуемых Хрущевым. Я внушал им мысль о том, что при сегодняшнем накоплении ядерных средств мирное сосуществование призрачно, а глобальный конфликт вполне вероятен. Такой вывод напрашивается и из заявления самого Хрущева после его визита в вашу страну два или три года назад. Вы же, наверно, помните, что он сказал тогда?

— Что? — подхватил долго молчавший Джон Мори.

— Он заявил тогда, что Советский Союз скоро похоронит американский империализм. Я считаю, что большая ошибка Хрущева заключается и в том, что он продолжает недооценивать США как военную силу. А неспособность Америки победно завершить военные действия в Корее и хоть как-то прореагировать на события в Венгрии он рассматривает как военно-политическую слабость вашей страны. Исходя из этого, я готов вместе с вами делать все возможное и невозможное, чтобы обуздать такого несдержанного политика, как Хрущев, и чтобы «холодная война» не перешла в «горячую». Поэтому я считаю, что не использовать меня в этих целях было бы с вашей стороны большой ошибкой…

Американцы, весьма довольные такими его рассуждениями, улыбчиво подмигнули друг другу. Топхэт заметил это и, облегченно вздохнув, решил и дальше гнуть свою линию, чтобы окончательно убедить их в том, что он будет полезен для США:

— Побудительным мотивом, толкнувшим меня к сотрудничеству с вами, является не только несогласие с руководством моей страны, но и обида за недооценку моей личности, как разведчика. Более шести лет я не продвигался по служебной лестнице. Внеочередные звания и руководящие должности получали в основном «позвоночники» из ЦК и Совмина. Так было раньше, и так, наверно, будет всегда. Находясь в Москве в отпуске, я убедился, что наша страна живет не по законам общественного развития, а по партийным установкам из ЦК. И поэтому будущее не сулит советскому народу ничего хорошего. Другое дело — Америка! Свобода и демократия, которые начертаны на рекламных щитах Нью-Йорка и на знаменах вашего образа жизни, мне более близки и понятны, чем лозунги КПСС и бродячего призрака коммунизма.

Посчитав, что в полной мере убедил американцев в причинах своего перехода на их сторону, Топхэт с пафосом спросил:

— Так как, господа, теперь-то вы согласны на сотрудничество со мной?

Дэвид Мэнли демонстративно расхохотался и, взглянув на Джона Мори, воскликнул:

— Получается, что не мы, а он вербует нас! Мистер Нолан не зря предостерегал нас.

Джону эта реплика не понравилась, он наморщил лоб и поспешил остудить восторг своего коллеги:

— Не обращайте внимания на его слова мистер Поляков, мистер Мэнли шутит. И поверьте мне, мы очень ценим вас за то, что вы разделяете нашу борьбу с вашими «измами». Мы тоже, как и вы, считаем, что большевизм и коммунизм стали первопричиной всех бед в жизни народов социалистических стран. А чтобы доказать, что мы действительно высоко ценим вас… — Мори вытащил из кармана и положил на стол перед Топхэтом пачку стодолларовых купюр. — Это вам. Еще столько же вы получите на следующей встрече. Оплата сведений будет производиться, давайте договоримся сразу, только после их проверки и оценки в ЦРУ. Это связано с опасностью того, что вы, возможно, снабжаете нас препарированной информацией. А я и мой коллега Дэвид, — Джон перевел взгляд на устало закрывшего веки Мэнли, — при всем желании не сможем определить, достоверна она или нет. Есть и другое опасение нашего руководства: ваши сведения могут оказаться компиляцией московского разведцентра.

Поляков побагровел, но, подавив внезапно нахлынувшее мерзкое чувство, с обидой спросил:

— Значит, вы все еще не доверяете мне? — И, не давая перебить себя, быстро добавил, отодвигая от себя пачку долларов: — Я не возьму их, лишние деньги при трате их в магазинах могут вызвать подозрения со стороны моих коллег и жены. Это помешает моей личной безопасности. Не возьму их еще и потому, что ценность переданных вам сведений, как вы сами сказали, еще не определена…

Мори, самодовольно щуря глаза, прервал его:

— Запомните раз и навсегда, мистер Поляков: деньги делают все в этой жизни. Они — главная сила в этом мире. Особенно в Америке. Поэтому возьмите их. — Он указал кивком на пачку долларов.

Топхэту не хотелось окончательно пасть в глазах американцев, и, усмехнувшись, он сказал:

— Но я не продаюсь за них. Это во-первых. Во-вторых,

неосторожное обращение с ними может стоить мне очень дорого. Поверьте, мистер Джон, очень дорого…

Мори насторожился, потом улыбнулся и сказал:

— Наверно, вы правы, мой друг. Ваша безопасность для нас превыше всего.

Топхэт, пожав плечами, скептически приподнял бровь и негромко проговорил:

— Я удивлен, что мистер Джон назвал меня сейчас своим другом. В ФБР, насколько мне известно, это надо заслужить.

— Не удивляйтесь, мистер Поляков, мы действительно считаем вас своим другом. Вы заслужили это!

По ноткам фамильярности, которые начали проскальзывать в словах Мори, Поляков заключил, что Джон, очевидно, признал его своим человеком, и потому поспешил заверить американцев:

— Я сделаю для вас все, что в моих силах. Время убедит вашего шефа в моей полной преданности!..

— Хорошо, мистер Поляков! — словно очнувшись, отозвался Дэвид Мэнли. — Нам нужен сейчас именно такой помощник, на которого мы могли бы положиться, как на самих себя. — Подумав секунду, добавил: — Но мне кажется, что есть что-то еще, что побудило вас установить с нами сотрудничество. По-моему, вы все же чего-то еще не договариваете?

Полякову не понравилась последняя фраза Дэвида, она даже разозлила его. Однако понимая, что дерзость с американцами в их стране может оказаться для него роковой, он развел руками и миролюбиво произнес:

— Психология, как вам, наверно, известно, — дело тонкое. И если лично вам, мистер Мэнли, не повезло, что вы родились на свет с какой-то другой сигнальной системой, то что ж… — Он опять развел руками. — То вам, конечно, не понять меня… — Подумав секунду, спросил: — А вы вот не задумывались, почему далеко не безбедные британские разведчики Гай Берджес и Дональд Маклин стали сотрудничать с советской разведкой?

Мэнли, опустив голову, молчал. Пожирая его вопросительным взглядом, Поляков переспросил:

— Так каким же будет ваш ответ?

Дэвид, избегая смотреть на Топхэта, пожал плечами, потом сказал:

— Принято считать, что Берджеса и Маклина подтолкнули к этому их личные убеждения в необходимости помочь Советскому Союзу в его борьбе с германским фашизмом.

— Да, это так, — согласился Топхэт-Поляков. — Вот и мой главный резон перехода на вашу сторону — не из-за долларов и не из-за мести руководству своей страны, а из-за идеологических

и политических расхождений с руководством Советского государства. Я до сего времени не могу понять: как можно силой оружия и угроз продвигать коммунистические идеи в другие страны, например в Венгрию?[12] Я всегда считал, что ленинские принципы открытой и честной дипломатии, права наций на самоопределение должны соблюдаться. А что касается идеологической борьбы, то она не должна приводить к кровопролитиям. Поэтому я искренне хочу помочь вам и предупредить, чтобы вы, американцы, со своим высокомерием и некоторой беспечностью не прошляпили бы политические и военные акции Советского Союза, направленные на ослабление Соединенных Штатов.

Такое значимое высказывание советского полковника ГРУ Генштаба Вооруженных Сил СССР произвело на Мэнли и Мори большое впечатление.

— Услышать подобное изложение внешнеполитической деятельности Москвы, — горячо заговорил в ответ Мэнли, — нам еще не доводилось.

Поляков, заметив, как в глазах американца появилась необычная теплота, понял, что настырный фэбээровец наконец-то удовлетворен объяснением мотивов его решения о тайном сотрудничестве с ними.

Щелкнув пальцами, Поляков самодовольно бросил:

— Чтобы мне больше не приходилось повторяться о мотивах установления контакта с вами, имейте в виду, что если бы я был убежден в искреннем стремлении Советского Союза к миру и разрядке, а также к строительству справедливого общества, то моя с вами встреча никогда бы не состоялась.

— Довод ваш неотразим! — воскликнул Мэнли. — И вообще, я уверен, что вы — человек особенный! И что вы будете чертовски полезны нам!

— Да, я буду вам чертовски полезен. Не как те перебежчики, которые предавали Родину по материальным соображениям, за ваши «зеленые». — Подумав, Поляков, как бы между прочим, тихо проронил: — Хотя доллары были бы не лишними для меня перед отъездом на родину через полгода. Например, для подарков детям и жене… Да и начальничкам моим они тоже не помешают…

— Деньги, мистер Поляков, никогда ни для кого не бывают лишними, — заметил Джон Мори. И он снова пододвинул к нему пачку долларов. — Так возьмите их прямо сейчас, чтоб заранее можно было на них купить понравившиеся подарки.

Но Поляков решительно отрицательно затряс головой.

— Нет-нет! Я же говорил, что не возьму! Навлекать на себя

подозрения в трате неизвестно откуда взявшихся денег я не хочу!

— Но вы можете сказать, что они достались вам милостью божьей. Например, сказать, что вы выиграли их в казино.

— Да ну что вы! Если я скажу кому-то о выигрыше в казино, то от меня не отстанут с расспросами: где находится это казино? Как оно называется и тому подобное… Нет уж, избавьте меня от ваших «зеленых»…

— О'кей, о'кей! — остановил его Джон Мори. — Тогда давайте поговорим о регламенте нашей совместной работы. Он должен быть очень простым. Встречаться будем один раз в месяц. А вот в какое время и в каком районе Нью-Йорка, решайте сами. Я предлагаю два района — Парк-авеню и Мэдисон-авеню. Выбирайте.

— Поскольку моя семья скоро возвращается в Москву, то наиболее подходящим местом встреч могла бы стать Мэдисон-авеню. А что касается времени, то это, конечно же, в обеденный перерыв.

— О'кей. А теперь, мистер Поляков, назовите нам, пожалуйста, поименно состав вашей резидентуры и ваших коллег по разведке, работающих под крышей различных советских учреждений. Причем не только в Нью-Йорке, а и в других штатах Америки. Потом мы сравним вашу информацию с имеющимися у нас данными на тех, кого вы назовете. Вот тогда все станет ясно, кто вы: истинный доброжелатель или… — Джон Мори замялся, потом договорил: — Или вы подстава КГБ.

На этот раз терпение Полякова окончательно лопнуло, он всплеснул руками и, едва не сорвавшись на мат, с вызовом бросил:

— Да что ж это такое! Я полностью раскрылся перед вами, а вы продолжаете не верить мне! Да поймите вы, наконец, — доброжелатель я ваш, а не подстава! — Он резко отбросил из-под себя стул и устремился к выходу.

Его угроза покинуть их вызвала у Мэнли неожиданное действие: он мгновенно выскочил из-за стола и перегородил Полякову путь к двери.

— Прошу вас, мистер Поляков, занять свое место! А не то мы раздавим вас, как червяка! — в сердцах бросил он. — Неужели вы все еще не понимаете, что вы уже по уши вляпались в сотрудничество с нами?! Что вы сами завербовались к нам! Нам ничего не стоит теперь сообщить о вас или передать досье на вас в советское посольство. Так что подумайте о том, что я сказал. — И он подмигнул Мори.

— Присаживайтесь, пожалуйста, не то действительно… — не договорил напарник Мэнли.

До Полякова дошел угрожающий смысл произнесенного Дэвидом, он вернулся к столу, присел на свое место и, не поднимая глаз, промямлил:

— Что ж, ваша правда взяла.

— А теперь называйте знакомых вам разведчиков, работающих сейчас в нашей стране, — повторил Мэнли просьбу Джона Мори.

Поляков, тяжело вздохнув, начал называть фамилии, сначала сотрудников военной разведки:

— Сенькин Анатолий Борисович. Выродов Иван Яковлевич. Зыков Георгий Степанович. Фекленко Владимир Николаевич. Сосновский Лев Владимирович. Буров Николай Иванович. Сажин Владимир — отчество забыл. Масленников Петр Егорович. Цапенко Николай Николаевич…

— Прошу чуть помедленнее, — прервал его Джон, делая записи фамилий для подстраховки подслушивающего устройства.

— О'кей, — согласился Топхэт. — Записывайте. Полежаев Алексей Петрович. Прохоров Василий Иванович. Генералы Скляров Иван Андреевич и Сараев Илья Михайлович. Оба были резидентами ГРУ. Герои Советского Союза Кучумов Александр Михайлович и Рыжков Иван Егорович. Павлов Анатолий Георгиевич. Гульев Леонид Александрович. Егоров Иван Дмитриевич. Жемчужников Юрий Степанович. Мартынов Михаил Григорьевич…

— Если можно, прошу еще чуть медленнее, — снова прервал Джон, не успевавший записывать фамилии, имена и отчества советских разведчиков.

— А почему только вы записываете? — удивился Поляков. — Пусть и Дэвид это делает. Он должен тоже вести запись через одну фамилию. И, пожалуйста, не перебивайте меня, иначе я собьюсь с перечисления фамилий и начну повторяться или, не дай бог, пропущу кого-то, — сердито проворчал он.

После этого Поляков попытался вспомнить, кого он еще не назвал, но. так и не вспомнив, сказал:

— Теперь записывайте фамилии сотрудников внешней разведки КГБ, с которыми мне довелось работать в одни и те же годы. Я, правда, не всех помню по именам и отчествам.

— Это не так важно, — успокоил его Джон Мори. — Главное для нас — фамилии ваших разведчиков.

— Ну тогда пишите. Киреев Анатолий Тихонович. Иванов Борис Николаевич. Косов Николай… Крестников… Лысов… Багричев… Брыкин Олег… Капустин… Глущенко… Рассадин… Букатый Борис…

В течение целого часа Поляков продолжал сдавать ЦРУ

советских разведчиков. То забывая, то припоминая, он назвал 47 фамилий.

— Других разведчиков из Комитета госбезопасности я знал только в лицо. Если у вас есть их фотографии, то я могу указать, кто из них работал под «крышей» посольства…

Поляков, конечно, понимал, как он рискует, выдавая своих коллег по разведывательному цеху.

Не ожидавшие такого большого улова в раскрытии сотрудников советской разведки, американцы на радостях крепко пожали ему руку.

— У вас, мистер Поляков, прекрасная память! — похвалил Джон и, взяв лежавшую на столе пачку долларов, насильно сунул ее в карман новоиспеченного агента.

На этот раз Поляков не стал отказываться от денег, восприняв «заработанные» им «тридцать сребреников» как должное.

— А на следующей встрече, — продолжал Джон, — мы хотели бы получить от вас сведения о завербованных вашей разведкой американцах и о тех из них, кто находится на вербовочном крючке у подчиненных вам офицеров.

Именно с того дня, 26 ноября 1961 года, и начался предательский путь Полякова. Ни по земным, ни по небесным законам этот путь никогда не заканчивался благополучно для предателя.

Понедельник, 27 ноября, штаб-квартира ФБР

Прослушав запись беседы с советским военным разведчиком, начальник отдела ФБР полковник Нолан удивился: «Это какой же памятью надо обладать, чтобы вспомнить на одной явке так много имен и фамилий! Столь большого количества раскрытия установленных советских разведчиков наша служба никогда еще не получала! Надо немедленно сообщить об этом Гуверу и попросить его как-то поощрить Мэнли и Мори».

В тот же день Нолан доложил директору ФБР о небывалом успехе своих подчиненных. Гувер высказал сожаление, что ФБР вышло на Полякова слишком поздно — всего лишь за полгода до окончания его командировки в США.

— В оставшееся время до его отъезда надо поработать с ним более интенсивно, — заметил Гувер. — Для более надежной закрепленности наших отношений с ним советую предъявлять к нему повышенную жесткую требовательность. От него можно ожидать всего. Такие люди, как показывает практика, склонны потом к разрыву агентурных отношений по моральным соображениям. Поэтому ваша главная задача — выжать из него всю информацию об агентурной сети, в первую очередь о внедренных в нашу страну советских нелегалах. О результатах работы с Топхэтом прошу докладывать мне после каждой встречи с ним.

Нолан, кивнув, спросил:

— Может быть, нам стоит проинформировать мистера Даллеса о предстоящем отъезде Топхэта в Москву?

— Пока не надо. Ален Даллес из-за неудачного плана вторжения на Кубу, закончившегося, как вам известно, полным провалом, подал вчера рапорт о своей отставке. И она уже принята президентом Кеннеди. Новым директором ЦРУ назначен советник президента Джон Мак-Коун. Поэтому не будем пока торопиться с передачей ему этой информации. А как только мы поставим в известность Мак-Коуна о завербованном нами советском полковнике из разведки, то эти сведения непременно дойдут до Тощего Джима. А тот начнет вставлять нам палки в колеса: будет утверждать, что Топхэт — это подстава советской разведки, что Топхэт — это двойник и тому подобное. Сообщим о нем в ЦРУ перед самым отъездом его в Москву, когда на руках у него будет пароходный билет. А пока нам надо самим получать идущую от него ценную информацию. И обязательно

продолжайте изучать: не подстава ли он в самом деле? Полагаю, что многое должно проясниться на последующих двух-трех встречах, когда мы узнаем, назовет ли он нам нелегалов и тех, кто осуществляет с ними связь.

На другой день полковник Нолан пригласил к себе Джона Мори и Дэвида Мэнли и первым делом сообщил о положительной оценке Гувера проделанной ими работы с агентом Топхэтом.

— При этом мистер Гувер, — продолжал Нолан, — напомнил, что мы не должны обольщаться полученными от Топхэта ценными сведениями и обязательно должны перепроверять их. Не преминул он напомнить и о, возможно, проводимой операции КГБ по подставе нам советского разведчика. Впредь только вы, мистер Мори, будете поддерживать связь с Топхэтом. На встречах с ним старайтесь всегда улавливать те моменты, которые могут вызывать подозрения в том, что он не искренен с нами. С ним нужно держать ухо востро. Имейте это в виду на будущее, поскольку вам одному придется с ним работать.

Начальник отдела сделал паузу, обвел взглядом Мори и Мэнли, затем взял со стола кассету с записью беседы с Топхэтом и, подавая ее Джону, сказал:

— Рекомендую внимательно прослушать эту запись еще раз.

— С какой целью? — пожал плечами Мори. Начальник отдела, глядя на него в упор, спокойно ответил:

— У меня возникли подозрения, что Топхэт не совсем откровенен с нами. Поэтому мне хотелось бы, чтобы вы, прослушав запись беседы, тоже заметили бы это. И еще: я готов сейчас поделиться своими размышлениями по поводу возникших у меня, как и у мистера Гувера, опасений — не двойник ли он.

Не знаю, обратили вы внимание или нет, но Топхэт при объяснении причин измены своей Родине дал мне пищу для подозрений. Давайте обсудим это с вами…

Мори и Мэнли сидели опустив головы, не понимая, что могло вызвать опасения у директора ФБР и их шефа — начальника отдела.

— Больше всего меня удивило, — продолжал Нолан, — это то, что Топхэт отказывался взять у вас деньги. Это никак не характерно для советских перебежчиков и изменников Родины. Во-вторых, настораживает то, что он настойчиво прославлял вождя всех народов — Сталина. В-третьих, ему далеко не безразлично то, что творит с его страной и его народом правительство Никиты Хрущева и возглавляемая им Коммунистическая партия Советского Союза. И если Топхэт так уж глубоко переживает, что Хрущев кормит русский народ соевой колбасой и хлебом с отрубями, то возникает естественный

вопрос: разве может стать предателем человек, который радеет о своем народе? Получается, что он — большой патриот?

Нолан, довольный изложением своих доводов, бросил на Мэнли вопросительный взгляд:

— А что ты, Дэвид, думаешь об этом?

— В душу ему, конечно, не залезешь, но я сомневаюсь, что он — патриот. Он же обличает советскую власть, ее правительство и внешнюю политику. А теперь, позвольте, я задам вам вопрос. Скажите, разве настоящий патриот пойдет на прямое предательство своих товарищей по работе? Топхэт выдал нам восьмерых шифровальщиков и сорок семь сотрудников разведки КГБ И ГРУ. Такого результативного источника информации у нас еще не было и вряд ли когда будет. Топхэт — это наш идеологический и политический единомышленник. И если вы считаете меня специалистом по Советскому Союзу, то прислушайтесь к моему мнению: от него будет нам большая польза. В этом я уверен на девяносто девять процентов.

Нолан перевел взгляд на Джона Мори.

— А вы что скажете?

— Я согласен с оценкой Дэвида.

И он тоже начал нахваливать Топхэта: Мори очень хотелось поднять на щит советского военного разведчика и убедить шефа в том, что тот может стать хорошим агентом.

— Если наши отношения будут развиваться так же успешно, как сейчас, — начал свой монолог Джон, — то считайте, что мы прихватили очень крупную акулу из советской разведки. Причем никаких специальных мероприятий для привлечения его к сотрудничеству нами не проводилось. Он сам пришел к нам с предложением своих услуг. Я лично возлагаю на него самые большие надежды. Считаю, что только с таким агентом мы сможем многое узнать о деятельности в нашей стране советской разведки и тем самым локализовать ее. А еще, что я высоко ценю, он профессионально, как настоящий дипломат, раскрыл нам взгляд советских лидеров на политику СССР в вопросах войны и мира. Он убеждал нас, что Советский Союз является виновником гонки вооружений. Что к началу шестидесятых годов уже определилось значительное отставание США от СССР в ударной силе ядерного оружия, а политика мирного сосуществования провозглашена лишь для того, чтобы усыпить бдительность администрации США. Он заверял нас, что политика мирного сосуществования является ширмой, за которой Советы готовятся к развязыванию новой войны. Что усиление конфронтации в мире не соответствует гуманным принципам социализма, а оказание помощи, в том числе и военной, странам

антиимпериалистической направленности представляет угрозу стабильности в мире. Считаю, что история дает нам редкий шанс завербовать его и получать таким образом ценнейшую информацию. Если же мы не воспользуемся этим шансом, то мистер Гувер не простит нам потом. А что касается его проверки по центральным учетам, то каких-либо неблагоприятных сведений на Топхэта мы не получили.

— Значит, вы тоже уверены, что он — не темная лошадка, которая в любой момент может взбрыкнуть? — улыбнулся Нолан.

— Да! — решительно ответил Джон. — Я нутром чувствую, что Топхэту можно и нужно доверять.

— Но мне хочется, — продолжал Нолан, — чтобы вы поняли, что кричать «ненавижу коммунизм и мерзкое правительство Никиты Хрущева» не дает еще оснований доверять Топхэту на все сто процентов. Вот если он на последующих встречах, как сказал мистер Гувер, выдаст нам хотя бы пару нелегалов и несколько своих агентов в Нью-Йорке, тогда у нас не будет возникать вопрос, двойник он или нет. Короче говоря: быть или не быть ему агентом Топхэтом?!

— Этот вопрос, уверяю вас, будет решен уже на следующей встрече. — И, выразительно посмотрев на начальника отдела, Джон Мори добавил: — Поверьте мне, он назовет нам не пару нелегалов, а всех тех, кого русские внедрили к нам, в Америку.

Нолан энергично тряхнул головой, потом сказал:

— Но есть одно «но»: мистера Гувера и меня очень беспокоит только одно обстоятельство: не внедряет ли советская разведка сначала в ФБР, а потом и в ЦРУ своего хорошего агента?

— Да все может быть! — нетерпеливо воскликнул Дэвид Мэнли. — Да, Топхэт, возможно, и радеет о своем народе, о своей стране и критически относится к Хрущеву и его внешней политике, но вы и мистер Гувер не учитываете одного: Топхэт — это не тот человек, который географически переместился к нам из Советского Союза. Топхэт родился и вырос в России, он прожил там почти сорок лет. Он впитал в себя жизненные принципы своей страны, отстаивал их в годы Великой Отечественной войны. Жизнь его в Советском Союзе до поры до времени вполне устраивала. Но когда к власти пришел волюнтарист Хрущев, то Топхэт, будучи уже зрелым человеком, понял, что жизнь при таком лидере государства неприемлема для него. Бороться же с властью Хрущева, как сказал Топхэт, было равносильно самоубийству. И коли он пришел к нам, то мы должны принять его и доверять ему. Я согласен с Джоном, что на первых двух встречах он уже доказал, что надо ему верить и ценить его. Я, как и Джон, не сомневаюсь, что Топхэт еще докажет, чего он стоит и

на что способен! У меня все.

Начальник отдела, чуть помедлив, раздумчиво произнес:

— Может, оно и так. Время рассудит нас…

Вторник, 19 декабря, Мэдисон-авеню

Беседа с фэбээровцами Мори и Мэнли оставила у Полякова неприятный осадок и тревожное чувство — не сдадут ли они его после окончания срока командировки. Такие сомнения терзали его душу до того дня, как он отправился на третью явку. Встретиться ему предстояло во время обеденного перерыва на удачно подобранной на Мэдисон-авеню явочной квартире, которая располагалась недалеко от представительства СССР при ООН. Это позволяло Топхэту без чьего бы то ни было разрешения пойти якобы на обед, а при следовании к месту встречи провериться на предмет выявления возможной слежки со стороны советской контрразведки.

Обменявшись несколькими ничего не значащими фразами, Джон Мори начал беседу без каких-либо предисловий:

— Если вы, мистер Поляков, действительно хотите нам помочь и войти в полное доверие, то вы должны раскрыть мне тех нелегалов, которые действуют на территории нашей страны. Вы являетесь заместителем главного резидента по нелегальной разведке и потому должны их знать.

Требование о выдаче совершенно секретной информации о нелегальном аппарате ГРУ заставило Полякова серьезно задуматься. Он прекрасно понимал, что нелегалы — самые оберегаемые источники информации, гордость и сила советской внешней и военной разведки, они решали самые важные и самые ответственные задачи, особенно в периоды политических и военных кризисов, не говоря уже о войне. «Но если я сейчас откажусь назвать наших нелегалов, — размышлял Поляков, — то ФБР начнет строить мне разные козни. А если выдам их, то фэбээровцы начнут скоропалительно обезвреживать нашу нелегальную сеть по всей Америке. Провал же нескольких нелегалов неминуемо наведет тень подозрений именно на меня, потому что только мне они известны в Америке… Что же делать?»

Джон внимательно всматривался в него и думал: «У него вроде бы и правильные черты лица — высокий лоб, мощный череп, крепкий подбородок, чуть заостренный нос… И все же есть в нем какая-то отталкивающая сила… Одним словом, неприятный тип… Но ничего не поделаешь, профессия контрразведчика обязывает нас вести общение с самым разнообразным человеческим материалом независимо от того, нравится он или нет».

А тем временем Поляков решил пойти на маленькую хитрость: «Пожалуй, назову-ка я ему не самих нелегалов, а тех

офицеров, которые осуществляют связь с ними. Вот пусть фэбээровцы и отслеживают наших связников до самого посинения. А пока они будут этим заниматься, я исчезну отсюда. Все шишки пусть валятся тогда на моего сменщика или на офицеров связи. А будет еще лучше, если я назову сначала фамилии тех нелегалов, которые уже выведены из США. Пусть их тоже ищут до скончания века. Чем дольше, тем лучше для меня, тем меньше будут в ГРУ подозревать меня». И он начал выдавать нелегалов, носивших псевдонимы Норд, Гайд, Ларсен, Тропова, Ванда, Жакоб, Хильда.

Джон Мори, услышав фамилию «Тропова» — она же была Таирова, давно уже находившаяся с мужем под пристальным вниманием ФБР, радостно воскликнул:

— О'кей, мистер Поляков! Вот теперь я убедился, что вы — не подстава!

— Но я очень прошу вас, чтобы вы ни в коем случае не арестовывали их до моего отъезда в Советский Союз. Если же вы сделаете это до того, то тень подозрений в причинах их провалов сразу падет на меня.

— Я что-то не совсем понял смысл вашей последней фразы. Поляков, глядя на него с укоризненной уксусной улыбкой, возмутился:

— Да бросьте вы, мистер Мори, притворяться, все вы понимаете! Объясняю еще раз: не трогайте никого из названных мною нелегалов до окончания моей командировки в Нью-Йорк. Иначе мне каюк. Неужели это не понятно?

— Понятно-понятно, — подхватил Джон, на самом деле ничего не поняв.

Затем он подошел к Топхэту и, положив на его плечо руку, неожиданно воскликнул:

— Не беспокойтесь, мистер Поляков, все будет о'кей! Я согласен, что только с такими людьми, как вы, мы можем победить все советские «измы» — большевизм, социализм и коммунизм. Поэтому мы будем непременно оберегать вас «как самый драгоценный камень, название которому брильянт»[13]. Вы только не рассказывайте жене о нашем сотрудничестве. Если она узнает об этом от вас, то, не дай бог, начнет уговаривать вас отказаться от контактов с нами.

Поляков мысленно прикидывал, что можно было бы сказать ему на это, и решил успокоить его:

— Вы тоже не беспокойтесь. С женой я разберусь сам.

— О'кей! — радостно подхватил Мори. — Теперь прошу сообщить фамилии офицеров, которые поддерживали с названными вами нелегалами личную или безличную связь.

— Записывайте, — охотно согласился Поляков. — Федоров Василий Андреевич. Старчак Виктор Иванович. Зыков Георгий Степанович. Егоров Иван Дмитриевич и Жемчужников Юрий Степанович. А теперь у меня к вам вопрос…

— Не уводите меня в сторону. Сейчас я задаю вопросы, а вы — отвечаете. Потом мы поменяемся ролями. Договорились?

Поляков кивнул.

— Тогда мой следующий вопрос: кто является здесь главным организатором разведывательной работы против США?

Поляков на несколько секунд задумался: выдавать или не выдавать американцам главного резидента, Леонида Бекренева? [14] С Бекреневым у него сложились хорошие отношения, и именно тот рекомендовал его на должность своего заместителя по нелегальной разведке. Казалось бы, с какой стати выдавать теперь человека, который делал для него только добро. Но сработала присущая Полякову сатанинская зависть: «Слишком ты правильный и успешный, Леонид Константинович! И слишком много добра ты делал людям. Надо тебя остановить, не мне же одному барахтаться в дерьме». И Топхэт-Поляков сказал:

— Главным организатором здесь является полковник Бекренев.

— Его можно как-то скомпрометировать и склонить к сотрудничеству с нами?

— Вряд ли. Бекренев — это кремень-человек.

— А почему я должен верить вам? Может, вы умышленно отводите нас от него?

— Хотите верьте, хотите нет, но вы обожжетесь на нем, если даже и найдете подходы к нему…

— Ладно. Тогда у меня другой вопрос. В ФБР из вашего посольства обратились за разрешением на поездку в район Балтимора двух сотрудников советского представительства в Военно-штабном комитете при ООН. Вам что-нибудь известно о них? И если да, то с какой целью они рвутся туда?

Поляков на секунду замешкался: краем уха он слышал в кабинете главного резидента о необходимости проведения операции по связи с супругами Саниными на побережье Атлантического океана.

— Могу лишь подтвердить, что туда должны поехать два наших офицера для проведения агентурной встречи с нелегалами Саниными. Эту встречу должны провести Старчак Виктор Иванович и еще кто-то, фамилия мне не известна. Знаю также, что оба разведчика должны выехать в Балтимор со своими женами для прикрытия предстоящей встречи. А поскольку ваш покорный слуга не был причастен к разработке и проведению

этой операции, то вы при планировании ответной акции должны учитывать это обстоятельство. Иначе вы можете завалить меня, — предупредил Поляков.

— Хорошо, мы учтем это. А вам Санины известны?

— Да, я занимался их подготовкой к предстоящей работе в Соединенных Штатах Америки.

— А почему ж вы не назвали их мне раньше?

— Назвать вам супругов Саниных я просто-напросто забыл.

— Тогда объясните, почему вы не участвовали в разработке и проведении операции по связи? Может, вас уже заподозрили в чем-то?

— Все дело в том, что я сам отказался от разработки этой операции…

— Почему? — удивился американец.

— Потому что она планировалась вышестоящим руководством с грубейшими, на мой взгляд, нарушениями принципов агентурной связи.

— И в чем же выражались эти нарушения? — заинтересовался Джон.

— Согласно этим принципам, не рекомендуется направлять на встречу с нелегалом сразу двух разведчиков, и тем более с женами. Это во-первых. А во-вторых, в странах с жестким контрразведывательным режимом, с таким как в Америке, проводить личные встречи с нелегалами не разрешается. Вопросы еще есть ко мне?

— Есть, конечно. Вы, мистер Поляков, обладаете весьма важной для нас секретной информацией. И вот то, что вы уже сообщили нам, это только надводная часть айсберга. Вы согласны с этим?

Поляков задумался. Потом ответил:

— Да, я знаю многое, но не все.

— Тогда расскажите поподробнее о нелегале Норде и о том, кто поддерживал с ним связь.

— О Норде я располагаю скудными сведениями. Знаю, что он был выведен в США, устроился на работу в Нью-Йорке, а через некоторое время на него наехала налоговая инспекция. Спустя полгода он обнаружил за собой активную слежку. Поняв, что находится под колпаком ФБР, Норд доложил об этом в Центр. Оттуда пришло указание о немедленном отъезде из США. Удалось ли ему вырваться отсюда, не могу сказать. Ищите, может он еще здесь. А связь с ним поддерживал Василий Федоров.

Дальнейший диалог в форме вопросов Мори и ответов Топхэта продолжался около двух часов. За это время советский разведчик снабдил ФБР подробными сведениями о ранее

названных им нелегалах.

Джон, убедившись в искренности Топхэта, самодовольно улыбнулся и стал на все лады нахваливать его. Это понравилось Полякову, и он начал выдавать американцу сногсшибательную информацию:

— о содержании кодовых книжек и шифровальных таблиц, системе хранения шифродокументов и правилах работы с ними;

— об организационной структуре ГРУ; о существующих формах связи Центра с загранаппаратами; о методах работы с агентурой; о недавно проведенной реорганизации ГРУ;

— о порядке подбора лиц для работы в нелегальной разведке, а также о системе подготовки разведчиков-нелегалов и маршрутах их вывода на нелегальное положение за границу;

— о перспективном плане ГРУ по созданию новых нелегальных загранточек в Америке;

— об агентах, находившихся на связи у офицеров резидентуры Галкина А.И., Галагана А.И., Мартынова М.Г.

Джон Мори поблагодарил Топхэта и, словно вспомнив что-то, спросил:

— В вашу первую командировку в США прилетал в Нью-Йорк некто Павлов. Какую должность он занимал тогда в ГРУ? И с какой целью он был командирован сюда?

— Он был в то время старшим офицером американского направления. Между прочим, Анатолий Георгиевич Павлов — приемный сын маршала Ворошилова и женат на дочери известного вам наркома Фрунзе. Приезд его сюда был связан с переориентацией работы нашей резидентуры на добывание военно-технической информации.

Джон энергично тряхнул головой и сказал:

— А теперь я готов ответить на ваши вопросы. И Поляков спросил:

— Меня очень интересует, кто выдал супружескую пару нелегалов Таировых? Они же Троповы. Не подполковник ли Попов[15] это сделал?

— А почему это вас так интересует?

— Потому что Таировы мне не безразличны. Я занимался их подготовкой в Центре и разработкой плана вывода в США.

— О'кей! Тогда скажите, кем был Таиров до работы в вашей военной разведке?

— Сначала он был морским офицером, потом прошел у нас спецподготовку и после этого стажировался в Англии. Там он был в качестве дежурного коменданта советского посольства. А весной тысяча девятьсот пятьдесят пятого года мы вывели его на нелегальное положение в США. В Нью-Йорке он сдал экзамены в

Колумбийский университет. В то время я находился уже здесь и осуществлял связь с ним — проводил тайниковые операции, направлял на его почтовый ящик тайнописные инструкции и указания.

Упоминание о работе Таирова в гражданской должности вызвало у фэбээровца недоумение: как можно было направлять на нелегальное положение человека, стажировавшегося в Англии на легальной должности?

— Единственное, о чем могу вам еще рассказать достоверно, — продолжал Топхэт, — так это о проведении операции по выводу Таировых из США. Советская группа по контролю эфира в Нью-Йорке путем прослушивания приемников «Хамерлунд» и «Хеликрафтер» перехватывали радиопереговоры вашей службы наружного наблюдения. Благодаря радиоперехвату нашей контрразведки было установлено, что ФБР ведет слежку за так называемыми Диком и Парки. Это были супруги Таировы. В последующем вы сменили им клички на Дага и Хэн. Когда Хэн сама обнаружила за собой слежку, то она сразу дала нам знать. В связи с возникшей угрозой провала и возможного ареста Таировых мы передали им через запасной тайник новые паспорта, деньги и указание немедленно выехать в Канаду, а затем перебраться в Советский Союз. Они успешно это сделали. Вот, собственно, и все.

— О'кей, мистер Поляков. — Американец посмотрел на часы, потом на Топхэта и извиняющимся тоном произнес: — Прошу простить, что я задержал вас на большее, чем обычно, время. Почти на два с половиной часа. Не представляю, как вы будете теперь отчитываться за такое долгое отсутствие перед своим руководством?

— Не беспокойтесь, мистер Мори, — улыбнулся Топхэт. — Я всегда при уходе из представительства разрабатываю для себя подстраховочный вариант. Недавно я установил контакт с неким Ричардом Киршманом, с которым познакомился два года назад на приеме в Военно-штабном комитете. Очевидно, он вам тоже знаком?

— Это не имеет значения, — уклонился от прямого ответа Джон. — Продолжайте, пожалуйста.

— Так вот, в случае возникновения вопроса о долгом моем отсутствии я пойду на маленький обман: скажу, что встречался с Киршманом. Думаю, что мой невинный обман пойдет на пользу нашему общему делу…

— Да, это так, — согласился Джон. — Главное, вы сохраните себя для работы с нами. Итак, на сегодня все. В следующий раз мы встретимся ровно через месяц, как говорят у вас на Руси, на

Крещение Господа Бога, то есть девятнадцатого января следующего года.

Пятница, 22 декабря, штаб-квартира ФБР

После доклада директору ФБР полученных от Топхэта сведений начальник отдела Нолан пригласил, как обычно, Джона Мори. Когда тот вошел в его кабинет, Нолан даже не обратил на него внимания и продолжал задумчиво глядеть в окно.

— Что случилось, Джеймс? — спросил его Джон. Несколько секунд начальник отдела смотрел на него с расстроенным видом, потом сказал:

— Я только что вернулся от мистера Гувера. После встречи с ним у меня остался неприятный осадок на душе…

— Это чем же осадил он вашу стальную душу? — прервал его Мори.

— Ты не поверишь, но именно своим недоверием Топхэту он и расстроил меня. Сначала он высоко оценил информацию агента о советских нелегалах и их связниках, а также и другие сведения, полученные тобой на последней явке. Потом вдруг начал сомневаться в том, что Топхэт мог обладать такой обширной информацией, которая, мол, может сразу парализовать работу всего аппарата ГРУ.

— Извини, Джеймс, что перебиваю, но со временем он все-таки поймет, что в лице Топхэта мы получили ценнейшего агента за всю историю ФБР. Мы же проникли с его помощью в советский разведцентр, где создается и откуда направляется к нам самая неуловимая и самая опасная — нелегальная — сеть военной разведки! Это уже многого стоит!

Полковник Нолан хорошо понимал своего коллегу Мори — руководителя контрразведывательных операций против СССР и был уверен, что теперь Джон уже не отступит от Топхэта, вцепившись в него бульдожьей хваткой, и потому решил на всякий случай предостеречь его:

— К мнению директора ФБР мы обязаны прислушиваться. Мистера Гувера насторожило, что Топхэт удивительно легко и, главное, большой численностью сдает своих всех подряд — и разведчиков, и нелегалов, и всех их связников. И даже шифровальщиков. А самое странное, как заметил мистер Гувер, при проверке выяснилось, что все нелегалы, которых он выдал, выведены уже в Советский Союз. Агентов же из числа граждан США никого еще не назвал. «Разве это не подозрительно?» — спросил меня шеф. И я ничего не мог ему ответить. А ты что можешь сказать на это?

Джон ухмыльнулся и, подумав немного, ответил:

— Да, он не назвал нам агентов из числа американских

граждан, но это все впереди. Я обязательно выпотрошу его. Вы же знаете, что я слов на ветер не бросаю.

— О'кей! Тогда я назову еще один упрек мистера Гувера в наш адрес. Он предостерегает от того, что Топхэт после возвращения в СССР, как я уже говорил тебе однажды, может отойти от дальнейшего сотрудничества с нами…

— А почему он так думает? — перебил начальника отдела Джон.

— Мистера Гувера удивило заявление Топхэта о том, что он никогда не согласится остаться на жительство в Соединенных Штатах Америки только потому, что очень дорожит семьей и своими родственниками в России.

— Но разве это плохо, если он и там будет снабжать уже ЦРУ такой же ценной информацией, как нас сейчас? Мы же внедряем своего «крота» во вторую по значимости после КГБ спецслужбу СССР! Резидентура ЦРУ в Москве будет благодарна нам до фоба за передачу им такого классного агента, как Топхэт! Можете сказать мистеру Гуверу, что лично я шестым чувством угадываю и отличаю порядочного человека от сукиного сына и прекрасно чувствую, с кем стоит нам работать, а с кем нет.

Нолан иронично улыбнулся и, постукивая по столу костяшками пальцев, сказал:

— Ты, мистер Джон, очевидно, забываешь, что русская душа всегда была потемками для нас. И, как хорошо заметил мистер Гувер, «предатель есть предатель и остается им навсегда в любой стране». Сегодня он легко предал свою Родину, а завтра предаст и нас. Исходя из этого, шеф просил начать изучение Топхэта по месту его жительства. Вчера я беседовал об этом с Дэвидом Мэнли. Он предложил использовать для его изучения молодого американца Ричарда Киршмана, который проходит по делу Топхэта.

— Мне этот Киршман известен…

— Откуда он тебе известен? — удивился начальник отдела.

— По сообщению самого Топхэта. Он же ничего не скрывает от меня. Познакомился он с ним два года назад на приеме в Военно-штабном комитете ООН. Киршмана пригласил туда его родственник, полковник Военно-воздушных сил США Чапман. Сам Киршман работал в те годы агентом по покупке и продаже недвижимого имущества в компании «Хэмслей-Спир». А проявил он интерес к Топхэту в связи с тем, что каким-то образом узнал о намерении советского представительства купить в Нью-Йорке хороший дом. Топхэт, естественно, познакомил Ричарда с работником советского посольства, который занимался этой проблемой. После этого Киршман и Топхэт посещали

неоднократно увеселительные и спортивные мероприятия. Не раз американский еврей угощал русского полковника в ресторанах и кафе. Делал он это за счет своей компании и в благодарность за состоявшуюся сделку. За эти два года у них установились дружеские отношения. Топхэт уже дважды приглашал коммерсанта к себе на квартиру. Подобные их встречи можно, конечно, восстановить. Но нужно ли нам это?

— А почему нет? — пожал плечами Нолан. — Ты считаешь, что не стоит прислушиваться к рекомендациям директора ФБР?

— Да дело не в этом…

— А в чем же тогда?

— В том, что еще до рекомендации мистера Гувера я подготовил план ввода в изучение Топхэта по месту жительства другого, проверенного мною человека.

— И кто же он, этот проверенный человек?

— Выходец из России Симон Каплан. В США он прибыл в начале этого века. Сегодня он успешный бизнесмен, отец трех взрослых сыновей, двое из них являются офицерами ВМФ и ВВС.

— Тогда объясни, пожалуйста, почему ты отдаешь предпочтение Каплану, а не Киршману?

— Потому что я уже почти готовил Каплана к вводу в разработку Топхэта. Я делаю ставку на мистера Симона еще и потому, что у него есть точки соприкосновения с нашим агентом. Каплан владеет русским языком, хорошо знает Россию, плюс к этому он проживает в том же доме, что и Топхэт. Об условиях и мотивах их знакомства я уже инструктировал Симона… Тут Нолан нахмурился и строгим тоном спросил:

— А почему ты готовишь план и проводишь встречи, не ставя меня в известность?

— Да не хотел я загружать вас своими планами и материалами каждый день, — туманно ответил Мори и, снисходительно улыбнувшись, добавил: — Главное в нашей работе не доклады, а конечный результат — встреча Каплана с Топхэтом.

— И как же ты планируешь осуществить их знакомство?

— Очень просто. Знакомство будет исходить от Симона Каплана. Он должен как бы случайно встретиться с миссис Поляковой, которая постоянно совершает около дома прогулки со своими маленькими детьми. Услышав разговор на русском языке, он должен подойти к ним и завести беседу, в процессе которой, как бы между прочим, расскажет ей все о себе.

— А что он должен рассказать ей?

— Что жил раньше в России и покинул ее сорок лет назад. Подчеркнет, что в Советском Союзе у него остались близкие

родственники. Что его особенно интересует судьба младшего брата, который после окончания войны в Европе занимал в Казани какой-то важный пост. При этом он должен попросить миссис Полякову хоть что-нибудь узнать о нем через ее мужа. По идее, она должна с пониманием отнестись к его просьбе и пообещать помочь через мужа, а возможно, и свести его с Топхэтом. Если же она не предложит ему встретиться с мужем, тогда он сам намекнет ей об этом. Но я полагаю, что она согласится с его предложением. В этом случае Каплан подготовит короткое письмо с аналогичной просьбой и вручит его при встрече Топхэту. Тогда же Каплан расскажет все о себе, о своих деловых связях и о своем племяннике, работающем на заводе по производству керамики, которая применяется в реактивных самолетах. Вот тут-то мы и проверим еще раз Топхэта: честен он с нами или нет? Если честен, то должен рассказать нам о контакте с Капланом и о его связях на керамическом заводе.

— О'кей! Я одобряю твой замысел. Но надо их встречу и первичную беседу обязательно проконтролировать прослушивающей техникой. И, пожалуйста, напомни Топхэту, что за ним остался должок — сведения об агентах из числа американских граждан, завербованных советскими разведчиками. Скажи ему прямо, что этот должок будет для нас не менее ценен, чем его предыдущая информация о нелегалах. Кстати, некоторые из них, не помню, говорил я тебе или нет, уже выехали из США.

Джон несколько секунд молчал, потом спросил:

— А откуда стало вам известно, что некоторых из них уже нет в Америке?

— Дело в том, что наши сотрудники из информационно-аналитического и розыскного отделов провели проверку сведений Топхэта и установили, что несколько названных им нелегалов выехали в разное время за пределы США. Умышленно или неумышленно он это сделал, я не знаю.

— Зато я знаю, — решительно подхватил Джон Мори. — В данном случае сработала необходимость самозащиты агента. Да, он мог назвать и тех, кто уже покинул нашу страну. Между прочим, выдавая нам шифровальщиков, сотрудников резидентур и связников нелегалов он убедительно просил меня, чтобы никого из них мы не объявляли персона нон грата и не арестовывали бы их до его отъезда в Советский Союз. Иначе, предупреждал он, это может привести к его разоблачению в Москве.

Нолан изумленно покачал головой и сказал:

— А ты не замечаешь, что он уже повелевает нами?!

— Нет, мистер Нолан, он не повелевает, он учит нас, как надо работать.

— А я считаю, что Топхэт — абсолютно непредсказуемый человек. Не случайно Дэвид Мэнли однажды сказал, что это тот еще типчик! Топхэт, конечно, прав, опасаясь за свою безопасность, и, очевидно, поэтому кое-что не договаривает нам. Но ты все же постарайся в оставшееся до его отъезда время выпотрошить из него как можно больше информации. И, пожалуйста, продолжай склонять его к невозвращению на родину. Тем более что ты уже начал уговаривать его после ознакомительной встречи с ним…

Джон хотел не согласиться с начальником отдела по поводу склонения Топхэта к невозвращению в Советский Союз, но потом передумал. А Нолан тем временем продолжал:

— Если же Топхэт будет упрямиться, то, может быть, стоит еще раз попугать его, намекнув о том, что мы можем сдать его досье не в ЦРУ, а в советское посольство.

Джону это заявление пришлось не по душе, и он тут же возразил:

— Нет, мистер Нолан, это не сработает. Топхэт пойдет на все, чтобы вернуться на родину, где к тому времени уже будет находиться его супруга миссис Полякова и их дети. Документы на их выезд в СССР уже оформлены. Вся беда, конечно, в том, что Топхэт действительно не представляет своей жизни без семьи. Да и само понятие Родины для него, мне кажется, несмотря на предательство, не стало еще абстрактным понятием. И потому он и держится так крепко за нее…

— Вот и гадай после этого, доверять ему или нет. Подстава он или нет?

— Даю вам слово, мистер Нолан, я выясню это на следующей встрече и сделаю все, чтобы выкачать из него необходимое нам…

Среда, 24 января 1962 года, Мэдисон-авеню

У Полякова была привычка совершать пешую прогулку до места работы в прохладные утренние часы с чувством свободы на душе. Но в этот зимний день, направляясь на очередную встречу с американцем, ощущал тревогу: установленный с Симоном Капланом оперативный контакт без санкции Центра продолжался всего три недели и доставил ему немало дополнительных хлопот. Через Каплана, съездившего по его заданию в Питсбург, он добыл образцы керамики, представлявшие интерес для отечественного авиапрома.

Направив в Центр информацию об этом, он сразу же запросил санкцию на установление контакта с Капланом в качестве кандидата на вербовку и надеялся извлечь из этого похвалу со стороны руководства. Однако из Москвы на имя резидента пришла шифровка с неожиданным ответом: «У нас есть опасения, что Трент своими активными действиями перед возвращением в Аттику[16] мог привлечь внимание Хаты[17]. В связи с этим дальнейшие контакты с Капланом прекратить, новые ни с кем не устанавливать, а агентурную работу полностью свернуть…»

«Это хорошо еще, что в Центре заботятся о моей безопасности, — размышлял Поляков при подходе к месту встречи. — А как же теперь поступить с Капланом? Неужели это была подстава Джона Мори с целью проверки меня на честность сотрудничества с ним? Так что же делать? Сообщать или не сообщать Джону об установлении контакта с Капланом? Нет, наверно, надо рассказать все, как было. Кто знает, может, ФБР уже проконтролировало поездку Каплана в Питсбург…»

Встреча с Мори началась с подробного рассказа об этом факте. Когда Топхэт закончил свое сообщение, Джон улыбнулся и сказал:

— Спасибо за информацию, но мне это уже известно.

— А от кого вам стало это известно? — зацепился Топхэт. Мускулы на лице Джона напряглись, несколько секунд он смотрел на него молча, потом опять ехидно улыбнулся и глумливо осведомился:

— Неужели вы не догадываетесь?

— Догадываюсь, но хотел бы услышать это из ваших уст.

— Ну, конечно, от службы наружного наблюдения. У нас, как видите, нет от вас никаких тайн. А вы вот все еще продолжаете скрывать от нас свою агентуру.

Топхэт недоуменно пожал плечами.

— Кого вы имеете в виду?

— Я имею в виду тех ваших агентов, которые поныне действуют на территории Америки…

Топхэт хотел что-то ответить, но Джон, выставив вперед ладонь, остановил его, продолжая излагать свою мысль:

— Мое руководство после каждой нашей встречи задает мне всегда один и тот же вопрос: «Ну что вы получили сегодня?» Вот и я адресую вам этот вопрос: что могу я сегодня доложить шефу о действующих у нас советских агентах и нелегалах? Если вы назовете их сейчас, то ваш брильянт еще ярче заблистает в истории спецслужб Америки.

Джон внимательно смотрел на Топхэта, ожидая его реакции.

Топхэт спокойно воспринял выжидательный взгляд седовласого хитреца из ФБР. Он в эту минуту думал о своем: его по-прежнему продолжало беспокоить известное всем легкое обращение американцев с полученной от своих помощников информацией. Это вызывало у него перед возвращением в Москву страх, буквально сковавший его, страх за последствия ее использования. В который раз, оказавшись в сложной ситуации — идти против правды или говорить только правду, он не знал, что делать.

Джон уловил его нерешительность и, не выдержав молчания, решил надавить:

— Так вы будете называть агентов, которые остались еще в Америке?

И Топхэт начал сдавать их и тех, которых знал по документам в период своей работы в Центре. Первым он назвал агента Дрона[18] — офицера Военно-морского флота США, затем подполковника Вольфа[19] — бывшего заместителя начальника отдела вооруженных сил США, потом англичанина Барда[20], работавшего в Министерстве авиации Великобритании и занимавшегося разработкой ракетного оружия для британского флота.

Затем наступила небольшая пауза: он стал вспоминать, кого еще следовало бы раскрыть американцам. Вспомнив, он назвал дешифровальщика Агентства национальной безопасности США Дарка[21], англичанина Марса[22], американцев Фроста[23], Горуна, Гранта[24] и Беджера[25]. Сделав опять паузу, он, не меняя тона, продолжал выдавать остальных советских нелегалов[26] и поддерживавших с ними контакт сотрудников[27] нью-йоркской резидентуры ГРУ, а на некоторых офицеров даже дал наводки на возможность их вербовочной[28] разработки.

Сделав пометки на выданных им агентов, Джон Мори вскинул голову и долго, задумчиво смотрел на Топхэта, потом, наконец, произнес:

— Мы очень признательны вам, мистер Поляков, за ваши ценные сведения. То, что вы сделали для Америки, вызовет теперь полное доверие к вам и со стороны руководства ФБР. — Достав из нагрудного кармана толстую пачку долларов, он, положив ее на стол перед Топхэтом, с врожденной лестью изрек: — Вы заслужили этот гонорар на подарки для ваших друзей и товарищей в Советском Союзе. За заслуги перед моей страной мы готовы открыть долларовый счет на ваше имя, но ровно столько, чтобы это не повредило вашей безопасности.

Вдохновленный похвалой и высокой оценкой предательства, Топхэт поспешил порадовать американцев:

— Подождите, я раскрою вам еще одного успешного супернелегала — женщину. Но сделаю это, по соображениям личной безопасности, только перед отъездом из Нью-Йорка, на последней нашей встрече… Что же касается открытия счета в банке на мое имя, то не надо этого делать. Однажды я уже говорил вам, что сотрудничаю с вами не по материальным, а по идейным соображениям. А вот подарки для друзей и моих товарищей в Москве стоило бы приобрести, но покупать их должен кто-то из вашей вспомогательной службы. Если же займусь этим я, то не удержусь, чтобы не купить что-то дорогостоящее, и тем самым навлеку на себя подозрение сотрудников нашей резидентуры. Провозить же в Советский Союз крупные суммы долларов еще более рискованно. Поэтому было бы лучше, если бы вы, мистер Джон, поручили бы кому-то из вашей хозяйственной службы подготовить мне какие-то подарки, а я в Москве распределю их, кому что следует. Так оно будет безопаснее.

Расчет Полякова оказался правильным.

— А что бы вы хотели иметь в качестве подарков? Допустим, для своих близких? И что для тех, кто может способствовать росту вашей служебной карьеры?

Поляков сначала пожал плечами, потом сказал:

— Желательно что-нибудь недорогое, но из такого, чего у нас в России нет. Например, шариковые ручки и различные зажигалки для простых офицеров. Генералам и адмиралам можно было бы подарить кинокамеры «Кейстон» или фотоаппараты «Роллефлекс». Ну а для их жен — золотые серьги со вставками из жемчуга или сапфира. Или что-нибудь из хрусталя французской фирмы «Лалик». И если будет для вас не обременительно, — заулыбался он, — то купите тройку женских золотых часов марки «Ле Культр» или «Лонжин».

И хотя не надо было ничего записывать, поскольку их беседа проходила под тайной техникой подслушивания, Джон Мори

делал пометки в своем блокнотике. Закончив записывать, он спросил у Топхэта:

— А как вы сможете провезти все это через таможенный контроль на советской границе?

— Это уже моя забота! — твердо ответил ему Топхэт. — Не беспокойтесь, я всегда делаю все профессионально и надежно.

Джон несколько секунд молча смотрел на него, потом тихо произнес:

— Имейте в виду, у нас в отношении вас — большие планы. Мы заинтересованы в том, чтобы вы работали у нас, в Нью-Йорке или в Вашингтоне, на постоянной основе. Но для этого, как я уже говорил однажды, необходимо получить американское гражданство. Поверьте, мы умеем ценить талант русских и готовы за это хорошо платить. Вы могли бы стать у нас одним из советников директора ФБР по Советскому Союзу. И если вы согласитесь стать им, тогда действительно весь свободный мир Америки будет лежать у ваших ног. Тем более что вы сами не раз подчеркивали, что не хотели бы жить при коммунизме, что коммунизм — это опасность для всей цивилизации.

— Вот поэтому я и удивляюсь, — подхватил Топхэт, — что вы, американцы, хоть и богатейшая нация в мире, но почему-то продолжаете мириться с коммунизмом и соглашаетесь на установление с Советским Союзом политики мирного сосуществования.

— А вот тут вы не правы, мистер Поляков. Мы прекрасно понимаем, что мирное сосуществование и разрядка — это сказочка для дураков. И если вы согласитесь работать у нас, то об этих сказочках сразу забудете и все поймете. Наше политическое кредо — чем хуже все складывается в Советском Союзе, тем лучше. А священная задача США — была, есть и будет — борьба с коммунизмом. И раз уж вы разделяете нашу политическую линию, то надо вам работать вместе с нами, в США. Мы дадим вам особняк, секретаршу, машину, откроем счет в банке. Будете жить как в раю…

По спине Топхэта пробежал легкий озноб, на лице появилась испарина, он достал платок, вытер ее и сказал:

— Дайте мне время подумать до следующей встречи. Глаза американца зажглись ласковым блеском.

— А чего тут думать, надо соглашаться! За нас с вами всегда есть кому подумать. Соглашайтесь, чего уж тут…

Топхэт, словно отгоняя назойливую муху, махнул рукой. Джон внимательно посмотрел на него, поднялся из-за стола и, постучав пальцем по часам на руке, сказал:

— Ладно… Давайте не будем отнимать друг у друга времени

больше, чем положено. — Потом оптимистично добавил: — Разговор о возможности нашей совместной работы в центральном аппарате ФБР продолжим на следующей встрече — двадцать девятого марта в это же время.

Поляков тоже поднялся, озабоченный предложением фэбээровца, молча направился к выходу из явочной квартиры…

Суббота, 3 февраля, Вашингтон, штаб-квартира ФБР

Войдя в кабинет полковника Нолана, Джон Мори сел не за рабочий стол, как обычно, а в большое мягкое кресло, стоявшее у окна.

— Вот теперь, мистер Мори, я поздравляю вас! — с гордостью произнес начальник отдела ФБР.

— С чем именно? — удивился Джон.

— Со снятием каких бы то ни было подозрений в отношении Топхэта. По личному указанию директора ФБР закончена общая проверка и анализ всей информации, поступавшей от русского полковника Полякова. Достоверность и ценность ее не вызывает теперь никаких сомнений. Директор ФБР дал указание провести с ним последнюю встречу и готовить досье Топхэта к передаче на связь сотрудникам ЦРУ. Они будут работать с ним на территории Советского Союза. При этом мистер Гувер подчеркнул, что Топхэт мог оставить на последнюю встречу что-то очень важное для нас…

Джон дернулся в кресле и, усевшись поудобнее, сказал:

— Да, он признался мне в этом. Обещал перед отъездом из США раскрыть супернелегалку — женщину.

— Это хорошо, что он сам сказал об этом. Значит, до конца будет откровенен с нами. На заключительной явке попытайся еще раз склонить его к невозвращению в Советский Союз.

— Я уже предпринимал такую попытку на предыдущей встрече…

— И что же? — поторопил его Нолан.

— Я обещал ему златые горы, счет в банке, высокую должность в ФБР, однако он не клюнул на все это… Но попросил меня, правда безо всякого энтузиазма, дать ему возможность подумать до следующей встречи.

— Вот и зацепись за этот крючок для разговора с ним, поборись за советского полковника. Нам, в ФБР, очень нужны толковые люди для работы против страны «железного занавеса». Сделай все возможное, чтобы он остался на жительство в Америке.

— О'кей, я постараюсь, — неуверенно пролепетал Мори, почесав затылок.

— Да уж, постарайся. А я со своей стороны сделаю заявку о подборе для Топхэта различных сувениров на общую сумму в тысячу долларов. Еще две тысячи ты вручишь ему за честное и

результативное сотрудничество с нами.

Джон отрицательно покачал головой.

— Что? Ты не согласен? — уставился на него Нолан.

— Да.

— Почему?

— Потому, что он не возьмет такую крупную сумму. Однажды я уже объяснял вам, что Топхэт — сверхосторожный человек. Если он начнет тратить доллары на дорогостоящие покупки для себя и своей семьи, то это может вызвать, по его убеждению, большие подозрения у его коллег. В России же наши доллары тем более будут опасны для него. Там он нигде, кроме магазина «Березка», не сможет их израсходовать. А в «Березке» все крупные покупки контролируются советской контрразведкой.

— В таком случае скажи ему, что мы можем открыть счет в банке на его имя. Он будет знать об этом и всегда помнить, что у него в Нью-Йорке есть банковский счет. Тогда он и в Москве начнет работать с ЦРУ также надежно и плодотворно, как с ФБР.

Джон пожал плечами и без энтузиазма проворчал:

— Это надо все решать с самим Топхэтом.

— Разумеется, — ответил Нолан. — Вот и проработай с ним этот вопрос.

— Безусловно.

Четверг, 29 марта, Нью-Йорк

Джон Мори начал очередную встречу с Топхэтом с прямого вопроса в отношении получения американского гражданства. Когда он спросил об этом, Поляков изобразил на лице явное недоумение.

— Но вы же просили дать вам время подумать, — упрекнул его Джон. — Оно было у вас. Так к какому берегу — американскому или советскому — вы решили прибиться? — Топхэт продолжал смотреть на него как баран на новые ворота, а Джон недоброжелательным тоном продолжал наседать: — Вы хотите жить опять в раскритикованной вами коммунистической среде?.. Или вы говорили мне все это ради того, чтобы войти в доверие к нам?

На сей раз резкий и безапелляционный тон Мори вызвал у Топхэта большую тревогу. Поляков вспомнил слова резидента Ивана Склярова о том, что в Нью-Йорке они не больше чем гости, что им могут здесь устроить такую провокацию, после которой никогда уже не вернешься домой. И тут он впервые почувствовал себя незащищенным, почуял угрозу, исходящую от фэбээровца.

Джон продолжал в упор смотреть ему в глаза, ожидая решения. Но Поляков молчал. Лицо его, как маска, оставалось по-прежнему непроницаемым.

— Ну что… так и будем молчать? — прервал затянувшуюся паузу Джон.

Топхэт встряхнулся и сказал:

— Да, жизнь в Советском Союзе была для меня не мила. Да, я не приемлю советский образ жизни. Да, Соединенные Штаты Америки — богатейшая страна в мире, в ней много свободы и демократии. Но я, как сказал плененный в годы Великой Отечественной войны генерал Карбышев, Родину не хотел бы продавать. Без нее я не мыслю своей жизни. В России находятся мои родители, моя семья и родственники. Без них я не смогу существовать. А то, что начал сотрудничать с вами, то я готов продолжить это и в Москве с вашими коллегами из ЦРУ. Если вы, конечно, захотите…

На лице Мори расцвела сладчайшая улыбка, он вытащил из нагрудного кармана пиджака толстую пачку долларов и, положив ее перед ним, сказал:

— Это наш должок за достоверную информацию, которой вы снабдили меня на прошлой явке. — Затем он повернулся к входной двери, рядом с которой стояла большая кожаная сумка и, показав на нее пальцем, добавил: — А в этой сумке я принес

подарки и сувениры для ваших московских начальников и товарищей по работе.

И они оба понимающе улыбнулись.

— Спасибо, мистер Мори.

— А теперь, — американец раскрыл свою папку и высыпал из нее на стол кучу черно-белых фотографий, — я буду показывать вам фото советских дипломатов и сотрудников различных московских представительств, аккредитованных в Америке. Вы должны сказать, кто из них принадлежит к разведывательным службам. Если кого-то хорошо знаете, то охарактеризуйте, отметив их пороки и увлечения.

Поляков взял из вороха фотокарточек несколько снимков и, узнав на некоторых из них разведчиков ГРУ и КГБ, с обидой произнес:

— Так я же называл их вам на одной из предыдущих встреч!

— Вы называли их без фото, только одни фамилии. А теперь мне надо записать это на обороте фотографий.

— А мне кажется, что вы все еще проверяете меня и мою честность в отношениях с вами, — язвительно заметил Топхэт, всматриваясь в предъявленные ему фотографии.

Джону это замечание не понравилось, и он укоризненно бросил:

— Ну какой нам смысл проверять вас, если вы скоро покинете нашу страну?

— Смысл есть, — не согласился Топхэт. — В этом случае вы, после проверки, будете иметь или не иметь твердого мнения о целесообразности передачи меня на связь сотрудникам ЦРУ. Разве это не так?

Американец махнул рукой, потом встал и демонстративно подсел к Топхэту.

— Пусть будет так. И именно в этих целях давайте продолжим процедуру идентификации советских служащих, работающих в США в различных учреждениях.

Эта процедура, с задаваемыми Джоном уточняющими вопросами, длилась больше часа, потом неожиданно зазвонил телефон. Джон молча и долго слушал, что говорил голос в трубке, затем с пафосом громко ответил:

— Да, я вас понял! Седьмого июня, в четверг. О'кей! Положив трубку, Мори сообщил:

— У нас будет с вами еще одна, заключительная встреча. Вы слышали это?

Топхэт пожал плечами.

— Она должна состояться перед вашим убытием из Америки, седьмого июня, в семь часов вечера. Но не здесь, а в отеле,

расположенном на Тридцать шестой стрит, в холле на пятом этаже. Учитывая, что у нас будет еще одна встреча, то мы на этом сегодня закончим. — Мори встал и, выходя из-за стола, спросил: — Вы запомнили, когда и где мы в последний раз встречаемся? Повторите, пожалуйста.

— В четверг, седьмого июня, в отеле на Тридцать шестой стрит в семь вечера на пятом этаже, — ответил поднявшийся вслед за ним Топхэт.

— О'кей. Сегодня я еще раз убедился, что вы, мистер Поляков, обладаете прекрасной памятью, — польстил ему американец. Когда тот подошел уже к двери, он с улыбкой напомнил ему: — Но не забудьте забрать сумку с подарками.

— Спасибо…

Четверг, 7 июня, 36-я стрит Нью-Йорка

В тот день, 7 июня, Джон Мори встретил Топхэта, как никогда ранее, приветливо и провел его сразу к сервированному столу.

— Это будет наш прощальный вечер, — успокаивающе произнес американец. — Присаживайтесь, пожалуйста. Я полагаю, что пить мы будем только виски?

Подобие улыбки появилось и на лице Топхэта.

— Я бы предпочел ничего не пить, — ответил он, положив на край стола свою кожаную папку. — Вы же знаете, что я не пью и не курю.

— Но, как говорят у вас, в России, должны же мы выпить на посошок, на дорожку?

У Джона было хорошее настроение, и оно невольно передалось Полякову, который решил осчастливить в этот день своего визави не только выдачей нелегала Мэйси, но и выкраденной из резидентуры совершенно секретной документацией[29].

— Что ж, придется выпить, — поморщился Топхэт. — Но прежде чем это сделать, хотел бы в последний раз спросить вас, мистер Мори, о доверии ко мне с американской стороны. Так скажите напоследок, вы все еще сомневаетесь во мне?

— Нет! — твердо ответил Джон. — Сомнения были у моего руководства, в том числе и у директора ФБР мистера Гувера. Эти сомнения возникали у них после каждой нашей встречи только из-за того, что сведения, которые вы передавали мне, а я — им, казались невероятными. Они не могли поверить, чтобы один человек мог располагать таким большим объемом сногсшибательной секретной информации. И поэтому они так долго не доверяли вам.

Удивленный откровенным признанием фэбээровца, Поляков долго и задумчиво вглядывался в прозрачную жидкость в рюмке, как будто надеялся что-то там увидеть. Пригубив рюмку, он от всего сердца продекламировал:

— Хотите верьте, хотите нет, но я получил большое удовлетворение от красивой жизни в Америке и от контактов лично с вами. И если нам удастся отвести мир от угрозы коммунизма и возникновения ядерной войны, то это будет означать, что наши усилия были не напрасными. Войны пока нет, и слава богу, а с коммунизмом мы еще поборемся. Разумеется, совместными усилиями…

— Вот и давайте за это выпьем! Итак, за нашу совместную борьбу! — воскликнул Джон. — За наши с вами успехи, мистер

Поляков!

— И чтобы о них, наших успехах, никогда не узнала советская контрразведка! — добавил Топхэт.

Они чокнулись и, сделав глоток, продолжили беседу о необходимости борьбы с коммунистической идеологией. Вспомнив о том, что надо еще успеть на организованный им прощальный ужин в советской миссии Военно-штабного комитета, Поляков, предупредив об этом своего оператора, взял с края стола свою папку и вытащил из нее фотографии с отснятым текстом. Подавая их Джону, сказал:

— А теперь я плачу вам натурой вот этими документами за те подарки, которые вы преподнесли мне на предыдущей встрече…

— Что это? — удивился фэбээровец.

— Это переснятый мною секретный справочник об организации оперативной работы военной разведки за границей. В нем дается полное представление о разведывательной деятельности ГРУ.

— Вот это да! — не удержавшись, воскликнул Джон Мори.

— Кроме того, в справочнике есть все данные о Военно-дипломатической академии и о порядке подбора кандидатов на учебу в ней…

— Так это же стоит гораздо больших денег, чем врученные вам подарки на прошлой встрече!

— Но это еще не все… Записывайте… Или запоминайте…

Джон Мори, потирая руки, буквально расцвел от счастья.

— Чтобы доказать, что буду и впредь полезен Америке, сдаю вам последних двух разведчиков-нелегалов, выдачу которых я придержал до сегодняшней заключительной явки. Это самые перспективные нелегалы. В интересах собственной безопасности не буду называть их установочные данные, ограничусь лишь сообщением о местах постановки сигналов и о закладке тайников для них. Вам надо лишь организовать постоянное наблюдение за местами постановки меток и ждать дня и часа выполнения тайниковых операций. На первую из них должна выйти симпатичная женщина лет пятидесяти пяти. Последующее наружное наблюдение позволит вам установить не только ее, но и нашего разведчика из резидентуры, который явится снимать поставленный сигнал о закладке или изъятии тайника. Считаю, что этого будет вполне достаточно для разоблачения и ареста наших двух самых ценных нелегалов.

— А вы не могли бы назвать хотя бы приблизительную дату предстоящей тайниковой операции? — спросил Джон и замер в ожидании ответа.

— А вот этого я не знаю. Ведите негласное наблюдение за

местом закладки тайника и за местом постановки сигнала русской буквой «К», засекайте и устанавливайте эту женщину, но арестовывать ее вы должны, как я говорил вам раньше, только после моего отъезда[30] из США. Где-нибудь через месяц, а лучше всего через два или три.

Подумав, Топхэт назвал ее оперативный псевдоним — Мэйси[31], затем стал рассказывать все, что знал о ней, и даже похвастался, что отвечал за ее подготовку и вывод за кордон.

Мэйси была светлой личностью, вызывающей восхищение. Она родилась в Минске. Училась в школе, потом в музыкальном техникуме на отделении вокала и фортепиано. Педагоги предрекали ей учебу в Ленинградской консерватории и сцену в оперном театре. Но после замужества ей пришлось оставить все это и переехать к мужу в военный городок, где она поступила на Высшие курсы иностранных языков при Ленинградском отделении Академии наук СССР. Когда же заполыхала Гражданская война в Испании, она попросилась в военкомате, как человек, владеющий испанским языком, направить ее добровольцем на борьбу с фашизмом. Ее просьбу удовлетворили. Потом она вернулась в Россию. Годы Великой Отечественной войны — 900 блокадных дней и ночей — она провела в Ленинграде, работала медсестрой в местном госпитале.

После войны ей, как знатоку английского, испанского и французского языков, предложили работу в Латинской Америке — референтом консульского отдела посольства СССР в Колумбии. После разрыва дипломатических отношений с Колумбией вернулась в Ленинград. Стала работать старшим преподавателем иностранных языков в институте, одновременно училась в аспирантуре, по ее окончании защитила диссертацию и получила степень кандидата филологических наук. И тут судьба снова сделала в ее жизни новый поворот — Мэйси пригласили в Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. После соответствующей подготовки была выведена на нелегальную работу в США. Там она стала американкой Глен Морреро Подцесски, по легенде — косметолог высшей категории. В Нью-Йорке легализовалась под видом хозяйки косметического салона, который вскоре приобрел популярность и знатную клиентуру. Из ее числа она стала вербовать жен высокопоставленных чиновников из верхушки политических, военных и деловых кругов.

Получаемые от них сведения представляли для нашей страны большой интерес. Но самая большая заслуга Мэйси состояла в том, что, благодаря ее своевременной и достоверной информации о планах США по уничтожению Кубы, была провалена

американская военная авантюра против этой страны. За вклад в успешную операцию в районе Плайя-Хирон и на побережье залива Свиней разведчица Мэйси была награждена орденом Красного Знамени…

По настойчивой просьбе своего оператора Топхэт все же описал расположение резервного для Мэйси тайника и место постановки сигнала «К». Однако фэбээровец продолжал настаивать, чтобы Топхэт назвал ему и подлинную фамилию Мэйси. Но Топхэт был непреклонен:

— Я совершенно не понимаю вас! Вы что? Хотите все-таки завалить меня перед возвращением на родину?! У меня невольно возникает вопрос: а не делаете ли вы это, господа американцы, чтобы провалить меня в ответ на несогласие мое остаться на жительство в США? Извините, мистер Джон, но я не буду вам раскрывать паспортные данные Мэйси[32]. Повторяю еще раз: устанавливайте сами ее личность! Но арестовывать ее вы должны только после моего отъезда из США! Вам это понятно или нет?! — с раздражением бросил Топхэт.

Джон Мори удивленно покачал головой: «Этого еще не хватало, чтобы он кричал на меня», — подумал он и, тяжело вздохнув, почтительно произнес:

— О'кей! Мы сделаем все, как вы сказали. — Затем он поднялся из-за стола, взял с журнального столика лежавший на нем портфель и начал выкладывать из него тоненькие папки с какими-то документами. — Это все инструкции, которые понадобятся вам для связи теперь уже с сотрудниками резидентуры ЦРУ в Москве. Кстати, вы даете свое согласие работать с ними?

— Да, я согласен, но при одном условии, — предупредил Топхэт.

— При каком именно? — нахмурился Джон.

— В Москве я готов сотрудничать с ЦРУ, но только на бесконтактной основе, то есть без личной связи.

— И чем же вы мотивируете такое решение?

— В первую очередь необходимостью гораздо большей конспирации при работе со мной. Поймите правильно, я должен заботиться об обеспечении личной безопасности и очень хочу остаться не разоблаченным в предстоящем сотрудничестве с ЦРУ в Москве. Москва — это вам не Нью-Йорк, где я чувствовал себя более уверенно и спокойно.

— Значит, вы считаете, что наши разведчики могут вас провалить в Москве? И если это так, то скажите, на каком основании вы делаете подобные умозаключения? — Джон Мори смотрел на него злобными глазами.

— Не надо так смотреть на меня, — совершенно спокойно произнес в ответ Топхэт. — Я же не на допросе у вас! — опять повысил он голос. — Я хочу лишь одного: чтобы вы сейчас поняли и передали своим коллегам из ЦРУ, что мои отношения с ними в Москве будут строиться только на безличной основе. — Поляков мрачно посмотрел на Мори и неохотно продолжил: — Плохо, что вы, мистер Джон, не знаете, как работают ваши разведчики в других странах…

— Вот и расскажите мне об этом. И заодно объясните, почему вы так часто делаете нам какие-то замечания и ставите свои условия?

На этот раз Поляков несколько опешил:

— Я сейчас ставлю свои условия потому, что американская разведка в последнее время работала в Москве неквалифицированно. Это, кстати, подтверждается и арестом моего коллеги подполковника Попова. Работавшие с ним операторы Рассел Ланжели и Джордж Уинтерс проявляли небрежность и засветили не только тайники, но и самого Попова…

— Чтобы не произошло этого и с вами, — не дал ему договорить Джон, — я передаю вам вот эти средства связи. — Он достал из портфеля несколько коробочек и конвертов…

— И что же в них находится? Уж не таблетки ли цианистого калия?

— Сейчас я поясню, что к чему, — буркнул Джон, продолжая выкладывать на стол предметы шпионской экипировки.

Поляков усмехнулся.

— А правильно ли это будет, если вы, контрразведчик ФБР, будете что-то пояснять мне, разведчику? Другое дело, если бы инструктаж проводил кто-то из специалистов ЦРУ, — кисло добавил он.

— Вы полагаете, что я не компетентен в таких делах? — обиделся Мори.

— Я не полагаю, а считаю, что это так и есть, — дерзко ответил Топхэт.

— Ну хорошо, хорошо, — махнул рукой Джон. — Мое дело передать вам все, а как вы будете использовать это, разбирайтесь сами, коли вы такой грамотный.

— Итак, что вы мне передаете? — равнодушно бросил Топхэт.

Джон с укором посмотрел на него и сказал:

— Все, что на столе, это ваше. Я передаю вам два шифрблокнота с разным цветом обложек. Тот, что красного цвета, предназначен для зашифровки сообщений в посольскую резидентуру ЦРУ, а второй, в черной обложке, — для

расшифровки. — Затем протянул ему дорожный несессер и пояснил: — А это дается вам в качестве камуфляжа для шифрблокнотов. Условия связи, разведзадание и руководство по работе с шифрами исполнены на микропленке, которая крепится к стержню шариковой ручки. Так что, пожалуйста, забирайте это все. — Он протянул ему авторучку и чуть слышно добавил: — Кстати, на той же микропленке есть график проведения тайниковых операций в Москве.

— Вам назвали места для закладки тайников?

— Да. Один из них будет на Ленинских горах…

Заметив на лице Топхэта мгновенно менявшееся выражение то испуга, то злобы и растерянности, Джон невольно спросил:

— Что с вами, мистер Поляков?

Топхэт отрицательно покачал головой и сказал:

— Я ошеломлен тем, что сейчас услышал. Кто назвал вам Ленинские горы?

— Руководящий сотрудник ЦРУ. А что вас не устраивает?

— Я категорически отказываюсь от проведения тайниковой операции на Ленинских горах!

Мори побагровел: «Да сколько же можно выражать свое несогласие?!»

— Почему вы отказываетесь? — возмутился он.

— Потому что там уже проводились подобные операции по связи с Поповым. И, кстати, там же он был задержан[33] и арестован. Это еще раз подтверждает мое мнение о небрежной работе американской разведки в Москве…

Отказался Поляков и от использования подобранных цэрэушниками мест постановки сигналов в непосредственной близости от американского посольства. Заявив об этом Джону, он взял листок бумаги и нарисовал на нем новые места расположения тайников: один из них обозначил при входе в Парк культуры и отдыха имени Горького, второй — на улице Арбат с использованием магнитного контейнера, третий — недалеко от Военной академии имени Дзержинского. Сделав пояснения к схемам мест закладки тайников и увидев на столе книгу и какие-то предметы, он неожиданно спросил у Джона:

— А это что еще лежит перед вами?

— Это тоже все ваше. Вот таблетка цианистого калия. По внешнему виду и форме она, как видите, ничем не отличается от прочих медицинских таблеток и потому не нуждается в маскировке. — Затем Мори взял книгу и, показывая ее Топхэту, сказал: — А это энциклопедия о любимом вами увлечении — охоте. Во внутренней полости обложек находятся письма-прикрытия.

Кроме того, вам даются к фотоаппарату для вертикальной и горизонтальной съемок две приставки и одна катушка с защищенной фотопленкой, которая рассчитана на специальное проявление. Какое именно — в ЦРУ сказали, что вы, как разведчик, знаете.

— Да, я это знаю. А где же копировальная бумага? Может, она в больших конвертах, которые я передавал вам раньше?

— Да, эти пять конвертов ваши. Внутренняя поверхность их обработана и предназначена для тех же целей, что и копировальная бумага.

— А где магнитные контейнеры?

— Мне сказали, что вы можете изготовить их в Москве при помощи якобы известных вам подручных средств и материалов. А теперь о разведзадании…

— Но вы же говорили, — прервал американца Поляков, — что оно есть на микропленке, которая закамуфлирована в шариковой ручке…

— Да, это так, — согласился Мори. — Я хочу лишь пояснить, что ЦРУ на первое время ставит перед вами задачу глобального масштаба: определение военно-экономического потенциала СССР, объема ракетостроения и всего, что касается Вооруженных сил России и вашего ГРУ. В случае острой необходимости можете связаться с сотрудником ЦРУ по телефону, номер которого указан на той же микропленке. При этом надо назвать словесный пароль: «Шестьсот семь. Мэдисон-авеню». Он дается вам на случай, если потребуется срочно сообщить, что вы опять выезжаете в длительную служебную загранкомандировку… — Джон вдруг задумался, припоминая, что еще надо сообщить отъезжающему агенту, но, не вспомнив ничего, вынул из кармана пачку стодолларовых купюр и, подавая ее Топхэту, сказал: — Это вам премиальные от ФБР за хорошую работу с нами. И будьте осторожны в их трате. И здесь, в Нью-Йорке, и там, в Москве…

На этот раз Поляков взял доллары без каких-либо оговорок. Но не прошло и минуты, как он начал сожалеть, что взял их, показав свою жадность перед американцем. Несколько секунд он сидел в оцепенении, потом стыдливо бросил косой взгляд на Джона Мори. Тот смотрел на него задумчивым, долгим взглядом, то ли припоминая, не упустил ли он чего-то, то ли сожалея о своей последней встрече с «драгоценным камнем» в истории американской контрразведки. Решив, что все вопросы оговорены, Джон неожиданно быстро и с пафосом заговорил:

— Не поминайте меня лихом, мистер Поляков. Хочу верить, что наши встречи пойдут вам на пользу. И вы поверьте мне, что я кое-чему научился у вас. Прежде всего, вашему высокому

профессионализму и вашей преданности избранной профессии. Между прочим, мне понравилось, с каким упорством вы отстаивали необходимость своего возвращения в Советский Союз, хотя лично я спал и видел, что вы навсегда останетесь в Америке и мы вместе будем работать в Вашингтоне в ФБР. И последнее, что хотелось бы сказать: я очень высоко оцениваю ваше плодотворное сотрудничество с нами и весьма сожалею, что оно так быстро закончилось…

Полякову пришло в голову, что его американский оператор прощается с ним навсегда. Отогнав этот мысль прочь, он с уксусной улыбкой посмотрел на Джона Мори и сказал:

— Пути Господни, мистер Джон, неисповедимы… Кто знает, может быть, мы еще и встретимся где-нибудь.

Вспомнив о предстоящем прощальном ужине со своими коллегами по работе в Военно-штабном комитете, а затем и в самой резидентуре, он извинился перед Джоном, поблагодарил его за взаимопонимание и поспешил в свое представительство.

После фуршетов в ВШК и резидентуре Поляков вернулся домой поздно вечером с тяжелым чувством: он все еще сожалел, что взял у Джона пачку долларов. Переживал это так, что не мог заснуть. Да и в последующие два дня до отъезда из Нью-Йорка он расходовал эти доллары, опасаясь попасть под подозрение своих коллег. Лишь за несколько часов до отправления в морской порт он все же потратил часть денег на «шмотки» и подарки для своих родственников и коллег по работе в Москве.

А 9 июня 1962 года на пароходе «Куин Элизабет» агент ФБР полковник Поляков отплыл от берегов Америки, прихватив с собой сокрытое в личных вещах шпионское снаряжение для продолжения своей гнусной предательской деятельности, но теперь уже на родной земле московской.

Глава 2. «Крот» в «аквариуме»

У него было две жизни: одна — явная, которую видели и знали все, кому это нужно было. И другая — протекавшая тайно.

А. Чехов. Дама с собачкой

Летом 1962 года агент ФБР Дмитрий Поляков стал, на жаргоне западных спецслужб, «кротом» ЦРУ Соединенных Штатов Америки. Через него разведка противника без затруднений внедрилась в московский «аквариум» ГРУ. Так с подачи бежавшего в Англию изменника Родины капитана Владимира Резуна стали называть новый главный корпус штаб-квартиры Главного разведывательного управления Генштаба. Сами же сотрудники военной разведки окрестили новое девятиэтажное здание из стекла и бетона на Хорошевском шоссе «стекляшкой». Тогда же ЦРУ, чтобы основательно зашифровать своего агента, поменяло ему псевдоним: и с того времени во всех документах Лэнгли[34] он стал фигурировать не как Топхэт, а как Бурбон — так называется сорт американского виски.

После многодневного плавания через океан и пути через всю Европу у Бурбона было одно желание: выспаться как следует. Однако, вернувшись в родные пенаты, он даже заснуть не мог: не давал покоя вихрь обрывочных мыслей о том, что жизнь теперь будет намного опаснее, чем в Америке. Что отныне для него существует только «теперь», а «завтра» может уже не быть, потому что «завтра» — это разоблачение и арест. «А посему перед руководством — большим и малым — придется быть таким, какой им требуюсь, то есть всецело преданной им тварью, — продолжал он размышлять[35]. И разговаривать теперь надо предельно осторожно. Ничего не поделаешь, шпионаж — это всегда выматывающая душу тревога: как бы не разоблачили, как бы не арестовали!»

Думы о том, что до конца жизни предстоит ему играть одну и ту же роль — роль предателя и что малейшее выпадение из этого образа может стоить ему жизни, перерастали в большой страх. И вдруг словно кто-то стал подсказывать: «Решай, полковник, пока есть еще время одуматься и вернуться к нормальной честной жизни. Для этого тебе надо только заложить для американцев тайник с сообщением о том, что ты исчезаешь из их поля зрения навсегда. А после этого пойти на прием к генералу Изотову[36] и

признаться в том, что тебя вербовали янки. И, конечно же, заверить генерала, что ты сделаешь все возможное и невозможное ради того, чтобы оставили тебя работать в разведке».

В ответ на доносившийся извне незнакомый голос Поляков еще больше встревожился, что люди ЦРУ при отказе от сотрудничества все равно найдут его. «На земле нет силы, которая способна вырвать меня из американских лап, — подумал он, и эта мысль мгновенно вытеснила все остальные. — Нет, надо мне сообщить в резидентуру ЦРУ о благополучном возвращении в Москву и своей готовности продолжить сотрудничество с американской разведкой».

Так и не заснув, он стал поджидать рассвет. В летние часы рассветало рано, и с первым лучами солнца сразу все вокруг ожило: сначала закаркали перелетавшие с одной крыши на другую вороны, потом защебетали звонким гимном золотому светилу остальные птицы. Все радовалось вокруг пробуждению природы, но неспокойно было на душе у Полякова: он опасался предстоящей встречи с руководством отдела и Третьего управления ГРУ. «А вдруг кагэбэшники уже подготовили наручники и ждут не дождутся, чтобы их надеть на руки мне? — пронеслось у него в голове. Ему стало страшно, что жизнь может так быстро закончиться. — Что ж, за все надо платить, — подумал он. — Да, я оказался предателем, совершил паскудство по отношению к жене и детям. И если я окажусь разоблаченным, то придется платить за это…» И все-таки не предательство и не роль изменника Родины беспокоили его сейчас, а судьба семьи: жены, которую он любил, детей, которыми он всегда восторгался и гордился. «Но их еще можно спасти от позора, а вот сам я уже не спасаем, я уже в аду, — продолжал он размышлять. — Кто знает, возможно, сегодня или завтра предстоит мне и в самом деле опуститься в этот ад…»

С этими тяжелыми мыслями полковник Поляков начал собираться на работу в «аквариум». Перед тем как выйти из квартиры, он взглянул в зеркало и не узнал себя: на него смотрел печальный пожилой человек. «Как же сильно изменился я в последнее время, — подумал он. — Ничего уже не осталось от прежнего армейского офицера с энергичной манерой общения и всегда веселыми глазами. Да, не стало того молодого капитана Димы, который был когда-то зачислен на разведывательный факультет Академии имени Фрунзе. А теперь вот появился суровый полковник Дмитрий Федорович Поляков, любимым выражением которого стало слово «коновалы»…»

На работу он пришел чуть раньше. В вестибюле стояли несколько знакомых ему человек, возбужденно беседовавших

между собой. Они заметили его, но никто почему-то не поприветствовал его и не обрадовался его появлению после столь долгого отсутствия. Это вызвало в нем не только злость, но и глухое, неосознанное враждебное чувство, смешанное со страхом.

Первый рабочий день прошел буднично и спокойно, словно никому он не был нужен. Только в кадрах ему сказали, что нужно оформить документы по состоявшейся командировке в США и письменно отчитаться за нее перед своим отделом. А в конце дня сообщили, что завтра с утра его может принять с устным докладом о результатах командировки заместитель начальника 3-го управления ГРУ генерал-майор Толоконников. Это несколько насторожило Полякова: почему с устным докладом, а не тогда, когда будет готов письменный отчет?

Эти неприятные размышления по дороге домой терзали его душу и заставили вернуться к прежним раздумьям: «Может, все-таки мне завтра самому явиться с повинной?.. Но что это даст мне?.. Ровным счетом ничего, только позор. И этот позор будет впоследствии все время окружать моих сыновей и жену. А самое главное, что будет со мной? Известное дело, прощения мне не будет… Нет, придется продолжать играть свою двойную роль — патриота и предателя, чтобы как-то отсрочить час расплаты…»

С отвратительным настроением вернулся он домой после первого дня работы. Жены с детьми дома не было. Чтобы снять напряжение, он направился на кухню, взял из шкафчика начатую бутылку водки и граненый стакан, налил половину и выпил. Потом еще налил и, страдальчески морщась, опять выпил. Закусывая куском вареной колбасы, прошел в залу, не раздеваясь, лег на диван и словно провалился в пустоту. Возвратившаяся с детьми супруга, услышав его громкое бормотание, подошла к нему и сильно толкнула в плечо. Он испуганно открыл глаза и тут же услышал голос жены:

— Что-что ты сказал?

Поляков встал, выпрямился и, вяло махнув рукой, ответил:

— Да это я так.

— Господи, ну что у нас за жизнь такая? — с огорчением обронила жена.

— Ну чем ты, Нина, недовольна? Жизнь как жизнь. Нормальная.

Он обнял ее и, прижав к себе, почувствовал, как дрожит ее тело.

— Да какая же она нормальная? Твои вечные недомолвки скоро сведут меня с ума, — упавшим голосом произнесла она и отстранилась.

— Это у тебя все от разлуки со мной и от больших перегрузок

на работе и дома. Успокойся, я теперь буду помогать тебе по дому. Да и с детьми буду заниматься.

— Дай-то бог, чтоб так было…

Утром Поляков зашел в приемную генерала Толоконникова, но того не оказалось на месте, и секретарь попросила подождать. Прошло полчаса, а генерала все не было. Поляков попытался читать газету, предложенную ему секретарем, но чтение не снимало возникшего со вчерашнего дня опасения в том, что, возможно, стало что-то известно о его несанкционированных контактах с фэбээровцами или о каких-то индивидуальных ошибках в работе с нелегалами. Неожиданно пришло в голову: «А не оставил ли я в Нью-Йорке на работе в Военно-штабном комитете или в отеле что-нибудь компрометирующее меня?» И вдруг все его страхи и сомнения вытеснило внезапно вспомнившееся обстоятельство: после проверки документов на советской границе в купе к нему подсел молодой человек с портфелем в руках. «Кто знает, может быть, это был сотрудник или агент КГБ, — подумал Поляков. — И если это так, то во время моих отлучек в вагон-ресторан он мог запросто провести негласный осмотр вещей и обнаружить что-то подозрительное. Глазами профессионала можно было, конечно, что-то распознать, а потом доложить об этом кому следует. А вдруг это так и было?» Чувство профессионализма покинуло его, он вскочил со стула и с заметным волнением в голосе, забыв на мгновение о том, что ждет генерала, опять спросил:

— А генерал Толоконников у себя в кабинете?

— Да нет же его здесь! Я уже говорила вам! — упрекнула секретарь приемной. — С утра его вызвал адмирал Бекренев.

После этого Полякова охватил еще больший мандраж: «А не обсуждают ли они, генерал и адмирал, с кем-нибудь из КГБ мою дальнейшую судьбу?» Его так и подмывало покинуть приемную Толоконникова, а затем и территорию ГРУ, чтобы из городского телефона-автомата позвонить в американское посольство и передать условный сигнал бедствия, но в самый последний момент он удержался от такого опрометчивого шага.

Профессионализм вернулся к нему и, умело скрыв свои тревожные переживания, он, на сей раз бодрым голосом, спросил секретаря:

— А вы не могли бы позвонить мне, как только придет генерал?

— Но он просил вам передать, чтобы вы никуда не уходили и ждали бы его возвращения.

— Хорошо, я подожду.

И снова тревога стала одолевать Полякова из-за приказа

генерала о том, чтобы он не покидал приемную. Минуты ожидания казались вечностью, в голову приходили только черные мысли: «Жаль, что вырвали меня по окончании командировки из привычной райской обстановки в Нью-Йорке и лишили благоприятной среды! Почти восемь лет прожил я в такой прекрасной стране! Напрасно я отказался, когда Джон Мори предлагал остаться навсегда в Америке, обещая златые горы. Да, промахнулся ты, полковник Поляков. А теперь чего ж кусать локотки! Теперь американцы далеко, а кагэбэшники совсем близко. И никто здесь не придет на помощь, никто не защитит тебя, а сам по себе ты уже ничто. И хотя под ногами родная земля, она с каждым днем будет уходить из-под тебя. Жизнь, которая казалась раньше нескончаемой, может в любой момент оборваться: от пули в затылок после суда или от подстроенной автокатастрофы. И никого при этом не тронет моя смерть. Но я все же должен жить, преодолеть страх, который не будет никогда проходить при моей двойной жизни. Но разве можно каждодневно находиться под страхом возможной пули в затылок?.. А впрочем, почему бы и нет? Надо лишь смириться и свыкнуться со своим положением. В самом деле, почему это не могу я нести свой крест и терпеть, как это делали мои коллеги Попов[37], Дерябин[38], Шистов[39], Хохлов[40] и другие».

Размышляя обо всем этом и о предстоящей двойной жизни на работе и дома, Поляков все больше приходил к твердому убеждению, что всю оставшуюся жизнь так или иначе придется постоянно оглядываться по сторонам, быть чрезвычайно осторожным и рассчитывать только на самого себя. Мало того, возмечтал еще и продвигаться по служебной лестнице. Чтобы достичь этого, он поставил перед собой задачу: всем своим поведением подчеркивать уважение к начальникам всех рангов, располагать их к себе и привлекать на свою сторону с помощью уже приобретенных для этого американских подарков.

Едва успел он разработать для себя такую тактику, как вошел генерал Толоконников. Поприветствовав кивком вставшего по стойке «смирно» Полякова, он прошел мимо него в свой кабинет, оставив дверь открытой.

— Можно к вам, товарищ генерал? Полковник Поляков прибыл по вашему указанию, — окликнул он заместителя начальника управления.

— Проходите и присаживайтесь к столу.

— Благодарю вас.

Оглядев большой светлый кабинет, Поляков остановил взгляд на стене за генеральским креслом, где висел портрет ненавистного ему Никиты Хрущева.

— Вам не нравится этот портрет? — поинтересовался Толоконников.

Поляков стушевался, но тут же взял себя в руки и сказал:

— Я бы поменял для этого портрета рамку.

— И на какую же? — удивился генерал.

— На черную. Она лучше бы контрастировала с серым цветом фотографии Хрущева. А впрочем, пусть остается все, как есть. Серый человек достоин такого цвета обрамления…

— Вы считаете его серым человеком? — сделал большие глаза генерал.

— Да не только я, все американцы считают его таким после того, как он выступил в Организации Объединенных Наций. Помните, как он потрясал ботинком с трибуны?

Генерал укоризненно покачал головой и сказал:

— Вы не американец, а русский человек, и поэтому прошу вас быть сдержанным в своих оценках. А не то и на неприятности можете нарваться. А пригласил я вас не для того, чтобы вы указывали мне, на какой цвет поменять рамку портрета. Разговор у нас пойдет о более серьезных вещах. Руководство главка в лице адмирала Бекренева, от которого я только что вернулся, встревожено резким сокращением нашей нелегальной сети в Америке. Вы можете объяснить, с чем это связано? Как так получилось, что самые закрытые источники информации вынуждены с согласия Центра конспиративно бежать в сопредельные страны, а потом перебираться в Советский Союз? Что там произошло?

«Ну вот и началось: с первой встречи — уже допрос», — промелькнуло в голове Полякова. Лицо его приняло цвет бетона, в глазах появился какой-то полубезумный блеск. Он вскинул злой взгляд на генерала и, делая вид, что впервые услышал об этом, спросил:

— А почему вы считаете, что произошло сокращение нелегальной сети?

— Вот об этом я и прошу вас доложить! — повысив голос, требовательно произнес генерал Толоконников, продолжая пристально вглядываться в лицо полковника. — Из-за угрозы их провалов мы вынуждены теперь давать санкции нелегалам на выезд из США. Вы что, не знали об этом?

— Да, не знал, — промычал Поляков.

— Плохо! — вспылил генерал и, сделав небольшую паузу, опять спросил: — Чем же вы тогда там занимались? Вы же были в Нью-Йорке заместителем главного резидента по нелегальной разведке!

Поляков молчал.

— Ну ладно, — смягчился Толоконников и, глядя в настороженные глаза назначенного на должность ведущего офицера вашингтонского участка Полякова, поинтересовался: — А вы не думаете, что угрозы провалов могли возникнуть в результате предательства кого-то из сотрудников нью-йоркской резидентуры?

Поляков мгновенно опустил глаза, мозг его начал работать с лихорадочной быстротой, анализируя возникшую ситуацию. Чувствуя, как все больше охватывает страх возможного разоблачения, он призвал на помощь все свое самообладание.

— Я не думаю, чтобы в нашей резидентуре мог быть кто-то предателем. А впрочем, все может быть… Мне трудно объяснить причины, которые могли побудить нелегалов просить санкции на возвращение в Союз.

— Ну как же так, Дмитрий Федорович? Вы готовили их в Центре, руководили их работой в Америке и даже не можете теперь предположить версию возникших провалов. А не связано ли это со слабой подготовкой нелегалов или неправильным использованием ими легализационных документов?

Сохраняя внешне спокойствие, Поляков с тяжелым сердцем ответил:

— Поймите меня правильно, товарищ генерал, я не работал напрямую с известными вам нелегалами в Америке. Три последних года ни с кем из них я не встречался. Для связи с ними в резидентуре была создана спецгруппа офицеров. В нее входили Выродов, Буров, Зыков, Сажин, Прохоров, Мошков и Сосновский. В нее потом подключили еще и Травкина, но через полгода он был откомандирован в Москву за трусость и бездеятельность. Вот с ними и надо вам поговорить.

На щеках генерала зашевелились желваки.

— Спасибо за ценную подсказку, я непременно сделаю это, — с иронией ответил он.

Понимая, что чего-то большего о причинах провалов от Полякова не добиться, Толоконников решил сменить тему беседы.

— А как вы считаете, можно ли что-то предпринять сейчас для пополнения нелегальной сети в Америке? Позволяет ли это сделать сегодняшняя оперативная обстановка там?

У Полякова сразу отлегло на душе. «На сей раз, кажется, пронесло», — подумал он и деланно спокойным голосом ответил:

— В настоящее время контрразведывательный режим в США заметно ужесточился, поэтому надо немного подождать…

— А с чем это связано, что ФБР усилило контрразведывательный регламент? — продолжал допытываться генерал.

Поляков не стал ничего сочинять, что часто случается с людьми, когда запас их реальных сведений уже исчерпан, а уходить молча в тень не хочется. Поэтому, делая вид, что обдумывает свой ответ, он надолго умолк. И его хитрость сработала: Толоконников, не дождавшись ответа, начал излагать свою версию:

— Мне кажется, что после неудавшейся попытки свергнуть режим Фиделя Кастро американский президент дал указание ЦРУ и Пентагону вести в строжайшей секретности подготовку к новому вторжению на Кубу. А чтобы не произошло утечки информации к советской разведке, и был ужесточен контрразведывательный регламент. Однако наша внешняя разведка КГБ все же получила об этом информацию, и с учетом этого в Генштабе, чтобы предотвратить повторное нападение на остров Свободы, разрабатывается сейчас секретная операция[41] по доставке и размещению баллистических ракет на Кубу. Вы согласны с такой версией ужесточения контроля ФБР?

На лице Полякова появилась ничего не выражавшая улыбка разведчика-профессионала: в это время он обрел полное спокойствие, потому что сам генерал выдал ему наисекретнейшую информацию. Поняв, что руководство ГРУ ничем компрометирующим в отношении него не располагает, он немного приободрился. Но в тот же миг на ум ему пришла другая мысль: «А вдруг они решили проверить меня: передам я или нет такую государственно-важную информацию в США?» Чтобы поддержать начавшийся разговор о версиях, он поспешил дать ответ на вопрос Толоконникова:

— Я согласен с вашей версией, товарищ генерал, но то, что вы сейчас сказали, это же может привести мир к ядерной катастрофе. К войне между двумя сверхдержавами.

Толоконников загадочно посмотрел на него и, поняв, что полковник Поляков ничего нового не скажет, нехотя промолвил:

— Да, это может привести к серьезному столкновению с Америкой. Но давайте не будем заниматься гаданьем на кофейной гуще. Пока ракеты находятся на нашей территории. И даже планы еще не разработаны и не утверждены руководством страны. Придет время, и мы все узнаем…

* * *

После беседы с заместителем начальника управления Поляков воспрянул духом и принялся составлять список: кому и что он должен подарить. Напротив фамилий офицеров, кто был

по занимаемой должности ниже рангом, делал пометки с названиями сувениров — американские зажигалки, брелоки, портмоне и впервые появившиеся в то время шариковые ручки; другим — золотые часы «Лонжин» и «Омега». А кто был по званию и по должности выше — фотоаппараты, фарфоровые сервизы и даже один стереофонический магнитофон «Сони»; для жен больших начальников — чешуйчатое ожерелье из жемчуга, серьги с бриллиантовыми и сапфировыми вставками. В те годы такие подарки были весьма ценными и престижными, и поэтому Поляков рассчитывал с их помощью завоевать благорасположение к себе и доверие. И он добился этого: получил тогда хорошую аттестацию, подписанную начальником направления М.С. Савельевым и утвержденную руководителем профильного управления генерал-майором В.С. Соколовым. В ней, в частности, отмечалось: «…На полковника Полякова Д.Ф. возлагалось руководство группой офицеров по всему комплексу обеспечения разведки с нелегальных позиций. Со своими обязанностями он справился, однако не добился активизации основной работы в решении вербовочных задач. Лично Поляков предпринимал попытки по решению этих проблем через представительскую деятельность, но положительных результатов не достиг. Задание по обеспечению надежной связи с нелегалами не выполнено…

Вывод: Полковник Поляков Д.Ф. — опытный офицер, имеет большой стаж работы в Центре и за рубежом. Хорошо знает оперативную обстановку и условия разведывательной деятельности в США. Исходя из этого, полагали бы возможным использовать его в 3-м управлении ГРУ на американском направлении».

Вскоре после этого его назначили на должность старшего офицера и поручили с позиций Центра курировать деятельность разведаппаратов в Нью-Йорке и Вашингтоне. В какой-то мере поспособствовали такому назначению и его заокеанские хозяева: они выполнили его требование не арестовывать засвеченных им агентов в течение двух месяцев после отъезда и тем самым уберегли Полякова от излишних подозрений в провалах нелегалов.

Аресты начались в сентябре 1962 года. Первыми «сгорели» агенты Дрон и Фрост и их связники из ГРУ Иван Выродов и Василий Прохоров. Несмотря на ухищренные допросы советских разведчиков-нелегалов, агентов из числа иностранцев и их связников, никто из них никого не выдал и не пошел на предлагавшееся на выгодных условиях сотрудничество с американской спецслужбой.

Получив должность старшего офицера, Поляков понял, что

угроза провала его миновала. С того времени он начал активно собирать и накапливать секретную информацию для передачи ее американской разведке. В своем служебном кабинете он переснял фотоаппаратом «Экзакта» телефонные справочники Генерального штаба Вооруженных Сил СССР и ГРУ.

Зашифровав собранные и обработанные сведения, Поляков поместил их вместе с непроявленной пленкой в изготовленный им контейнер. После этого в обусловленный день он отправился вечером в Центральный парк культуры и отдыха имени Горького. У входа в него и при подходе к тайнику № 1 под названием «Арт» он несколько раз проверился и затем, уже в полной темноте, присел на скамейку, около которой предстояло заложить в тайник секретные материалы. Обмазав пластилином контейнер и обваляв его в кирпичной крошке, которой были посыпаны дорожки в парке, Поляков положил его у задней ножки скамьи. Проверившись, направился к выходу. Дойдя до него, он на одном из столбов ограды с правой стороны нанес чернильными брызгами из авторучки горизонтальную полосу. Затем, снова проверяясь, побрел по направлению к метро «Октябрьская».

Утром по пути на работу он должен был удостовериться, изъят сотрудниками ЦРУ заложенный им контейнер или нет. Для этого нужно было считать ответный сигнал в виде вертикальной черты губной помадой на доске объявлений около ресторана «Арбат». Однако этого сигнала он не обнаружил. В таких случаях другой агент иностранной разведки попытался бы проверить сохранность контейнера и его содержимого, но Поляков не сделал этого, понимая, что это чревато захватом или арестом прямо у тайника.

Несколько дней у шпиона Полякова не было полной ясности о судьбе тайника № 1. Почти целый месяц он находился в напряженной атмосфере, опасаясь, что контейнер мог попасть в руки случайных людей, а те могли передать его куда следует — в КГБ или милицию.

И только по прошествии еще нескольких дней он, просматривая очередной номер газеты «Нью-Йорк таймс», обнаружил в колонке «Объявления частных лиц» зашифрованное сообщение, которое адресовалось некоему «Муди Дональду Ф.». Поняв, что данное сообщение предназначено ему, Поляков облегченно перевел дух. Объявление начиналось со слов «Письмо от Арта получено» — это означало, что заложенный в Парке Горького контейнер благополучно изъят. Клички тайникам и определению мест постановки меток о закладке или изъятии контейнеров в Москве Поляков, будучи еще в Нью-Йорке, предложил сам. Тогда же было оговорено, что все тайники будут

фигурировать под именами собственными: № 1 — Арт, № 2 — Чарльз, № 3 — Боб, а места постановки сигналов — Бетти и Фил.

Заключительная фраза в объявлении тоже не вызывала подозрений у читателя: «Пожалуйста, свяжись с братьями Эдвардом и Джоном Ф. по адресу Клостер, штат Нью-Джерси». Этой фразой ЦРУ напоминало ему о необходимости срочно направить на указанный подставной адрес в США сообщение о себе и о своих дальнейших планах. И так совпало, что тогда же был арестован другой агент ЦРУ из ГРУ — полковник Олег Пеньковский. Это разоблачение отразилось и на поведении Полякова: он стал замкнутым и несговорчивым, при ведении служебных разговоров проявлял звериную осторожность, а дома начал уничтожать часть привезенной из США шпионской экипировки. В тот же день он известил посольскую резидентуру о том, что тайники Арт, Чарльз и Боб повторно использовать не будет по соображениям личной безопасности. Тогда же он предупредил американцев, что и впредь расположение тайников в Москве он будет определять сам. Страх провала после ареста Пеньковского настолько усилился в нем, что Поляков отказался от проведения тайниковых операций до середины 1963 года и от использования почтового канала связи. Мало того, он уничтожил обложку врученной ему в Нью-Йорке книги об охоте с сокрытыми в ней письмами-прикрытиями, которые должен был отправлять на подставные адреса в США.

Через некоторое время до него дошли слухи, что в кадрах прорабатывается вопрос о его возможном направлении в третью командировку в США на должность старшего помощника военного атташе при посольстве СССР в Вашингтоне. На всякий случай он решил уведомить об этом своих хозяев. Как раз тогда подошел срок закладки нового тайника под названием Боб в районе старого здания Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы на пересечении улиц Лестева и Хавской. Получилось так, что ему к тому времени предстояло докладывать ЦРУ и более важную информацию: как ведущему специалисту военной разведки по США, ему удалось ознакомиться с личными и рабочими делами нелегалов из числа американских граждан под псевдонимами Вольф, Дарк и Карел. Это были ценные агенты ГРУ:

Дарк — дешифратор и техник-аналитик при директоре АНБ;

Вольф — подполковник, заместитель начальника отдела американской армии;

Карел — специалист по ремонту шифровальных машин 15-й воздушной армии стратегического авиационного командования Министерства обороны США.

Информацию о них Поляков заложил в тайник «Боб», после чего поставил графическую метку об этом на доске объявлений возле станции метро «Добрынинская». На другой день возле магазина «Рыба» на улице Арбат он получил ответный сигнал об изъятии тайника.

Пользуясь халатностью и болтливостью своих коллег, Поляков продолжал собирать нужные противнику сведения. Делал он это осторожно и профессионально: в процессе общения с офицерами вызывал их на откровенный разговор, подстраивался к обсуждаемым оперативным вопросам, в том числе связанным с агентурной деятельностью, и таким образом выуживал «втемную» интересующую американцев информацию. Добывал он ее и официальным путем — на проводившихся в отделе и управлении совещаниях.

Иногда запрашивал секретные материалы из других подразделений, а обосновывал это служебной необходимостью ознакомления с ними. При этом Поляков никогда не делал записей на клочках бумаги или в своем блокнотике. Все дело в том, что этот человек обладал феноменальной памятью: он словно фотографировал глазами все, что видел, и мгновенно запоминал все, что слышал или читал. К тому же ему были доступны многие директивные документы, планы и отчеты о проделанной работе. По своему статусу он имел возможность знакомиться с оперативной перепиской не только с вашингтонским и нью-йоркским разведаппаратами, но и между подразделениями Центра по американской проблематике. Поэтому ему не составило особого труда получить данные на нелегалов, действующих даже в других странах мира, например в Англии, — Барда, Мала, Марса и Робина, а также в Таиланде на шестерых агентов из числа американских военнослужащих.

Таким образом, Поляков помогал ФБР раскрывать агентурную сеть ГРУ не только в США, но и в некоторых других странах. И как следствие этого там начались аресты агентовнелегалов и высылка военных разведчиков, которые поддерживали с ними связь. Несколько агентов из их числа покончили жизнь самоубийством, судьба других сложилась тоже трагично — пожизненное заключение или не менее жестокие сроки наказания с призрачной надеждой на освобождение.

Практически не стало тогда и сформированной в США группы обеспечения военной разведки с нелегальных позиций. Всем офицерам группы были сделаны вербовочные предложения, но ни один из них не пошел на предательство. Кончилось это тем, что они были объявлены персона нон-грата и выдворены из США. Да и на родине одни из них были уволены из ГРУ, других вынудили

уволиться без выслуги лет, а третьи стали невыездными.

По факту разгрома агентурной сети в США была создана в ГРУ специальная комиссия. Она проанализировала каждый провал в отдельности и в совокупности с другими и пришла к выводу, что основными причинами явились нарушения конспирации офицерами-связниками или же самими агентами. А провалы нелегалов Жакоба и Троповой были списаны на ранее разоблаченного шпиона — подполковника ГРУ Петра Попова. По завершении работы комиссии нелегальное управление военной разведки было расформировано, как недееспособное и не имеющее базы в других странах.

Неудовлетворенный такими неглубокими выводами полковник Сенькин, ранее работавший с Поляковым в Нью-Йорке, встретившись с ним лицом к лицу в стенах «аквариума», после обычного обмена сведениями завел неприятный для него, «кусательный» разговор:

— Если бы выяснением причин массовых провалов занялась «Контора глубокого бурения», я имею в виду КГБ, то выводы могли бы быть совсем другими. Я на сто процентов уверен, что подозрения могли бы тогда пасть на кого-то из сотрудников нью-йоркской резидентуры, когда вы были там заместителем резидента. Кстати, такие слухи по сей день бродят по нашей конторе. Вот не дай бог начнется расследование кагэбэшниками. А уж они-то докопаются до истины…

Поляков несколько секунд молчал, оценивая то, что сказал Сенькин: неожиданно ему пришло в голову, что Анатолий Борисович шантажирует его, но он тут же отбросил эту мысль, как явно нелепую. «Сенькин не тот человек, чтобы шантажировать», — подумал он и, с тревогой взглянув в глаза собеседника, тихо спросил:

— И что же муссируется в тех самых «бродячих» слухах? Кого хоть подозревают?

Сенькин вначале растерялся, не зная, что ответить, потом сказал:

— Но я же говорил вам, подозревают всех тех, кто располагал хоть какой-то информацией о нелегалах и других агентах в Америке. И, разумеется, подозревают и лично вас, Дмитрий Федорович. Вы же, как заместитель главного резидента, знали и готовили к работе всех наших нелегалов в США. А офицеры из группы обеспечения имели дело только со своими двумя-тремя агентами.

Неприятный холодок пробежал по спине Полякова. Он был весь как натянутая струна, услышав то, что сказал Сенькин. Затем изобразил искреннее удивление, покачал головой и бесстрастно

обронил:

— Все это чушь, Анатолий Борисович!

— Нет, Дмитрий Федорович, это не чушь! — парировал Сенькин. И, вспомнив их посещение резиденции американской миссии при Военно-штабном комитете, добавил: — Слухи, Дмитрий Федорович, великая вещь! Они рождаются, долго живут и умирают по неведомым нам законам…

Морщась, словно от внутренней мучительной боли, Поляков молчал.

— Мне вот до сих пор непонятно, — продолжал Сенькин, — почему два года назад, когда мы вместе были у генерала О'Нейли, вы задержались в офисе почти на три минуты? Вы же, наверно, понимали, что там были два сотрудника ФБР и они могли вам устроить такую провокацию, после которой вы никогда бы не смогли отмыться.

Вконец сбитый с толку Поляков сильно покраснел, зловеще улыбнулся краешком губ и грубо процедил:

— Хам ты, Толя, и плебей! Я догадываюсь, что ты вот тоже подозреваешь меня. А зря! Грех будет на тебе за это! — И он посмотрел на Сенькина злобным взглядом.

Тут уже не выдержал и Сенькин.

— Да все мы были для тебя плебеи. И, как ты любил нас называть в Нью-Йорке, все мы — коновалы, — перешел он на «ты». — Как бы то ни было, Дмитрий Федорович, но я считаю, что ты тоже повинен в провалах наших людей в Америке.

Столь откровенное обвинение словно обухом по голове ударило Полякова, он сразу стал ниже ростом, внезапное оцепенение настолько охватило его, что слова застряли комом в горле. Преодолев спазм, он все же раздраженным голосом процедил:

— Значит, ты все-таки причисляешь меня к числу виноватых в провалах нелегалов? Никогда бы не подумал, что ты опасный человек.

По его тону Сенькин понял, что тот обозлен на него до предела, и, чтобы как-то смягчить неприятный разговор, спокойно проговорил:

— Не надо меня опасаться, Дмитрий Федорович. Это еще не тот день, а тот день, как подсказывает моя интуиция, придет потом. Уж он-то наверняка все расставит на свои места. Вот его ты и бойся!

— Да пошел ты куда подальше! — вспылил Поляков, покрываясь холодным потом. — Я за Родину кровь проливал, а ты вздумал подозревать меня чуть ли не в предательстве. Да какое ты имеешь право на это?! Ты просто наглый шантажист!

Наслушался каких-то нелепых слухов и давай покрывать меня сверху донизу своими подозрениями. Вот зачем ты ссылаешься на свою мутную интуицию? Было бы лучше, если бы ты молчал со своими глупыми предсказаниями о каком-то опасном дне. Да и вообще, кто ты такой!

— Ну чего ты кипятишься, Дмитрий Федорович? — спокойно ответил Анатолий Борисович, стараясь говорить как можно мягче. — То, о чем я говорил сейчас, это всего лишь мое предположение, и нечего тут нервничать. А то, что провалы в США произошли и по твоей вине, я пока не утверждаю, а допускаю. И это, извини, мое личное мнение.

Поляков, вконец сбитый с толку, пролепетал:

— Ну вот опять ты за свое!

И тут Сенькин проявил образцовый профессионализм разведчика:

— Не надо, Дмитрий Федорович, изображать, будто ты не понимаешь, о чем я говорил. — И, махнув рукой, добавил: — Ладно, пусть остается все это на твоей совести.

Поляков растерянно приумолк, потом, скривив едкую улыбку, произнес:

— Все, что ты наговорил мне сейчас, это все мелочи.

— А вот с этим я с тобой не согласен. И надеюсь, ты понимаешь почему?

— Нет, не понимаю! Так ответь мне: почему?

— Да потому что в разведывательном деле не бывает мелочей! И ты это прекрасно знаешь сам. А кто из нас был сегодня прав, покажет время.

Поляков нервно потер кулаком левый глаз, пытаясь унять внезапно возникший тик, и безрадостно, словно сдаваясь, повторил последнюю фразу Сенькина:

— Да, время покажет, кто из нас был прав.

После этого они с молчаливым укором поглядели друг на друга и, не подавая руки друг другу, расстались — каждый со своими тягостными мыслями.

* * *

Неприятный разговор с бывшим своим начальником долго не выходил из головы полковника Сенькина. Необъяснимое и тревожное чувство все время сдерживало его написать рапорт на имя руководства ГРУ. Не имея прямых доказательств возможного предательства Полякова, он опасался стать неугодным для начальства человеком и — самое страшное — получить прозвище

«кляузник». К тому же ему тогда приснился сон, в котором Поляков предупреждал хриплым голосом: «Ты можешь плохо кончить, если полезешь не в свое дело. Кирпич на голову человека никогда случайно не падает. Подумай об этом как следует…» Этот хриплый голос, вторгаясь в сознание, преследовал Сенькина несколько дней. В конце концов терпение у него лопнуло, и, чтобы снять головную боль, он записался на прием к начальнику управления кадров генерал-лейтенанту Изотову. Тот встретил его недружелюбно, словно знал, зачем он пришел. Как только Сенькин сел на стул, генерал, не тратя времени на вступление и другие церемонии, спросил:

— Что у вас, полковник Сенькин? Докладывайте. И, пожалуйста, в пределах пяти-семи минут. Потом я должен ехать в Генштаб.

— Хорошо, товарищ генерал, я буду краток. У меня возникло предположение, что известный вам полковник Поляков был в Нью-Йорке на пути к предательству…

— Не порите чушь, Анатолий Борисович! — резко оборвал его генерал, с трудом сдерживая раздражение. — Откуда у вас такая злая подозрительность? И полное недоверие к нему? Вы что… засекли несанкционированные контакты Полякова с ФБР?.. Или вы тайком следили в Нью-Йорке за ним и его связями?

Сенькин стушевался, опустил глаза и спокойно ответил:

— Нет, Сергей Иванович, не следил я ни за кем и никого не засекал. И подтверждающих данных моей версии о причастности Полякова к провалам нелегалов у меня нет…

— Значит, — прервал опять Изотов, глядя на него тяжеловесным ледяным взглядом, — все это вы нафантазировали. Надо держать себя в руках, Анатолий Борисович. Нельзя вам, как разведчику, фантазировать. — Он сделал паузу и, словно вспомнив что-то, добавил: — Между прочим, почему вы только сегодня, а не по возвращении из Нью-Йорка, заявили мне о своих подозрениях?

Сенькин тяжело вздохнул.

— Все дело в том, что я не задумывался тогда об этом. А сейчас, когда произошла цепь провалов нелегалов, которых знал только Поляков, я стал анализировать и пришел к выводу, что это мог сделать он.

— Одумайтесь, что вы говорите, Анатолий Борисович?! Поляков — восходящая звезда военной, разведки, мы ставим его в пример другим, а вы тут наводите тень на ясный день. Не морочьте мне голову, полковник Сенькин! Он не способен на предательство! Вы же знаете, что он — участник Великой Отечественной войны, имеет высокие правительственные

награды. Нет, это невероятно! — возмутился генерал-кадровик. — Дмитрий Федорович занимался у нас самой секретной работой — подготовкой разведчиков-нелегалов, а вы вдруг… подозреваете его. Ну как так можно? И на каком основании?

Понимая, что начальник управления кадров не приемлет его версию, Анатолий Борисович, махнув рукой, бросил:

— Я, честно говоря, знал, что если сообщу вам о своих подозрениях, то вы будете возражать. Что ж, моя совесть чиста, я исполнил свой долг, высказал вам свою версию. А принимать или не принимать ее — это дело ваше.

Генерал, выслушав Сенькина, жестким, не терпящим возражений голосом заключил:

— Ваша главная ошибка, Анатолий Борисович в том, что вы бросаете тень необоснованных подозрений на старшего офицера разведки, который в ближайшем времени может стать резидентом.

— Я понимаю, — смирился Сенькин.

— Тогда зачем же держать палец на спусковом крючке? — зловещим тоном спросил генерал.

— Для того, чтобы не пострадали другие наши разведчики и их агенты в той стране, куда будет командирован будущий резидент Поляков.

Этот ответ вконец рассердил Изотова, он поморщился как от зубной боли и, выдавив злую улыбку, спросил:

— А почему вы сказали, что я буду возражать против вашей версии в отношении полковника Полякова? С чего вы это взяли?

В тоне, которым генерал произнес это, Сенькин ощутил угрозу и потому с тревогой ответил:

— Да потому что, идя к вам, я понимал, что никто из наших руководителей не ждет и не хочет, чтобы появилось грязное пятно на коллективе. Уверен, что и вы не хотите этого. Вот и все мое объяснение.

Изотову хотелось продолжить расспросы Сенькина, но он вспомнил, что ему пора выезжать в Генштаб, и потому предостерегающе заговорил:

— Поймите меня правильно, Анатолий Борисович, я не рекомендую вам распространяться о своих ничем не подкрепленных подозрениях. Огласка же их ничего, кроме вреда, не принесет. И вам, и Полякову.

— А я и не распространялся. Сообщил вот только вам, чтобы вы знали о моих личных подозрениях.

— Вот и хорошо! — обрадовался генерал, потирая руки. — У вас есть еще вопросы ко мне?

— Нет, Сергей Иванович, — спокойно ответил Сенькин. —

Разрешите идти?

— Да, вы свободны.

Изобразив удовлетворение от состоявшегося разговора, полковник Сенькин поспешил ретироваться за дверь, бросив на ходу всего два слова:

— До свидания.

Склонив голову, генерал Изотов надолго задумался, глядя в окно. В конце концов он решил для очистки совести поставить в известность о подозрениях Сенькина заместителей начальника ГРУ Бекренева и Павлова.

* * *

Несколько дней Сенькин переживал из-за того, что сообщил Изотову о своих подозрениях, ведь этим он поставил под удар прежде всего самого себя: теперь ему могут зарубить планировавшуюся долгосрочную загранкомандировку. Разговор с начальником управления кадров оставил у него пренеприятный осадок. «Но ничего, главное — доложил и дал понять Изотову, что провалы в Америке были не случайны. А он пусть теперь думает», — успокаивал он себя.

Несмотря на это в сердце Сенькина надолго поселилась тревога, которая все больше разрасталась из-за того, что его подозрения могут не подтвердиться. С каждым днем вокруг, казалось, образовывалась глухая пустота, хотя рядом — и на работе, и дома — находились все те же хорошие люди. Но поделиться с кем-либо из них своими догадками о причинах провалов в США и о состоявшемся разговоре с Изотовым он не мог из опасения навлечь на себя неприятности. Единственным человеком, которому он мог излить свою душу и рассказать обо всем, был полковник Гульев, который тоже хорошо знал Полякова по совместной с ним работе в Нью-Йорке в первую командировку.

Между тем продолжавшиеся тогда аресты и судебные процессы в США над советскими нелегалами, которых не успели перебросить в СССР или вывести в другие страны, встревожили весь оперативный состав ГРУ. То, что произошло это из-за предательства кого-то из своих, сомнений ни у кого из сотрудников военной разведки не было. И это обстоятельство еще больше побуждало Сенькина к откровенному разговору с начальником направления Леонидом Александровичем Гульевым. Тот без колебаний согласился принять его.

Они встретились в кабинете Гульева. Помня о предупреждении Изотова о том, чтобы впредь не

распространяться о подозрениях в отношении Полякова, Сенькин начал разговор о совершенно другом, малосущественном в их работе. При этом все время держался как-то скованно и неуверенно, потом неожиданно спросил:

— Скажи мне, Леонид Александрович, какого ты мнения о Полякове?

Полковник Гульев удивился: с чего бы это он спрашивает о нем?

— Да как тебе сказать? Сложный он человек. Высокомерный, резкий и с завышенными амбициями. По характеру вспыльчив и груб. В Нью-Йорке мы все сторонились его, боялись, что может облаять ни за что ни про что. Однажды он попросил меня подготовить и отправить нашему агенту письмо.

Выполняя его поручение, я забыл наклеить на конверт марку с обусловленным рисунком. Письмо ушло, а марка осталась у меня. Она до сего времени находится в моем альбоме для марок. Я тогда мог бы, конечно, промолчать, что письмо отправлено без марки, но я все же доложил ему об этом. Если бы ты видел и слышал, что тогда началось: маты-перематы, оскорбления сыпались одно за другим. Как только он не обзывал меня — и коновалом, и безмозглой курицей, и бог знает кем еще. Грозился даже откомандировать в Москву, потом дня через два или три смирился и сказал: «Счастье твое, что письмо было не «боевое», а «учебное»». Что дальше было, ты знаешь: я не потерпел его оскорблений, сообщил кому следует. С тех пор наши пути-дорожки разошлись навсегда. Он остался в нелегальном управлении, а меня перевели в легальную разведку.

Профессиональное чутье подсказывало полковнику Гульеву, что первый вопрос Сенькина — это лишь прелюдия к главному, к чему тот осторожно подбирается. И он уже начал догадываться «к чему» и все же для проверки самого себя требовательно спросил:

— А почему это вдруг тебя заинтересовало мое мнение о нем?

Сенькин молчал, не решаясь начать разговор о главном — о своих подозрениях и о состоявшихся встречах с Поляковым и генералом Изотовым. Поняв окончательно, что Анатолий Борисович далеко не случайно интересовался мнением о Полякове, Гульев снова сердито спросил:

— Ну чего ты молчишь-то? Говори, что случилось?

Сенькин нервно дернулся, медленно встал и подсел поближе к начальнику направления, затем оглянулся на входную дверь и тихим голосом произнес:

— Нас никто не подслушает?

Гульев встал, вышел из-за стола, подошел к двери и закрыл ее

на ключ. Вернувшись на свое место, он долго молча смотрел на мучившегося из-за своей нерешительности Сенькина. Тот, начав нервно барабанить пальцами по столу, опустил глаза и вдруг как-то таинственно заговорил:

— Скажу тебе по большому секрету: я серьезно подозреваю Полякова в предательстве наших нелегалов и разведчиков в США. И хотя у меня нет прямых доказательств, я сообщил о своих подозрениях генералу Изотову…

Гульев был шокирован: он никак не ожидал этого от Сенькина, который поддерживал с Поляковым в Нью-Йорке более-менее нормальные отношения.

Сенькин тем временем продолжал рассказывать о содержании беседы с начальником управления кадров ГРУ. Затем сообщил и о состоявшемся один на один разговоре с самим Поляковым о массовых провалах нелегалов и выдворениях из США военных разведчиков.

— Чертовски трудно жить и работать, когда знаешь, что рядом с тобой находится, возможно, предатель — агент ЦРУ, — заключил Сенькин и стал ждать ответной реакции опытного и авторитетного начальника направления Гульева.

Тот долго молчал, потом неторопливо и раздумчиво заговорил:

— Мне кажется, что ты поторопился со своими разговорами с Изотовым и Поляковым. Надо было подождать еще немного…

— А чего ждать-то, Леонид Александрович?.. Ждать, когда он завалит агентурную сеть ГРУ в другой стране, куда его намереваются, по словам Изотова, направить?

— Да, надо подождать, когда и где еще Поляков может проявить себя как предатель.

Сенькин, недовольный тем, что получил не ту реакцию, какую ожидал услышать, скривил губы и сказал:

— А я-то думал, что ты согласишься со мной, поддержишь мою версию в отношении «хитрого лиса».

— Для того чтобы установить и разоблачить Полякова как предателя, нужна «тяжелая артиллерия», а она находится не в наших руках…

— Я что-то не пойму, о какой артиллерии ты говоришь?

— Я имею в виду КГБ и его контрразведку. Обращаться же в КГБ сейчас никто не будет…

— Почему? — удивился Сенькин.

— Потому что у нас с тобой и у нашего руководства нет доказательств для обоснования версии о возможном предательстве «хитрого лиса». У нас только эмоции и нет никаких зацепок. И правильно тебе сказал Изотов о том, чтобы ты о своих

догадках ни с кем разговора не заводил.

Гульев кривил душой: он и сам подозревал Полякова в предательстве, но открыто об этом решил пока не высказываться.

Сенькин, как будто загипнотизированный словами Гульева, задумчивым взглядом уставился в окно, потом руками закрыл лицо, словно надеясь на то, что пребывание в темноте прояснит его мысли. После недолгого молчания он вдруг заявил:

— Но если у нас есть хоть одна версия, то ее же надо проверять?!. И заняться этим должен именно КГБ. Его оперативникам стоит только ухватиться за ниточку, и они размотают весь клубок. А если поступить так, как ты предлагаешь, в смысле подождать еще немного, то последствия могут со временем оказаться еще более трагическими для ГРУ. Ты же прекрасно знаешь, что провалы наших разведчиков «в поле» и агентуры все еще продолжаются. И постоянно идет утечка из ГРУ секретной информации. А мы все ушами хлопаем! Из-за этих провалов у нас прикрыли нелегальную разведку. И может получиться так, что один предатель сведет на нет деятельность всей военной разведки и тогда уже ГРУ, наверняка, расформируют. А нам это надо?

— Нет, конечно, — отозвался Гульев.

— Так в чем же тогда дело? — кисло сморщился Сенькин. — Может, мне написать рапорт на имя начальника ГРУ о своих подозрениях и высказать предложение о целесообразности подключения «тяжелой артиллерии» для проверки моей версии?

— Обращаться в КГБ Ивашутин не будет. Во-первых, у него нет конкретных фактов, чтобы подозревать Полякова. Во-вторых, зачем ему и нам с тобой выносить сор из избы, когда нет зацепок. И, наконец, в-третьих, а стоит ли тебе-то совать нос в это дело? Ты же, насколько мне известно, в Нью-Йорке дружил с ним? Но если даже и не дружил, то работал там много лет с ним бок о бок. И потому и тебя могут притянуть за уши к грязному делу. Усекаешь?

Сенькин опять сморщился и сказал:

— Я мог бы, конечно, молчать, но разведывательное дело мне дороже всего. Нет, нам надо вывести его на свет Божий!

Гульев окинул его взглядом, исполненным крайнего скепсиса, и серьезным тоном предупредил:

— Кто знает, возможно, именно тебе придется с ним еще работать. И поэтому нужно держать ухо востро и не подавать вида, что ты подозреваешь его.

— А вот с этим я не согласен с тобой! — воскликнул Сенькин. — Наоборот, пусть он чувствует, что его серьезно подозревают. Только тогда он начнет нервничать и дергаться и

может допустить серьезную ошибку. Нет, Леонид Александрович, мы должны тайно отфлажковать его, волка старого, так, чтобы он взвыл и сам выдал себя со всеми потрохами.

Гульев отрицательно покачал головой.

— Еще мудрец Соломон говорил, что всему свое время. Нам сейчас надо поступать так, чтобы Дмитрий Федорович чувствовал себя как рыба в воде. И только при этом условии он, рано или поздно, проявит себя.

Жизненный и оперативный опыт полковника Гульева не позволял ему противиться версии Сенькина, но, чтобы преждевременно не наломать дров, он снова предупредил его:

— Ты, Анатолий Борисович, должен залечь на дно и нигде не высовываться, как советовал тебе генерал Изотов. При встречах можешь, как ни в чем не бывало, перекидываться с ним приветствиями, но ни в коем случае по своей инициативе не вступать в разговор… — Подумав, добавил: — Ты уже сделал свое дело, довел нужную информацию до Изотова, вот пусть он и ломает голову, что теперь предпринять. Давай положимся на его генеральский ум и высокую должность кадровика. Если у тебя появятся какие-то новые веские факты в отношении Полякова, заходи — обсудим их вместе…

Сенькин молча кивнул, согласившись с утешительными рекомендациями полковника Гульева.

Трудный и тягостный разговор с Сенькиным оставил у Полякова тревожное чувство. Оно повергло его на несколько дней в состояние депрессии. Возвратившись из Нью-Йорка в Москву, он полагал, что ничто и никто — ни Дэвид Мэнли, ни Джон Мори — не будет ему мешать спокойно жить и работать в ГРУ. Раньше он даже не предполагал, что на родине будет постоянно находиться под страхом разоблачения. Теперь же, чувствуя себя уязвимым и незащищенным перед одним лишь человеком, бывшим своим подчиненным — полковником Сенькиным, он сделался нервным и раздражительным. Поляков хорошо понимал, что в таких ситуациях надо уметь держать себя в руках, чтобы никто не мог заметить его тревоги и смятения. Но как можно было не переживать и не волноваться, когда каждую неделю в ГРУ приходили неприятные сообщения о новых провалах агентов и нелегалов, а также их связников из нью-йоркской и вашингтонской резидентур военной разведки. И потому каждый день для него превращался тогда в муку мученическую.

Возвращаясь после работы домой, он иногда напивался до чертиков, чтобы снять стрессовое состояние. Однако алкоголь не всегда брал его. Утром он не имел привычки похмеляться и потому его коллеги часто замечали, что полковник Поляков при

его-то большой выдержке, почему-то перестал владеть собой, часто не сдерживая отрицательных эмоций. В свою очередь он тоже стал замечать, что вокруг него творится что-то непонятное, как будто нагнеталась атмосфера подозрительности. Самой большой головной болью для него оставался бывший подчиненный Сенькин, которого он опасался из-за того, что тот мог выболтать кому-то о своих подозрениях. С этим он связывал и перенос на неопределенное время очередной долгосрочной командировки в Вашингтон.

Не раз Поляков пытался проанализировать возможные причины отказа в командировке в США, но ничего у него не получалось. «Все настолько туманно и зыбко, — сокрушался он, — что надо бы на все это мне наплевать. — Потом мысленно спрашивал себя: — А что, собственно говоря, произошло? Ну накинулся на меня со своими подозрениями Сенькин, ну и что? Какие у него могут быть улики? Где доказательства? Их нет. Да и свидетелей моих контактов с ФБР ни у кого нет. Разве что в Москве могли засечь тайниковые операции. Но даже и в этом случае никто же за руку меня не схватил. Да и руководство относится ко мне вроде бы нормально…»

Эти размышления несколько успокаивали Полякова, хотя душа его все еще продолжала болеть из-за того, что в США действовал агент ГРУ Дан Драммонд, работавший в ФБР. А боялся он его потому, что тот мог знать о вербовке Джоном Мори советского полковника из военной разведки и сообщить об этом своему оператору из ГРУ Мантрову.

Но несмотря на то что угнетающее чувство тревоги буквально преследовало его, Поляков все же передал американцам через тайник интересовавшие их сведения и сообщение о подобранных лично им местах проведения тайниковых операций на улицах Богдана Хмельницкого и Чернышевского. В ответ он получил новое задание, в котором говорилось: «Объективно нелегальная разведка должна возродиться и снова превратиться в эффективный инструмент ГРУ как по добыванию наиболее ценной информации, так и для ведения разведки в кризисных ситуациях, особенно в военное время. Сведения о ней нас очень интересуют. Идеальным вариантом был бы контроль за восстановлением нелегальной разведки и за последующей работой нелегалов. При этом единственным каналом осуществления такого контроля могло бы быть внедрение вас в руководящий орган вновь создаваемой нелегальной сети ГРУ. В этом плане мы возлагаем большие надежды на вас…»

Ознакомившись с новым заданием ЦРУ, он понял, что спецслужбы США придают нелегальной разведке ГРУ важное

значение, и невольно подумал: «Да, я развалил эту особую разведку, а теперь вот мне же и предлагается воссоздавать ее. Когда пыль подозрений немного осядет, можно будет и затронуть вопрос о восстановлении этого подразделения…»

Спустя некоторое время Поляков в угоду американцам, а заодно и желая показать руководству ГРУ, что он ратует за возрождение нелегальной службы, представил заместителю начальника военной разведки Генштаба вице-адмиралу Бекреневу докладную записку, в которой изложил свои соображения: «Современная обстановка в мире и некоторые тенденции ее развития заставляют нас подумать о том, что нам необходимо восстановить работу с нелегальных позиций. Расформирование же бывшего 1-го управления, как показало время, ничего положительного не дало. Ранее существовавшее положение о том, что нелегалами должны заниматься все подразделения ГРУ, не оправдало себя. Для того чтобы нелегальная разведка заняла в ГРУ ведущее положение, необходимо сосредоточить руководство ею в одних руках.

Изложенные мною соображения ни с кем не обсуждались, но мне известно, что некоторые офицеры высказывают обеспокоенность отсутствием работы с нелегальных позиций. Поэтому я, как коммунист и как работник бывшего 1-го управления, считаю себя обязанным доложить свое мнение по этому вопросу. Если мои соображения не соответствуют взглядам руководства ГРУ, то прошу извинить».

Готовя эту докладную записку, Поляков рассчитывал «продвинуть» на руководящую должность себя, как бывшего ответственного работника по подготовке и выводу за границу нелегалов. Но расчеты Полякова не оправдались: никакого решения по его докладной не было тогда принято. И именно в то время для него прозвучал еще один тревожный звонок: в американской газете «Лос-Анджелес таймс» был опубликован отчет о судебном процессе над проваленными Поляковым советскими разведчиками-нелегалами Саниными. В статье упоминалась и фамилия Полякова, участвовавшего в подготовке и переброске Саниных за кордон. Естественно, он струхнул тогда еще больше. Газета огласила на весь мир, что Поляков является советским военным разведчиком. А это означало, что он может стать невыездным. «Ну что ты будешь делать! — сокрушался он, испытывая и страх, и гнев. — Не успели в сознании уложиться события, связанные с провалами в нелегальной сети, и на тебе! Опять ударили как обухом по голове…»

Но Поляков не тот человек, который мог в таком положении потерять самоконтроль и душевное равновесие. А его

сравнительно недавняя несдержанность в выплеске отрицательных эмоций, столь внезапно возникшая, так же быстро исчезла. Он был достаточно умен, хитер и профессионален. Решив разведать, что думают об этой публикации и об упоминании в ней его фамилии, он отважился навестить руководителей ГРУ, которых задабривал заморскими подарками. Встретившись с каждым из них один на один, он методом выведывания получил от них успокоительную информацию о том, что не стоит ему волноваться из-за какой-то там публикации в западной прессе. Однако и после этого он продолжал чувствовать себя неуютно, разные темные мысли лихорадочно метались в голове, и главная из них — что же будет дальше, как сложится его судьба завтра, послезавтра, через неделю или месяц…

А буквально через месяц ему сообщили по телефону из управления кадров, что дальнейшее использование его по американской линии в связи с публикацией в газете «Лос-Анджелес таймс» признано руководством ГРУ невозможным и поэтому он переводится на работу в другое управление, которое занималось разведкой в странах Азии, Африки и Ближнего Востока. Бросив трубку на рычажки телефона, Поляков схватился руками за голову: «Ну это все! Конец карьере и прощай заграница!» Сгоряча он позвонил начальнику управления кадров Изотову с просьбой принять его. Тот сразу догадался, почему он напрашивается на прием.

Переступив порог кабинета Изотова, Поляков, к изумлению генерала, без всякого приглашения сел и с напряжением в голосе спросил:

— Вы догадываетесь, Сергей Иванович, почему я к вам пришел?

— Да, я знал, что ты придешь ко мне в связи с переводом в другое управление, — с надломом в голосе ответил Изотов.

— Вот и хорошо! Значит, несправедливость принятого решения по отношению ко мне вы понимаете…

— А чего тут понимать? — прервал его начальник управления кадров. — И какая же тут несправедливость, если обстоятельства сложились не в твою пользу…

— Это какие же такие обстоятельства? — завелся Поляков.

— Во-первых, ты засветился в американской прессе. Во-вторых, в провалах наших нелегалов и разведчиков в США есть и твоя вина…

Поляков сделал вид, что потрясен услышанным, хотя на самом деле это не было для него чем-то новым, ведь данной информацией он давно уже владел.

— Я не понимаю одного: почему вы переводите меня с

американского направления разведки, если я нахожусь не за границей, а среди своих, в своей стране?

— Так надо, Дмитрий Федорович. Это решение Павлова и Бекренева. А весь сыр-бор разгорелся из-за статьи в «Лос-Анджелес таймс».

От досады Поляков даже съежился.

— Значит, на обещанной мне командировке в Вашингтон поставлен крест?

Генерал нахмурил брови и, сделав паузу, сказал:

— Из личного расположения к тебе, Дмитрий Федорович, хочу попросить о том, чтобы ты никогда не ставил вопросов перед руководством о возможности поездки на работу в Штаты. Они для тебя теперь закрыты раз и навсегда. Но руководство все же сочло возможным направить тебя в Юго-Восточную Азию на должность военного атташе. И, пожалуйста, не обижайся ни на кого, а не то хуже будет…

Поляков знал и верил, что помощь придет к нему, но не знал откуда. Уверенность его в себе после сообщения Изотова окрепла, но он притворился расстроенным и тихим голосом проговорил:

— Не скрою, Сергей Иванович, вы дали мне много пищи для размышлений…

— Размышлять никогда и никому не вредно.

Сделав обиженный вид, Поляков поднялся, вышел из-за стола и, поблагодарив генерала Изотова за беседу, распрощался с ним.

Через несколько дней Полякова вызвали в кадры, где ознакомили с приказом начальника ГРУ о назначении на должность военного атташе при посольстве СССР в Бирме.

Информация об этом сразу разошлась по всем оперативным отделам ГРУ. Те сотрудники, которые подозревали его в провалах нелегальной сети в США и преданных им офицеров-связников, были ошарашены несправедливым, на их взгляд, подобным назначением. Они судили-рядили, откуда могла идти такая мощная ему поддержка, кто мог стоять за его спиной, но никто из них и подумать не мог, что в данном случае сработали долларовые подарки Полякова нужным людям.

В процессе подготовки к командировке в Бирму военный атташе, резидент Данин получил доступ к более широкому кругу секретной информации. Воспользовавшись высокой должностью, Поляков собрал в разных подразделениях военной разведки необходимые для ЦРУ ценные сведения и за два дня до отъезда в Рангун передал их через тайник американцам, в том числе и сообщение о своей долгосрочной командировке в Бирму.

Глава 3
Бирманский треугольник Бурбона

Предатели предают прежде всего себя самих.

Плутарх, древнегреческий историк и писатель

Почти трехмиллионный Рангун встретил военного атташе советского посольства, резидента ГРУ Дмитрия Полякова горячим, летним воздухом, напоенным ароматом бурно цветущей круглый год экзотической тропической растительности. Легкие перистые облачка робкими стайками скользили над расположенными полукругом хребтами Тибетского нагорья, в северной части которого находилась высочайшая вершина страны и всей Юго-Восточной Азии — гора Хкакабо-Рази.

Не успев осмотреться на новом месте, военный дипломат Дмитрий Поляков уже на второй день после долгого полета над высочайшими горами мира был приглашен на ознакомительную беседу с советским послом Андреем Мефодьевичем Ледовским.

— Ну вот! Не успел акклиматизироваться, а уже тащат на «ковер»! — возмутился Поляков. — Нельзя ли перенести эту встречу дня на два-три позже? — попросил он своего предшественника полковника Манохина. — Что там у посла, горит, что ли?

Манохин сделал большие глаза и, покачивая головой, воскликнул:

— Да вы что, Дмитрий Федорович! Шутите, что ли? Или вы в первый раз приехали на работу за границу? Это же посол! Он здесь — главный и самый большой начальник и может каждого из нас запросто откомандировать на родину.

— Тогда передайте ему, что я еще не оклемался после долгого перелета из Москвы.

Сбитый с толку Манохин, не говоря ни слова, поспешил ретироваться из комнаты, в которую поселился новый военный атташе.

После этого случая посол Ледовский ни разу не принял Полякова, более того — не пожелал даже познакомиться с ним. Подобного рода бестактные истории с новым атташе периодически всплывали и в резидентуре, и в посольстве, потом они обрастали разными сплетнями о том, что Поляков ведет себя

независимо и высокомерно потому, что у него в Москве есть «лохматая рука» и тому подобное. Ему в самом деле было по душе занимаемое им в Рангуне высокое положение военного атташе с различными персональными привилегиями и правом распоряжаться финансовыми средствами. Он считал себя большим начальником, подконтрольным только разведцентру в Москве, а Москва чрезвычайно далека от Рангуна, а поэтому что хочу, то и ворочу. Как хозяин положения, он не допускал теперь и мысли о возможном провале своего сотрудничества с американцами вдали от России.

Вместо того чтобы проводить политику родного государства в чужой стране, способствовать установлению добрых отношений с Бирмой и при этом решать основную свою задачу — вести разведывательную деятельность против главного противника — США, он, наоборот, обрадовался, что ему облегчили работу против своей страны. Единственным сдерживающим фактором в активной деятельности Полякова оставался страх перед коллегами из резидентуры КГБ, работавшими под прикрытием посольства СССР в Бирме.

Несколько дней Поляков знакомился со столицей Бирмы и ее окрестностями, подбирал места, подходящие для встреч с будущими американскими операторами из ЦРУ. Изучив материалы личных и рабочих дел агентов, переданных ему на связь бывшим резидентом, он, пользуясь высоким положением, сплавил их своим подчиненным. Избавившись от них, Поляков задался целью вербовать только «друзей» — американцев. А поскольку они еще не вышли на него и не взяли на контакт, он работал в офисе только до обеда. После этого его было уже не поймать: то он на официальных приемах, то на встречах с кем-то из полезных для служебной деятельности людей в международном яхт-клубе «Рангун сэйлинг клаб», размещавшемся на живописном берегу большого озера Инья-Лейк. Потом стал все чаще выезжать на охоту в предгорья Ракхайнского хребта и рыбачить на реке Иравади.

Первые месяцы заграничной сибаритской жизни укрепили в Полякове осевшее в его сознании чувство исключительности. Злоупотребляя служебным положением, он начал позволять себе под предлогом оперативной необходимости совершать поездки и в соседнее государство Таиланд на охоту и рыбалку. Там же он посещал лучшие бары и рестораны Бангкока. Вот уж право, пустили козла в огород.

При всем при том следует заметить, что Поляков действовал с присущей разведчику профессиональной осторожностью. Если же кто-то из подчиненных офицеров начинал роптать, что его

трудно застать на месте, чтобы доложить какой-то срочный документ для отправки в Центр, то тому могло и не поздоровиться. Военный атташе-резидент обладал властолюбивым деспотическим характером. Он был человеком, для которого не существовало ничего святого, кроме удовлетворения собственных желаний и потребностей. И никаких угрызений совести он не испытывал, когда потребовал у Центра замены ни в чем не повинных, но ему неугодных офицеров — помощника военного атташе Василия Андреевича Федорова и сотрудника резидентуры Анатолия Петровича Сухачева[42].

* * *

В соответствии с ранее полученной от американцев установкой, Поляков не предпринимал самостоятельных шагов для восстановления связи с ними. Лишь через два месяца, на одном из рождественских приемов в Рангуне, где присутствовали военные атташе всех посольств, аккредитованных в Бирме, к нему подошел военно-воздушный атташе США полковник Фред Хоупт. В процессе беседы американец, как бы вскользь, обмолвился о том, что скоро в Рангун прибудет новый человек, с которым хотел бы познакомить советского коллегу в своей резиденции, и в этот момент он вытащил из кармана спичечную коробку с рекламой какого-то американского отеля. Подавая ее Полякову, Хоупт.

— Я знаю, что ты, Дмитрий, собираешь коробки различных отелей. Так вот я нашел у себя вот эту и дарю ее тебе.

Поляков замешкался, не зная, что сказать в ответ, поскольку такой вариант продолжения беседы не оговаривался в инструкции ЦРУ. Мысленно прикинул: а не мог ли он когда-либо и где-нибудь в разговоре со своими операторами из ФБР Джоном Мори и Дэвидом Мэнли упомянуть о коллекционировании спичечных коробок с рекламой отелей? Оказалось, что было такое. Мгновенно проанализировав сложившуюся ситуацию, он понял, что в подаренной коробке, наверно, есть что-то предназначенное ему.

Не выдавая удивления, Поляков поблагодарил коллегу за подарок и, придя домой, занялся его осмотром. Спички крепились на картонной основе в нижней части коробки. Разобрав ее, он обнаружил в основании полость, в которой находилась микропленка. После ее проявления Поляков узнал, что предстоит встреча в отеле «Инья Лейк» с известным ему Джоном Мори, который будет выступать в роли бизнесмена под своим именем, что по замыслу ЦРУ сделает их контакты вполне объяснимыми

для окружающих, в том числе и для сослуживцев из внешней разведки КГБ.

Такой прием в отеле «Инья Лейк» состоялся через две недели. Американец Мори предстал перед ним настоящим красавцем. Это был высокий, стройный мужчина с правильными чертами лица и с аккуратно подстриженной густой шевелюрой с проседью. Одет он был в костюм серого цвета и довольно модного покроя. Бросалась в глаза не только аккуратность, следящего за собой человека, но и некая изысканность. Всем своим видом Джон в самом деле производил впечатление богатого американского бизнесмена. В присутствии нескольких военных атташе из нейтральных стран Фред Хоупт «познакомил» Полякова с «бизнесменом» Мори. Побеседовав какое-то время на отвлеченные темы, они без Хоупта поднялись на второй этаж в номер к Джону. Вспомнив давно оправдавшую себя поговорку «пути Господни неисповедимы», они по-дружески обмыли приезд Джона, а затем повели разговор о предстоящем сотрудничестве Полякова с сотрудниками ЦРУ. После этого Мори приступил к разведывательному опросу советского военного атташе.

— Как я понял из вашего рассказа, — интригующе начал Джон Мори, — последние три года вы, мистер Поляков, вели вашингтонское и нью-йоркское направление в своем разведцентре. Через ваши руки прошло множество оперативных документов с грифом «секретно» и «совершенно секретно». В этой связи вы не могли бы сейчас припомнить из всего того, что было тогда на вашем столе, интересующих нас источников информации, не названных вами ранее в Нью-Йорке?

— Почему же не могу? Могу! — охотно согласился Топхэт-Поляков. — Да, через мои руки прошло много неизвестных мне ранее агентов, ныне действующих не только в США, но и в других странах. Всех, конечно, не помню, но некоторых из них назову. И, пожалуйста, не обессудьте, если кто-то будет назван через прошедшие три года повторно…

— Меня будут больше интересовать те, кто работал и работает сейчас в моей стране, — предупредил Мори, блеснув довольной улыбкой.

— Тогда в первую очередь назову вашего коллегу из ФБР Корнелиуса Драммонда. Контакт с ним был установлен после моего отъезда из Нью-Йорка помощником военного атташе подполковником Мантровым. Чем скорее вы арестуете их обоих, тем лучше для меня. Я очень опасаюсь, что он может каким-либо образом узнать о моем сотрудничестве с вами и сообщить Мантрову…

— Не беспокойтесь, мистер Поляков, к материалам вашего

личного дела в ФБР имеют доступ только четыре человека.

— А вы можете назвать их мне?

— Пожалуйста. Это известный вам Дэвид Мэнли, директор ФБР мистер Гувер, мой шеф полковник Нолан и я. Вот и все…

Поляков задумался. Пока он думал о чем-то, Джон Мори достал из кармана пачку сигарет, закурил, сделал несколько затяжек, потом спросил:

— Итак, кого еще вы можете назвать?

— Сержант первого класса Дарк. Настоящее его имя и фамилия — Джек Данлоп. Он сам пришел в наше посольство в Вашингтоне и предложил свои услуги по перехвату скрытых радиосетей. Служил он шифровальщиком в управлении анализа разведданных Агентства национальной безопасности США. Кажется, шифровальщиком или дешифровальщиком.

— И о чем он успел вам сообщить?

— Почему вы говорите «успел»? — с удивлением спросил Топхэт.

— Два года назад, когда вы работали в Москве, Дарк покончил жизнь самоубийством. Он почувствовал, что попал в поле зрения ФБР, и мы действительно были близки тогда к раскрытию его роли, как платного шпиона русской спецслужбы. А теперь повторяю свой вопрос: что он успел вам передать? Нам очень важно знать это. И кто из ваших коллег работал с ним в те годы?

— От Дарка получено более двухсот ценных документов, освещавших полную дислокацию вооруженных сил вашей страны и различные средства радиотехнической разведки. Причем не только в США, но и в Великобритании и Канаде. А работали с ним генерал-майор Костюк и капитан второго ранга Осипов.

— А как вам стали известны эти данные?

— Но я же был руководителем американского направления в ГРУ.

— О'кей! Недавно нами был арестован ваш разведчик — нелегал Вольф. Кто из ваших коллег являлся его оператором? И что он передавал вам?

— С Вольфом работали полковник Едемский, подполковник Шумаев и капитан третьего ранга Петров. А передавал он нам планы строительства вооруженных сил США, различные доклады американской военной разведки, секретные уставы и наставления.

— Кого еще вы можете назвать нам?

— Агент Росман. Он выходец из России. Гражданин США. Классный инженер-электронщик. Добыл для нас около ста пятидесяти ценных образцов военной техники и документальных

материалов по ВВС, ПВО, ракетной технике, радиолокационным системам и другим, не менее важным, техническим вопросам. За все это ему было выплачено более полумиллиона долларов. А работали с ним офицеры нью-йоркской резидентуры Галаган и Ефимов.

— Кто еще из агентов стал вам известен по работе в Москве?

— Агент Мики. Американец. Главный сержант. Служил начальником канцелярии в управлении кадров Командования войск готовности. Завербован на материальной основе капитаном первого ранга Борисом Поликарповым в Вашингтоне. Для связи с ним был задействован в Нью-Йорке конспиративный адрес агента Дитрина, с которым работали наши офицеры Аленочкин, Калачев и Меженин. К личному делу агента Дитрина доступа я не имел, поэтому сказать о нем ничего не могу. Выходите на него через Мики[43].

— Какими материалами снабжал он вашу разведку?

— Особо важными по химическому и биологическому оружию. Какие конкретно — я сейчас уже не помню, потому что знакомился с его делом три года назад и больше доступа к нему не имел.

— Что-то с памятью у вас, мистер Поляков, стало вдруг плохо. А ведь раньше, в Нью-Йорке, — Джон Мори лукаво улыбнулся, — она была у вас отменная…

— Она у меня по-прежнему отменная и нестареющая. А если и подзабыл что-то, то это от переизбытка запоминания большого объема оперативно значимой я не записывал, а держал в голове на протяжении трех лет работы в Москве. Так что из-ви-ни-те, — растянув это слово, пояснил Топхэт.

— Я охотно верю вам, мистер Поляков.

— О'кей. Назову вам еще одного ценного агента. Это сержант ВВС Карел. Он был завербован нами в Марокко, откуда его перевели потом в Вашингтон.

— Подлинную его фамилию помните?

— Да. Герберт Беккенхопт.

— А агента Мики?

— Джозеф Кассиди.

— Прекрасно. А что вы можете сказать о названной мне три года назад Мэйси?

Мори вел беседу в спокойной манере, чувствовалось, что он обдумывал каждое предложение и каждый свой вопрос.

Поляков сразу насторожился и, не отрывая встревоженного взгляда от американца, задал встречный вопрос:

— Вы установили ее?

— Да. Она была мисс Глен Морреро Подцесски.

— Она была советской разведчицей Марией Антоновной Добровой, — поправил его Топхэт.

— Но арестовать ее мы не сумели, вернее, не успели…

— Как понимать «не успели»? — еще больше насторожился Топхэт.

— Чтобы выявить ее связи, мы постоянно вели за ней круглосуточное наблюдение. Она обнаружила это и через некоторое время попыталась незаметно исчезнуть из Нью-Йорка. Мы сопровождали ее до Чикаго. В отеле, где она остановилась, предложили сотрудничество с нами, обещая ей хорошую жизнь и полную свободу. Мэйси попросила оставить ее одну, чтобы обдумать заманчивое предложение. Когда наши люди вернулись в ее номер, она мгновенно выбежала на балкон, вскочила на перила с заранее подставленного стула и выбросилась с девятого этажа…

Сказав это, Джон стал внимательно наблюдать за реакцией глубоко задумавшегося и сильно помрачневшего Топхэта.

После почти минутного молчания с комом в горле Поляков произнес:

— Мне очень жаль эту талантливую и красивую женщину. Я хорошо знал ее. Жаль, что она так распорядилась собой. Зачем вот она, вместо предоставляемой ей жизни и свободы, предпочла такую страшную смерть? Я этого не могу понять!

— Нам тоже это было не понятно. Но, видимо, не зря говорят, что русская душа потемки, — пробормотал в ответ американец.

Чтобы как-то разрядить возникшее напряжение и вернуться к разговору, «бизнесмен» Мори с воодушевлением произнес:

— Зато такая смерть была эффектной! Мэйси стала самоубийцей по собственной воле, и Бог ей судья. Если у вас больше нет информации об агентах, работавших в США, то на сегодня мы закончим на этой траурной волне…

Все еще в печальной задумчивости Топхэт, скользя взглядом по стенам гостиничного номера, вдруг с негодованием возразил:

— Нет уж! Лучше на оптимистической! Воевать так воевать, коль все еще продолжается «холодная война». Я назову вам сейчас подлинные имена нескольких агентов, и тогда мы на этом закончим.

— О'кей! — не скрывая радости, воскликнул Мори.

Вскинув голову, Поляков стал не спеша, чтобы американец успевал записывать, перечислять настоящие фамилии агентов и разведчиков-нелегалов Агнессы, Сана, Бартона, Челса, Дины, Вилды, Джина, Сина и Гарри.

Закончив делать пометки, Мори произнес:

— Поскольку вы назвали сейчас агента Сана, он же Каарло Туоми и Рудольф Робертович Састомойнен, то я должен сообщить

вам, что он был арестован нами. Тогда же журнал «Ридерз дайджест» проинформировал своих читателей о готовящейся к выходу в свет книги Джона Баррона под названием «КГБ» и напечатал одну из глав этой книги. Она посвящена разоблачению Туоми, и в ней же, как бы это ни было прискорбно, несколько раз упоминается имя советского полковника Полякова. Причем рассказывается, как вы готовили в Москве нелегала Туоми к работе за границей и как вы внимательно обследовали все его вещи, дабы он, упаси бог, не прихватил с собой в чужую страну что-нибудь советское, что могло бы потом скомпрометировать его…

Поляков схватился руками за голову и, испытывая невероятное потрясение, возопил:

— Да вы что там… в своей Америке, совсем охренели! Почему вы позволили эту публикацию?! Меня же после нее поставят к стенке! Эх, мать вашу за ногу! Что же вы, сволочи, натворили!

Свирепея, Поляков кричал площадным матом, потом, сбросив с лица руки, сник. Возникла пауза, после которой Поляков посмотрел на американца испепеляющим взглядом и промычал:

— Не представляю, что теперь будет со мной.

— Ничего не будет теперь, в этом я уверен, — постучав себя в грудь, начал оправдываться Мори. — Статья в журнале написана так, чтобы не провалить вас. В ней ничего не говорится о вашей разведдеятельности и о поддержании вами связи с нелегалом Туоми. Кроме того, мы добились проведения суда над Туоми в закрытом заседании, чтобы все известное ему и все сказанное им не стало бы достоянием гласности и тем самым не навредило бы лично вам. Недавно книга Баррона вышла в полном объеме. И мои коллеги так отредактировали ее, что читатель не найдет в ней упоминания о полковнике Полякове. Так что не надо сердиться, мистер Поляков.

Топхэту после всего этого не хотелось вести с американцем пустые разговоры. И Джон Мори, словно угадав его желание, предоставил ему такую возможность: он проводил его до выхода из отеля…

* * *

В последующие три встречи, которые проходили в том же отеле «Инья Лейк» с интервалом в один месяц, Мори интересовали в основном вопросы, соответствовавшие профилю его работы в ФБР.

Мори: Скажите, как отразился провал Мэйси и ее оператора Масленникова на других сотрудниках ГРУ?

Поляков: Масленников два года назад был уволен. На других сотрудниках Центра этот провал никак не отразился, за исключением генерала Внуковского. На него возложили всю вину за тот случай в Нью-Йорке и перевели на второстепенную работу в Институт иностранных языков.

М.: Аналогичный вопрос в отношении Толоконникова, когда он был резидентом ГРУ в Англии, и его заместителя в то время Павлова после расстрела Пеньковского?

П.: На Толоконникове арест и расстрел Пеньковского никак не отразился. Что же касается Анатолия Георгиевича Павлова, то его на некоторое время отстранили от оперативной работы. Потом опять назначили на генеральскую должность одного из институтов Генштаба. Это объяснялось наличием у него солидной поддержки в высших эшелонах Министерства обороны.

М.: Как широко применяется в работе военной разведки шантаж при вербовках источников информации?

П.: Шантаж, как способ вербовки, военной разведкой не используется.

М.: В связи с произведенной реорганизацией в ГРУ продолжается ли внедрение нелегалов в разведываемые страны?

П.: Все нелегалы, находившиеся на подготовке в Центре, распущены и уволены из Вооруженных сил. Лишь несколько человек, которые были готовы к выводу за рубеж, направлены туда в качестве связников к наиболее ценным агентам.

М.: Вы можете их назвать? И в какие страны они уже выведены?

П.: Мне об этом ничего не известно.

М.: Тогда назовите мне, пожалуйста, шифровальщиков ГРУ и КГБ в Рангуне.

П.: В нашей резидентуре — это Донсков и Козлов, а в КГБ — Мазотов и Панкратов. Есть еще два, но их фамилии мне не известны.

М.: О'кей. Теперь сообщите пофамильно сотрудников вашей и резидентуры КГБ в Рангуне.

П.: Записывайте, их здесь много.

М.: Не беспокойтесь. В папке, лежащей перед вами на столе, работает звукозаписывающее устройство. П.: Посмотреть его можно?

М.: Нет. Пожалуйста, называйте всех, кроме шифровальщиков.

П.: Записывайте. Жамков. Семенов. Русаков. Калединов. Николаев. Живица. Старчак. Федоров. Сухачев. Хантемиров.

Долгов. Сенькин. Лебедев. Шумилин. Гвоздев. Это мои подчиненные. В разведаппарате КГБ мне не все знакомы. Назову лишь тех, кого хорошо знаю.

М.: Да, пожалуйста.

П.: Итак. Будник. Тимошин. Хлопьянов. Котов. Сопряков. Скотников и Кондратьев.

М.: И последнее. ФБР всегда внимательно следит за перемещениями офицеров ГРУ и за использованием кадров вашего ведомства. Если вам что-то станет известно о таких перемещениях в будущем, например во время нахождения в Москве в отпуске, то сообщите о них вашему оператору из ЦРУ. Если же у вас есть сейчас какие-то сведения об этом, то назовите их, пожалуйста.

Поляков сообщил американцу о всех перемещениях в руководящем звене ГРУ и выдал ему, кроме тех, что названы были во время его работы в Нью-Йорке, еще 118 сотрудников своего ведомства.

— Мистер Поляков, мы очень благодарны вам за предоставленные сведения для американской контрразведки. Они будут обязательно использованы в нашей практической работе. Между прочим, когда мы узнали, что вы стали резидентом в Бирме, то поняли, что это не только ваш личный триумф, но и триумф ФБР. И мы весьма заинтересованы в том, чтобы ваш карьерный рост продолжался и дальше. ФБР будет всячески способствовать продвижению вас по служебной лестнице…

Топхэт криво ухмыльнулся и недоверчиво спросил:

— И как же вы намерены это делать с помощью нашего «главного противника»? Да еще из столь далекого Вашингтона?

Фэбээровец начал кривиться — это была его реакция на «главного противника», потом сказал:

— Мы уже совместно с ЦРУ позаботились в Вашингтоне о прочности вашей репутации в Москве. У вас с нашей помощью есть шанс вырасти до руководящего офицера в вашем ведомстве. Для этого вам не потребуется больших усилий. После моего отъезда из Рангуна сюда прибудет сотрудник ЦРУ Джеймс Флинт. Он будет работать под «крышей» второго секретаря американского посольства. До этого он был прикомандирован к политическому отделу штаба НАТО в Париже. Джеймс моложе вас лет на семь, хорошо владеет русским языком. Вы будете встречаться с ним конспиративно в его отдельном посольском домике. Время проведения встреч приурочено к началу вечерних киносеансов не более двух раз в месяц, и продолжительность их не должна превышать одного часа. В случае срыва основной явки выход на запасную должен осуществляться через два или четыре

дня. Это уже как вы договоритесь потом с самим Флинтом. Уведомление о переносе даты или необходимости экстренной встречи вы должны делать не по телефону, а через военного атташе Фреда Хоупта, с которым вы часто видитесь на официальных приемах. Да и вообще, чтобы вы впредь знали, телефон для связи американские разведчики, как правило, не используют. Он же, Хоупт, и представит вас Джеймсу Флинту на одном из приемов…

— Я это все понял, — прервал Джона помрачневший Топхэт, — но не услышал ответа на свой вопрос: как вы намереваетесь продвигать меня по службе в Москве с позиций Вашингтона и продолжать заботиться о моей репутации?

Джон Мори покачал головой, хмыкнул и с упреком проговорил:

— Какой вы все-таки нетерпеливый. Вы же не дали мне договорить. Так вот, слушайте дальше. В Лэнгли мы совместно с руководством одного из отделов ЦРУ разработали план подставы вам второго секретаря посольства США в Бирме Джеймса Флинта. Разумеется, с его согласия. После того как сложатся у вас нормальные деловые отношения с ним, вы должны сообщить в свой разведцентр об установлении с Флинтом оперативного контакта. При этом вам надо придать встречам с Флинтом характер якобы проводимой его разработки. Таким образом, вы легализуете перед своими сослуживцами связь с ним. А информацию вы будете получать полуправдивую, она будет подготовлена в самом Лэнгли…

— А будет ли она отвечать нашим запросам? — прервал его Поляков. — Вы же не знаете, что нам надо?

— Флинт будет снабжать вас информацией о работе комитетов штаба СЕАТО[44] и о политике США в Бирме. То есть мы будем вам подыгрывать.

— Что ж, поживем — увидим, как у нас это будет получаться, — отозвался Топхэт. Профессиональным чутьем он угадывал, что все, о чем говорил фэбээровец, это пока лишь прелюдия к главному, к чему подбирается американец.

— А теперь о главном, — словно угадав его мысль, отозвался Мори. — Мы исключительно большое значение отводим работе советской нелегальной разведки. Это самая неуловимая и самая опасная структура, которая способна добывать самую ценную информацию. С вашей помощью, мистер Поляков, нам удалось к концу прошлого года полностью ликвидировать сеть военных нелегалов. Несмотря на это, мы понимаем, что объективно нелегальная военная разведка должна возродиться и со временем превратиться в эффективный инструмент ГРУ для ведения

разведки, особенно в кризисных ситуациях и в военное время. Этот вопрос нас очень беспокоит. И мы хотели бы, чтобы вы, возвратившись из Бирмы в Москву, вошли в число тех, кто в вашем ведомстве, возможно, уже занимается или будет заниматься подготовкой военных нелегалов.

Поляков услужливо кивнул и ответил:

— О'кей. Я попытаюсь выполнить вашу просьбу. После работы в Нью-Йорке у меня сложились хорошие отношения с некоторыми высокопоставленными офицерами Центра, от которых во многом будет зависеть моя дальнейшая карьера.

— Я очень горжусь, что американцы приобрели в вашем лице верного своему долгу источника информации. Ценность вас, как информатора, начали понимать и в Лэнгли, когда мы вместе обсуждали план подставы вам Джеймса Флинта. «Вербовка» его, без сомнения, поднимет вас в глазах руководства ГРУ. И я уверен, что резидентура ЦРУ в Рангуне будет относиться к вам бережно, как и ФБР.

— Не беспокойтесь, мистер Джон, все будет о'кей. До тех пор пока мне будут доверять в московском разведцентре, никто и никогда не узнает о моем сотрудничестве с вами. Никаких оснований для опасений о моем провале пока нет. И их не может быть. Возникают, конечно, иногда мелкие тревоги, но это все ерунда!

— Согласен с вами, — поддержал его американец. — И чтобы довести до конца наш план по подставе Флинта, ставлю вас в известность, что срок его командировки в Рангун закончится где-то через два с половиной года. Когда это произойдет, вы должны доложить в Москву о том, что Флинт в последнее время избегал встреч с вами и выехал на родину, даже не предупредив об этом. На смену ему, в конце осени шестьдесят восьмого года, приедет другой сотрудник ЦРУ, Алвин Капуста. Познакомит вас с ним Джеймс Флинт, потому что к тому времени ваш американский коллега Фред Хоупт тоже заменится. Итак, ваш «бирманский треугольник» будет состоять из трех цэрэушных операторов: Хоупт — Флинт — Капуста. А моя миссия на этом заканчивается…

* * *

Поляков, надо отдать ему должное, после отъезда из Рангуна Джона Мори не проявлял инициативы для восстановления связи с американцами до тех пор, пока военный атташе при посольстве США полковник Хоупт не пригласил его на организованный в

отеле «Инья Лейк» официальный прием. На прием Поляков пошел с красавицей женой. Как только они появились там, к ним сразу подошли английские, индийские и французские коллеги со своими супругами. Не увидев в зале никого из американцев, он начал волноваться: неужели его оператор из ЦРУ не прилетел еще в Рангун? Неохотно поддерживая завязавшийся разговор между военными дипломатами, он стал то и дело бросать взгляды на входную дверь.

Американцы вошли в зал с опозданием почти на десять минут. Впереди был Хоупт, за ним шел не знакомый никому из дипломатов высокорослый, под метр девяносто, сутуловатый блондин с зачесанными набок волосами. Внешним видом он был похож скорее на одесского еврея, чем на американца.

— Знакомьтесь, это второй секретарь нашего посольства Джеймс Флинт, — представил его всем полковник Фред Хоупт. — А это, — указал он на подошедшего к ним индийского атташе, — полковник Митра из Дели.

Флинт доброжелательно поклонился и молча пожал ему руку. Затем американцы подошли к группе беседовавших с Поляковым дипломатов. Хоупт представил им вначале советника французского посольства Роже Фабре, потом перевел взгляд на советского военного атташе и, обращаясь к Флинту, сказал:

— Знакомьтесь, мистер Джеймс, это наши друзья из России — миссис Нина и мистер Дмитрий Поляков.

Первым протянул веснушчатую руку нескладный американец и на чистом русском языке произнес:

— Джеймс Флинт — политический советник посольства, ранее работавший в Париже в штабе НАТО.

— Полковник Поляков, ранее работавший начальником секретариата советского представительства при Военно-штабном комитете ООН в Нью-Йорке, — умышленно подчеркнул свою еще большую значимость Поляков и также по-русски, чтобы не поняли рядом стоявшие иностранные атташе и их жены, спросил: — А вы, мистер Флинт, случайно не учились или не стажировались в Московском институте русского языка имени Пушкина?

Флинт оглядел всех подозрительным взглядом и, не поняв иронии, недружелюбно ответил опять по-русски:

— Нет, не учился и не стажировался. А почему вы спрашиваете об этом? Вас что… не устраивает, что я представился вам по-русски?

— Нет, почему же. Наоборот, я удивился, что вы хорошо владеете русским языком, поэтому и спросил…

Разговор продолжался дальше. Во время фуршета военный атташе США Хоупт, улучив момент, назначил встречу Полякову с

Флинтом в тот же вечер у входа в плавательный клуб «Кокаин». На этой первой явке американец сообщил, что он прибыл без семьи потому, что дети его учатся в США во французской школе, а такой школы в Рангуне нет. Что для проживания и конспиративных встреч с русским полковником ему специально выделили отдельный особнячок. Что в Бирме он будет находиться два с лишним года, потом на смену ему прибудет Алвин Капуста. Что он, Флинт, готов в этот период помогать советскому военному разведчику в добывании кое-какой информации.

— При этом вы должны, — продолжал Флинт, — заставить себя поверить в серьезность моих намерений. Мы должны делать вид, что оба согласились работать на потенциальных противников: вы — на ЦРУ, я — на ГРУ. Так что будем передавать друг другу интересующие нас сведения. Вы — мне, а я — вам… Неплохо придумано, правда?

— Да это все так, но мне не надо для этого делать вид, что я условно работаю с вами…

— Хорошо, я один буду делать вид, что вы якобы завербовали меня, а я буду снабжать вас частично правдивой информацией, но не имеющей значимости для США. Для вашей же военной разведки она будет представлять определенный интерес. Это во-первых. Во-вторых, если вы доложите в Центр, что взяли в агентурную разработку не мелкую сошку из американского посольства в Рангуне, а установленного сотрудника ЦРУ, то вашим русским начальникам это обязательно понравится и они будут вас больше ценить, уважать и продвигать по служебной лестнице. Таким образом, у нас будет происходить своего рода «перекрестное опыление»: я даю вам информацию, вы — мне. И, конечно же, мы по-прежнему должны встречаться тайно и соблюдать все правила игры…

Затем Флинт стал выведывать у Полякова информацию о внутриполитической обстановке в СССР и об отношениях с Китаем, о сведениях, получаемых в Рангуне от агентуры ГРУ и о заданиях, поступающих из Москвы. Особый интерес американец проявил к системе зашифровки и расшифровки исходящих и входящих документов.

На другой день Поляков отправил в Центр шифровку с сообщением о том, что он взял в оперативную разработку американского дипломата Джеймса Флинта и что от него можно будет получать секретные материалы из штаба СЕАТО. Вскоре из Москвы пришла ответная шифротелеграмма:

> Рангун.
> Совершенно секретно. Лично Парину[45].

Проанализировав все аспекты вашего оперативного контакта с Донтом[46], мы пришли к выводу, что работу с ним можно продолжать в целях выявления сотрудников спецслужб в американском посольстве и получения нужной нам информации. Однако следует учитывать, что Донт является охотником[47] Гималаев. Поэтому считаем целесообразным проводить встречи на официальной основе, а инициатива в их проведении должна исходить от Ларина. Надеемся, что вы с учетом уже приобретенного опыта работы в Гималаях, будете так же успешно обеспечивать собственную безопасность.

Грандов

17.04.1966 г.

Поляков остался доволен содержанием ответной телеграммы и особенно ее концовкой — проявлением заботы об обеспечении собственной безопасности. «Это смотря от кого! — усмехнулся он после прочтения шифровки. — Если от вас, мистер Грандов, то да! Разоблачение может исходить только от вас, но никак не от американцев. Для них я — свой человек…»

В общей сложности Поляков провел с Флинтом и Хоуптом около двадцати конспиративных встреч и передал им переснятую на пленку документальную информацию следующего содержания:

— о всех сотрудниках ГРУ и о разведчиках КГБ СССР, работавших в Рангуне;

— о системе зашифрованной переписки резидентуры ГРУ с Центром;

— техническое описание агентурных радиостанций среднего радиуса действия «Ласточка» и дальнего действия «Иркут»;

— перечни вопросов Центра, подлежащих изучению в Бирме за 1966–1969 годы;

— задания Центра по добыванию образцов документов и справочной литературы;

— циркулярные письма Центра военным атташе и резидентам всех стран Юго-Восточной Азии;

— перспективный план Центра по проведению агентурно-разведывательной работы в Бирме на 1967–1969 годы;

— планы поездок по стране оперативных офицеров резидентуры на 1966–1969 годы с указанием маршрутов и решаемых разведывательных задач;

— отчеты о выполнении указаний Центра по разведывательным вопросам;

— конкретные планы-задания оперативным офицерам

резидентуры;

— квартальные отчеты офицеров резидентуры о проделанной ими работе и достигнутых результатах;

— об оперативно-техническом оснащении резидентур фотоаппаратами «Ф-65М», «Ф-66», «ПЭН-Ф», «Минокс» и аппаратом «Бук», предназначавшимся для контроля проявления пленок; контактной фотобумагой для снятия копий с документов; звукозаписывающими аппаратами «Мезон-М» и «Ухер»;

— о программах подготовки агентов-радистов и правилах радиосвязи с ними.

А чем же ответил на эту информацию второй секретарь посольства США в Рангуне Джеймс Флинт, который считался резидентурой ГРУ чуть ли не самым ценным источником, фигурировавшим в оперативной переписке с Центром под псевдонимом Донт? Ничего существенного советская военная разведка от него не получила. Мало того, в начале 1968 года Поляков «вынужден» был пойти на обман: он сообщил о том, что Донт стал отказываться от встреч с ним. А спустя некоторое время проинформировал Москву о том, что Донт в связи с истечением срока командировки выехал на родину, даже не поставив его в известность. Вслед за ним убыл из Бирмы и военный атташе, установленный разведчик РУМО[49] Фред Хоупт.

Перед тем как вылететь из Рангуна, Хоупт познакомил Полякова с третьим углом «бирманского треугольника» операторов ЦРУ — прибывшим из США Алвином Капустой.

Тогда же американцы вручили своему агенту в качестве вознаграждения за информацию большое количество дорогостоящих американских подарков. Одни названия чего стоят: винтовка марки «Браунинг», ружье «Браунинг Супер Поузд», киноаппарат «Болекс», магнитофон «Вейс оф мюзик», мужское кожаное пальто фирмы «Буржак», для жены — швейную машинку «Зингер», каракулевую шубу и много различных сувениров из бирманского дерева и перламутра для детей и его друзей в ГРУ.

Чтобы как-то загладить свою «неудачную» разработку американского разведчика Флинта, Поляков отрапортовал в Москву о том, что для решения разведывательных задач в Бирме он установил оперативный контакт с полковниками Рэмом и Гором[50]. Но получал он от них малозначимые сведения о внутриполитическом положении в Бирме и о состоянии ее вооруженных сил, а также о деятельности англичан и американцев в Юго-Восточной Азии. Спустя некоторое время он сообщил в Центр, что работу с ними перевести на агентурную основу не представилось возможным, так как оба преждевременно

выехали на свою родину. Повторилось то же самое, что и с американцем Флинтом.

И опять хитроумный Поляков, чтобы в Центре не сложилось о нем мнение как о неудачнике или «липаче», вышел из трудного положения: он заверил московское руководство в том, что взял в вербовочную разработку «большую акулу» — военного атташе Франции в Бирме и по совместительству в Таиланде подполковника Андре Ротье, через которого будет получать весьма полезную информацию по Юго-Восточному региону Азии.

Но не прошло и двух месяцев, как Полякову пришлось опять разочаровывать Центр очередным безрадостным донесением:

> Москва. Центр. Лично т. Грандову. Совершено секретно.
>
> ВАТ Франции в Таиланде посетил меня с официальным визитом и сообщил, что он уезжает в Париж в сентябре этого года, оставив мне свой адрес и телефон. За переданную им ранее информацию по КНР вручен подарок стоимостью 120 къян, который он принял с большой благодарностью. У меня сложилось мнение, что он готов сотрудничать с нами на материальной основе.
>
> Полагал бы целесообразным сблизиться с ним моим коллегам в Бангкоке до его отъезда, а затем попытаться встретиться с ним и в Париже.
>
> *Парин*
>
> *18.06.1968 г.*

Но увы! Предположениям Полякова не суждено было сбыться: военный атташе Франции Андре Ротье являлся всего лишь знакомым резидента Парина, с которым он лишь иногда встречался на официальных приемах, но никак не на конспиративной основе. Другое дело — американский разведчик Алвин Капуста. Как только он взял на контакт Топхэта-Бурбона-Полякова, то сразу же предупредил:

— Связь будем поддерживать исключительно на конспиративной основе. Мне велено оберегать вас от малейших подозрений кого бы то ни было. Поверьте, вы нам очень нужны! Я буду работать с вами все оставшееся время до вашего отъезда в Москву, то есть все девять месяцев. Места встреч буду назначать вам в центре Рангуна, где всегда бывает многолюдно.

Встречаться будем только в вечерние часы или даже в полночь у работающего ночного рынка. Приезжать к назначаемым

мною местам встреч планирую на своей автомашине; подхватив вас, отвезу в один из посольских домов. Места подсадки вас в машину будут меняться, и потому никаких мер предосторожности при организации «подхватов» мы применять не будем. Вам это ясно?

Поляков недовольно мотнул головой и сказал:

— Вообще-то я привык сам подбирать места для встреч.

— Это в Москве вы можете диктовать свои условия. А здесь диктую я!

И все опять плотно закрутилось в «бирманском треугольнике», но теперь уже без выехавшего в США Хоупта. Однако в отличие от настоящего Бермудского треугольника, где постоянно что-то то пропадало, то исчезало, «бирманский треугольник» рождал для ЦРУ одну за другой ценную информацию. За полгода до возвращения из командировки в Москву он сообщил американцам:

— о разработке советскими специалистами способов выявления и проявления всех видов тайнописи;

— о материальном и финансовом обеспечении аппарата военного атташе и резидентуры;

— о предстоящих заменах оперативных офицеров в загранточках Юго-Восточного региона;

— о 16 агентах и 23 изучаемых кандидатах на вербовку из числа граждан Бирмы, Израиля, Китая и Таиланда, проживающих в Рангуне;

— о секретном совещании военных атташе и резидентов ГРУ в Москве и о принятых на нем решениях;

— о своих предположениях причин ввода советских войск в Чехословакию летом 1968 года и об оценке этой политической акции.

За время работы в Бирме Поляков сдал американцам все, что мог. Незадолго до окончания командировки он направил в Центр шифротелеграмму следующего содержания:

> Москва. Центр. Лично Грандову. Секретно.
>
> Я уже не раз ставил вопрос о необходимости поездок оперативных офицеров в соседние страны для обмена опытом работы и решения некоторых оперативных задач. Ранее в таких поездках нам отказывалось, мотивируя это неоправданно высокими дорожными расходами. Если это действительно так, то расходы по запланированной мной поездке в Бангкок я беру на себя, тем более что эти расходы не так уж и велики. Наш посол поездку одобряет.

Прошу вашего согласия.

Парин

06.02.1969 г.

При прочтении шифровки в Москве обратили внимание на то, что Данин с присущей ему настойчивостью в который уже раз ставит вопрос о необходимости поездок в Таиланд. И при этом всегда делает всегда оговорку: «Если финансовый отдел не найдет возможным выделить деньги на поездки за пределы Бирмы, то я готов решать эту задачу за свой счет». Это несколько настораживало его кураторов в Центре: как же понимать — работая в США, он часто жаловался, что испытывает финансовые затруднения, а тут вдруг готов раскошелиться на оплату загранкомандировок не только своих, но и сотрудников резидентуры.

Между тем в Центре хорошо знали, что Поляков, пробивая поездки в соседние страны, заботился больше о себе, а не о своих подчиненных. Но поскольку Таиланд не входил в сферу разведывательной деятельности рангунской резидентуры, то и ожидаемую им санкцию он, конечно, не мог получить.

Тем временем в Лэнгли уже разрабатывали для Полякова условия связи на Москву. Ее предполагалось первоначально осуществлять посредством запланированных тайников на улице Малая Бронная под карнизом витрины магазина «Продукты» и на ранее не использованном месте на улице Арбат. В работе с тайниками рекомендовалось использовать три вида сигнала. Первый: если Бурбон-Поляков в определенный графиком день проведения тайниковой операции появлялся в восемь часов утра на троллейбусной остановке «Площадь Восстания» и без газеты в руках, то это означало, что у него «все в порядке». Второй: появление на том же месте и в то же время, но с газетой в правой руке — «Иду закладывать тайник». Третий: при тех же условиях, но с газетой в левой руке — «Иду закладывать контейнер не в тот тайник, который определен графиком, а в следующий по очереди». Ответными сигналами об изъятии тайников должны были ставиться графические знаки в заранее обусловленных местах.

Связь от американского разведцентра к Бурбону планировалось проводить по радио в определенные дни и время на фиксированных частотах в коротковолновом диапазоне. Программа прослушивания передач была рассчитана на несколько лет с периодичностью два раза в месяц в вечернее время. Сообщения должны были передаваться на русском языке

путем перечисления цифровых пятизначных групп. Принимать передачи Поляков должен был на транзисторный, редкий по тем временам радиоприемник «Панасоник». Если же агент по каким-либо причинам не смог использовать тайник и радио, а ему необходимо было срочно передать сообщение американцам, в этих случаях предусматривался почтовый канал. Для его использования давались два конспиративных адреса в США, на которые следовало направить тайнописное сообщение с включением в него условных фраз: «за мной ведется слежка» или «плохо слышу цифровые радиопередачи в коротковолновом диапазоне». Отправку писем из Москвы рекомендовалось производить из центра города, а не через ближайшее к месту проживания почтовое отделение. Марку на конверт предлагалось наклеивать самых последних выпусков и с красочным оттиском, чтобы она бросалась в глаза и представляла определенный филателистический интерес. Напоминалось также о предосторожностях в обращении с агентурными письмами-прикрытиями: избегать оставления на них пальцевых отпечатков. Конверт должен быть отечественного производства, и адрес на нем — только машинописью, чтобы не могли потом произвести почерковедческую экспертизу.

За неделю до отъезда Полякова из Бирмы американский разведчик Алвин Капуста передал ему образцы писем-прикрытий, копирку для нанесения тайнописи, шифрблокнот для зашифровки сообщений и таблетки для проявления тайнописи. Тогда же он довел до Полякова разведывательное задание на Москву, которое было направлено на:

— добывание информации о планах СССР по использованию ядерного оружия;

— выяснение командного состава видов и родов Вооруженных Сил СССР и состояния боевой подготовки войск;

— получение сведений о новейших образцах вооружений и военной техники.

По работе в ГРУ Полякову поручалось выяснить:

— агентурную сеть в США;

— что нового появилось в формах и методах работы в ГРУ, а также возможное использование ранее неизвестных технических средств;

— идет ли подготовка нелегалов, и если она идет, то в какие страны планируется их внедрение.

Определив задание агенту, американский разведчик с легкой заминкой заключил:

— Я предрекаю вам, мистер Поляков, что в России вы будете с нашей помощью приобретать авторитет и ваша звезда начнет

скоро стремительно восходить вверх.

Поляков почесал переносицу, улыбнулся и негромким голосом парировал:

— Все, что вы сейчас наплели, Алвин, вполне подошло бы какому-нибудь мальчишке или девице. Они, возможно, и поверили бы, что им напророчил маг из Нью-Йорка. А мне бы продолжать оставаться живым и невредимым. Хотя бы на ближайшие годы. Так что извините, не дело вы говорите.

Американец молчал. Профессиональным чутьем он угадывал, что этот русский полковник подбирается к чему-то главному.

— А теперь о главном, — подхватил его мысль Поляков. — Чтобы остаться мне живым, я во время пребывания в Москве поддерживать связь с вашими коллегами не буду. Встречи с ними готов возобновить только за пределами Советского Союза. Объясняю, почему я ставлю этот вопрос перед вами. Я и раньше ставил его перед Джоном Мори и Джеймсом Флинтом. Поверьте, это не из-за трусости моей, а потому что московская контрразведка ведет жесткий контроль за сотрудниками вашей посольской резидентуры. По их вине произошли уже два известных мне провала в Москве. Поэтому, чтобы не попасть мне в поле зрения КГБ, передайте руководству ЦРУ об этом и о том, что я требую, чтобы о нашей связи с вами знали не более трех-четырех человек. Примите это всерьез. На сегодня об этом знают уже шесть человек. И еще передайте: если между нами даже не будет длительное время связи, то все равно я буду заниматься сбором и накоплением для вас полезной, секретной информации…

С лица американца сползла язвительно-насмешливая ухмылка. Поляков заметил это и, понимая, что надо рассердиться, сделал небольшую паузу, потом сказал:

— И последнее: забудьте, пожалуйста, что я буду работать с вашими коллегами в Москве только на тех каналах связи, которые вы рекомендовали мне. Я буду использовать те из них, какие посчитаю наиболее безопасными. Полагаю, они будут такими же надежными и для моих коллег из московской резидентуры.

Алвин Капуста на такой выпад агента не нашелся, что ответить сразу, подумав немного, сказал:

— Вы, мистер Поляков, не совсем правильно ставите нам свои условия. Мы делаем все возможное не только для того, чтобы не причинить ущерба нашим общим интересам, но и создать условия для вашей более успешной оперативной работы, которая могла бы открыть перед вами ворота к служебному росту. Мы прекрасно понимали, что Бирма не представляет для

Советского Союза такого интереса, как США или Китай, с которым у вашей страны ухудшились отношения. Поэтому наше руководство сочло необходимым начать операцию по продвижению вас на более высокие ступени иерархической лестницы ГРУ. Для этого нами были подобраны две кандидатуры — Фред Хоупт и Джеймс Флинт, они-то и должны были сыграть роль ваших агентов. А вы в свою очередь должны были проинформировать об этом Москву, что, несомненно, могло поднять ваш престиж в ГРУ. Вот поэтому о нашей связи с вами знают на два человека больше, чем вы требуете. Так что пусть все идет тем же плавным путем, как это предусмотрено операцией Лэнгли по продвижению вас на руководящие должности в вашем ведомстве. Мы очень заинтересованы в вашем карьерном росте, потому что чем выше будет у вас должность, тем объемнее и ценнее станет ваша оперативная информация.

Кивнув в ответ, Поляков пошевелился в кресле, тяжело вздохнул и сказал:

— К сожалению, мне не удалось довести до «вербовки» тщательно подобранных вами кандидатур… — Поляков сделал небольшую паузу и добавил: — Ведь Хоупт и Флинт смылись из Рангуна, на мой взгляд, раньше предусмотренного времени их отъезда.

— Но это уже ваши проблемы. Вы и ваше руководство в Москве упустили время. Очевидно, не зря говорят, что русские медленно запрягают… — парировал Алвин.

— Да, это так, — согласился Поляков. — Как говорится, рад бы в рай, да грехи не пускают…

— Но ничего страшного, мистер Поляков, не произошло. За время нашего сотрудничества я убедился, что имел дело с человеком многообещающим, надежным и умным. Лэнгли высоко ценит вас за то, что вы делали для Америки. Вы были всегда честны перед ней, и это нас особенно радует. Спасибо вам за все. — И, подавая ему конверт с деньгами, добавил: — Это вам на приобретение подарков и сувениров для ваших московских друзей, родных и близких…

После этой встречи с Алвином Капустой в августе 1969 года военный атташе посольства СССР, американский шпион Дмитрий Поляков, он же Топхэт и Бурбон, вылетел из Рангуна в Москву.

Глава 4
Явка в посольстве США

…Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано.

Евангелие от Матфея, глава 10

Резидент ГРУ Дмитрий Поляков нисколько не сомневался в положительной оценке направленной им из Рангуна информации по Бирме, Израилю и Китаю, а также о деятельности англичан и американцев в соседнем Таиланде. Однако по заключению аналитической службы это были не ахти уж какие сведения. Заслуживали лишь некоторого внимания материалы, полученные от американцев Хоупта и Флинта, французского подполковника Ротье и индийского полковника Рэма. Но, несмотря на это, Поляков считал, что перспектива дальнейшей работы в Центре должна складываться у него многообещающе, потому что в высшем звене руководства ГРУ сложилось мнение о нем, как о хорошем разведчике, трезво оценивающем свои способности и возможности. И поэтому Поляков стал ломать голову над вариантами прорыва в руководящее звено своего ведомства.

Решение[51] пришло неожиданно. Собираясь однажды на охоту, он обнаружил, что у него три классных дорогостоящих ружья — «Браунинг Супер Поузд», одно бельгийское и два немецких. Кроме того, в большой картонной коробке залежалось немало американских сувениров и вещей, предназначавшихся для подарков. «Чего же беречь все это, надо раздать нужным людям, а они, надеюсь, тоже не останутся в долгу передо мной, когда я попрошу их при случае замолвить за меня словечко», — подумал Поляков. Решив не откладывать это дело в долгий ящик, он на другой день начал вручать подарки тем руководителям ГРУ, от которых зависело продвижение его по служебной лестнице. При общении с ними он стремился представить себя и свою работу в Бирме в выгодном свете: бахвалился, что чуть не завербовал в Рангуне двух американских дипломатов, что «вербовки» сорвались только из-за окончания срока их командировки в Бирму. И он действительно стал все больше завоевывать сердца своих начальников, чему в не малой степени способствовали его подношения в виде заокеанских подарков и сувениров,

привезенных из Рангуна.

Через два месяца начальник управления кадров генерал-лейтенант Изотов Сергей Иванович дал указание подготовить на Полякова представление на повышение в должности. Начальник отдела, видя, что сам Изотов благоволит его подчиненному, не стал артачиться и, чтобы не попасть к нему в немилость, оперативно подготовил нужный документ. А в декабре 1969 года появился приказ о назначении полковника Полякова исполняющим обязанности начальника направления, которое занималось организацией разведывательной работы в Китае и вело подготовку нелегалов для заброски в Поднебесную. С души предателя словно тяжелый камень свалился: теперь он убедился, что переигрывает не только ГРУ, но и КГБ, что ни одним своим поступком не навлек с их стороны подозрений, не показал своего второго лица. И вместе с тем он осуждал больших и малых начальников, которые легко покупались на его подарки и всякие безделушки: все они с тех пор стали для него людьми аморальными и беспринципными.

Те же, кто работал с ним на одном «разведывательном поле» в США и Бирме, были шокированы назначением его на руководящую должность, они считали, что в провалах нескольких нелегалов повинен только он, но никаких доказательств этого у них, к сожалению, тогда не было. Поляков же, рядясь в тогу успешного руководителя большого китайского направления, начал опять смело действовать в интересах заокеанских хозяев, собирать и накапливать шпионскую информацию.

В обусловленный графиком день он в восемь утра появился на троллейбусной остановке напротив посольства США в Москве. Для сотрудников резидентуры ЦРУ это означало, что Бурбон благополучно возвратился в СССР. Что он ознакомился уже с местом проведения тайниковой операции и готов передать секретную информацию, в которой содержались ценные сведения политического характера: о глубоких разногласиях Советского Союза с Китаем и что Китай находится на грани прекращения экономического сотрудничества с СССР[52].

Тогда же Поляков подготовил для ЦРУ имевшие стратегическое значение секретные данные о численности северовьетнамских войск в период ведения войны США в Индокитае, а также о помощи СССР Вьетнаму военными специалистами и техникой.

В тот же блок шпионской информации для передачи ЦРУ Поляков включил подробные сведения об агенте-нелегале Листе, который выводился в Китай при его непосредственном участии. А спустя некоторое время, когда начался государственный визит

президента США Никсона в Поднебесную, американцы раскрыли китайцам успешно легализовавшегося к тому времени агента Листа[53]. Его донесения в Москву высоко ценились не только в ГРУ, но и в ЦК КПСС, поскольку они имели уникальный характер.

Подготовленный текст сообщения Поляков зашифровал, затем изготовил из жести контейнер, заложил в него обернутое в целлофан донесение, а на другой день за полтора часа до начала работы отправился пешком к улице Малая Бронная. Не доходя одного квартала до магазина «Продукты», он свернул в скверик, чтобы легче было установить, возможно, ведущуюся за ним слежку. Не обнаружив ничего подозрительного, он подошел к магазину, осмотрелся и, убедившись в отсутствии посторонних лиц, прикрепил контейнер под металлическим карнизом окна-витрины.

На другой день он должен был согласно инструкции получить графический сигнал об изъятии шпионской закладки. Но никакого сигнала — ни графического, ни по радио, ни на второй, ни на третий день — Поляков от резидентуры ЦРУ не получил. В голове его стали возникать страшные мысли, порожденные предположением о возможном перехвате тайника органами госбезопасности. На пятый день он перепрятал полученное от них шпионское снаряжение и твердо решил для себя больше не рисковать — не выходить на связь. И только через неделю он получил сигнал по радио об изъятии тайника на Малой Бронной.

Негодуя на американцев за то, что вынудили его нервничать, Поляков усилил меры к обеспечению собственной безопасности: часть шпионского снаряжения от греха подальше уничтожил. А в начале июля 1972 года его неожиданно пригласил начальник управления генерал-лейтенант Константин Сеськин.

— Что нового у вас, Дмитрий Федорович, на китайском направлении? — поинтересовался генерал для затравки серьезного разговора.

— Работаем, анализируем. Ситуация в Китае, Константин Егорович, пока не радует. Антисоветизм в Пекине по-прежнему не снижается, а, наоборот, усиливается.

— Что ж, пока жив Мао Цзэдун, это будет продолжаться. А там посмотрим, как будут складываться обстоятельства. Но я пригласил вас не для того, чтобы поинтересоваться событиями в Китае. Меня несколько удивило и насторожило вот это послание… — Генерал подал ему красиво оформленное приглашение на официальный прием из американского посольства. — С чего бы это после десятилетнего перерыва янки вдруг вспомнили о вас? — ехидно заметил Сеськин.

Пропустив мимо ушей замечание начальника управления, Поляков продолжал молча читать приглашение. В нем сообщалось о приезде в Москву полковника в отставке Джона Меррита Харрисона и о том, что прием состоится 7 июля 1972 года на квартире военного атташе США, полковника Притчарда в здании посольства по адресу: улица Чайковского, 19/23.

Прочитав приглашение, Поляков от бессильной, дикой злости аж затрясся весь и даже выругался вслух:

— Они совсем там охренели! Ну посудите сами, Константин Егорович, какое отношение имею я к американскому направлению работы? Никакого! — Потом, взяв себя в руки, с дрожанием в голосе добавил: — В посольстве, очевидно, не знают, что теперь я работаю на китайском направлении. Надо сообщить им об этом, а иначе они постоянно будут приглашать меня на свои приемы.

— Вот вы и предупредите их там, на приеме седьмого июля. Не мне же, генералу Сеськину, идти в посольство без приглашения.

Поляков решил уклониться от посещения американского посольства.

— Нет, я не могу пойти на прием.

— Почему? — удивился генерал.

— Да мне же дыхнуть сейчас некогда! — с досадой выпалил Поляков. — Вы же знаете, что на мне висит подготовка отчета за первое полугодие. Вы же сами определили мне срок — сдать отчет к десятому июля.

Генерал заерзал в кресле.

— Ишь ты, работяга какой нашелся! Он, видите ли, человек занятой, а мы все, в том числе и приглашенные на прием вместе с вами офицеры из управления внешних сношений Министерства обороны, получается, бездельники. Нет уж, Дмитрий Федорович, отговорки ваши не принимаются во внимание. Не настолько они серьезные, чтобы их принимать. Да и большое руководство наше не возражало против направления вас на этот прием.

— А на каком уровне санкционировано мое посещение американского посольства? — Тайная злоба на своих коллег из резидентуры ЦРУ все еще была заметна в глазах Полякова.

— Вопрос решался на уровне первого заместителя начальника ГРУ Мещерякова[54] и согласовывался с контрразведкой КГБ. А теперь вы скажите мне, кто такой Меррит Харрисон, ради которого устраивается этот прием?

— Полковник Меррит хорошо знаком мне по работе в Бирме. Мы даже дружили тогда семьями.

— Меня сейчас больше интересует, почему его принимают с

такой помпой в Москве? Он — представитель Пентагона, установленный разведчик ЦРУ или военный дипломат?

— Я не считаю его ни разведчиком, ни дипломатом. В Рангуне он ведал хозяйственными вопросами по линии Пентагона и являлся начальником снабженческой организации МИДТ. Как расшифровывается это сокращение, мне не известно.

— А зачем вам нужно было знакомиться и поддерживать контакт с ним?

— Через него я имел возможность выходить на других сотрудников МИДТ. Снабженцы же для всех и всегда являлись нужными людьми. Благодаря ему я бесплатно посещал корт и международный яхт-клуб «Рангун сэйлинг клаб» на берегу озера Инья-Лейк. Посещение этих спортивных объектов вызывалось необходимостью приобретения полезных связей как среди местных высокопоставленных граждан, так и среди иностранцев. Вы же не хуже меня знаете, что разведчик должен искать связи везде, даже на местных рынках.

— Согласен. Но в том числе их надо искать и на приемах в посольствах. Надеюсь, вы не будете это отрицать?

— Нет, конечно.

— Вот и хорошо. Тогда придется вам сходить по долгу службы и на прием к военному атташе Америки…

— Но мне совершенно непонятно, зачем было приглашать меня-то на этот прием?

— А чего же тут непонятного? Старый друг лучше новых двух. Вот поэтому Меррит, наверно, и убедил атташе Притчарда пригласить вас.

— Ну если это так, тогда придется сходить, — согласился Поляков, мысленно на чем свет стоит ругая легкомысленных американских разведчиков. «Ну в самом деле, разве можно так бездарно и грязно работать со своими информаторами?!» — продолжал он возмущаться, покидая кабинет генерал-лейтенанта Сеськина…

* * *

Прием, устроенный по случаю приезда должностного лица Министерства обороны США, был достаточно высокого уровня. Меррита представили гостям как полковника и успешно действующего бизнесмена. В течение всего приема Поляков находился рядом с ним и при этом вел себя несколько настороженно. Когда официальная часть приема завершилась, к Мерриту и Полякову неожиданно подошел широкоплечий

американец и поинтересовался у советского гостя, где в Москве он мог приобрести такой модный костюм. В процессе завязавшейся беседы навязчивый американец как бы случайно и незаметно для других назвал словесный пароль «607 Мэдисон-авеню». Уловив обостренным слухом цифру «607» и последующие за ней два слова, но не поняв, что к чему, Поляков отвернул борт пиджака, показал фирменную этикетку и сказал, что костюм был приобретен не в московской «Березке», а в Нью-Йорке.

Когда прием завершился и Поляков на мгновение оказался за группой гостей, американец при прощальном рукопожатии вложил ему в ладонь какой-то небольшой предмет. Быстрее, чем следовало, Поляков сунул его в карман и, опасаясь, что кто-то из приглашенных сотрудников Генштаба или советских официанток, обслуживавших прием и являвшихся, как правило, агентами КГБ, мог заметить этот трюк, поспешно распрощался со своим американским «другом» Мерритом и покинул зал приема.

Дома Поляков развернул клейкую ленту и увидел небольшого размера приборчик для изготовления микроточек с приложенной к нему инструкцией. Ее он сразу же сжег, а прибор по изготовлению микроточек вынес в гараж, разрубил на мелкие части и выбросил их в разных местах.

Совершенно не понимая, почему цэрэушники навязывают отвергнутый им еще в Нью-Йорке способ передачи информации — путем изготовления микроточек, Поляков, разозлившись, решил приостановить с ними агентурные отношения в Москве. Охладел он и к сбору секретной информации для них. Присутствуя на оперативных совещаниях, он теперь ничего не записывал, старался лишь на всякий случай запоминать только самое важное и интересное. От активных же действий по добыванию секретных сведений воздерживался и не совал свой нос в дела других подразделений для их получения втемную. Но это продолжалось недолго, у него вновь появился настрой, видимо уже выработанный годами, на поиск нужной американцам информации. Через полгода он снова начал использовать метод выведывания для получения у своих коллег из других управлений главка различных сведений, представляющих оперативный интерес. Понимая, что не имеет права оступиться, он делал это очень осторожно, чтобы не дать понять собеседнику, что на самом деле его интересует.

Умение добывать и хранить только в памяти секреты было его большим достоинством, оно помогало ему оставаться не заподозренным еще несколько лет. Но огромное нервное напряжение, резкие переходы от работы в своей стране к другой — за рубежом изматывали его. Но Поляков был сильным,

волевым человеком и лишь иногда, чтобы легче переносить двойные нагрузки, позволял себе дома расслабиться за бутылкой водки. Его же непосредственное руководство отдела и управления ничего не знало о его тайной и в высшей степени опасной, шпионской деятельности. Благодаря этому незнанию, он и добился вскоре переназначения с исполняющего обязанности на начальника китайского направления.

Именно тогда он понял, что перед ним открываются блестящие перспективы по служебной деятельности. Что для этого, он считал, у него есть все основания — это участие в Великой Отечественной войне, большой опыт разведывательной работы в стране главного противника и в Юго-Восточной Азии, хорошие аттестации и превосходные характеристики. И Поляков стал лезть из кожи, чтобы зарекомендовать себя и осуществить свою давнишнюю и отчаянную мечту стать генералом. Он делал все для того, чтобы как-то продвинуть себя: работал в отделе дольше других, иногда демонстративно до полуночи, писал неплохие аналитические справки по оперативной и политической обстановке в Китае и по войне во Вьетнаме. Не забывал дарить и дорогие подарки, оставшиеся после загранкомандировок в США и Бирму.

Работу в центральном аппарате ГРУ он продолжал рассматривать главным образом как возможность получить генеральское звание с помощью тех руководителей, которые выказывали свое благоволение к нему. Он же, считая себя успешным разведчиком и достойным иметь по службе гораздо больше, чем имел, не раз открыто заявлял об этом начальнику управления кадров Изотову и начальнику политотдела, генералу Долину при вручении им подарков.

И не мытьем, так катаньем Поляков добился своего: был назначен на генеральскую должность главного резидента в Индии. В период подготовки к загранкомандировке перед ним были распахнуты двери всех подразделений ГРУ, ему дозволялось теперь знакомиться со многими военными и государственными секретами страны, а также с закрытыми материалами ТАСС, не говоря уже о статьях в секретном Информационном бюллетене ЦК КПСС. Многое оказалось для Полякова неожиданным и сложным для понимания многонациональной и густонаселенной страны его предстоящего пребывания. В течение долгого времени он вникал в ее древнюю историю и самобытность, и чем дольше занимался этим, тем больше казалось, что не хватит и всей жизни для того, чтобы освоиться с невероятно пестрой картиной, которую являла собой Индия. Да и в международной ее политике было трудно разобраться, потому что в стране функционировали

десятки крупных партий и организаций, которые в свою очередь делились на десятки фракций и групп, и у каждой из них был свой взгляд на взаимоотношения с СССР, США, Китаем и странами Южной Азии.

Некоторую ясность в понимание Индии помог ему внести руководитель Главного разведывательного управления — заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, генерал армии Ивашутин[55]. По установившейся уже традиции, он за два дня до отправки резидентов за рубеж пригласил к себе Полякова. До этого Поляков ни разу не встречался один на один с генералом армии, он даже старался не показываться ему на глаза только из-за того, что тот пришел в военную разведку из КГБ. Эта неприязнь к сотрудникам органов госбезопасности появилась у него после того, как сам завербовался в агенты ФБР. С того времени он больше всего боялся «Конторы глубокого бурения» — КГБ, считая, что все ее сотрудники приглядываются к нему и следят за ним. И хотя на людях Поляков демонстрировал свое полное расположение к чекистам, на самом деле он в условиях заграницы не упускал возможности настроить своих подчиненных против сотрудников резидентуры КГБ. Мало того, исподтишка даже преследовал тех, кто пытался установить или установил с сотрудниками внешней разведки и контрразведки хорошие отношения. Вот почему Поляков с большой опаской вошел в кабинет Ивашутина. Доложив о своем прибытии, он замер около двери.

— Проходите, пожалуйста, к столу и присаживайтесь, — предложил генерал армии Ивашутин. — При подготовке к командировке все ли успели выполнить? — поинтересовался он.

Пока новоиспеченный резидент докладывал, как шла его подготовка к отъезду в Индию, начальник ГРУ, внимательно всматриваясь в него, невольно подумал, что в нем есть некая отталкивающая сила: крупная, с большими мясистыми ушами и заостренным, птичьим носом голова — и какая-то заискивающая, едва заметная улыбка. «Да с таким типом не каждый человек захочет иметь дело», — словно подытожив свои наблюдения, подумал генерал.

Ивашутин был одним из самых опытных и удачливых руководителей разведывательного управления Генштаба, не случайно некоторые генералы и адмиралы этого ведомства считали, что Петр Иванович Ивашутин — это Суворов в разведке. Дед, так называли его подчиненные, обладал способностью быстро проникать во внутреннюю суть людей и порой с первого взгляда определять мотивы человеческих поступков.

Полякова генерал знал в основном по докладываемым

документам на подпись — характеристикам, аттестациям, приказам при назначениях на должность и присвоениях очередных званий. Знал он и то, что говорилось в представлении на должность военного атташе и главного резидента в Индии: «… Поляков является грамотным офицером. Политическая подготовка хорошая, может самостоятельно ориентироваться в любой оперативной обстановке. По своим личным качествам, общей и специальной подготовке способен самостоятельно выполнять поставленные задачи».

Закончив доклад о своей готовности к отъезду в Индию, Поляков поставил перед руководителем разведки вопрос об увеличении финансовых средств для непредвиденных расходов за рубежом. А в качестве примера привел ситуацию, связанную с нехваткой денег в рангунской резидентуре, когда потребовалось для служебных целей приобрести двести патронов нестандартного калибра.

Слушая его несерьезное обоснование, Ивашутин заметил, что голос у Полякова в разных случаях звучал по-разному: он то неестественно растягивал слова, чтобы казаться значительнее, то говорил с неожиданным раздражением, когда нервничал, особенно при объяснении причин несостоявшейся однажды охоты в Бирме из-за финансовых затруднений своевременного приобретения патронов. Генерал армии продолжал внимательно слушать Полякова, ловил мельчайшие нюансы интонаций в его голосе и поведении — и чувствовал, что этого человека не покидает какое-то внутреннее напряжение. Симпатии к нему Ивашутин не испытывал и, чтобы не затягивать время, которым он очень дорожил, прервал его и спросил:

— С планом-заданием на командировку вы уже ознакомились?

— Так точно, товарищ генерал.

— Вас все в нем устраивает?

— Да. Вот только страна, где предстоит работать, показалась мне очень сложной и загадочной.

— Да, это не Бирма, — нехотя отозвался начальник ГРУ. — И обстановка там, в политическом и оперативном плане, далеко не простая. У Индии есть свои внешнеполитические интересы, у нее, как и у нас, не решены проблемы с Китаем. Нарастает конфронтация с Пакистаном. Сложно складываются отношения и с США. Лидер правящей партии Шарма недавно публично обвинил ЦРУ в организации беспорядков в Дели и в подрыве отношений с Бангладеш, Непалом и другими соседними странами. Таким образом, возникавшие и у нас опасения по поводу возможного изменения политического курса Индии в

выгодном для США направлении не подтвердились. Поэтому нам надо как можно больше заботиться о защите дружественных отношений с Дели…

— Я, конечно, понимаю это, — перебил генерала Поляков, — но в чем может проявляться забота со стороны резидентуры военной разведки?

Ивашутин тяжело вздохнул: он никак не ожидал услышать от Полякова подобного вопроса.

— Ну как же так, Дмитрий Федорович?! Получается, что вы не совсем готовы к командировке в Индию? И должность военного атташе в такой огромной стране свалилась на вас не по заслугам вашим, а по протекции ваших прямых начальников. Да, высоко вы поднялись у нас в последние полтора года по служебной лестнице. Стать за такое короткое время и начальником направления, и парторгом, и вот сейчас назначенным военным атташе при посольстве СССР в великой стране — далеко не каждому офицеру удается!..

Зная о жесткости и требовательности командира ГРУ, о его неуклонном стремлении поддерживать строгую дисциплину, Поляков счел должным соблюсти благопристойность, проявить терпение и держаться как можно спокойнее. В этой ситуации ему ничего не оставалось, как молча проглотить обиду и сказать самому себе: «Бог не выдаст, свинья не съест».

— Делийская резидентура, — продолжал тем временем Ивашутин, — должна совместно с сотрудниками посольства, представителями АПН[56] и ССОД[57] принимать меры к тому, чтобы содействовать созданию благоприятной общественной атмосферы в Индии по отношению к нашей стране. Вторая ваша задача — получать упреждающую информацию о возможных недружественных выпадах в отношении СССР как со стороны посольства США, так и тайных помощников ЦРУ. Влияние разведки США в Индии ощущается не только на индийцев, но и на советских людей, работающих по контрактам в Бомбее, Мадрасе, Калькутте и Бхилаи. Американцы пытаются там обрабатывать советских людей без нажима, с оттенком доброжелательности склоняют их к невозвращению на родину, а иногда даже делают вербовочные предложения.

Ваша третья задача, — продолжал генерал армии, — отслеживать и оценивать замыслы США в Индокитайском регионе. Особенно их планы по установлению господства над экономикой Индии. Советский Союз и все наши организации и службы, аккредитованные в Индии, должны вести хитроумную политическую, дипломатическую и пропагандистскую игру. И занимать при этом взвешенную, собственную позицию, ни в чем

не уступать нашему противнику!

Заметив, как сильно дернулся после этих слов Поляков, начальник ГРУ, сделав небольшую паузу, спросил:

— Теперь-то вам понятно, в чем должна выражаться забота и обеспечение дружественных отношений с Индией с позиций делийской резидентуры?

— Так точно, товарищ генерал армии!

— Вы когда должны отбывать в командировку?

От такого неожиданного вопроса Поляков слегка опешил, потом быстро отыграл назад и на вопрос ответил вопросом:

— Если я не ошибаюсь, вы советуете мне более детально изучить план-задание в оставшееся до отъезда время?

Ивашутин был удивлен: именно об этом он и хотел сказать.

— Как это вы угадали? Вы что… магией обладаете?

— Никак нет, — поспешил заверить его Поляков. — Просто интуиция сработала. А она редко когда обманывала меня.

— Для разведчика интуиция очень важна. Особенно при подготовке и проведении вербовочной работы. И вот поэтому я просил бы вас, Дмитрий Федорович, сосредоточить свои усилия на поиске и последующей вербовке надежных и перспективных источников информации. А не таких, как в Бирме. Прямо скажу вам, в Бирме интуиция подвела вас на все сто…

Поляков содрогнулся: «Командир, очевидно, знает или догадывается о моих контактах с цэрэушниками». И с дрожью в голосе спросил:

— В каком смысле она подвела меня?

— В самом прямом. Я имел в виду ваши скороспелые вербовки американцев в Рангуне. Еще не известно, кто больше от них пострадал, кто больше получил тогда полезной информации — вы или американцы…

Ивашутин, не отрываясь, исподлобья смотрел на Полякова, выражение лица которого представляло смесь озабоченности, страха и удивления.

— Скорее всего, — тяжело вздохнул генерал, — янки водили вас за нос, а потом, даже не поставив вас в известность, исчезли из вашего поля зрения. Из этого следует, что надо вам менять подходы к подбору кандидатов на вербовку. Тем более из числа ваших партнеров из спецслужб. Не следовало сразу брать их на оперативный контакт. Так, конечно, проще всего. Надо было сделать по-другому: сначала накопить достаточный объем данных на них, проанализировать эти данные и определить, есть ли основания предлагать тому или иному американцу сотрудничество с вами. Вот тут-то и нужно особое чутье, особое умение своевременно распознать, кто нам — друг, а кто — враг.

Есть, конечно, и другие способы вербовки — на компрматериалах и на материальной основе. Да что мне говорить вам об этом! Вы — опытный разведчик, но вот, к сожалению, иногда делаете досадные промахи. И от этого только снижается результативность вашей работы за кордоном.

Поляков зябко повел плечами и, сделав усилие над собой, деланным, потеплевшим голосом произнес:

— Я согласен с вашими замечаниями и рекомендациями, товарищ генерал армии, и обязательно учту их, работая в Индии.

Начальник ГРУ словно только и ждал этих слов, он посмотрел на часы, мотнул недовольно головой — потратил много времени на беседу, потом поднялся и спросил:

— Так когда вы отбываете в Дели?

— Через два дня.

— Ну хорошо. План-задание вы получите не здесь, а в Индии дипломатической почтой.

Генерал Ивашутин, не выходя из-за стола, протянул Полякову руку, крепко пожал его широкую, холодную ладонь и напоследок сказал всего три слова: «Желаю вам удачи».

Покинув кабинет начальника ГРУ, Поляков почувствовал вдруг легкую боль в висках и сразу же понял, от чего все это: от состоявшейся тяжелой беседы. Перебирая в памяти весь разговор с командиром, он встревожился, вспоминая его двусмысленные фразы: «интуиция подвела вас на все сто»; «и еще не известно, кто больше получил полезной информации от ваших контактов — вы или американцы»; «янки водили вас за нос»; «к сожалению, вы делали досадные промахи»… «Что бы это все значило? Намек на то, что нахожусь под подозрением?.. Но тогда зачем было в последние полгода назначать меня и начальником китайского направления, и военным атташе — резидентом в Индию?» — размышлял он по дороге домой. От этих размышлений боль в висках еще больше усилилась. Особенно тревожила неотвязная, глубинная мысль: «А вдруг решили проверить меня там, в Индии, где я буду чувствовать себя более раскованно, чем в Москве?..»

Подъехав к дому, Поляков немного успокоился, потер ноющие виски, и уже другая мысль начала вытеснять его опасения: «А чего я, собственно говоря, мандражирую-то, у меня же нет никаких оснований подозревать руководство ГРУ в том, что оно в чем-то не доверяет мне». Поразмыслив еще какое-то время о разговоре с начальником разведки, он пришел к выводу, что никто его не подозревает. И уже поднимаясь в лифте, полностью ощутил, что он по-прежнему чист и свободен, а вместе с этим ощущением появился и стимул, который нужен был ему, чтобы хорошо сыграть на «разведывательном поле» в Индии свои

прежние две роли — разведчика ГРУ и шпиона ЦРУ США.

Глава 5
«Дипломат» из скорпионова племени

Предателей презирают даже те, кому они сослужили службу.

Тацит, древнеримский историк

Есть преступление, которое не искупается, — это измена родине.

П. Буаст, французский философ

Советского военного атташе Полякова и его супругу поселили в отдельном доме на территории посольства СССР в Индии. В тот же день его принял посол Николай Михайлович Пегов. Он вкратце охарактеризовал внутриполитическую обстановку в стране и состояние советско-индийских отношений, сообщил, что первое соприкосновение с жизнью в Дели развеивает миф об особом миролюбивом характере индийского народа и о том, что по улицам столицы, Бомбея и Калькутты бродят священные коровы и жрецы в белоснежных одеждах. Что все это далеко не так: индийцы не миролюбивее других народов, жизнь в стране, как и повсюду, жестока к неимущим, чужакам и слабым вообще. У страны не решены проблемы с Китаем, а из-за обострившегося конфликта с Пакистаном не очень складываются отношения и с США.

— Во всех этих проблемах вам надо самому глубоко разобраться, — подчеркнул Пегов. — Основным и приоритетным направлением вашей работы должно стать добывание информации по американской линии. Антиамериканские настроения здесь традиционно сильны. Поэтому я хотел бы вас предостеречь: индийская контрразведка негативно относится к контактам советских граждан с американцами. Особенно с представителями их спецслужб…

Сердце Полякова екнуло.

— Установленная связь с ними, — продолжал посол, — оборачивалась, несмотря на дружественные отношения, серьезными неприятностями. Несколько раз индийцы выдворяли наших соотечественников без объяснения причин. И действовали они в этих случаях всегда корректно и в то же время весьма

решительно. Наши же протесты против подобных акций, как правило, не принимались во внимание. Я говорю об этом для того, чтобы вы не думали, что административно-полицейский режим в Индии слаб. А еще для того, чтобы вы не чувствовали расслабленности и подходили со всей серьезностью к проведению специфических аспектов ваших деликатных мероприятий… Это во-первых…

Посол сделал паузу, посмотрел в окно, затем перевел взгляд на Полякова и снова в назидательном тоне заговорил:

— Во-вторых, я просил бы вас начать подготовку к обеспечению безопасности официального визита в Индию Генерального секретаря ЦК Леонида Ильича Брежнева. Ваша главная задача должна заключаться в принятии мер к тому, чтобы содействовать созданию благоприятной общественной атмосферы.

С двояким чувством покидал кабинет посла Пегова военный атташе Поляков: с одной стороны, он почувствовал его благосклонность и доброжелательность, в отличие от советского посла в Бирме, а с другой — не совсем понятное и даже подозрительное предупреждение о нежелательности контактов с американцами. Как бы то ни было, он понял одно: работать в Индии придется сверхосторожно, продумывать каждый свой шаг заблаговременно и жить при этом в атмосфере постоянной бдительности.

По численному составу военная резидентура в Дели была намного больше, чем в Рангуне. Поэтому первоочередных задач перед Поляковым встало много. Выделив из них главные, он решил сначала познакомиться с каждым своим подчиненным, чтобы знать, кто на что способен, на кого можно положиться и от кого следует освободиться. Понимал он и другое — нужно сделать все возможное и невозможное, чтобы завоевать деловую репутацию: подчиненные ему офицеры должны удостовериться в компетентности и порядочности своего начальника. Они должны убедиться, что их резидент способен не только руководить и давать рекомендации, но и сам умеет работать «в поле» и что у него есть свои агенты и кандидаты на вербовку.

Времени для спокойного, постепенного вхождения в разведывательную деятельность у Полякова не было: Центр требовал от него информации в связи со стремительно развивающимися событиями в Индии — усилением американского влияния, образованием два года назад нового государства Бангладеш и слухами о том, что Пакистан готовится нанести военный удар в районе Кашмира и Пенджаба, а также в связи с подготовкой к войне и в самой Индии. В такой

предгрозовой атмосфере военному атташе Полякову было не до налаживания связи с сотрудниками ЦРУ.

Для получения требуемой Центром информации ему пришлось тогда активно поработать с агентурой, которую передал на связь предыдущий резидент. Для решения поставленных задач он каждодневно нацеливал офицеров на необходимость приобретения новых, ценных источников информации. Преследовал он при этом и свои эгоистические интересы: показать Центру свою роль незаурядного организатора агентурной и результативной работы разведывательного аппарата в Индии и этим самым ускорить получение звания генерал-майора, положенное ему теперь по занимаемой должности. Возлагал он в этом плане немалые надежды и на помощь заокеанских хозяев из Лэнгли, которые по неизвестным ему причинам почему-то долго не выходили на связь с ним. Лишь через два с половиной месяца на одном из посольских приемов военный атташе США полковник Кинг сообщил Полякову, что для установления контакта с ним в Дели прибыл специальный агент ЦРУ Пауль Лео Диллон, назначенный на должность первого секретаря американского посольства. В тот же день Кинг пригласил Полякова к себе домой на ланч, который должен был состояться в позднее вечернее время.

Опасаясь в темноте случайно наступить на кишевших в Дели так называемых змей-«шнурков» или каких-нибудь других бессловесных, но кусачих тварей, Поляков осторожно и тихо, чтобы не привлечь к себе внимания еще и индийцев — ночных сторожей богатых домов, пробирался к домашнему очагу полковника Кинга. Добравшись до него без печальных последствий, он был радостно встречен своим американским коллегой и высоким блондином с красивым открытым лицом и внимательными серыми глазами. На вид ему можно было дать лет сорок пять. Держался он уверенно и благородно, и ничего притворного в нем не было. И, может быть, поэтому была в нем какая-то притягательная сила. Полякову он представился не Паулем, а Полом Диллоном.

— Так вам легче будет запомнить мое имя, — пояснил американец, — а главное, чтобы вы не подумали, что я — немец.

Инициативу ведения разговора взял на себя полковник Кинг. Он начал беседу с обсуждения международных проблем и индийской политики в Южно-Азиатском регионе. Диллон сидел молча и терпеливо слушал, наблюдая за Поляковым. Потом, когда Кинг и Поляков перешли к рассмотрению отношений между СССР и США, Диллон неожиданно вклинился в беседу и перевел ее в другое, нужное ему русло: к теме разведывательной

деятельности.

— Насколько мне известно, — начал он, — вы сотрудничаете с нами не только из-за вашего недовольства перерождением советской партийной верхушки, погрязшей в бюрократизме, но и пониманием того, что нельзя допустить, чтобы Советский Союз мог победить в «холодной войне». Вы считаете, что возможное поражение США в этой войне приведет к краху земной цивилизации. Меня интересует, не изменились ли сегодня эти ваши умозаключения двенадцатилетней давности?

Не долго думая, Поляков ответил:

— Изменились, конечно. Двенадцать лет назад я не владел в полном объеме всей военно-стратегической информацией. А теперь могу вам сообщить: советское военное командование не считает возможной свою победу в ядерной войне и поэтому любой ценой оно постарается ее избежать[58].

— А почему же тогда ваши ученые и конструкторы продолжают разрабатывать новые виды вооружений? — осторожно подбирался к главным разведывательным вопросам Пауль Диллон.

— Потому что они этим самым зарабатывают себе на жизнь, — пошутил Бурбон-Поляков. — А если говорить серьезно, то вы, американцы, сами подталкиваете русских к этому. В своем московском разведцентре недавно я имел доступ к документам о западных технологиях, которые используются советским военно-промышленным комплексом. И что вы думаете? Я был страшно удивлен, когда подсчитал, что американские технологии применяются в сотнях, если не в тысячах разработок советских программ вооружений, различных технических систем и военных комплексов…

Диллон и Кинг были поражены услышанным. Они молча смотрели друг на друга, потом военный атташе Кинг недовольно обронил сквозь зубы:

— Но такого не может быть!

— Может! Еще как может! — повысил голос Поляков[59]. — Чтобы убедить вас в этом… — Он достал из нагрудного кармана рубашки маленький конвертик и, подавая его полковнику Кингу, сказал: — Здесь микропленка, на которую переснят перечень товаров и новейших образцов техники, в которых использовались американские технологии, а также чертежи и тактико-технические данные на только что появившиеся у нас противотанковые ракеты[60]. Уверен, что ваш Пентагон ничего еще не знает о них.

— А вот за это вам огромное спасибо! — Восторженный горловой возглас, словно сам по себе, вырвался из груди

американского военного атташе. — Вы дали нам сейчас очень ценную информацию…

— И не только сейчас, — подчеркнул Диллон, блеснув белыми зубами. — Мы и раньше получали ее так много, что в Лэнгли создана сейчас новая служба специально для обработки информации, поступающей от мистера Полякова. И что очень важно, вашими сведениями пользуются почти все подразделения Центрального разведывательного управления. И не только они. С обработанными и проанализированными материалами, подготовленными на основе ваших данных, знакомятся специалисты других разведсообществ — АНБ, РУМО, ПКСВР[61], УНР[62], ФБР и даже некоторых внешнеполитических ведомств Америки.

Кивая, Поляков принимал их похвалу с удовольствием. Поблагодарив своих хозяев за высокую оценку, высказался неоднозначно:

— Я, конечно, горжусь тем, что сделал и продолжаю делать сейчас для вас. Но если раньше, в Нью-Йорке, служение ФБР было для меня делом добровольным, то теперь оно стало обязанностью. И от этого жизнь моя стала намного сложнее. Служить двум разведкам сразу не так-то просто: надо ведь давать хоть какие-то результаты и своей разведке…

— Мы прекрасно понимаем это, — прервал его полковник Кинг. — И поверьте, мы в долгу перед вами не останемся, мы обязательно предоставим вам те самые «хоть какие-то результаты», о которых вы только что сказали. О них мы поговорим чуть позже. А сейчас очень хотелось бы получить данные о работающих под крышей советского посольства сотрудниках, причастных к разведке вашего ведомства и КГБ. В том числе и о фамилиях шифровальщиков.

К тому моменту Поляков настолько уверовал в свою значимость, что самомнение его выросло до непомерных размеров.

— Нет проблем! — воскликнул он. — Вы будете за мной записывать или как?

— Нет, мы будем называть по списку фамилии сотрудников советского посольства и делать пометки «кто есть кто», — ответил Кинг.

— О'кей!

— Если вас не затруднит, перечислите сначала известных вам шифровальщиков, — попросил Диллон. — И не только на момент проведения этой беседы, но и с учетом ранее происходивших их замен.

— Записывайте… Родионов Юрий… Литвинов… Имена и

отчества некоторых из них мне не известны, поэтому буду называть только по фамилиям. Итак… Байков… Хурбатов… Куликов и Макаров.

— А об организации шифрового делопроизводства в посольстве вы не могли бы нам рассказать? — продолжал допытываться Диллон.

— А вот об этом нам, военным разведчикам, не положено знать.

— Почему? — удивился американец.

— Потому, что этим хозяйством ведает одно из подразделений КГБ СССР, названия которого мы не знаем.

— Тогда сообщите о разведчиках, работающих под крышей вашего посольства, — не унимался Диллон.

— Это можно. Но вначале я сообщу вам об одном разведчике-нелегале, Хозине, которого я лично готовил в Москве для засылки в Китай. Он — лейтенант Советской армии, по национальности — уйгур. А теперь о сотрудниках резидентуры КГБ. Возглавляет ее Яков Прокофьевич Медяник. Заместителем его является Леонид Шебаршин. Подчиненных им офицеров, не всех, правда, я знаю в основном по фамилиям. Это Алипов… Сидаш… Гайнов… Маркелов… Петраков… Журавлев… Крюков… Мальков Юра… Гордюшкин… Галузин Юра… Криволапов… Сопряков Вадим… Бадин… Остальные мне пока не известны.

Сделав пометки напротив названных фамилий в списке состава советского посольства, полковник Кинг заметил:

— Надеемся, что своих-то подчиненных в Бомбее и Дели вы всех знаете.

— Разумеется. Но чтобы не тратить время на перечисление большого количества имен и фамилий, на следующей встрече я предоставлю вам полный список военных разведчиков. А теперь и мне хотелось бы узнать, чем конкретно вы можете помочь в решении моих разведывательных задач. Тем более что вы, мистер Кинг, в начале беседы обещали поговорить об этом немного позже. Это время подошло.

Американцы, переглянувшись, несколько секунд молчали. Потом на лице Кинга появилась загадочная улыбка, и, бросая молниеносные взгляды на своего коллегу из ЦРУ, он осторожно начал:

— Я и мистер Диллон уверены в том, что если мы будем вам помогать в разведработе, то вы сможете скорее вырасти до генерала и до более высокой руководящей должности в вашем ГРУ. Мы в этом тоже заинтересованы по понятным вам причинам…

— Это по каким же таким причинам? — удивился Поляков.

— Когда вы станете генералом, вы получите гораздо больший доступ к государственным и военным секретам. А это значит, что и мы с вашей помощью будем тоже знать о них, — пояснил Диллон.

— Вы затронули сейчас мою давнюю мечту стать генералом. Так не тяните резину, господа хорошие, открывайте ваши карты поскорее, чтобы я мог в ближайшее время выиграть это звание, — торопил, ерзая на стуле от волнения, резидент советской разведки.

— Не удивляйтесь, мистер Поляков, но мы давно уже начали открывать вам наши карты, — парировал опять Диллон.

Поляков удивленно пожал плечами:

— И когда же это было?

— Четыре года назад. Тогда мы стали сотрудничать с вами на личной основе. Согласны?

— Да, это было в Бирме, — заулыбался Поляков.

— Тогда мы дали вам возможность вести две вербовочные разработки на моих коллег — Джеймса Флинта и Алвина Капусту. Было же такое? — наседал Диллон.

— Было. Но подставленные вами кандидаты на разработку оказались неудачными. Оба сбежали от меня преждевременно.

Военный атташе Кинг нашел его слова забавными и, лукаво заулыбавшись, глядя на сотрудника ЦРУ, сказал:

— На этот раз вам будут предоставлены для вербовки кандидаты более достойные и надежные. Ради вашей генеральской карьеры ЦРУ решилось на довольно дерзкую операцию. Оно позволяет вам «завербовать» первого секретаря посольства США мистера Диллона…

Поляков сделал большие глаза и первым протянул руку американскому разведчику. Когда они крепко пожали друг другу руки, Кинг продолжал:

— Он будет давать вам дозированную и частично достоверную информацию, чтобы в нее поверили в Москве. Так что можете уже завтра направить в Центр рапорт на установление личного контакта с дипломатом из американского посольства. А заодно и просите санкцию на легализацию ваших встреч с кандидатом на «вербовку». После этого на одном из официальных приемов в посольстве мы легализуем ваши контакты и перед окружением. Вас устраивает раскрытая перед вами первая козырная карта? Вторая будет раскрыта не раньше чем через полгода.

— А смысл второй карты в чем будет заключаться? — продолжал проявлять интерес Поляков.

— В разработке новой операции по подставе вам для

«вербовки» еще одного объекта из ЦРУ, — пояснил Диллон. — В штабе Лэнгли уже ведется его подготовка.

Полковник Кинг продолжал молча наблюдать за погрузившимся в размышления советским резидентом, который, казалось, был чем-то все же озадачен.

Чувствуя на себе взгляды американцев, Поляков тяжело вздохнул и неожиданно нараспев произнес, обращаясь к Диллону:

— А вы знаете, я был убежден, что ЦРУ тоже мне поможет. И поэтому я очень благодарен вашему руководству и мистеру Кингу за то, что вы вместе вносите свою лепту в достижение нашего общего гиблого дела.

— Почему гиблого? — развел руками Кинг, растерянно глядя то на Полякова, то на Диллона.

— Да это я, извините, пошутил, — засмеялся Поляков. — Я имел в виду наше общее милое, а не гиблое дело.

— Я, между прочим, сразу понял, что вы шутите, — заметил Диллон и тоже засмеялся через силу. — Для того чтобы вы оперативно могли подготовить на меня досье, ровно через полмесяца и в это же время я передам вам на следующей встрече анкетные данные на себя, а вы мне — список всех сотрудников вашего ведомства, работающих в Индии.

Через полмесяца Поляков выдал американцам всех сотрудников ГРУ в Дели и Бомбее. Тогда же он предал и командированного в Токио своего коллегу по работе в США Александра Мачехина[63], которому всегда завидовал в умении легко вербовать американских военнослужащих и добиваться от них хороших результатов.

* * *

Высоко ценя только себя, Поляков без колебаний предавал работавших вместе с ним офицеров и тех, кто в период его работы в московском разведцентре оформлялся в командировку в Таиланд, Бирму, Лаос, Малайзию, Бангладеш, Непал, Пакистан, Индонезию и Шри-Ланка. Он раскрыл принадлежность к советской военной разведке около семидесяти человек и передал Диллону фотопленку с содержанием последних двенадцати номеров журнала «Военная мысль» — стратегического документа, издаваемого ежемесячно Генеральным штабом Министерства обороны СССР.

Диллон, не ожидавший такого большого объема полученной информации, невольно стал нахваливать агента Бурбона:

— В Лэнгли очень высоко ценят вас, мистер Поляков, за то,

что вы так много делаете для нас. А самое главное, что вы на протяжении многих уже лет не совершаете ошибок, и поэтому никаких трудностей в работе с вами мы не испытываем… — Он хотел еще сказать, что главным его качеством является полное отсутствие каких-либо моральных мучений, угрызений совести, не говоря уже о чувстве раскаяния, которое часто «посещает» за границей перебежчиков и предателей Родины, но сдержался и завершил свою похвалу неуклюжим реверансом: — Я должен признаться вам, что мы, ваши операторы: и Джеймс Флинт, и Алвин Капуста, и Фред Хоупт, не говоря уже о Джоне Мори из ФБР, — почитали и почитаем за честь работать с вами…

Диллон заметил, как вспыхнули стальным блеском глаза агента. В тот же миг он выпрямил спину и, вскинув подбородок, принял горделивую осанку, свидетельствовавшую о большой уверенности в себе, и бесцеремонно бросил:

— Я-то свое тайное дело, работая в условиях личной опасности, делаю профессионально, комар носа не подточит. А вот ваши коллеги из Лэнгли не всегда действуют профессионально…

— А что же такого сделали мои коллеги? — скорчив гримасу, перебил его американский оператор.

— Они позволяли себе дважды нарушить конспирацию в работе со мной в Москве, — категорическим тоном заявил Бурбон-Поляков.

— Но это все демагогия, мистер Поляков. Вы можете что-то конкретное сказать?

— Почему же нет? Могу! В Москве я уже дважды считал себя, можно сказать, разоблаченным. В последний раз это произошло около года назад. Тогда пригласили меня, даже не согласовав со мной, на прием в ваше посольство. Но это еще куда ни шло. А вот то, что случилось там, это непростительно! При прощальном рукопожатии один из неизвестных сотрудников посольства всунул мне в руку записку. Она, словно раскаленное железо, до самого ухода из посольства жгла мне руку. Как только я вышел на улицу, то сразу же, не читая, незаметно порвал ее и выбросил обрывки по дороге домой. После этого я прервал свою связь с вашей резидентурой в Москве. И, не в обиду будет сказано, вы действуете в Москве беспечно и по шаблону. Мне кажется, вы просто недооцениваете советскую контрразведку… Поэтому я и отказался тогда от навязываемой системы личной связи и поставил условие: работать с вами на территории СССР только через тайники и определять места для них буду я сам.

Удивившись сказанному, Диллон почесал в затылке, криво усмехнулся и, как фанатик своего дела, веривший в абсолюты,

согласился:

— Наверно, вы правы, мистер Поляков. И поэтому я извиняюсь за своих коллег, работавших с вами в Москве. То, что вы рассказали мне сейчас, еще раз свидетельствует о том, что вы — хороший разведчик…

А дальше американец стал опять расхваливать Бурбона за его непоколебимую преданность Америке, за добросовестное служение ЦРУ, высокий профессионализм и блестящие результаты совместного сотрудничества.

— Если говорить откровенно, — нетерпеливо заговорил в ответ Бурбон, — то я горжусь тем, что успел сделать что-то полезное для США. Признаюсь вам, мистер Пол, я получаю удовольствие от шпионажа. И чем больше риска в нем, тем мне интереснее, тем осторожнее я действую. Как вы думаете, почему уже более десяти лет меня не могут разоблачить?

Диллон, пожав плечами, ответил:

— Наверно, вы — очень везучий человек…

— Да нет! Это потому, что я усвоил уроки советской разведки и контрразведки. Сказываются, конечно, и многолетняя выучка, и опыт работы в «поле». Но самое главное, повторяю, — я хорошо знал контрразведывательный почерк КГБ. Никогда я не вел записей добытых секретных сведений для вас. Полагался только на свою память. Единственное, что дается мне пока трудно, — это поддерживать в своем сознании необходимость ведения двойной жизни и постоянно играть две роли. То я советский разведчик, прикидывающийся патриотом своей страны, то я тайный ваш слуга, заботящийся о нуждах Лэнгли. Играешь, играешь эти роли и думаешь, как бы не заиграться. Вы, мистер Пол, не поверите, как нелегко чувствовать себя одновременно и офицером ГРУ, и шпионом ЦРУ… И с одинаковым пылом служить и вашим, и нашим.

После этих слов Поляков погрузился в непривычное для него состояние созерцания.

Диллон несколько секунд задумчиво смотрел на него, потом вежливо спросил:

— О чем вы так сильно призадумались?

Бурбон вздрогнул от неожиданного вопроса и, лукаво прищурив левый глаз, ответил:

— О вашей нелюбви ко мне и причинах нежелания стать моим «агентом». Вербовка агента из посольства США — это заветная мечта и цель каждого разведчика.

— Вы шутите, говоря о моей нелюбви к вам?

— Если я шучу, то в шутке есть намек. За предоставленную мною информацию об офицерах ГРУ вы обещали мне передать

свои анкетные данные…

— Нет проблем, — подхватил Диллон и, вытащив из нагрудного кармана рубашки вчетверо сложенный листок бумаги, подал его Бурбону. — Если надо что-то дополнить, пояснить, то я готов это сделать.

Бурбон в ответ молча кивнул, развернул листок с отпечатанным текстом, прочитал и сказал:

— Меня все устраивает. Спасибо.

— Тогда у меня к вам один уточняющий вопрос: в каких случаях офицеры ГРУ, выезжая в загранкомандировку, меняют свои фамилии?

— Это бывает редко и только в исключительных случаях. Мне известен лишь один факт замены фамилии сына командующего войсками Западного и Третьего Белорусского фронтов, дважды Героя Советского Союза, генерала армии Черняховского. Замены фамилий делаются тем офицерам, которые являются детьми или близкими родственниками высокопоставленных государственных и военных деятелей.

Диллон еще раз поблагодарил Бурбона и протянул ему конверт с долларами.

— Это за вашу информацию.

— Спасибо, но русский офицер денег не берет. Разве вам не говорили ваши коллеги в Лэнгли, что я пошел на сотрудничество с ФБР, а затем и с ЦРУ не по материальным, а по идеологическим соображениям. Я — борец за справедливость, а не за деньги. Их я имею столько, сколько нам надо для семейной жизни. И выделяться в моем двояком положении никак нельзя…

Поляков и его жена Нина Петровна Киселева жили в Дели, как все посольские сотрудники. Он был неплохим кулинаром и часто, когда жена задерживалась на работе, готовил ужин сам, особенно когда приглашал гостей из числа иностранцев. Любил компании, ходил на все протокольные и непротокольные мероприятия: выпивал рюмку-две и незаметно уходил к себе в кабинет или уезжал домой и глушил спиртное сколько мог, но на людях всегда поддерживал имидж непьющего. Он мог бы, конечно, жить и на широкую ногу, возможности у него для этого были. Американцы, которых он снабжал на каждой явке информацией ценностью на сотни, а то и тысячи долларов, всегда преподносили ему конверты с крупными суммами, но он не брал их, опасаясь засветиться на трате их при совершении крупных, дорогостоящих покупок. Удовлетворялся он хорошими подарками, особенно касавшимися его увлечений — охоты и рыбной ловли. Поэтому ему дарили дорогие ружья, рыболовные снасти и необходимые для любимых им увлечений красивую

кожаную амуницию и разное снаряжение.

Диллон, узнавший от своих коллег, работавших с Бурбоном, о его страсти к рыбной ловле, предложил провести очередную встречу на берегу реки Джамна или на ее притоке Чамбал.

— Должны же мы с вами когда-то снимать стресс и получать в благодатной Индии с ее прекрасной природой положительные эмоции?! Как ехать туда и найти хорошее место для рыбалки, мне объяснил и показал на карте полковник Кинг. Американский спиннинг для вас и все необходимое для рыбной ловли я привезу на машине. Так как? Вы согласны поехать вместе в моем джипе?

— А когда вы предлагаете поехать с вами? И в каком месте вы можете подобрать меня?

— Давайте в следующий выходной день в пять часов утра. А вот в каком месте вы должны подсесть ко мне, предлагайте сами. И учтите, что рикш в такое раннее время еще не будет. И если я назначу вам какое-то удаленное место, то вам просто не на чем будет добраться, а я куда угодно смогу подъехать на машине.

— О'кей. Встречаемся у отеля «Ашока». Что я должен прихватить с собой?

— В каком смысле? — поднял брови американец.

— В плане передачи вам очередной порции секретной информации.

— О да! — спохватился Диллон. — Лэнгли запросило сведения о, возможно, знакомых вам установленных разведчиках из стран народной демократии, работающих в Индии. Имеется в виду ваших коллег из военной разведки. Подготовьте также в устной форме сообщение о количестве источников информации из числа граждан Индии, состоящих на связи у ваших офицеров. И сделайте выборку тех агентов, которые работают в высших правительственных эшелонах индийской власти. В дороге на рыбалку может случиться всякое, поэтому прошу вас не делать никаких записей и не брать их с собой.

— Можете не беспокоиться, Пол, память у меня надежная.

— Тогда все, до встречи у отеля «Ашока».

* * *

На следующий день резидент Поляков, располагая полными данными на американца Пауля Диллона, направил в Центр шифровку следующего содержания:

Совершенно секретно. Экз. единственный. Лично тов. Ростокину.

В соответствии с вашими указаниями о приобретении

пловцов установлен дружеский контакт с первым секретарем посольства США Паулем Лео Диллоном, впредь «Плед». Ему 47 лет. В посольстве занимается экономическими вопросами. Он выходец из семьи служащего, родился и учился до призыва в армию в Бостоне, затем служил в морской пехоте, где изучил русский язык. После войны окончил Бостонский университет, где также изучал русский язык, потом работал в Западной Германии гражданским клерком по вопросам связи военной администрации США с населением. С 1962 года начал работать в госдепартаменте в экономическом отделе. Неоднократно бывал в командировках в Италии и Мексике.

По натуре общителен. Увлекается, как и я, теннисом, охотой и рыбной ловлей. Он избран вице-президентом местного клуба охотников и рыболовов. Наше знакомство поддерживается на почве этих общих увлечений.

Плед постоянно делится со мной имеющейся у него информацией о законодательстве в различных индийских штатах. От контактов со мной не уклоняется, но и настойчивости не проявляет. Полагаю, что в процессе дальнейшего изучения Пледа и выяснения его возможностей дружеские отношения с ним могут перерасти в агентурные отношения.

Считаю целесообразным продолжить его разработку. Прошу вашей санкции.

Данин

24.10.1973 г.

Через некоторое время в Дели пришел ответ из Центра:

Совершенно секретно. Лично Данину.

С вашим предложением о работе с Пледом согласны.

Просим иметь в виду, что Плед связан со спецслужбами Гималаев. Это мнение основывается из вашего же сообщения об изучении им русского языка. Судить о перспективах дальнейшего его использования пока рано. Неизвестно и с какими намерениями Плед начал поддерживать контакт с вами.

Ростокин

27.10.1973 г.

Поляков был доволен таким ответом из разведцентра: для него было главным получить санкцию на продолжение работы с

Диллоном. А на вторую часть шифровки у него был уже готовый ответ, но он не стал отправлять его в Центр. В первую очередь решил легализовать перед своими коллегами последующие контакты с Пледом и другими сотрудниками американского посольства. Для этого на очередном протокольном мероприятии Поляков, как было оговорено ранее с полковником Кингом, познакомился, и сделал это на глазах у многих людей, с первым секретарем посольства. На другой день он рассказал об этом своим подчиненным, а также жене в соответствии с установленными правилами о необходимости легендирования личных связей на территории чужого государства.

Тем временем американцы Кинг и Диллон обсуждали между собой, как можно помочь Бурбону в повышении результативности в его работе.

— Бурбон должен пройти в Индии разведывательный путь успешнее, чем в Бирме и Америке, — доказывал Диллон. — Надо помочь ему. Он нравится мне своими вкрадчивыми, мягкими манерами держаться на официальных приемах. Психологическая подготовка у него прекрасная. Порой кажется, что он переигрывает меня. Мыслит всегда четко и никогда не теряется…

— Да, это так, — согласился военный атташе Кинг. — В официальной обстановке он всегда достойно отстаивает интересы России. Причем он такой «кусачий», каких мне мало встречалось в жизни. Тебе, Пауль, с ним будет нелегко. И смотри, как бы он не завербовал тебя по-настоящему, всерьез и надолго.

— Пока все идет плавным путем, — закашлялся Пол. — А если нужно будет, то мы с вами придавим его, как червяка. Ему нельзя теперь дергаться, все его встречи в Нью-Йорке и Рангуне, да и здесь со мной документируются техникой. Сейчас, чтобы создать видимость активной работы «кусачего» полковника и укрепления его авторитета в глазах руководства в Москве, надо создать ему хороший имидж в московском разведцентре. А для этого придется посодействовать ему в заведении вербовочной разработки на меня с моего «личного согласия». И надо нам подкармливать его какой-то информацией…

— Но ты же говорил, — прервал его Кинг, — что в Лэнгли будут готовить для него полуправдивую информацию.

— Да, это так, — кивнул Диллон. — Но мы уже сегодня должны думать о последующей его работе с хорошим результатом, который принесет пользу и нам, и ему в открытии шлюза к служебному росту. Для этого хорошо бы подобрать ему еще одного, теперь уже настоящего кандидата на вербовку. Но такого, который умеет держать язык за зубами. При этом кандидат для подставы должен работать под нашим контролем и

не должен знать существа отношений Бурбона со мной. Нашему объекту подставы мы должны дать твердую установку, чтобы он никогда не отказывался от выполнения просьб советского разведчика. И еще: кандидат должен считать, что выполняет архиважную задачу для Америки, что он участвует в хитроумной игре нашей разведки с советской…

Сделав паузу, Диллон несколько секунд держал на Кинге немигающий, затуманенный взгляд, потом спросил:

— А может быть, у вас, мистер Кинг, есть на примете подходящая кандидатура лет тридцати пяти — сорока? Если мы сами подберем такого человека и осуществим операцию по его подставе, то это вам тоже потом зачтется…

— Дайте мне время подумать, — расплылся в улыбке Кинг: у него, как и у Полякова, тоже теплилась надежда получить звание генерала.

— Сколько вам для этого потребуется времени?

— Две-три минуты, чтобы мне мысленно прикинуть каждого из моих подчиненных.

Полковник Кинг задумался. Прошло минуты две, и он снова заговорил:

— Я могу предложить нашего сержанта — техника Роберта Марциновски. Он и по возрасту подходит — ему сейчас тридцать четыре года. И человек он надежный. Я даже намерен назначить его административным помощником военного атташе.

— А где он раньше работал?

— В Греции, Германии, Японии и Вьетнаме.

— Вот видите, как все прекрасно складывается для нашей операции. Я попрошу вас, мистер Кинг, поскольку вы лучше меня знаете своего будущего помощника, подумать: какие сведения мы можем, хотя бы на первых порах, передавать советскому разведчику? Причем такие, которые не могли бы причинять ущерб американским интересам. Я жду от вас предложений ровно через неделю. Это будет как раз перед моей встречей с Бурбоном. Кстати, подумайте и о том, какой псевдоним можно будет присвоить Роберту Марциновски.

— О'кей.

* * *

Опасаясь попасть в поле зрения советской контрразведки, работавшей при посольской резидентуре КГБ, Поляков предпочел встречаться с американцем Полом не в городе, а на охоте в горах и на рыбалке на реке Ганг и ее притоках Джамна, Инд и Нарбада.

Однако, по рекомендации Кинга, Диллон на первый раз повез его на Чамбальское водохранилище.

Устроившись на некотором расстоянии друг от друга в зарослях Чамбалы, они делали вид, что ловят рыбу, в то время как спрятанный в нагрудном, накладном кармане Диллона магнитофон записывал донесения советского резидента и его ответы на уточняющие вопросы американского разведчика. Пола интересовало многое: последние достижения в авиа- и танкостроении, космической технике, а также исследования и научные разработки в противоракетной обороне. Поинтересовался он и предстоящим официальным визитом в Индию Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева, и спектром политических проблем, которые будут затрагиваться на двусторонних переговорах, и обеспечением безопасности советского лидера в ходе визита.

Сообщив своему оператору подробности начавшейся в Дели подготовки к приезду Брежнева, Поляков потом задал ему колкий вопрос:

— Как видите, я слил вам много секретной информации! А чем же я-то буду отчитываться перед своим разведцентром об этой встрече?

Диллон, не колеблясь, ответил:

— Считайте, что этой встречи у нас не было. Кстати, вы запрашивали свой разведцентр о разрешении поездки со мной на рыбалку?

— Нет, — мотнул головой Бурбон.

— Вот и хорошо. А если бы запросили, то могли бы насторожить свое руководство слишком быстрым сближением с американцем. На следующей встрече в Дели я постараюсь снабдить интересующей Москву информацией по Китаю, в том числе и сведениями по экономике Поднебесной. А сейчас я схожу к машине и принесу вам подарок за ваши ценные сведения.

— От подарка я не откажусь.

Через пару минут американец вернулся с небольшой разноцветной коробкой в руках.

— Что это? — удивился советский военный атташе.

— Сейчас увидите это сами. — Диллон распечатал футляр и вытащил из него красивый спиннинг. — Это вам, как заядлому рыболову. И учтите, он — с секретом…

— А зачем рыболову спиннинг с секретом? Наверно, чтобы рыба лучше клевала?

— Нет, не для этого. Это специально изготовленный лично для вас спиннинг, в рукоятку которого вы можете, как в тайник, закладывать и хранить в ней различного рода секретную

информацию и документацию.

— Что вы имеете в виду?

— Шифры, инструкции, конспиративные адреса и так далее…

— Так это все вы должны передавать мне, а не я вам. И чем чаще вы будете делать это, тем больше я буду иметь американских спиннингов…

— Это получается бумеранг, но не в мою пользу… Хорошо, пусть это будет так…

Возвратившись с рыбалки, Поляков подготовил на другой день шифровку в Центр:

> Совершенно секретно.
>
> Москва.
>
> Тов. Ростокину.
>
> С Пледом складываются доверительные отношения. Подозрительных моментов в его поведении не установлено. Однако я не исключаю, что Плед может являться сотрудником американских спецслужб. Через него мы можем получать интересующие нас сведения по Китаю.
>
> Поскольку у нас нет в посольстве США своих источников информации, полагал бы целесообразным работу с ним продолжить.
>
> *Данин*
>
> *17.12.1973 г.*

О своей поездке на рыбалку Данин не сообщил. Дальнейшие конспиративные встречи с Диллоном он проводил теперь в обеденный перерыв в отелях «Оберой» и «Ашока». Конкретными местами встреч с того времени становились не гостиничные номера, а фойе, коридоры и магазины на первом этаже отелей. Обмен информацией происходил на ходу, в процессе передвижения от прилавка к прилавку или в коридорах отеля. Свои отлучки из посольства Поляков объяснял необходимостью решения бытовых вопросов в городе. Иногда шпионские сведения для Пола он передавал на официальных приемах через военного атташе США Кинга.

Тем временем в Центре после проведенного анализа поступившей информации от Полякова усомнились в ее достоверности. В связи с этим обстоятельством начальник 2-го управления ГРУ генерал-лейтенант Сеськин направил шифровку резиденту Данину, в которой отмечалось:

…Основные усилия загранточек в Дели и Бомбее необходимо

ориентировать на добывание информации о мероприятиях США, направленных на укрепление их позиций в бассейне Индийского океана. Кроме того, нам важно знать сейчас мнение США по вопросам советско-китайских и советско-японских отношений. В 1973 году по данной теме было добыто вами только два документа, представлявших интерес, а в этом году резидентурой не получено ни одного.

В качестве главного разведывательного задания на 1974 год всем загранточкам ставится — добывание информации по вскрытию планов США и империалистических блоков по подготовке возможного внезапного нападения на СССР и страны социалистического содружества, а также о развязывании локальных вооруженных конфликтов в Юго-Восточном регионе мира.

Просим впредь не сужать круг задач, стоящих перед вашим разведаппаратом, и констатируем неудовлетворительную работу по стране главного противника.

После такой оценки Поляков трижды, не согласовывая с Центром, выезжал с Диллоном на охоту в предгорья Гималайского хребта и передал ему много шпионских сведений. О своих поездках на охоту или рыбалку он ставил в известность только своих подчиненных, но никогда не говорил, с кем именно. Засевшая в голове обида на Центр за несправедливые, критические замечания о его работе, не давала ему покоя около месяца, и в конце концов он написал рапорт о предоставлении отпуска.

Перед тем как выехать в Советский Союз, он провел встречу с Диллоном. Пол, опасаясь, что Бурбон может по независящим от него причинам не вернуться из Москвы, проинструктировал его на всякий случай о необходимости поддержания там связи с посольской резидентурой ЦРУ и определил ему задание следующего характера:

— добыть полный перечень задач военно-промышленного комплекса на 1974–1976 годы;

— получить по возможности списки выпускников Военно-дипломатической академии за последние два года;

— сделать фотокопии учебника «Стратегическая разведка»;

— переснять все недостающие номера Информационного бюллетеня ЦК КПСС за 1973 год и за первую половину 1974 года.

За день до отъезда в отпуск Поляков сделал несоизмеримые с его денежным довольствием закупки различных дорогостоящих подарков и сувениров. Приобрел стереофонический четырехдорожечный магнитофон, серебряный сервиз, спиннинги, золотые кольца со вставками из бриллиантов, авторучки «Паркер»

и «Шефер» в позолоченных корпусах и кое-что по мелочи для офицеров, которые раньше оказывали ему кое-какие услуги…

Поляков знал, что от руководителей разведки всегда зависело и зависит многое в карьере любого сотрудника этого военного ведомства, и поэтому из каждой загранкомандировки или при уходе в отпуск он привозил им из-за рубежа дорогостоящие подарки, которые они охотно принимали. И может быть, поэтому в Полякове укрепилось брезгливое чувство к продажности некоторых своих начальников. И потому, возвращаясь из отпуска к местам службы за кордоном, он предавал их с большой легкостью и характеризовал как недалеких и продажных людей. «Закладывал» он всех, кроме начальника ГРУ, генерала армии Петра Ивановича Ивашутина, на которого у него не было прямого выхода и которого он очень опасался только из-за того, что тот работал раньше первым заместителем председателя КГБ СССР.

Подарки же для руководящего персонала в Москве ему давали американцы, которые по-прежнему не совсем понимали мотивов его сотрудничества с ними и потому не на все сто процентов ему доверяли. Поляков чувствовал это и теперь уже, не обращая никакого внимания на комплекс неполноценности своих операторов, держался перед ними всегда уверенно, без угнетенности финансовыми проблемами, хотя в деньгах его семья иногда нуждалась. И посему его супруга вынуждена была учительствовать в посольской школе. Работая же в Москве между загранкомандировками, Поляковы имели всегда столько, сколько необходимо было для жизни, ничем не выделяясь среди остальных своих коллег.

Находясь дома в отпуске, Полякову не составило особого труда выполнить задание Пола Диллона — собрать интересующие ЦРУ сведения. Перевозить же через границу непроявленную фотопленку со списками выпускников Военно-дипломатической академии и секретным учебником «Стратегическая разведка» он не решился и заложил все это в тайник на улице Богдана Хмельницкого. Убедившись, что тайник изъят сотрудниками посольской резидентуры ЦРУ, Поляков улетел в Индию.

Вернувшись в Дели, он попросил полковника Кинга известить Диллона о своем приезде. На очередном протокольном мероприятии Кинг передал Бурбону, что явка ему назначена в отеле «Оберой» через два дня.

На этой встрече Диллон поблагодарил агента за успешное выполнение задания в Москве и раскрыл ему вторую «козырную карту», нацеленную на изучение и разработку еще одного сотрудника посольства — сержанта Роберта Марциновски.

— Он должен фигурировать у вас под псевдонимом Ринос, — предупредил Диллон. — Что касается его установочных данных, то я, чтобы не затягивать время нашей встречи, передаю вам копию анкеты на него. Ринос уже проинструктирован полковником Кингом в том плане, чтобы не уклонялся от выполнения ваших поручений. Мы убедили его, что он будет выполнять особо важную задачу для Соединенных Штатов Америки. Однако мы не знали, что Роберт — человек меркантильный: он поставил условие, чтобы советская разведка делала ему выплаты за переданную информацию. Отнеситесь, мистер Поляков, к этому с пониманием, а мы потом компенсируем вам все эти расходы. Договорились?

Поляков, подумав, ответил:

— Это не вопрос. Скажите мне честно: я могу серьезно рассчитывать на него? Могу ли я завтра сообщить в Центр о нем, как о возможном кандидате на вербовку, со всеми его установочными данными?

— Можете. И не только о нем. Можете проинформировать Центр и о знакомстве на дипломатическом приеме в посольстве Великобритании с представителем крупной американской компании «Нортроп» Уолтером Вильямсом. Сообщите, что он периодически, пять-шесть раз в год, бывает в Индии и мог бы быть полезен вам по линии технической разведки. Чтобы создать видимость вашей успешной работы здесь, вы можете завтра же запросить санкцию и на «вербовку» меня. Я даю вам на это согласие, — лукаво улыбаясь, добавил Пол. — Уверен, что благодаря нашей с Кингом операции по «подставе» вам сразу трех американцев: Марциновски, Уолтера, Диллона — вы будете теперь купаться в лучах славы в ГРУ. Полагаю, что вы отработаете потом все это с лихвой?

Недовольно передернув плечами и прищелкнув пальцами, Поляков торопливо ответил:

— А по-моему, я давно уже отработал все с лихвой!

— Да, это так, — вынужден был признать Диллон. — Поэтому мы, Марциновски, Вильямс и я, даем вам добро на нашу «вербовку». При условии, что с одним из нас троих вы должны работать по-настоящему серьезно, то есть по всем правилам разведки, конспиративно.

— С кем именно?

— С Риносом.

— О'кей. Уверен, что мои кабинетные начальники в Центре проглотят любую вашу наживку.

— Мы тоже надеемся на это, — польстил ему Пол.

Тогда же Диллон от имени Риноса снабдил Полякова

информацией политического характера: о попытках китайского вождя Мао Цзэдуна «сколотить» блок небольших государств якобы для совместной борьбы против стран-гигантов — СССР и США.

— А по истечении некоторого времени, — продолжал Диллон, — вы можете передать в Москву от имени того же Риноса не менее важные сведения о намерениях Китая заключить договор с Вашингтоном об экономическом сотрудничестве и намерении вызвать столкновение Америки с СССР, побудив Россию первой начать войну против США. А чтобы заинтересовать ваш разведцентр в кандидатуре Уолтера Вильямса, проинформируйте ГРУ о переданной якобы именно им блокаде и минировании Соединенными Штатами северо-вьетнамских портов.

И хотя эти сведения были устаревшими, тем не менее в ГРУ заметили нацеленность в работе делийской резидентуры на добывание информации по Китаю, а также обратили внимание на активность резидента по установлению оперативных контактов с американцами. С учетом этих обстоятельств в 1974 году на него было подготовлено представление на присвоение звания генерал-майора. Но от подписания этого представления начальник 2-го управления ГРУ генерал-лейтенант Константин Егорович Сеськин уклонился — в тайниках своей души он, как и генерал Гульев, тоже подозревал Полякова в причастности к провалам разведчиков-нелегалов и агентов из числа иностранцев. Однако это звание было все же впоследствии ему присвоено.

Не раз у Сеськина возникали подозрения по поводу скороспелых оперативных контактов Полякова с американскими дипломатами в Бирме и Индии. По своему жизненному и оперативному опыту генерал Сеськин хорошо знал, что установление контактов с иностранными дипломатами, особенно с представителями спецслужб противника — дело архисложное и трудное. Как правило, сотрудники резидентуры ведут длительный поиск, изучая десятки людей, прежде чем найдут нужного человека, а Поляков по части установления оперативных контактов был подозрительно успешен, он их «пек» словно блинчики. Причем «блинами» у него были установленные разведчики ЦРУ США — Джеймс Флинт и Алвин Капуста в Бирме, Пауль Диллон, Роберт Марциновски и Уолтер Вильямс в Индии. Да еще и своих коллег, военных атташе Фреда Хоупта в Бирме и Вильяма Кинга в Индии, он преподносил Центру как кандидатов на вербовку.

Докладывая заместителю командира ГРУ генерал-полковнику Толоконникову о своих сомнениях в достоверности получаемых от резидента Полякова донесений, Сеськин, назвав ему фамилии

американских дипломатов, уверительным и твердым голосом заметил:

— Неужели вы, Леонид Семенович, думаете, что эти дипломаты оказались настолько ярыми сторонниками Советского Союза, что вот так просто и легко пошли на сотрудничество с нашим Поляковым? Но больше всего удивляет, что, даже не проверив их по оперативным учетам, он каждый раз настойчиво просит нас дать ему санкции на их вербовку…

Генерал Толоконников потянулся рукой к голове и, почесав затылок, возмущенно бросил:

— В таких случаях вы и не должны были давать эти санкции! И надо раньше было указывать ему на такие упущения в работе, а не жаловаться мне!..

— Так я и не давал ему таких санкций, — начал было оправдываться Сеськин, но, видя, что Леонид Семенович не придает серьезного значения его тонко подмеченным нюансам в работе Полякова — сроки вербовки и кандидатуры агентов, — вызвавшие у него подозрения, решил не продолжать разговор на эту тему — так подсказывало ему внутреннее чутье.

Узнав от Полякова о присвоении ему звания генерал-майора, американцы Диллон и Кинг — каждый по своей линии — телеграфировали об этом своему руководству, не забыв подчеркнуть и свои заслуги: они, мол, тоже заботились о реноме советского полковника, расчищая ему путь к генеральскому званию…

* * *

Став генералом, Поляков настолько уверовал в свою значимость, что самомнение его выросло до чудовищных размеров. Возомнив, что он не раскрываем для отечественной контрразведки, стал хвастать этим перед американскими операторами и с того времени начал открыто встречаться с разведчиками США. Мало того, стал принимать их в своей квартире, угощая русской водкой и черной икрой. Бдительность Бурбона к тому времени явно притупилась. Заметившие это Диллон и Кинг предупредили его, что он может навлечь на себя внимание контрразведки из посольской резидентуры КГБ. Но генералу Полякову было все нипочем, он считал, что теперь ему все позволено, а что касается общения с цэрэушниками, то продолжал прикрываться служебными интересами своего ведомства.

А чтобы не сложилось в Центре впечатления, что после

присвоения звания «генерал» он ослабил оперативную работу и руководство резидентурой, Поляков продолжал направлять в Москву малозначимую информацию, полученную якобы через «достоверные» американские источники — Пледа, Риноса и Вильямса. При этом в донесениях в Москву любил подчеркивать, что у него на связи состоят не какие-то мелкие сошки, а дипломаты США! Иного мнения придерживался его начальник в Москве генерал-лейтенант Сеськин. Он сообщал Данину:

> …По имеющимся у нас данным, Плед является сотрудником ЦРУ. Мы придаем должное значение вашему желанию более активно участвовать в решении задач по стране главного противника, но эти контакты с кадровым разведчиком могут иметь для вас негативные последствия.
>
> Принимая во внимание данное обстоятельство, дальнейшую связь с Пледом считаем целесообразным прекратить, информацию от него впредь не получать, поскольку она предоставлялась вам из открытых источников.

Во второй шифровке, тоже полученной Поляковым из Центра, говорилось:

> …Высланные вами дипломатической почтой фирменные проспекты, каталоги и другие рекламные материалы американской компании «Нортроп», как и ее сотрудник Уолтер Вильямс, оперативного интереса для нас не представляют. По предыдущим вашим донесениям закрытую документацию фирмы «Нортроп», а также возможность получить от него образцы продукции этой компании не представляется возможным. На повторные ваши просьбы о предоставлении образцов он согласия не высказал. Поэтому вряд ли стоит вам, генералу, в ущерб своей репутации, тратить время на этого фирмача, от которого за проведенные четыре встречи вы ничего не получили.
>
> В качестве одной из главных задач на 1974 год перед вами ставилось добывание интересующей нас информации по вскрытию стратегических планов, осуществляемых в Индии американцами. Сведений же об этом мы по-прежнему от вас не получаем. Информации о внутриполитической обстановке в Индии поступает также крайне мало…

Поляков, обескураженный таким отзывом о его работе, почувствовал даже некую подозрительность по отношению к нему со стороны руководства Центра.

Успокоило его лишь последовавшее вслед за этим сообщение из ГРУ о том, что материалы Риноса по КНР представляли для военной разведки определенный интерес, что сотрудничество с ним необходимо продолжать и ориентировать его на получение сведений по дислокации вооруженных сил КНР и НОАК, особенно ракетных частей стратегического назначения.

Сразу после этого Ринос представил Полякову копии обобщенных документов ЦРУ опять же по Китаю. Однако по оценке военных экспертов Генштаба Министерства обороны СССР они содержали устаревшие, трехгодичной давности сведения. Что же касается интересующей Центр информации по дислокации частей и соединений КНР и НОАК, то Ринос не смог представить этих сведений и на вопрос Полякова, может ли получить их в перспективе, уклонился от ответа.

Разведчик-генерал не придал тогда значения этому факту, не сразу внял он и указаниям Центра о прекращении встреч с Пледом. Чтобы доказать Москве, что Плед полезен военной разведке, Поляков, предварительно договорившись с Диллоном, чтобы Плед поставлял более свежую информацию, передал его на связь своему помощнику подполковнику Вадиму Канавскому.

В донесениях в Центр Поляков продолжал приукрашивать свою роль и в разработке Риноса. В конце концов начальник 2-го управления не выдержал хвастовства резидента и на одном из последних его донесений наложил резолюцию:

> Тов. Кирсанову А.Е.
>
> Внимательно проверьте все, что сообщал нам Данин. Меня беспокоит хвастливый тон его документов уже потому, что в его секции за последние полтора года не появилось новых оперативных разработок. Мало поступает от него и значимой информации по другим направлениям работы. Нужно указать Данину, что хвастовство его ни к чему хорошему не приведет.
>
> *Сеськин*
>
> *9.04.1975 г.*

А через неделю с контрольной проверкой разведывательной деятельности делийской резидентуры и ее руководителя были командированы в Индию начальник политотдела ГРУ генерал-лейтенант Г.И. Долин и полковник А.Е. Кирсанов. Они

находились в Дели с 17 по 24 апреля 1975 года и за это время выявили ряд существенных недостатков:

«1. Оперативные контакты устанавливаются с мало проверенными людьми, что может повлечь негативные последствия для них;

2. Увеличилось количество случаев вскрытия и пропажи контрольных писем, отправленных из Индии в Москву, что свидетельствует о беспечности резидента Полякова Д.Ф. и его заместителя Морозова Л.М.;

3. В поведении некоторых агентов, как из числа индийских офицеров (Рустам, Гид, Ирокез, Скад), так и гражданских лиц (Джин, Бек, Нырок), стали все чаще всплывать наружу такие неблаговидные поступки, как сутяжничество, обман и дезинформация. По не выясненным пока причинам некоторые источники начали отказываться от сотрудничества, а с другими — резидентура вынуждена была сама прекратить связь;

4. Ошибкой резидента Полякова в работе с американскими контактами является добывание разведывательной информации не по стране главного противника, а только по Китаю;

5. Слабым местом в организации оперативной работы по-прежнему остаются вопросы связи и конспиративности. В указаниях Центра запрещалось проведение встреч с агентурой на квартирах и в ресторанах, однако Данин по-прежнему пренебрегает этим. В процессе проверки установлено, что резидент не требовал от подчиненных офицеров соблюдения правил конспирации и часто сам нарушал их: встречи с агентами и разрабатываемыми лицами проводил иногда на своей квартире, на совместной охоте или рыбалке. Только несоблюдением правил конспирации некоторыми офицерами можно объяснить, что их агентура попадала в поле зрения индийской контрразведки и подвергалась задержаниям и арестам;

6. Высокомерие и самомнение генерала Полякова отрицательно влияли на обстановку в коллективе. Он не раз сталкивал людей друг с другом, бывал с ними груб и высокомерен. Иногда создавал даже конфликтные ситуации между сотрудниками резидентуры, а неугодных ему офицеров порочил в глазах руководства посольства СССР в Индии и из-за этого некоторых из них откомандировывал в Москву».

Перед отъездом Долина и Кирсанова в Москву Поляков попросил проверяющих ознакомить его с содержанием справки, но генерал-лейтенант Долин, зная, что он будет спорить и возражать по каждому разделу документа, не стал открывать ему все карты, а лишь напомнил об указании Центра о необходимости прекращения связи с Пледом.

— А что касается справки о проверке, — пояснил Долин, — то мы с полковником Кирсановым отработаем ее в Москве и направим вам копию дипломатической почтой…

По тону, каким это было сказано, Поляков понял, что представители Центра «накопали», очевидно, много отрицательного. Проводив их в аэропорте до самолета, он на обратном пути в Дели решил, что будет лучше, если он, не дожидаясь получения по почте копии справки, сам появится в Москве и через своих благодетелей — генералов Изотова, Попова и некоторых начальников подразделений попытается сгладить «острые углы».

В тот же день он направил на имя начальника 2-го управления шифротелеграмму:

> В результате проведенного медицинского обследования врачи пришли к заключению, что мне необходима операция правого мочеточника по удалению камня. Для проведения операции и последующего лечения за счет отпуска прошу вашего разрешения вылететь мне в Москву 4 мая. За исполняющего обязанности останется полковник Арамов, а обязанности военного апаше будет исполнять полковник Макаренко…

Не зная, когда и каким будет ответ на шифровку, Поляков перед тем, как отправить в Центр сообщение о прекращении разработки Пледа, провел очередную встречу с агентом Риносом. Но никакой информации тот не представил и неожиданно сообщил о досрочном откомандировании в США. Досрочный отъезд на родину он объяснял пьяной ссорой в посольстве, которая произошла во время визита в Индию госсекретаря Генри Киссинджера. Проверив эту информацию через официальные источники, которые подтвердили это, Поляков немедленно телеграфировал в Центр:

…Ринос отозван из Индии на родину, он согласился на материальной основе продолжать тайное сотрудничество с нами и в США. С учетом этого Риносу были даны условия связи на Тир…

Прочитав телеграмму, начальник направления полковник Кирсанов стал припоминать его оперативные контакты из числа американцев, работавших в Бирме и Индии, и сильно удивился одному странному обстоятельству: все разработки, которые вел Поляков, завершались неудачно, как правило, они заканчивались внезапным отъездом объектов разработки на родину в США.

В связи с этим Кирсанов поручил подполковнику Александру Тихонову проанализировать все материалы, поступавшие в Центр

от Полякова по американской линии. Результаты анализа оказались неутешительными: информации по Соединенным Штатам Америки поступало чрезвычайно мало и вся она являлась маловажной.

* * *

Прибыв в Москву в отпуск, Поляков первым делом поинтересовался, подготовлена ли справка по результатам командировки Долина и Кирсанова в Дели, и если подготовлена, то кому была доложена и можно ли как-то ознакомиться с ней. Начальник управления генерал-лейтенант Сеськин сообщил, что первый экземпляр справки доложен первому заместителю начальника ГРУ Толоконникову, что в документе отражены серьезные претензии по содержанию работы делийской резидентуры, особенно по стране главного противника. Поляков мгновенно помрачнел и, опустив глаза, требовательно спросил:

— Так у кого все-таки можно ознакомиться с этим документом?

— У меня нет его, — ответил Константин Егорович. — Но можете ознакомиться со справкой у Долина. У него она есть. Сейчас я позвоню, сможет ли он меня и вас принять…

Сеськин набрал номер телефона генерала Долина, сообщил ему о приезде Полякова и попросил принять их обоих.

— В таком случае прихватите с собой Кирсанова и Тихонова, если они на месте, — раздалось на другом конце трубки так громко, что услышал и Поляков.

— Хорошо, Григорий Иванович, — отозвался Сеськин и тут же набрал другой номер телефона.

— Вас слушает полковник Кирсанов, — ответили в трубке.

— Аркадий Евгеньевич, найдите Тихонова Александра Сергеевича и заходите вместе с ним ко мне прямо сейчас.

— Есть!

Через пару минут Кирсанов и Тихонов вошли в кабинет начальника управления и, увидев генерала Полякова[70], сдержанно поприветствовали его.

— А теперь пойдемте к генералу Долину, — сообщил Сеськин. — Он ждет нас…

Начальник политотдела ГРУ встретил вошедших подчеркнуто вежливо и строго официально. Сеськин сообщил о цели приезда в Москву Полякова и о том, что Дмитрий Федорович хотел бы ознакомиться со справкой по результатам проверки работы делийской резидентуры. Долин сразу догадался, что лечение и

отпуск резидента — это лишь предлог для того, чтобы узнать содержание справки до ее доклада руководству ГРУ. Но он опоздал: справка накануне была доложена генерал-полковнику Толоконникову. Хорошо зная, что Поляков начнет оспаривать даже неопровержимые факты и критические замечания, Долин предусмотрительно пригласил участника проверки полковника Кирсанова и старшего офицера, анализировавшего работу по американской тематике, подполковника Тихонова.

Строгая атмосфера в кабинете начальника политотдела насторожила Полякова. Его удивило, что, помимо самого Долина и трех представителей второго управления, присутствовали еще два незнакомых ему офицера[71]: у него возникло подозрение, что они все что-то замышляют против него. Это подозрение усилилось, когда Долин и Сеськин начали вдруг перешептываться. Затем генерал Долин встал и в присутствии остальных офицеров устно изложил содержание справки, доложенной руководству. Покритиковал он Полякова и за авантюристическое предложение о выделении денежных средств на покупку двух машин индийского производства, снабдив их обычными городскими, а не дипломатическими номерами якобы для того, чтобы индийская контрразведка не обращала внимания в транспортном потоке на номера машин военного атташата. Высказал Долин и полное несогласие с предложением Полякова о создании отдельной партийной группы резидентуры ГРУ при парторганизации посольства СССР, а также о необходимости использования в Дели бросовых контейнеров, замаскированных под обычные камни.

— Но это же полный абсурд! — взмахнув рукой, продолжал начальственным тоном генерал-лейтенант Долин. — В условиях Дели нельзя этого делать! В Индии так много бедных и бездомных, что все брошенное или кем-то случайно оставленное на земле мгновенно подбирается. Я однажды это сам наблюдал на улицах Дели…

И тут, неожиданно для всех, с побелевшим от злобы лицом Поляков вскочил со стула и, выражаясь нецензурно, начал обвинять Долина в том, что он не имеет права судить о том, в чем не разбирается. Он так кричал, что в кабинет, приоткрывая дверь, стали заглядывать посторонние. Злобный крик рвался у Полякова из груди так, что он не мог остановиться.

Озлобленность и грубость Полякова привели Долина в шоковое состояние, он побагровел и, опустив голову, почему-то молчал. Это больше, чем кого-либо из присутствовавших, удивляло генерал-лейтенанта Сеськина. О развязности и бестактности Полякова он был наслышан ранее от Леонида

Гульева и Анатолия Сенькина, когда те работали с ним в Нью-Йорке. Видя, что разговор может превратиться в большую перепалку, Сеськин, чтобы разрядить обстановку, встал и, покачав головой, возмущенно начал:

— Не делает вам чести, новоиспеченный генерал, вести себя подобным образом! Вы, очевидно, забыли, так я напоминаю вам, что вы находитесь сейчас не в Дели, а в политотделе, который является для всех нас уважаемым местом… Мне очень стыдно за вас, что вы, генерал Поляков, компрометируете это высокое офицерское звание…

Поляков стоял перед ним с нагловатым взглядом прищуренных глаз и нехорошей кривоватой улыбочкой. Злобно сдвинув брови, он хотел что-то сказать, но замялся — внутреннее чутье подсказывало ему: лучше смолчать.

— А что касается критических замечаний и выводов в справке, — продолжал Сеськин, едва удерживаясь от резких выражений, — то все они объективны и справедливы…

— Я уже понял, что вы сговорились с Долиным против меня, но тяжелая артиллерия находится не в ваших, а в моих руках! — вызывающе бросил Поляков.

— Если это даже и так, — парировал Сеськин, понявший его намек на начальника управления кадров Изотова, — то по понятным причинам я на вашем месте предпочел бы об этом не распространяться.

— Боже мой! Какие вы тут все добропорядочные! — огрызнулся Поляков.

— Меня одно удивляет, Дмитрий Федорович, к чему вы разжигаете пожар, в котором прежде всего можете сгореть сами? — снова упрекнул его Сеськин.

— А это мы еще посмотрим, кто из нас первым сгорит! — бесцеремонно отмахнулся Поляков.

Сказав это, он опомнился и раздраженным голосом продолжал гнуть свое, сменив «пластинку»:

— Вот ответьте: почему после присвоения мне генеральского звания все, кому не лень, пытаются пинать меня?.. Вы знаете, а я не люблю быть мячиком!

Сеськин, тоже сменив гнев на милость и как бы отметая сказанное, решил перевести разговор в деловое русло:

— Начальник политотдела и я, как начальник управления, будем и впредь требовать от вас ответственного выполнения заданий Центра по разведывательной деятельности. В шифровках вам не раз указывалось, что необходимо более активно работать по стране главного противника. И сейчас, в присутствии всех, теперь уже в устной форме, я открыто заявляю вам, Дмитрий

Федорович, и вашим подчиненным в Дели, что за время работы в Индии вашей резидентуре не удалось получить ни одного ценного документа по США. Ни у кого из резидентов не было столько контактов и разработок американцев, как у вас. Причем, как вы любили подчеркивать, из числа дипломатов и разведчиков…

Начальник управления сделал паузу, припоминая что-то еще. Вспомнив, спросил:

— Если я не ошибаюсь, лично у вас на связи в Бирме и Индии было что-то около семи или даже восьми разрабатываемых американцев, которых вы почему-то называли всегда своими агентами? — И он посмотрел сначала на полковника Кирсанова, потом на Тихонова. — Вы не можете уточнить, сколько их было у него?

— Да, где-то около этого, — подтвердил Тихонов.

— Вы не ошиблись, Александр Сергеевич, — вставил Поляков, обращаясь к Тихонову. — Семь американских дипломатов.

— А ведь мы не раз указывали вам, Дмитрий Федорович, — продолжал Сеськин, — что необходимо в ваших же интересах прекратить контакты с сотрудниками посольской резидентуры США, которые уже пятнадцать лет знают, чем вы занимаетесь за пределами своей страны. Но вы почему-то постоянно пренебрегали нашими рекомендациями и нахваливали их нам…

— Перед отъездом из Индии, — прервал его Поляков, — мною была вам направлена шифровка о том, что контакты с ними я прекратил. — Затем он перевел тяжелый взгляд на молчавшего начальника политотдела и, пережив вспышку ненависти к нему, угодливо-покорным тоном спросил: — Ну как вам нравится все это, Григорий Иванович?! Вы, наверно, рады, что все так обернулось против меня?..

Сеськин ожидал, что уж после этого Долин резко осадит зарвавшегося генерала Полякова, но тот, к его удивлению, не глядя ни на кого, спокойно обронил:

— Ты, Дмитрий Федорович, конечно, человек самостоятельный и смелый… — Потом Долин вдруг помрачнел, чаша его терпения, очевидно, переполнилась, и неожиданно для всех гневно выпалил: — Ты, Поляков, носишь сейчас чужой генеральский мундир! Ты не заслужил его! Ты только позоришь его своим высокомерием и грубостью! — И, стукнув себя в грудь, с некоторой жестокостью в голосе воскликнул: — Смотри, Поляков, чтобы наши с тобой пути-дорожки больше не пересекались! Иначе плохо тебе будет!

— Поживем — увидим, — бросил Поляков и вышел из

кабинета Долина.

— Все, товарищи, — грустно улыбнулся Долин, окинув грустным взглядом оставшихся в кабинете офицеров разведки. — Извините, товарищи, но мне надо остаться одному после всего услышанного, а не вести с кем бы то ни было пустые разговоры.

Присутствовавшие в кабинете начальника политотдела в недоумении переглянулись и понуро направились к выходу…

* * *

У Полякова не выходило из головы подозрение, что Долин и Сеськин что-то замышляют против него, и это подозрение усилилось, когда вспомнил угрожающие слова начальника политотдела: «…чтобы наши с тобой пути-дорожки больше не пересекались! Иначе плохо тебе будет!» Правда, вскоре он отбросил эти подозрения как нелепые. К тому же перед отъездом в Индию после завершения отпуска начальник управления кадров Изотов убедил Полякова в том, что никакого сговора между Долиным и Сеськиным не было и не могло быть, потому что начальник политотдела негативно относился ко 2-му управлению и его руководству.

В Индию Поляков вернулся уже со спокойной душой. До окончания командировки у него оставался ровно год. Встретившись после отпуска со своим оператором Диллоном, он сообщил, что связь с ним рекомендовано Центром прекратить.

— Но невзирая на это, — заметил Поляков, — я хотел бы перевести наши встречи на строго конспиративную основу. Как написал полковнику Дейтону ваш президент Джордж Вашингтон в бытность командующим армией, «вы должны держать все как можно в большом секрете. Дело в том, что от секретности зависит успех большинства разведывательных мероприятий». А при отсутствии секретности они обычно проваливаются, как бы хорошо они ни были спланированы. Сам я умею держать все в секрете, а вот вы, американские разведчики, не всегда придерживались заветов бывшего президента. Так и передайте об этом своим коллегам, которые будут потом работать со мной в Москве.

— Я согласен с вами, мистер Поляков. Теперь мы будем встречаться в безопасных и укромных местах на берегу Ганга или Джамны на рыбалке. Это романтично и не опасно. Но это, я знаю, противоречит вашему стремлению работать на грани риска. «Чем опаснее, тем интереснее становится работа» — так ведь вы мне однажды сказали?

— Да, это так. Я никогда не отказываюсь от своих слов. Но в данном случае решил подстраховаться из тех соображений, чтобы уехать из Индии без «компры» и каких-либо подозрений. Мне надо дотянуть до окончания командировки всего год.

— Мне еще меньше, восемь месяцев. И я тоже заинтересован убыть в Вашингтон без компрматериалов. Но до своего отъезда я должен обучить вас работе на новом быстродействующем приемо-передающем устройстве. Как только мне доставят из Америки подзарядник для передатчика и радиосигнализатор, мы проведем на природе занятие по установлению двусторонней агентурной связи. Потом повторим контрольный радиосеанс в городе через наше посольство. Этому делу мы посвятим еще две встречи с интервалом в два месяца. Когда конкретно, я сообщу вам на последующих протокольных мероприятиях.

Поляков надолго задумался.

Диллон, не выдержав его затянувшегося молчания, спросил:

— Вас что-то не устраивает в моем сообщении?

— Да, меня не устраивает ваш громоздкий набор радиосредств. Да и вывозить их через пограничную службу и сложно, и опасно. Это же шпионское снаряжение, меня могут заподозрить в недобром деле.

— Ничего другого мы пока предложить не можем.

— Тогда я хочу вам предложить одну интересную идею, коль вы сами не смогли придумать ничего стоящего. — И Поляков сделал выжидающую паузу.

«Какой же он агрессивный агент! — подумал Диллон. — Все время учит нас, где и как должны располагаться тайники, что лучше использовать в качестве контейнера для закладки в тайник. И почему нежелательно работать с ним на официальных приемах и в общественных местах при случайных встречах. Да что ж это такое?! Вот и сейчас опять что-то задумал, опять что-то не по нему».

— Так я слушаю вас, мистер Поляков, говорите же. Предлагайте.

— Я продаю вашим ученым-электронщикам идею разработки миниатюрного быстродействующего передатчика, который можно было бы положить в карман. Принцип его действия должен быть таким: во-первых, чтобы записать и зашифровать в него по возможности больший объем секретной информации. Во-вторых, чтобы он за три-пять секунд мог выстрелить в нужное время в направленный эфир весь объем вложенных в него сведений. Скажем, еду я в машине по городу и в ближайшей точке от посольства в заранее оговоренное время подаю нажатием кнопки на миниатюрном приборе для вас специальный сигнал, который

означал бы, что через две-три минуты должна поступить на ваше приемное устройство лично от меня информация. Согласитесь, засечь такую операцию в течение пяти секунд практически невозможно.

Диллон периодически кивал, внимательно слушая собеседника-учителя.

— В-третьих, — продолжал Поляков, — такая передача сведений в десятки раз безопаснее. Не надо будет подбирать места для тайниковых операций, изготовлять контейнеры, ставить сигнальные метки о закладке и изъятии информации из тайников. И, в-четвертых, от этого будет большой выигрыш в передаче сведений и в экономии нашего с вами личного времени.

— О'кей! — громким возгласом поддержал его идею американец. — Я уверен, что такой приборчик будет создан специально для вас.

— За выданную идею мне будет какое-то вознаграждение? — полушутя обронил Поляков.

— Будет. На следующей встрече, десятого октября в моем особняке, я вручу в порядке предоплаты индийский серебряный сервиз на двенадцать персон. А вы к тому времени подготовьте мне список агентуры и владельцев конспиративных адресов в Дели.

— Но это будет очень длинный список, у меня не хватит для этого бумаги, — снова пошутил Поляков, пребывая в хорошем настроении после проведенного отпуска и лечения в Москве.

— Чего-чего, а с бумагой мы вам поможем, — на шутку шуткой ответил Диллон.

Три года работы Полякова в Дели полностью развеяли миф о миролюбивом характере индийского народа. Он понял, что трезвый расчет и строгий учет государственных интересов составляют главный стержень индийской политики, замаскированной под штампы газетных и журнальных статей о жрецах в белоснежных одежках, о задумчивых и нежных индийцах, о бродящих по улицам Калькутты священных коровах и загадочных вечных отшельниках в высокогорных пещерах у истоков реки Ганг. Что вся это экзотическая, кружащая голову смесь неотразимо действовала на экзальтированных европейцев. Действовала она и на советского военного атташе Полякова, который за проработанные три года овладел общими контурами всей этой пестрой, постоянно меняющейся мозаики и убедился в том, что общечеловеческие ценности, философия ненасилия, идеи миролюбия и гуманизма и прочий пропагандистский ширпотреб никогда не фигурировал в политических документах индийского руководства.

Знал он также, что индийцы ничуть не миролюбивее других народов, что их отвращение к насилию — это обычные интеллигентские выдумки. Знал и о том, как жестока индийская контрразведка к тем согражданам, с которыми американцы пытались устанавливать выходящие за рамки официальных отношений контакты. Если же фиксировались подобные контакты с советскими разведчиками, то индийцы так же решительно и жестко пресекали их. Зная все это, Поляков тем не менее безжалостно выдавал Диллону агентов резидентуры и разрабатываемых лиц из числа индийцев[72]. Не церемонился он и со своими офицерами, которые контактировали с гражданами Индии. Получая от него сведения о таких офицерах, американские спецслужбы использовали это в своих политических интересах: для компрометации истинного характера советско-индийских отношений. И делали они это так, чтобы тень подозрений не падала на Бурбона.

Но такого иезуитского по отношению к своим подчиненным предательства Полякову казалось маловато, и он затребовал у Центра выслать ему «План-8», в котором содержались актуальные задания военно-промышленного комплекса СССР, нацеливавшие советскую разведку на добывание секретных образцов и материалов, а также научно-технической информации по различным отраслям оборонки. Центр ответил ему, что секретный «План-8» в полном объеме никому не высылается, что отдельные его разделы могут быть направлены в резидентуру в том случае, если будут выяснены и изучены конкретные возможности по добыванию образцов техники и вооружения. После дополнительного запроса Полякова два тома «Плана-8» были направлены ему дипломатической почтой. Впоследствии оба тома, переснятые на фотопленку в посольстве США, оказались в штаб-квартире ЦРУ. И, как вспоминал потом заместитель американского министра обороны Ричард Перл, «это был захватывающий дух документ. Нам стало известно, в каких западных технологиях, оборудовании и технической информации нуждается Советский Союз, чтобы повысить свои военно-стратегические возможности». И именно тогда Перлу удалось окончательно убедить президента США Рональда Рейгана усилить контроль за продажей американских технологий, а на некоторые новейшие образцы оборудования в соответствии с требованиями КОКОМ[73] наложить эмбарго.

На заключительном этапе командировки Поляков настолько снизил требовательность к подчиненным ему офицерам, что в коллективе начались трения, чему он сам способствовал в немалой степени. Склоки, нарушения дисциплины и норм

поведения за рубежом привели к досрочному откомандированию из Индии капитана Васькина, майора Кольченко, подполковников Горчакова, Непосова и Миронкина. А в отношении служащего Советской армии, рядового Перминова, который вел в аппарате военного атташе финансовые дела, американцы, опять же по наводке Бурбона, намеревались осуществить провокацию и побудить его к невозвращению на Родину. Однако эта операция была своевременно вскрыта и предотвращена сотрудниками контрразведки резидентуры КГБ. Когда об этом узнал Поляков, то, чтобы отвести от себя подозрения в растрате государственных средств и показать свою непримиримость к нарушителям установленного порядка, он, решив поскорее освободиться от Перминова, отправил его в Москву якобы по оперативным соображениям.

А в начале октября 1976 года закончился срок командировки и у самого Полякова. Замаскировав предметы шпионского снаряжения в различные коробки с подарками и домашними вещами, он, как неприкосновенное лицо с дипломатическим паспортом военного атташе, не моргнув глазом прошел пограничный контроль и вернулся в Москву.

* * *

Через некоторое время после возвращения Полякова на родину в ГРУ поступили из посольства СССР в Индии две шифротелеграммы, в которых отмечалось:

1…Бывший руководитель военного атташата периодически и незаконно увеличивал стоимость винно-водочных изделий, закупаемых за свободно конвертируемую валюту. Образовавшийся излишек расходовался им бесконтрольно…

2…По имеющимся данным, Поляков выписывал из третьих стран некоторые товары для личных нужд и оплачивал их свободно конвертируемой валютой. Новому резиденту рекомендовано проверить эти факты…

В том, что Поляков не был угнетен финансовыми проблемами, свидетельствовал ранее направленный им из Дели документ следующего содержания:

…Нами открыт счет в государственном банке Индии, отдел иностранной валюты № У-36. На этот счет оприходовано 4450 ам. долларов, переведенных из Центра на нужды аппарата ВАТ. Деньги фактически находятся и хранятся в банке «Ирвинг Траст К Нью-Йорк». Прошу на этот счет перевести утвержденные суммы по смете резидентуры по ст. 2, ст. 5. По ст. 1 деньги прошу

выслать наличными…

Однако никто из руководства ГРУ не обратил тогда внимание на эти финансовые нарушения генерала Полякова. Да и как можно было обращать на это внимания, когда военный атташе, прибыв в Москву, одарил нужных ему людей дорогими индийскими сувенирами, а рядовых офицеров — дешевыми безделушками. И уж совсем было непонятно, когда после серьезных претензий к работе делийской резидентуры при проверке ее работы генерал-лейтенантом Долиным Г.И. и полковником Кирсановым А.Е., а также при неудовлетворительной оценке Центром его личной разведывательной деятельности по американской линии в аттестации отмечалось: «…Работой аппарата руководил правильно, добился положительных результатов. Занимался воспитанием личного состава, однако на заключительном этапе командировки снизил требовательность к подчиненным, что привело к созданию трений в коллективе и досрочному отзыву из Индии нескольких офицеров…»

Что и говорить, результаты командировки Полякова в Индию были необоснованно завышенными. А происходило это потому, что американские разведчики, поддерживавшие с ним связь в Южной и Юго-Восточной Азии, периодически «подкармливали» его то кандидатами на вербовку, то кое-какой, не играющей ключевой роли, информацией. Благодаря этому в руководстве ГРУ складывалось о нем устойчивое мнение как о вдумчивом, опытном и перспективном разведчике. Кроме того, среди некоторых начальников и коллег по работе в Центре, которым он привозил из-за кордона дорогостоящие подарки и безделушки, Поляков слыл еще и отзывчивым, чутким товарищем. И как тут было не подписать хвалебную аттестацию такому «хорошему» человеку.

Но самое удивительное, что Поляков[74], ознакомившись с аттестацией, выразил несогласие с ее некоторыми позициями. На другой день, прихватив с собой подаренный американцем Диллоном серебряный чайный сервиз, он отправился к своему покровителю — начальнику управления кадров. Продолжая играть на личных отношениях с ним, он стал возмущаться, что в аттестации несправедливо указали на его неумение работать с людьми.

— Как можно было утверждать такую двусмысленную аттестацию?! — возмутился он в кабинете генерал-лейтенанта Изотова. — С одной стороны, в ней правильно отмечено, что я добился положительных результатов. А потом вдруг все это перечеркивается одной фразой: «снизил требовательность к

подчиненным, что привело к трениям в коллективе» и тому подобное. Нельзя ли это как-то устранить? Если хотите, я могу переговорить с начальником управления и попросить его переделать аттестацию…

Видя, что кадровик отрицательно покачивал головой, явно не соглашаясь, Поляков стал козырять своими якобы хорошими связями с заместителем министра иностранных дел Виктором Стукалиным, послами Георгием Зарубиным и Михаилом Меньшиковым в США, Андреем Дедовским и Алексеем Родионовым в Бирме, Виктором Мальцевым и Юлием Воронцовым в Индии. Намекнул Поляков главному кадровику и о своем желании стать руководителем одного из оперативных управлений или, в случае восстановления, подразделения по подготовке и организации работы с нелегалами.

Генерал Изотов слушал-слушал, потом не выдержал и осадил его:

— Нельзя быть, Дмитрий Федорович, таким агрессивным человеком! Не успел после Индии получить должность, а уже метишь в большие начальники. Нескромно это. Я не знаю, какие ты будешь извлекать дивиденды из своих связей в МИДе, но на данный момент тебе предстоит опуститься с небес на землю…

— Не понял! — прервал Поляков внимательно смотревшего на него Изотова.

— А чего тут понимать?! Надо всего лишь правильно представлять реальную действительность и складывающуюся вокруг себя обстановку. Вот ты совсем недавно получил звание генерал-майора, и пока ты находился в этом звании в Индии, меня тут обвинили в протекционизме. Мне в глаза некоторые офицеры говорили, что полученные тобой должность военного атташе и звание генерала — это типичный случай протекционизма. Теперь-то ты понимаешь, почему предстоит тебе спуститься с небес на землю? И как можно после этого назначать тебя на соответствующую должность?

Поляков, не глядя на Изотова, сидел как в воду опущенный.

Не дождавшись его ответа, Сергей Иванович досадливо продолжал:

— Нам, конечно, хорошо известна твоя мертвая хватка. Но она в последнее время только компрометирует тебя. Так что не кичись, товарищ генерал-майор, своими связями в МИДе! Они у меня покруче твоих. В самом ЦК. Но я никогда не афишировал их… И не злоупотреблял ими…

Поляков молчал. Тени прошлого снова ожили в его памяти: вспомнились подозрения Сенькина и жесткие претензии Сеськина по работе на американском направлении. И нервишки его стали

опять пошаливать, снова возникло чувство опасности. «Неужели я мог где-то наследить и чем-то выдать себя? Нет, нет и нет! Это все исключается, — размышлял он, нервически сжимая руки. — Напридумывал сам себе черт-те что! Нет, надо держать себя в руках… А что, собственно, я волнуюсь? Ничего же страшного пока не произошло. Ровным счетом ничего. А если попадусь, то, конечно, мне тогда несдобровать. Тогда мое дело труба. А то, что Сенькин и Сеськин что-то имеют против меня, так это их головная боль. У них же нет никаких фактов. Что они, присутствовали на моих встречах с американцами? Поэтому нечего вбивать себе в голову дурацкие мысли…»

— Дмитрий Федорович, — прервал его размышления Изотов, — а почему ты не интересуешься, где будешь теперь работать? Отпуск-то заканчивается?

— Да какая мне разница, где работать! — сердито огрызнулся Поляков.

— Это почему же? — удивился начальник управления кадров.

Заметив, что Поляков изменился в лице и стал вести себя как-то странно, сидел, словно на пружинах, Изотов, опасаясь, что его протеже может потерять контроль над своими эмоциями и тогда его уже не остановить от грубых выпадов, с загадочным выражением заговорил:

— Дмитрий Федорович, новость есть для тебя. Командованием принято вчера решение о переводе тебя в Военно-дипломатическую академию…

Никак не ожидавший услышать от Изотова такого убийственного для себя сообщения, Поляков вскочил со стула и, едва удерживаясь от резких выражений, закричал:

— А почему вопрос о моем переводе не был согласован лично со мной?

— Это уже не ко мне, — ответил Изотов.

— А к кому же тогда?

— К генералу армии Ивашутину.

Поляков сразу обмяк и опустился на стул. Пытаясь изобразить хладнокровие, он спросил, растягивая слова:

— И на какую же должность вы определили меня?

— Разумеется, на хорошую. На начальника третьего разведывательного факультета.

Поляков скорчил недовольную гримасу и, схватившись за голову, с трудом выдавил из себя:

— И чем же было вызвано такое решение?

— Необходимостью улучшения, вернее, повышения качественной подготовки военных разведчиков. Ты же у нас считаешься самым опытным разведчиком «в поле». Вот тебе и

карты в руки, чтобы, как сказал Ивашутин, приблизить учебный процесс к практической работе.

— А не кажется ли вам, Сергей Иванович, что много несуразного в таком решении? Получается, что военной разведке уже не нужны опытные сотрудники для работы за границей?

Поляков смотрел на долго молчавшего кадровика так, словно хотел сказать, что нет такой тайны, которую он не знает, что во всем подлунном мире нет ничего такого, чего ему не положено знать. И, пережив вспышку злости, едва переведя дух, с расстановкой проговорил:

— Давайте не будем, Сергей Иванович, играть в кошки-мышки, вы же отправляете меня в академию на отсидку, как в «райскую группу», созданную при Генштабе.

Начальник управления кадров посуровел и, напустив на себя «государственный вид», сердито произнес:

— Нет, Дмитрий Федорович, это совсем не так. Ты остаешься в утвержденном списке резерва назначения на должности военного атташе и резидента разведки. Твоя служба в ГРУ по-прежнему безупречна, и потому я не сомневаюсь, что где-то года через два-три ты сможешь опять поехать на работу «в поле»… — И после небольшой паузы официальным тоном заключил: — Ничего больше сообщить вам не могу.

Возражать Полякову было нечего, и, пожав плечами, он неестественно громким голосом произнес:

— Что ж, надежда умирает последней. Но не потому, что она сильнее других. Просто ей больше других не хочется умирать…

Кто-кто, а Поляков, конечно, не хотел отрешаться от последней надежды. Для него этой надеждой, хоть слабой и зыбкой, в тот момент был генерал-лейтенант Изотов: он сказал то, что сняло с души камень и вернуло хоть какую-то опору в жизни. И именно за это бывший военный атташе в Индии поблагодарил своего покровителя:

— Спасибо, Сергей Иванович, вы успокоили меня немного… На самом деле было совсем не спокойно на душе у Полякова: он продолжал подозревать, что далеко не с той целью, о которой говорил Изотов, переводят его в Военно-дипломатическую академию. Считал, что после отстранения от основной оперативной работы уже невозможны в дальнейшем какие-либо загранкомандировки. Что все происходящее связано с чем-то другим. Но с чем именно, он никак не мог понять. Выдвигая разные версии, он все чаще приходил к выводу, что это могло быть связано с ослаблением его работы по американской линии или с незаметно подступившим предпенсионным возрастом. Но больше всего его беспокоила теперь мысль о том, как он —

изменник Родины, предатель с двадцатидвухлетним стажем — начнет вдруг читать лекции курсантам академии да еще и убеждать их, что для советского разведчика понятия «долг», «честь» и «преданность Родине» имеют особую смысловую наполненность. Что интересы Родины для них превыше всего, что об этом разведчик должен помнить ежедневно, а в иных ситуациях и ежечасно.

* * *

Инициатива перевода Полякова в академию исходила от начальника ГРУ генерала армии Ивашутина. Когда обсуждался этот вопрос, то руководитель управления кадров высказал мнение, что, может быть, стоило повременить с переводом на преподавательскую работу, что Дмитрий Федорович не настолько еще стар — ему всего пятьдесят семь лет. Но генерал армии был неумолим. Ответив категорическим отказом, он обронил при этом загадочную фразу: «Со временем вы тоже поймете и придете к выводу о справедливости моего решения».

Для Ивашутина стало все ясным в отношении Полякова после того, когда на стол ему легла служебная записка Леонида Гульева, в которой доказывалась следующая версия: Поляков много лет работал и продолжает работать на ЦРУ. Записка начиналась с анализа и причин массовых провалов советских агентов-нелегалов и военных разведчиков, работавших в США. Далее в ней говорилось о том, что в процессе тщательного, не приемлющего никаких ошибок и просчетов изучения служебной деятельности нелегалов и выдворенных из Америки их операторов стало ясно, что только один человек мог знать и предать их — это Поляков.

> «Работавшие в США военные разведчики и наши нелегалы, — читал Ивашутин, — являлись профессионалами высокого класса, и не могли они все сразу провалиться на нарушениях правил конспирации и тому подобном, как это было отражено 15 лет назад в заключении комиссии, расследовавшей причины провалов и разгрома нашей нелегальной сети в США. Я допускаю, что один, ну два, три, четыре человека могли на чем-то засветиться, но не все же двадцать с лишним офицеров и 19 разведчиков-нелегалов!..»

Гульев смотрел на большую лобастую голову командира, на его почти не двигающийся по бумаге взгляд и понимал, что этого

умудренного жизнью генерала не покидает ни на секунду внутреннее напряжение.

> «…Но по-настоящему самый тревожный звонок для Полякова, — продолжал молча читать Ивашутин, — впервые прозвучал в 1971 году после ареста разведчика-нелегала Сана, финна по национальности, капитана Карло Туоми. Спустя некоторое время в американском журнале «Ридерз дайджест» появилась рекламная публикация к предстоящему выходу в свет книги Джона Баррона под названием аббревиатуры «КГБ». В журнальном варианте лихо рассказывалось об аресте советского военного разведчика под псевдонимом «Сан» (К. Туоми). Я дважды внимательно прочел эту публикацию и обнаружил несколько удивительных, сенсационных фактов, на которые почему-то не обратила внимания все та же комиссия, расследовавшая причины провалов Мейси, Сана, Саниных и других нелегалов. В большой по размеру статье более тридцати раз упоминалась фамилия советского полковника Полякова. Но когда вышла на английском языке книга «КГБ», то на ее страницах ни разу не называлась эта фамилия. Не было и многого другого, о чем рассказывалось раньше в журнале «Ридерз дайджест». Туоми, сообщалось в журнале, говорил о своих наставниках такие подробности, о которых мог знать только Поляков. Но самое удивительное заключается в том, что в «Ридерз дайджест» была опубликована неизвестно откуда появившаяся в редакции фотография Туоми. Она породила у меня много вопросов, и при детальном изучении мною было установлено, что портрет его является копией фотоснимка, хранившегося в личном деле капитана Сана. Скорее всего, Поляков, руководивший подготовкой и выводом Сана за границу, переснял в тот период его фотографию и, находясь в США, передал ее фэбээровцам…»[75]

Закончив чтение служебной записки, начальник ГРУ тяжело вздохнул и, не глядя на ее автора, задумчиво уставился в окно. Потом, словно вспомнив о присутствии в кабинете Гульева, повернул к нему голову и тихо спросил:

— Кто-нибудь еще читал вашу докладную?

— Нет, — мотнул головой Леонид Александрович.

— А с кем-нибудь из наших старших офицеров вы делились изложенными в записке фактами и своими версиями?

— Нет, Петр Иванович, ни с кем не делился.

— Вам не приходилось слышать о том, что кто-то еще подозревает Полякова в измене Родине?

— Кроме полковника Сенькина Анатолия Борисовича, который работал в Нью-Йорке вместе с Поляковым, никого назвать не могу.

— Тогда, пожалуйста, поподробнее о характере подозрений полковника Сенькина.

Сосредоточившись, Гульев начал последовательно рассказывать о семнадцатилетней давности истории, связанной с посещением Поляковым и Сенькиным офиса руководителя американской миссии при Военно-штабном комитете Организации Объединенных Наций. Когда Гульев высказал версию о том, что именно тогда, в конце 1961 году, в офисе генерала О'Нейли и произошел несанкционированный и визуально не зафиксированный контакт Полякова с представителями спецслужб США, Ивашутин спросил:

— И как долго длился этот контакт?

— Минуты две-три. Это по сообщению Сенькина.

— Да, этого времени вполне достаточно, чтобы договориться о месте конспиративной встречи за пределами офиса американской миссии, — подтвердил Петр Иванович. Подумав, добавил: — Это при условии, если Поляков сразу согласился пойти на контакт с американцами.

— Совершенно правильно.

— Но, с другой стороны, контакта могло и не быть, — мрачно констатировал Ивашутин. — Вы же сами сказали, что визуально он не был зафиксирован. Это хорошо еще, что Сенькин смекнул о том, что мог тогда произойти скрытный контакт Полякова с представителями американских спецслужб. Связь с ними могла состояться и раньше, во время его первой командировки в Нью-Йорк. Разве мы не вправе допускать это?

— Все может быть, — согласился Гульев, потом вдруг отрицательно покачал головой.

— Я что-то не понял? Вы что… не согласны? — удивился Ивашутин.

— У меня есть на этот счет свое особое мнение. Я склонен придерживаться версии Анатолия Борисовича Сенькина. Именно после установления контакта в офисе генерала О'Нейли Поляков и был впоследствии завербован и все последующие годы работал и работает по сей день и час на нашего противника. Если бы я не был убежден в своем мнении, я не написал бы на ваше имя служебную записку и не напросился бы к вам на прием. И имейте в виду, я от своего мнения не буду отступать.

Последняя фраза заставила генерала армии вновь погрузиться в размышления. Громко и монотонно отстукивали время настенные часы, отбивая минуту за минутой. Но начальник ГРУ не замечал течения времени, одна мысль сменяла другую: «Почему я шел на поводу у Изотова, который постоянно продвигал Полякова по служебной лестнице, хотя дела его в разведке шли ни шатко ни валко? Но тем не менее этот человек с двойным дном дослужился до генерала. А мы все ушами хлопали и потворствовали его карьерному росту… Слава богу, что я не послушал Изотова, чтобы оставить Полякова на оперативной работе в разведцентре. Интуиция подсказала мне тогда убрать этого негодяя из центрального аппарата ГРУ. В ВДА он будет под постоянным контролем преподавателей и всегда будет на виду… Немаловажно и то, что я отдалил его от высокопоставленных покровителей… Главное теперь — чтобы он не узнал о возникших у Гульева и Сенькина серьезных подозрениях… А там посмотрим, как поступить с ним… Время покажет…»

Сомнения о продажности Полякова все еще продолжали терзать душу генерала армии: никаких улик и свидетельств о его шпионской деятельности не было. «И потому сорвать с него маску лжепатриота нет никакой возможности. А с другой стороны, — продолжал рассуждать Ивашутин, — если Поляков будет и дальше сливать секреты американцам, то, когда вскроют его предательство, беде не миновать. Это будет беда похлеще той, которая была после разоблачения Пеньковского[76]. Меня, как и Серова, могут тоже снять с должности?! И не только снять, но и выгнать из Генштаба, если подтвердится версия Гульева?.. Что же делать?» — спрашивал он себя и не находил ответа. Потом тяжело поднялся из кресла и, пошатываясь, стал задумчиво прохаживаться по кабинету. Мозг его в эти минуты работал как компьютер. Спустя некоторое время он остановился и, не глядя на Гульева, проговорил:

— Как только подумаю, Леонид Александрович, что участник войны, генерал советской разведки пошел на такой чудовищно преступный шаг… нет, в это трудно и страшно поверить…

— Вы можете сомневаться, товарищ генерал армии, сколько угодно, а я — нет! И все это оттого, что вы не так хорошо знаете его, как я! — мгновенно отреагировал Гульев.

Такая категоричность собеседника обеспокоила Ивашутина. Он вернулся к столу и, скользя взглядом по служебной записке, словно для самого себя шепотом произнес:

— Что же нам делать с ним?

Потом вскинул голову и, посмотрев на Гульева, чуть громче опять спросил:

— А какие у вас, Леонид Александрович, могут быть предложения в отношении Полякова?

Гульев, не задумываясь, ответил сразу:

— Надо сообщить о нем куда следует. Я имею в виду КГБ. Пусть там проверяют обоснованность наших подозрений… Пора нам вносить ясность в это дело. И чем раньше это будет сделано, тем лучше для нас всех…

Ивашутина не покидало тревожное чувство, что Поляков давно уже вел двойную игру, но чувства — это одно, а доказательства — совсем другое. А доказательств-то никаких… Генерал армии Ивашутин прошел большую жизненную школу: в органы госбезопасности был направлен в 1939 году, участвовал в Финской и Великой Отечественной войне, в 1951 году стал первым заместителем председателя МГБ СССР. А в начале 1963 года его назначили руководителем ГРУ и заместителем начальника Генштаба. Он был уверенным в себе человеком, умеющим не только ставить общие задачи, но и вникать в мельчайшие детали оперативных дел военной разведки. Всегда был осмотрителен и осторожен не только в сложных ситуациях, но и в мелочах. Обдумывая и взвешивая свою досадную ошибку с назначением Полякова на должность начальника разведывательного факультета, он твердо решил для себя где-то через год или два отправить его опять в загранкомандировку, в какое-нибудь посольство, где контрразведка КГБ могла бы проконтролировать все его контакты с американцами.

* * *

Генерал-майор Поляков интуитивно чувствовал, что некоторые офицеры ГРУ относятся к нему с каким-то недоверием и даже с едва заметной подозрительностью. Видя все это и понимая, что перебросили его в академию только для отвода от загранкомандировок, он повел себя в высшей степени осмотрительно: уничтожил хранившиеся дома тайнописные копирки, письма-прикрытия, шифртаблицы, инструкции по зашифровке и расшифровке тайнописных сообщений.

Угнетающее его однообразие полупустых учебных дней в академии, бесконечное ожидание чего-то, хотя было ясно, что ждать теперь нечего, сменялось пустыми снами. Они помогали забыться лишь на короткое время. И ничего нельзя было изменить. Жизнь сложилась так, как сложилась. Но со временем острота восприятия происходящего вокруг него начала постепенно притупляться, вживание в преподавательскую среду и

руководство факультетом шло у него как по маслу, стало появляться и уважение новых коллег и курсантов. Больше стало и свободного времени для работы над кандидатской диссертацией, сбором материалов для которой он занимался еще в центральном аппарате, хотя на самом деле под прикрытием разработки диссертационной темы он добывал тогда для ЦРУ секретные сведения.

А тем временем посольскую резидентуру американской разведки в Москве все больше тревожило долгое молчание Бурбона. Спустя полгода в его квартире сработал в радиосигнализаторе сигнал «лампочка», который предусматривался условиями связи и означал вызов на экстренную связь. Составив текст «выхожу на связь по сигналу «лампочка»», он отправил его в посольскую резидентуру ЦРУ. Однако ответа не поступило. В очередной по графику сеанс радиосвязи он снова передал свое сообщение, уведомив и о том, что в предыдущий раз по их вызову выходил на связь по сигналу «лампочка», но ответа не получил.

Ответ пришел в тот же день: «Сигнализатором на связь вас не вызывали. Причину его включения уточняем. Приступайте к подбору тайников и направляйте нам их описание. Желаем успеха».

Третий сеанс радиосвязи Поляков провел в феврале 1977 года и сообщил американцам о том, что подобрал тайник в районе бань на Рочдельской улице. Основным способом сбора шпионской информации являлось для Бурбона фотографирование секретных документов и учебных изданий с помощью фотоаппаратов «Никомат», «Никон-2» и «Тесина». Имея хорошие навыки в работе с любой фотоаппаратурой, он производил съемку «с руки», без использования каких-либо приспособлений или штативов для фиксации фотоаппарата. Работая в Военно-дипломатической академии, Поляков занялся пересъемкой материалов секретного журнала «Военная мысль», издававшегося Генштабом Министерства обороны СССР. Это периодическое издание содержало взгляды ведущих советских военных стратегов. «В то время, — отмечал впоследствии бывший директор ЦРУ Роберт Гейтс, известный специалист-аналитик по советским делам при президенте Буше-старшем, — шли серьезные дебаты по вопросам военной доктрины и стратегии с точки зрения использования вооруженных сил в войне и возможно ли выиграть ядерную войну. Ответы на эти и другие вопросы мы находили и в советском журнале «Военная мысль»…»

Фотографированием содержания номеров этого журнала Поляков занимался в обеденный перерыв, потому что держать

кабинет начальника факультета часто закрытым в рабочее время было бы подозрительно. Экспонированные пленки хранил, как правило, дома и на даче. Передавал их всегда в непроявленном виде. Проявление можно было делать только специальным раствором; если же проявлять обычным способом, то они оказывались бы пустыми.

Пересняв в течение трех месяцев более ста номеров «Военной мысли», Поляков, используя свои поездки на дачу, подобрал для тайников два места на Московской кольцевой дороге между Ленинградским и Щелковским шоссе у километровых столбиков с отметками «81» и «101». В качестве контейнера для закладки информации использовал обычный кирпич, имеющий полую середину, разделенную несколькими перегородками. Вырубив две-три из них, он помещал в полость четыре фотопленки и укреплял их внутри с помощью пластилина, чтобы не болтались и не издавали звука. Затем забрызгивал кирпич цементом, придавая ему вид «бывшего в употреблении», и на другой день, убедившись в своей безопасности, оставлял его у столбика с отметкой «81».

В другой раз в соответствии с графиком закладки тайника он сообщил, что контейнер-кирпич будет находиться на отметке «101» при движении к Москве. Что, помимо фотопленок, будет передана информация о проведении в ВДА объектового учения по гражданской обороне с прилагаемым планом и списком его организаторов и участников. Тогда же он уведомил американцев о том, что в середине декабря 1979 года он неожиданно для самого себя опять выезжает в Индию на прежнюю свою должность военного атташе при посольстве СССР.

* * *

Прибыв в Дели, Поляков на организованном в советском посольстве приеме по случаю отъезда его предшественника на родину узнал от своего американского коллеги, полковника Левиса Гоуда, о запланированной для него встрече с приезжающим на днях сотрудником ЦРУ Вольдемаром Скотцко.

Их встреча состоялась в офисе Гоуда, куда Поляков прибыл впервые в генеральской форме. Он сообщил американцам, что по приказу министра обороны СССР назначен старшим оперативным начальником разведаппаратов ГРУ Генштаба в Бомбее и Дели, что ему надлежит отвечать за состояние работы военной стратегической разведки в Юго-Восточном регионе.

— А не могли бы вы назвать нам задачи, которые были поставлены вам на период командировки в Индию? — попросил

его молодой Скотцко.

Вольдемар Скотцко был моложе Полякова на двадцать лет и в свои тридцать восемь уже достаточно поднаторел в закордонных шпионских делах. Глядя на него с заискивающей улыбкой, Поляков без колебания начал раскрывать ему секретное задание по разведработе в Индии. Потом сообщил о привезенных для ЦРУ двадцати непроявленных пленках.

— Пожалуйста, вкратце скажите, что вы там, в Москве, пересняли? — поинтересовался Скотцко.

Недовольный вопросом американца, Поляков улыбнулся едкой, мефистофелевской улыбкой и начал перечислять, вспоминая переснятые документы:

— Прежде всего, это фотокопии нескольких номеров журнала «Военная мысль» за этот год. Во-вторых, план нашей разведки на восьмидесятый год. В-третьих, решения Центра по повышению боевой и мобилизационной готовности в связи с обострением военно-политической обстановки в Южной и Юго-Восточной Азии. В-четвертых, о личном составе и организационной структуре разведаппаратов в этом регионе с указанием должностей прикрытия и псевдонимов нескольких разведчиков-нелегалов… Так… что же еще-то я переснимал? — Поляков сделал вид, что вспоминает, но почти сразу же воскликнул: — Ах да! Чуть не забыл про материалы своей диссертации. Речь в ней идет о вопросах организации агентурной связи. Для сотрудников ЦРУ это будет незаменимый классный учебник, по которому вы, американцы, должны учиться, как надо работать на каналах связи со своими помощниками.

Скотцко, недоумевая, пожал плечами. Потом спросил:

— А почему вы считаете, что мы не умеем работать на каналах связи?

— Да потому, что вы всегда совершаете непоправимые ошибки на каналах связи. Об этом я уже не раз говорил вашим коллегам, ранее работавшим в Рангуне и здесь, в Дели.

Чтобы не входить в коллизии с щепетильным советским генералом, Скотцко ничего не оставалось, как поблагодарить его:

— Что ж, спасибо, будем учиться по вашему учебнику. Диссертация вами уже защищена или нет?

— Нет. Не успел из-за нежданной-негаданной командировки сюда…

По окончании этой короткой беседы Скотцко, в связи с возникшим осложнением политической обстановки в Индии из-за событий в Афганистане, предложил проводить последующие встречи только на конспиративной основе. Зная об увлечении Бурбона литературой и частыми посещениями книжных лавок в

Бирме, Индии и США, американец предложил проводить встречи в книжных магазинах, обмениваясь в удобный момент одинаковыми портфелями с вложенной в них информацией. Поляков согласился с таким вариантом связи, но об установлении «контакта» с американским «дипломатом» Вольдемаром Скотцко докладывать в Центр не стал.

Однако для легализации своих связей с дипломатами из посольства США он спустя некоторое время сообщил в Москву о том, что начал налаживать с ними деловые отношения. А чтобы отвести от себя подозрения в несанкционированных связях с ними и обезопасить свою преступную деятельность, «хитрый лис» телеграфировал в Центр о ненадежности оперативных контактов из числа индийцев — якобы из-за них некоторые его подчиненные, офицеры-связники, попали в разработку индийской контрразведки. Естественно, такое пренеприятное сообщение резидента Данина вызвало у руководства ГРУ большую тревогу. Для выяснения причин неблагоприятно складывающейся обстановки для работы военной разведки в Индии был срочно командирован многоопытный, прошедший огонь, воду и медные трубы генерал-лейтенант Владимир Григорьевич Молчанов. Проверку этого острого сигнала он провел через сотрудников внешней разведки, работавших под крышей советского посольства в Дели. Проверка показала, что опасения Полякова были напрасными и, возможно, даже ложными: никто из военных разведчиков и их агентов не находился под подозрением индийских спецслужб и об этом свидетельствовали дальнейшие годы их работы.

Перед отъездом в Москву Молчанов предупредил Полякова о недопустимости направления в Центр ложной, непроверенной информации. Амбициозному резиденту критическое замечание Молчанова пришлось не по душе, но возражать начальнику оперативного управления из Москвы он не решился. Однако обиду затаил, и чтобы доказать Центру, что его опасения были не случайны, на очередной встрече со своим оператором выдал ему одиннадцать агентов делийской резидентуры и засветил разведчика-агентуриста Григория Альдубаева[77]. В качестве вознаграждения за эту информацию Поляков получил новый быстродействующий приемопередатчик «Брест» и фотоаппарат «Никон» со сменными объективами.

На последующей явке в книжном магазине у рынка «Хан Маркет» он предал еще двенадцать агентов и передал фотопленку с установочными данными на 107 выпускников разведывательного факультета Военно-дипломатической академии. Когда в штаб-квартире ЦРУ получили из Индии эти

шпионские сведения Бурбона, то там окончательно убедились в том, что Поляков для них является настоящим кладом ценнейшей информации, что он позволил им заглянуть сквозь «замочную скважину» на многие государственные и военные секреты СССР. Однако это походило не на замочную скважину, а на распахнутую для американской разведки дверь, позволявшую ей получать самые оберегаемые в Советском Союзе секреты.

Руководство Лэнгли, понимая, что генерал ГРУ Генштаба Вооруженных Сил СССР суперценный для них источник разведывательной информации, дало указание к более глубокой его зашифровке. 15 апреля 1980 года ЦРУ поставило в известность руководство ФБР о том, что в интересах личной безопасности Бурбон должен фигурировать в переписке под новым псевдонимом — Спектр. Эта информация, направленная в главную контрразведывательную службу США, сыграла впоследствии роковую роль…

* * *

В начале мая 1980 года Спектр на очередной встрече с цэрэушником сообщил, что через месяц он уходит в отпуск, и передал ему фотопленку с содержащими служебную тайну материалами Информационных бюллетеней ЦК КПСС, которые он, как военный атташе, имел право получать на один день под расписку в секретариате посольства. Тогда же Скотцко, как и положено, проинформировал штаб-квартиру ЦРУ о его отъезде в Москву и вскоре получил ответ. В нем говорилось:

…Перед Спектром необходимо поставить следующие четыре задачи:

— выявление планов использования Советским государством ядерного оружия в случае возникновения международных конфликтов;

— уточнение организационной структуры Вооруженных Сил СССР, командного состава, видов и родов войск;

— определение состояния боевой подготовки войск и обеспечение их новыми видами вооружений и боевой техники;

— сбор сведений об организации и постановке гражданской обороны в Советском Союзе.

Далее указывалось:

На случай невозвращения Спектра из отпуска снабдить его полным комплектом нашего снаряжения и условиями связи через тайник «Киев», а также вооружить еще одним усовершенствованным малогабаритным, приемо-передающим

устройством быстрого действия. Оно будет доставлено вам в ближайшее время вместе с инструкцией по его использованию и графиком проведения радиосеансов связи на наше посольство в Москве в июле — сентябре 1980 года. Работу нового аппарата под названием «Брест» проверьте вместе со Спектром в Нью-Дели.

О результатах апробирования и мнении Спектра о работе радиопередатчика ближней агентурной связи просим информировать.

На последних двух встречах Скотцко и Спектр провели два пробных радиосеанса с направленным выстрелом на американское посольство в Дели. Поляков отозвался о работе миниатюрного радиопередатчика с искренним восторгом (несколько лет назад он говорил о подобном устройстве американцам).

— Это просто фантастика! Без какого-либо риска, — сообщил он своему оператору, — я передал в ваше посольство за две секунды сразу несколько разведдонесений. Вот если бы раньше вы снабдили меня такой коробочкой, я завалил бы вас информацией…

— А что вы передали нам за два радиосеанса связи? — поинтересовался Скотцко. — Я спрашиваю вас об этом для того, чтобы не тратить время на очень сложную расшифровку закодированного в автоматическом режиме текста. О его кратком содержании мне необходимо проинформировать Лэнгли.

— Можете сообщить, что я закодировал сведения, касающиеся различных направлений деятельности офицеров моей резидентуры, ее нового состава и новых должностей прикрытия. Кроме того, я впервые сообщил подробные сведения о том, что в рамках моего разведаппарата начала действовать группа технической службы по перехвату информации. И раскрываю вам весь ее состав. Вот вкратце и все.

— Я благодарю вас, мистер Поляков, за все это и передаю вам для подстраховки еще один радиопередатчик с комплектом аккумуляторных батарей и подзарядником к нему. Полагаю, что мы еще встретимся перед вашим отъездом из Индии. Когда мы сможем это сделать?

Спектр задумался, потом ответил:

— Девятого августа. В день атомной бомбардировки Нагасаки и отставки вашего президента Ричарда Никсона.

Накануне отъезда Полякова в отпуск Скотцко передал ему схему расположения в Москве тайника под названием «Киев» и места постановки графической сигнальной метки под наименованием «Ботинки».

— Но зачем мне все это? — возмутился Поляков.

— Что все это? Вы имеете в виду «Ботинки» и «Киев»? — засмеялся американец.

— В том числе и они мне не нужны! — со злостью бросил Спектр. — Я это серьезно говорю! Зачем мне ваши «Ботинки» и «Киев», если в прошлый раз вы дали мне удобный карманный радиопередатчик «Брест»?!

— Адрес и схему тайника мы даем вам на тот случай, если вы вдруг не сможете воспользоваться аппаратом ближней радиосвязи. Скажем, вы потеряли его или он вышел из строя. А в обозначенный на схеме день закладки тайника вы сможете сообщить не только о выполнении нашего задания, но и о том, что аппарат не действует, и тогда наши операторы в Москве передадут вам через тайник новый, к тому времени, возможно, более усовершенствованный и меньший по размерам микропередатчик. Кроме того, мне поручено подарить вам новейшую энциклопедию рыболова-спортсмена с закамуфлированными в ее обложке письмами-прикрытиями и с инструкцией по зашифровке тайнописных сообщений. Все это необходимо иметь на всякий пожарный случай…

Поляков кивнул в ответ.

Американский разведчик сделал паузу, потом добавил напряженным голосом:

— А еще меня просили передать вам, чтобы вы вели себя в Москве предельно осторожно…

Одаренный способностью чувствовать оттенки интонаций, взглядов и выражений лиц Поляков понял, что произошло, наверное, что-то серьезное.

— Дело в том, — продолжал Вольдемар, — что в американской печати недавно была опубликована статья об одном из офицеров ГРУ, который работал в представительстве СССР при ООН и который в начале семидесятых годов добровольно предложил свои услуги ФБР…

У Полякова по спине поползли мурашки, в глазах потемнело, жесткий ком встал в горле, не давая вымолвить и слова. Сделал глотательное движение, но ком-спазм прочно перехватил дыхание. Перед глазами с непередаваемой четкостью проносились картины двадцатилетней давности в Нью-Йорке. Они виделись ему уже десятки, а может быть, и сотни раз с той поры, и всегда казалось ему, что он сделал тогда все правильно. Он даже и мысли не допускал, что может произойти когда-нибудь утечка информации из американской спецслужбы.

Глядя на американца с болезненно-мучительной тревогой, Поляков через некоторое время, горло по-прежнему сдавливал ком, еле слышно спросил:

— Как это могло произойти?

Скотцко пожал плечами и неохотно ответил:

— Мне об этом ничего не известно. В печати об этом ничего не было сказано. — Сделав небольшую паузу, он нервно добавил: — Если с вами что-то случится или что-то решите в самый последний момент перед возвращением на родину, то знайте, мистер Поляков, вы всегда желанный для нас человек. Мы всегда рады будем принять вас у себя на постоянное местожительство хоть в Нью-Йорке, хоть в Вашингтоне. Короче говоря, в любом городе Америки. Сегодня я почему-то уверен, что такой день наступит и тогда мы открыто сможем посидеть вместе на Бродвее и выпить хорошего виски…

Поляков пронзительным взглядом посмотрел на американца, потом совершенно спокойно обронил:

— Нет, мистер Скотцко, вы не дождетесь этого. — На последнем слове он поперхнулся, а откашлявшись, приподнял голову, выражение его лица было отрешенным.

— Но вы же сделали для нас так много ценного, что вполне могли бы со спокойной совестью безбедно жить в Америке, — продолжал уговаривать его Скотцко.

— Нет, не хочу я жить в Америке! — твердо ответил Поляков.

— Почему?

— Потому что все, что я делал и делаю здесь и в своей стране, это не только для Америки, а и для моей Родины, — привел свой последний аргумент Поляков.

— О-о, какой вы патриот! — удивился Скотцко. — А вы никогда не задумывались, какой может стать ваша судьба, если в России — на вашей Родине — узнают о вашем сотрудничестве с нами? Вот скажите, что ждет вас там в таком случае?

Ответ последовал незамедлительно и зло:

— Братская могила — вот что ждет меня там в таком случае! Я родился русским и потому должен умереть в России!

Глава 6. Змеиное жало генерала

То, что сделал Поляков для Запада, помогло нам выиграть не только «холодную войну», но и предотвратить «горячую». Его роль для США была неоценимо высока, и он играл ее до конца…

Джеймс Вулси, директор ЦРУ в 1993–1994 гг.

Предупрежденный сотрудником ЦРУ Вольдемаром Скотцко о происшедшей утечке информации о предательстве одного из офицеров ГРУ, Поляков, словно раненый зверь, почувствовавший смертельную опасность, только и думал во время полета из Дели, как уйти от беды. Тяжелейшие размышления не отпускали его ни на минуту, в конце концов ему стало так страшно, что мысленно он заметался от одной крайности в другую — явиться с повинной в органы безопасности, сразу же после возвращения в Москву, а потом — в первом же европейском аэропорту дозаправки самолета плюнуть на все, оставить вещи в багажном отсеке — и прощай Россия! Но, вспомнив мать и сыновей, он тут же отгонял эту нелепую и чудовищную мысль.

Прилетев в Москву, Поляков на другой же день поехал в «аквариум». Появившись там, он сразу же попал в атмосферу отчужденности и холодности, которую невозможно было не почувствовать. А недавно откомандированный им из Индии Григорий Альдубаев при случайной встрече демонстративно отвернулся, не говоря уже об отдании чести генерал-майору в форме.

Ранее Альдубаев, как Сенькин и Римский, сообщил Леониду Гульеву о подозрениях в отношении Полякова: что только он мог выдать всех его агентов в Индии. И что после этого за ними была установлена слежка, а спустя некоторое время одни из них были арестованы, другие — сами отказались от сотрудничества с советской разведкой. Что касается самого Альдубаева, то под надуманным предлогом Поляков просто освободился от него. Точно таким же образом несколько ранее он избавился и от своего многоопытного старшего помощника, капитана первого ранга Анатолия Римского.

От всех способных и успешных офицеров и всех недовольных его характером генерал Поляков под разными предлогами освобождался. И это были не только капитаны первого ранга Альдубаев, Римский, Сенькин, но и офицеры рангом пониже — Горнизов, Миронкин и Перминов, которых он ни за что ни про что без согласования с Москвой откомандировал из Индии. В поведении самого Полякова окружающие все чаще стали замечать неблаговидные поступки — сутяжничество, обман и дезинформация. А самоуправство и жестокость Полякова были известны многим военным разведчикам, работавшим с ним «в поле». Знали они и о том, что их начальник обладал способностью использовать свои умственные способности для того, чтобы разрушать личности других, не считаясь ни с их заслугами, ни званиями. У него была неутолимая жажда влиять на окружавших его людей и наслаждаться своей властью. В его мире существовали только серые люди, многие из которых, по его мнению, были все продажны и все жулики. Офицерам, хорошо знавшим его, казалось, что он ведет себя так высокомерно, а порой даже по-хамски только потому, что за его спиной стоит некто, кто позволяет ему вести себя подобным образом. А этот «некто» был не за спиной, а всегда перед ним, перед его глазами, и звали его Сергей Иванович Изотов, который занимал в ГРУ высокую должность управленца кадрами.

Именно от этих недовольных им офицеров исходила угроза его положению, Поляков это чувствовал и очень страшился. А тут еще, как назло, едва успев появиться в «аквариуме», генерал-майор Александр Хоменко нашептал ему о том, что его серьезно подозревают в «засветке» нелегалов в семидесятые годы.

— Неужели ты все еще не понял, почему отправили тебя сначала на преподавательскую работу, а потом в Индию? Это же чтобы проверить тебя там! Они же тебя за нос водят! — поддел его Хоменко…

Сообщение генерала-коллеги дамокловым мечом повисло над головой Полякова, и теперь ему необходимо было держать себя в состоянии непрерывной нервной приподнятости, не подавая вида, что что-то его тревожит. Но тяжелые мысли не покидали генерала Полякова: «Начнется вдруг опять расследование, и кто знает, чем оно может закончиться? А если еще и КГБ возьмется за это дело, то несдобровать и о последствиях лучше не думать. Это уже все, труба мне. Так уж жизнь устроена. Кто победил, тот и прав». И снова, как когда-то, он уничтожил большую часть предметов шпионской экипировки, привезенных из Индии. И снова возникла у него мысль покаяться и прекратить сотрудничество с американской разведкой раз и навсегда, не боясь шантажа со

стороны ЦРУ. «В Москве им не достать меня, — сказал он самому себе. — А если чекисты выйдут на меня, то скажу, что было когда-то такое, но все уже давно забыто. Да, только явка с повинной может, пожалуй, смягчить меру наказания, не применяя ко мне расстрельной статьи 64[79] Уголовного кодекса».

Но Поляков не воспользовался тогда этим шансом, хотя и понимал, что его предательство бесследно не пройдет. Он понимал это еще и потому, что в своей диссертации о проблемах агентурной связи сам же утверждал, что рано или поздно наступает разоблачение — сколько веревочке ни виться, а конец все же будет. И тем не менее он все же отмежевался от своего «научного» вывода, решив наперекор всему идти по своему скользкому пути: «Где наше не пропадало! Девятнадцать лет назад при моем пиковом положении беду пронесло, может быть, и теперь пронесет…»

С беспокойным ожиданием чего-то неприятного и сжигаемый все возрастающим, острым любопытством о причинах вновь возникших подозрений к нему, Поляков отважился проверить это через своего покровителя, генерала Изотова. Чтобы все выглядело правдоподобно, он решил действовать как бы в унисон с кадрами о локализации нежелательного распространения ложных слухов и сплетен о нем Горнизовым, Альдубаевым, Сенькиным и другими офицерами, с которыми работал раньше за границей.

Начальник управления кадров встретил его сухо, пожал вяло руку, кивнул на стул около стола и начал рыться в своих бумагах. Когда нашел какую-то справку, положил ее перед собой и только после этого равнодушным тоном спросил, не поинтересовавшись даже о делах его в Индии:

— Ну что там у тебя случилось?

Поляков долго рассказывал, как недружелюбно его приняли коллеги в центральном аппарате, что для него, генерала, крайне болезненны непонятные подозрительные взгляды, намеки и сплетни о вновь запущенных кем-то ложных слухах о его якобы вине в провалах агентурной сети в Америке.

— С ума можно сойти от всего этого, — заключил он, вопросительно глядя на Изотова. — Надо, Сергей Иванович, не позволять злым языкам трепать мое имя, — добавил он, заерзав на стуле.

Сергей Иванович не знал, что сказать в ответ. Потом обезоруживающе улыбнулся, передернул плечами и растерянно произнес:

— А может, ты, Дмитрий Федорович, перегрелся там, в Индии?

Полякову это не понравилось.

— Не до шуток мне сейчас, Сергей Иванович…

— А при чем тут шутки, Дмитрий Федорович? Ты же сам дважды телеграфировал мне из Дели о плохом состоянии здоровья, что надо тебе срочно выехать в Москву за счет отпуска. Вот и займись здесь своим здоровьем! И ни о чем другом не думай. Все остальное выбрось из головы! Не верь ты всяким слухам!

Поляков попытался вымучить на лице беспечную улыбку, но, убедившись в тщетности своих попыток, бросил с раздражением:

— Если бы вы только знали, как надоела мне вся эта возня с двадцатилетней давностью провалов разведчиков-нелегалов в Америке! Что же мне все-таки делать? — тяжело выдохнул он.

— Да плюнь ты на все и отдыхай!

— Ну вот, опять вы со своими шуточками. Я приехал сюда не отдыхать, а лечиться!

И сколько бы Поляков ни пытался «расколоть» Изотова о причинах новой волны подозрений в отношении его виновности в провалах разведчиков-нелегалов и агентов в 1962 и в последующие годы, он вернулся восвояси несолоно хлебавши…

* * *

Так уж получилось, что, когда Поляков был у начальника управления кадров, в это же время в кабинете руководителя военной разведки находились контр-адмирал Римский и генерал-майор Гульев. Они вели разговор, как раз связанный с предательством Полякова и продолжающейся утечкой информации об источниках военной разведки в Индии. К тому времени Анатолий Алексеевич Римский по заданию первого заместителя начальника ГРУ генерал-полковника Анатолия Георгиевича Павлова завершил анализ всех информационных донесений Полякова из США, Бирмы и Индии, а также контактов и вербовочных разработок иностранцев. Доложив материалы изучения всей оперативной деятельности подозреваемого в измене Родине генерала-разведчика, Римский[80] заключил:

— Одним словом, товарищ генерал армии, там, где работал Дмитрий Федорович, всегда происходили провалы агентов и раскрывались наши офицеры. Происходит это и сейчас в Индии. Что это, случайность? Совпадение? Или, называя вещи своими именами, самое настоящее предательство? Сотни разведчиков, агентов и нелегалов выдворялись, а некоторые и арестовывались в тех странах, где работал Поляков. И, как показало изучение этих фактов, всех пострадавших знал именно Поляков. Он знал их

как по работе в центральном аппарате ГРУ, так и в загранточках…

Ивашутин, громко простонав, перевел насупленный взгляд на Гульева.

— А вы что скажете, Леонид Александрович? Вы ведь тоже проводили еще одно расследование по поручению Павлова?

— Нет, Петр Иванович, я не проводил никакого расследования. Меня на это никто не уполномочивал. Я был и сейчас убежден в виновности Полякова в массовых провалах наших разведчиков-нелегалов и агентов. И потому я согласен со всем тем, что доложил вам сейчас Анатолий Алексеевич… Римский одарил Гульева одобрительной улыбкой.

— Самое страшное, — продолжал Гульев, — это то, что он предавал и предает своих сослуживцев, всех тех, с кем вместе работал и кого знал по оперативным документам различных подразделений ГРУ. Я считаю, что пришло время спасать от этого мерзавца-христопродавца наше разведуправление. Не год и не два, а девятнадцать лет он водит нас за нос, а мы все ищем доказательства и молчим. Я считаю, надо что-то срочно предпринимать, иначе этот тип с генеральским званием принесет нам еще много бед и неприятностей.

— Но что именно мы можем сейчас предпринять? У нас же нет никаких доказательств его изменнической деятельности?!

— А их и не будет, если мы будем только в таком узком кругу переливать из пустого в порожнее на протяжении почти двух десятков лет. Чтобы были доказательства, их надо добывать. Но у нас нет своей контрразведки. Значит, надо срочно сообщать в «Контору глубокого бурения», я уже говорил вам однажды об этом. Вот пусть КГБ и разрабатывает его, пусть добывает необходимые для разоблачения уликовые материалы. А то, что мы долго так раскачивались и замалчивали свои подозрения, там, — Гульев указал пальцем наверх, — могут расценить как недопустимое укрывательство предателя и преступное промедление в докладе о нем в соответствующие органы.

Помрачневшему генералу армии ничего не оставалось, как признать доводы Гульева неоспоримыми.

— Поскольку вы, Леонид Александрович, докладывали мне раньше о своих подозрениях, то я попрошу вас подготовить на имя начальника Третьего главного управления КГБ, генерал-лейтенанта Душина Николая Алексеевича, короткую информацию о Полякове за моей подписью… С грифом «совершенно секретно». И напишите все это от руки, — добавил он. — Чтобы не произошло утечки информации через машинисток.

— Благодарю вас, товарищ генерал армии, за доверие.

— Надеюсь, вы оба понимаете, что мы не должны давать никому повода думать, что располагаем информацией о его двойной игре. В противном случае он заляжет на дно и тогда надолго осложнит разработку КГБ по его изобличению. Официально он остается вне подозрений.

Римский покривился и сказал:

— Я уверен, товарищ генерал армии, что он знает, что мы подозреваем его. И потому он очень осторожен сейчас.

— А чтобы он расслабился, мы должны создать впечатление абсолютной его непогрешимости.

Гульев и Римский понимающе перемигнулись.

— А как же быть с мнением Анатолия Алексеевича, чтобы не дать ему возможности продолжать свои подлые дела? — спросил Гульев.

Ивашутин замялся и, глядя в стену, углубился в свои мысли. В кабинете повисло напряженное молчание. Оно длилось около минуты, потом начальник ГРУ, переведя дух, твердо произнес:

— Во-первых, его надо оставить в Москве, он только вчера прибыл из Индии. Во-вторых, не допускать его к оперативной работе в Центре. В-третьих, мы назначим его на прежнюю должность в Военно-дипломатическую академию и попросим Комитет госбезопасности установить за ним наружное наблюдение…

— Но у меня невольно возникает вопрос, — начал опять Гульев, — допустим, мы оставим его на территории СССР, но как сделать так, чтобы не насторожить его и не подтолкнуть к крайней мере — уходу к своим хозяевам? Например, в американское посольство или улететь через международный аэропорт в любую европейскую страну, а потом он легко переберется в США… Дипломатический паспорт у него есть, так что… он может запросто воспользоваться этим…

— Опасения ваши справедливы, — заметил Ивашутин. — Поляков будет находиться в Москве, как докладывал мне Изотов, больше месяца. За это время он должен пройти медицинское обследование, чтобы установить болезнь то ли почек, то ли печени. Пока он будет заниматься этим, военная контрразведка заведет на него дело оперативной проверки и на законном основании получит санкцию на проведение наружного наблюдения за ним. И тогда он никуда не улетит и не забредет в американский хлев…

После этого они долго обсуждали проблему досрочного отзыва Полякова из загранкомандировки. Предлагались разные варианты, но ни один из них не устраивал Ивашутина. И тут он вспомнил, что Изотов лет пять назад информировал его о частых

жалобах Полякова на нездоровье в условиях субэкваториального, муссонного климата Индии. Рассказав об этом Гульеву и Римскому, начальник ГРУ решил высказать внезапно возникшую мысль:

— А что, если использовать нам эти жалобы не в его, а в наших интересах? Пока он будет проходить медицинскую комиссию в нашей спецполиклинике, мы конфиденциально попросим главного врача, чтобы в медзаключении был сделан вывод о том, что генералу Полякову в его возрасте противопоказано работать и жить в жарких странах мира. Как вы смотрите на это?

— Вы правы, Петр Иванович. Это вполне подходящий вариант, — согласился Гульев.

— А вы как считаете, Анатолий Алексеевич? — обратился Ивашутин к Римскому.

— Это действительно будет правильный ход, — ответил контр-адмирал. Сделав короткую паузу, приглушенным голосом добавил: — Если только он не разгадает это…

— Во как! — воскликнул начальник ГРУ — Если даже и разгадает, у нас будут законные основания не выпускать его обратно в Индию…

— И все-таки я опасаюсь, что со своим загранпаспортом он может улизнуть из страны, — забеспокоился Гульев, пронзительно взглянув на генерала армии.

Выдержав немигающий, вопросительный взгляд Гульева, Ивашутин взорвался:

— Но я же только что говорил, что за ним будет пущена «наружка» КГБ! Неужели вы думаете, что цепкие ребята из этого ведомства не среагируют на его уловки? Это во-первых. Вовторых, Анатолий Алексеевич рассказывал, что Поляков предан своей семье, что он очень дорожит детьми и матерью. Вы думаете, он может оставить их на произвол судьбы?

— Нет, конечно. На это он не пойдет, — подтвердил Римский.

— А как он в материальном плане чувствовал себя в Дели во время вашей совместной работы с ним? — обратился Ивашутин к Римскому.

— Жил как все в советской колонии. Жена постоянно работала и экономила на большом и малом. Но меня всякий раз удивляло, когда он перед отъездом в отпуск делал несоизмеримые с денежным довольствием закупки дорогостоящих подарков и вещей. Многие из нас не смогли бы осилить таких расходов, какие делал он.

— Мне стало известно, — продолжал начальник ГРУ, — что в делийской резидентуре создалась неблагополучная обстановка по

вине ее руководителя. Так ли это, Анатолий Алексеевич?

— Да, было такое, — задумчиво начал Римский. — Вы правильно сказали, вина в этом именно самого Полякова с его властным и вспыльчивым характером. Некоторых своих подчиненных, особенно таких успешных, как, например, Альдубаев, Макаренко и ряд других, он демонстративно унижал. Наиболее способных и смелых офицеров он легко сдавал американцам, а те передавали информацию о них в индийскую контрразведку. После чего местная власть одних выдворяла, а других, как, например, меня и того же Альдубаева, Поляков якобы с добрыми намерениями предупреждал, что, пока не поздно, лучше по своей инициативе ходатайствовать через посольство о возвращении в Союз. Да что говорить о нем, товарищ генерал армии? — махнул рукой контр-адмирал.

— Говорите-говорите, Анатолий Алексеевич, — торопливо попросил Римского Ивашутин. — Мне важно знать, что недосмотрел начальник управления персонала Изотов, который возлагал на этого прохиндея и подлеца очень большие надежды.

— Слушаюсь, товарищ генерал армии. Это непредсказуемый, двоедушный и скользкий тип. Во взаимоотношениях с подчиненными за границей он был часто несдержан и груб. Из-за какого-нибудь пустяка он мог не только нахамить человеку, но и обматерить его. Зато с посольскими начальниками и здесь, в разведцентре, с руководством управлений и отделов он всегда вежлив и толерантен. Вот из-за этого двоедушия его и не любят наши офицеры, а некоторые из них даже и ненавидят. Вот поэтому у него не было и нет сейчас друзей и товарищей. И это вполне понятно: друзей и товарищей у предателей не бывает, они для любого предателя опасны, могут узнать лишнее. Наверное, поэтому-то он всегда избегал общения с опытными сотрудниками наших резидентур и резидентур ПГУ КГБ, боясь вызвать у них какие-либо подозрения. Скрытный и немногословный, он всегда отрицательно относился к сотрудникам КГБ и очень опасался их.

Генерал армии, посмотрев на часы, спохватился: — Все, товарищи, спасибо вам за содержательный разговор. — Он встал, вышел из-за стола, что могло означать конец беседы или просто его обычное желание походить по кабинету, размышляя о чем-то своем. — У меня к вам, товарищи, — продолжал он, — остается все та же просьба: никто, кроме нас троих, не должен пока знать о том, что мы обратились за помощью на Лубянку. И прошу вас оказывать помощь контрразведке КГБ по разоблачению Полякова. Все запросы и просьбы, исходящие из комитета, я договорюсь с товарищем Душиным, будут поступать по соображениям секретности только на мое имя. Поэтому если кто-то из

оперативных работников комитета будет обращаться к вам, то знайте, что они вышли на вас по моей рекомендации…

* * *

Генерал-майор Поляков не был бы «хитрым лисом», если бы поверил заключению медицинской комиссии спецполиклиники ГРУ о противопоказаниях работы в жарких странах. У него хватило ума и смелости подняться в кабинет начальника управления кадров Изотова и попросить у него для ознакомления медицинское заключение.

Изотов долго мялся, нервничал, пытался увести разговор на другую тему, но Поляков не был бы Поляковым, если бы позволял кому бы то ни было вешать лапшу на уши. В конце концов, он вынудил главного кадровика вытащить из папки документ. Пробежав его взглядом, не в первый уже раз, Изотов, не намереваясь передавать медицинское заключение в руки отпускника, сказал:

— Вам не придется, Дмитрий Федорович, возвращаться в Индию.

— Как это так? — вспыхнул Поляков. — На каком основании?

— На основании заключения эскулапов.

— Вы можете дать мне ознакомиться с ним? Должен же я знать, что нашли у меня врачи и от чего мне надо лечиться?

Несколько секунд Изотов колебался, но, зная, что Поляков не отстанет от него, все же передал в его руки медицинское заключение.

Когда Поляков начал читать, Изотов стал пристально следить за выражением его лица: оно становилось то мрачным, то удивленным, то казалось вовсе сплющенным.

Бросив небрежно на стол начальника кадров прочитанный документ, Поляков[81] понял, что его загоняют в ловушку, не хотят отпускать за границу потому, что здесь, на своей территории, в Москве, значительно легче проверить его связь с американской разведкой. За рубежом же для жесткого контроля за его поведением и возможного добывания уликовых материалов потребовалось бы гораздо больше оперативных сил и средств.

Чтобы убедиться в том, что медицинское заключение — это липа, он решил пройти медкомиссию в другой поликлинике — по месту жительства. Мысль о перепроверке диагноза продолжала метаться в его голове по замкнутому кругу. Видя, что Изотов не обращает на него никакого внимания, продолжая читать лежавшие перед ним документы, Поляков, чтобы отвлечь его от

чтения, несколько раз громко кашлянул в кулак. Когда Изотов вскинул на него взгляд, Поляков, сохраняя невероятным усилием воли внешнюю невозмутимость, спросил:

— И что же мне делать теперь, Сергей Иванович?

— Надо пройти курс лечения, а там будет видно, — невозмутимо ответил начальник управления кадров.

На щеках Полякова заходили желваки:

— И чем же я буду после лечения заниматься?

— Скорее всего, тем же, что и до командировки в Индию.

— Это значит, что на оперативной работе будет поставлен большой крест?

— Возможно, и так, — с вежливой улыбкой ответил Изотов. На лице Полякова мелькнул страх, губы его дрогнули, и, едва удерживая себя от повышения тона, он безрадостно произнес:

— А мне, Сергей Иванович, вы не раз говорили, что у меня складываются блестящие перспективы по служебной лестнице. И что у вас, в кадрах, есть тому документальные подтверждения. Я имею в виду аттестации на меня, характеристики, представления на должность военного атташе и на присвоение мне генеральского звания. Мой профессионализм всегда ценился вами. Вы же знаете, что работа в «поле» — это моя стихия, это мое кровное, где я чувствовал себя на своем месте. А ВДА — это совсем не мое…

Изотов скривился:

— Свои мысли, Дмитрий Федорович, держите при себе. Вы, очевидно, забыли, что через год вам исполнится уже шестьдесят. А в эти годы притупляется и бдительность, и память…

При этих словах у Полякова отвисла челюсть, он раскрыл рот, собираясь что-то сказать, но Изотов опередил его:

— Вы только не обижайтесь, Дмитрий Федорович, всему свое время…

— Да как же тут не обижаться, Сергей Иванович? — вспылил Поляков. — Во-первых, вам, как кадровику, хорошо известно, что генерал-майор может служить до семидесяти лет. Во-вторых, настоящий разведчик должен всегда драться до последнего и всегда бороться за свои права…

— Ну-ну, — прервал Изотов, и на губах у него заиграла кривоватая улыбка. — Уж не думаете ли вы бороться с самим Ивашутиным? Если «да», то неужели вы еще не поняли, что все мы перед ним сущие карлики? Не надо вам тягаться с ним. Вчера, когда я докладывал ему заключение медицинской комиссии, у меня сложилось впечатление, что он намеревается после вашего лечения в госпитале отправить вас обратно в ВДА…

Несколько секунд Поляков молча смотрел оцепенелым

взглядом на Изотова, потом сдавил обеими руками голову, тяжело простонал и, морщась, словно от боли, вышел из-за стола.

— Что с вами, Дмитрий Федорович? — забеспокоился начальник управления кадров.

— Да так, что-то стало сильно погано на душе, — произнес он трагическим тоном и, не подавая руки Изотову, покинул кабинет.

«Чудной какой-то стал Поляков», — подумал Изотов.

Выйдя из «аквариума», Поляков дал себе слово больше не заходить в ГРУ во время отпуска, чтобы не мозолить никому глаза. «Пусть сами приглашают, когда понадоблюсь», — решил он.

Раздосадованный неудачным визитом к начальнику управления кадров, Поляков всю ночь не спал, иногда лишь забывался на несколько минут и вновь просыпался. Его постоянно одолевало тревожное предчувствие того, что он попал в поле зрения КГБ. «Если уж комитет возьмет меня в разработку, то там наверняка докопаются до всех моих грехов, — к такому безжалостному для себя выводу пришел Поляков. — Да и о направлении меня на медкомиссию сами грушники не могли додуматься. Скорее всего, это все подсказки КГБ. Его монстры могли запросто распорядиться, чтобы дали такое заключение, на основании которого противопоказана работа в климатических условиях Индии. Но старого воробья вам на мякине не провести. Пока в отпуске, я обязательно проверю диагноз в своей арбатской поликлинике…»

«Хитрый лис» прекрасно понимал, что затягивать проверку никак нельзя: «Опоздай я на три-четыре дня, и, кто знает, может, к тому времени за мной уже начала бы ходить «наружка», и тогда пиши пропало».

На другой день Поляков отправился в поликлинику по месту жительства, прошел, как положено, полное медицинское обследование и через неделю медкомиссия дала заключение, что ему не противопоказаны поездки в жаркие южные страны. Так легенда о невозможности работать в Индии лопнула как мыльный пузырь. От этого на душе стало еще тяжелее: он понял, что непосредственная опасность с каждым днем приближается, что вести себя надо теперь в высшей степени осмотрительно. Голос разума подсказывал, что пришло время прекратить всякие контакты с американской разведкой. Так он и поступил. После этого ему вообще уже ничего не хотелось. Апатия и некая отстраненность от всего происходящего буквально сковали его…

* * *

На основании полученных из ГРУ данных, в конце июля 1980 года первым отделом Третьего главного управлении КГБ СССР было заведено на Полякова дело оперативной проверки (ДОП) по подозрению — «Измена Родине в форме шпионажа». Фигуранту дела дали кличку «Дипломат». Воспользовавшись нахождением Полякова в отпуске в Москве, в Дели была командирована группа сотрудников ГРУ и КГБ для проведения негласного обыска в его квартире. В специальном кейсе с фотоаппаратурой были обнаружены пять таблеток, которые были направлены в Москву для исследования на принадлежность их к средствам проявления тайнописи[82]. Но тогда тайнописную копирку и письма-прикрытия, закамуфлированные в лежавшую на столе книгу «Энциклопедия рыболова», обнаружить не удалось. Зато были найдены не имевшие отношения к уликовым материалам дорогостоящие ценности, превышающие семимесячное денежное содержание военного атташе, два охотничьих ружья и комплект высококачественной фотоаппаратуры марки «Никон».

Доложив обо всем этом заместителю председателя КГБ генералу армии Г.К. Циневу, начальник Третьего главного управления Комитета госбезопасности Николай Алексеевич Душин предложил провести наиболее острые мероприятия по ДОП, а затем совместно со Следственным отделом решить вопрос о возможности возбуждения уголовного дела.

Выслушав Душина, Цинев некоторое время сосредоточенно морщил лоб, потом твердым, не терпящим возражений голосом сердито произнес:

— Никаких улик против Полякова вы не получили и, скорее всего, не получите! И потому я не могу дать санкцию на предлагаемые вами мероприятия. Закрывайте ДОП!

Надо отдать должное начальнику Третьего управления, он умел владеть собой, как и подобает руководителю большого коллектива военной контрразведки, но на сей раз, невзирая на высокое положение Цинева, возразил:

— Я не понимаю вас, Георгий Карпович, на каком основании мы должны закрывать ДОП, не проведя еще комплекса запланированных мероприятий?

— Я не могу дать вам санкцию на продолжение проверки только потому, что советский генерал не может быть шпионом! Если мы начнем подозревать генералов из разведки, то на кого же будем тогда опираться?! — повысил голос зампред КГБ.

Душин немного растерялся, возникла неловкая пауза, но он взял себя в руки и негромко, настороженно спросил:

— Получается, что мы не должны в таком случае считать предателем и Власова? Он ведь тоже генерал?!

Цинев, махнув рукой, гневно бросил:

— Во-первых, он не был разведчиком! Во-вторых, он и не шпион! Все! Давайте закончим на этом!

Маленький ростом, бритоголовый генерал армии вышел из-за стола и, протянув Душину руку на прощание, заметил:

— Если откроются новые обстоятельства в отношении Полякова, прошу ставить меня в известность…

Таким образом, снобизм зампреда КГБ СССР не позволил военной контрразведке продолжать проверку Дипломата, что давало возможность хитроумному американскому шпиону Полякову оставаться активным «кротом» еще на какое-то время.

А примерно через год резидентура ГРУ в Нью-Йорке получила от некоего доброжелателя весьма важные сведения о методах и признаках, по которым ФБР устанавливает принадлежность к разведке сотрудников советских загранучреждений в Нью-Йорке. Кроме того, он сообщил номера пятидесяти семи квартир жилого дома представительства СССР при ООН, оборудованных техникой подслушивания. А самое главное, он известил резидентуру ГРУ в Нью-Йорке о наличии в ЦРУ весьма ценного агента, работающего в системе Генерального штаба Министерства обороны СССР. При этом доброжелатель ставил условие, что он готов выдать этого агента и подтверждающие это материалы ФБР, если в указываемый им тайник будут заложены тридцать тысяч долларов. О себе доброжелатель сообщал: «Я являюсь сотрудником ФБР. Сведения о тщательно оберегаемом спецслужбой США источнике информации из СССР получены при ознакомлении с совершенно секретным, направленным из ЦРУ директору ФБР документом, в котором сообщалось о замене псевдонима советскому агенту на новый — Спектр. Заинтересовавшись этим документом, мне удалось получить доступ к переписке ФБР в отношении Спектра. Для подтверждения достоверных данных о нем могу передать вам на изложенных мною условиях копии документальных материалов».

В московском военном разведцентре не исключали, что предлагаемые доброжелателем сведения могли быть целенаправленно запущенной дезинформацией в целях сковывания работы ГРУ и последующего направления его усилий по ложному пути. Поэтому руководство засомневалось в целесообразности установления контакта с фэбээровцем и выплаты ему денежного вознаграждения. Когда об этом узнал ставший к тому времени начальником управления генерал-лейтенант Гульев, то он запросил у заместителя начальника ГРУ вице-адмирала Ващенко материалы доброжелателя для ознакомления и оценки их достоверности.

— Если же мне покажется, что доброжелатель — это чистейшей воды подстава, — заметил Гульев, — тогда мы направим запрос в Первое главное управление КГБ с целью перепроверки поступивших к нам материалов от него…

— Нет, Леонид Александрович, — остановил его Ващенко, — не надо информировать ПГУ об этом «инициативнике». Ребята там хваткие, они не упустят своего шанса и могут запросто прибрать его к своим рукам. Мы лучше направим вас в командировку в США, чтобы вы на месте во всем разобрались. Установили бы контакт с этим американцем, пусть даже безличный, через указанный им тайник, и попытались бы выяснить о сотрудниках КГБ и ГРУ, которые, как он говорил в своем сообщении, уже завербованы или считаются в ФБР потенциальными кандидатами на вербовку. Это было бы очень важно для нас. Неплохо было бы получить и сведения о тех пятидесяти семи сотрудниках нашего посольства и представительства СССР при ООН, в квартиры которых внедрена спецтехника. Причем доброжелатель подчеркивает, что установка такой техники обошлась американцам в полмиллиона долларов.

— Владимир Николаевич, а каким образом он передал нам эти сведения?

Ващенко вышел из-за стола, подошел к сейфу, вытащил из него зеленую папку и, подавая ее Гульеву, сказал:

— Доброжелатель, давайте мы назовем его Фредом, вышел сам на нашего резидента в Нью-Йорке Скворцова. Хорошо зная методы работы ФБР против советских граждан, Фред, чтобы не скомпрометировать Скворцова, пришел в представительство СССР при ООН и через дежурного передал по всем правилам оформленный почтовый пакет лично для Скворцова. Материалы Фреда я даю вам на четыре дня. Когда ознакомитесь с ними и проанализируете все, о своей оценке и выводах доложите мне лично.

Гульев кивнул и с улыбкой сказал:

— Беру встречное обязательство: доложить на один день раньше…

— А вот это радует, — улыбнувшись в ответ, произнес вице-адмирал и неожиданно добавил: — Мне известно со слов командира, что вы утверждали и продолжаете утверждать, что Поляков — предатель…

— Да это так и есть на самом деле! — воскликнул Леонид Александрович.

— Я согласен с вами. Поэтому мы вполне серьезно прорабатывали вопрос о возможной командировке вас года на два в Вашингтон. Там находится резиденция, ФБР и там же работает

наш доброжелатель. Главная цель командировки, как я говорил, — установить связь с Фредом и получить от него интересующую нас дополнительную информацию, в том числе и о Спектре. Так что готовься…

— Да я всегда готов к хорошим предложениям.

* * *

Через три дня генерал-лейтенант Гульев сообщил по телефону вице-адмиралу Ващенко о своей готовности доложить о результатах изучения материалов сотрудника ФБР Фреда.

— Не кладите трубку, Леонид Александрович, — предупредил его заместитель начальника Главного управления разведки. — Сейчас я свяжусь по прямой связи с командиром, и, возможно, вместе с ним мы выслушаем вас.

— Хорошо, я жду вашего решения.

Вскоре Гульев услышал в телефонной трубке твердый голос Ващенко:

— Через двадцать минут я жду вас в приемной командира.

— Но справка-то у меня еще не отпечатана.

— Потом отпечатаете. А сейчас готовьтесь доложить устно. Подходите пораньше, чтобы я успел пробежать глазами вашу справку.

В приемной начальника ГРУ Владимир Николаевич Ващенко ознакомился с собственноручно написанной Гульевым справкой и высказал свое положительное мнение о сделанных в ней выводах.

Ровно через полчаса порученец Ивашутина пригласил Гульева и Ващенко пройти в кабинет командира. Из-за рабочего стола, стоявшего в углу, вышел чем-то озабоченный начальник ГРУ. Он пожал руку Гульеву[83] и сразу же спросил:

— Ну так как? Будешь по-прежнему стоять на своем мнении и доказывать, что Поляков — предатель?

— Так точно, товарищ генерал армии, буду стоять на своем мнении.

— Ну-ну, — улыбнулся Ивашутин. — А что ты можешь сказать в отношении доброжелателя, которого вы с Владимиром Николаевичем окрестили Фредом?

— Буду доказывать, что Фред не подстава.

Раскрыв папку, Гульев достал справку о результатах анализа материалов, полученных от доброжелателя и, подавая ее Петру Ивановичу, пояснил:

— Здесь мои соображения в рукописном виде.

— Я вижу, — буркнул начальник ГРУ. Прочитав справку,

Ивашутин спросил:

— А почему она не зарегистрирована, если на ней поставлен гриф «секретно»?

— Зарегистрировать не успел, торопился доложить ее вашему заместителю.

Генерал армии перевел взгляд на Ващенко:

— Вы знакомились с этим документом? Вице-адмирал кивнул и как можно увереннее произнес:

— Да, я прочитал ее сейчас в вашей приемной. Ивашутин что-то неразборчиво опять буркнул, потом начал повторно зачитывать вслух выводы справки:

— «Проведенный мной анализ материалов, полученных из вашингтонской резидентуры, позволяет сделать вывод о том, что Фред действовал конспиративно, преследуя корыстные цели. То, что он не может быть подставой, свидетельствуют следующие факты:

…Одно из условий возможного его сотрудничества с нами — это передача информации за денежное вознаграждение без вступления в личный контакт, а только через тайник. Это во-первых. Во-вторых, Фред предостерегает нас об осторожном использовании передаваемой им информации и предупреждает о том, что намерен сам подбирать места для тайников. И, наконец, в-третьих, полученные от Фреда сведения, считаю, нельзя относить к дезинформационным. По своему содержанию они являются особо ценными, потому что: во-первых, раскрывают предполагаемые вербовки отдельных сотрудников советского посольства; во-вторых, указывают мотивы, по которым тот или иной советский гражданин может являться потенциальным кандидатом на вербовку; в-третьих, в них названы квартиры сотрудников советского посольства и представительства СССР при ООН, оборудованных техникой подслушивания.

Сообщать же подобные сведения в советскую разведку — это не в интересах ни ФБР, ни ЦРУ, потому что реализация их нанесет ущерб американской стороне.

Считаю, что данные сведения Фреда соответствуют действительности…»

Закончив чтение, Ивашутин бросил взгляд на Ващенко.

— Вы согласны с такой аргументацией Леонида Александровича?

— Да, товарищ генерал армии, я согласен.

— А у вас не возникает подозрений, что доброжелатель просто вымогает у нас тридцать тысяч долларов?

— Нет, товарищ генерал армии, не возникает!

— А у вас, Леонид Александрович? — Ивашутин перевел

строгий взгляд на Гульева.

— У меня тоже, товарищ генерал армии.

— А почему вы после выводов не выдвигаете каких-то своих предложений?

— Я делаю это всегда в том случае, если командование согласно с моими выводами.

— Хорошо. Мы согласны с вашими выводами. Что вы можете предложить?

— В таком случае, я предлагаю следующее: первое — проверить через ПГУ КГБ СССР поступившие от Фреда сведения. Второе, если ПГУ подтвердит хотя бы часть сообщенных Фредом сведений, то выплатить ему денежное вознаграждение в том размере, которое он запросил. У меня лично не вызывает никаких сомнений, что только при этом условии мы сможем получить от него то, что хотим.

Начальник ГРУ посмотрел на своего заместителя Ващенко, потом перевел взгляд на Гульева и, кивнув ему, сказал:

— Вознаграждение в указанный Фредом тайник заложите лично вы. Даю вам неделю на сборы, чтобы выехать в командировку в Вашингтон на два месяца.

— Благодарю вас за доверие, товарищ генерал армии…

* * *

Приказ на перевод в Военно-дипломатическую академию (ВДА) генерал-майора Полякова был подписан лично Ивашутиным, и потому, сразу после отпуска, ему пришлось, вместо возвращения в Индию, отправляться на юго-запад столицы, где предстояло занять прежнюю должность начальника разведывательного факультета.

Несколько недель, отработанных в ВДА, измотали его больше, чем годы разведслужбы в Дели, а опасения, связанные с возможным разоблачением, окончательно встревожили. Периодическое составление и утверждение расписания занятий, замены чтения лекций и вся прочая каждодневная писанина стали для него сущим наказанием. Непроходящая тревога по поводу возможного разоблачения да еще рутинная, порядком надоевшая работа вынудили Полякова позвонить Изотову. Тот не отказал ему и назначил встречу на следующий день.

Поляков явился к Изотову несколько позже назначенного времени. Начальник управления кадров, увидев его, поморщился — его несвоевременный приход ломал уже запланированный график работы — и потому недовольно проворчал:

— Ну что там у тебя опять стряслось?

— Не могу я там больше работать. Верните меня на Хорошевку. Пусть даже не на оперативную работу. Например, в информационную службу к генерал-полковнику Зотову. На худой конец я согласен работать в любом вспомогательном отделе.

«Вот же наглец! — подумал Изотов. — Ему грозит арест, а он торгуется, где ему работать…»

Пожав плечами, Сергей Иванович встал из-за стола и, ничего не говоря, прошелся по кабинету. Месяц назад Ивашутин сообщил ему причину, по которой Полякова необходимо отстранить от оперативной работы, и предупредил о том, чтобы он со своим протеже держал ухо востро и не давал ему повода насторожиться. Сев опять за стол, Изотов смягчился и, чтобы не затронуть самолюбия генерал-майора Полякова, спокойно произнес:

— Мне кажется, ты рано ставишь вопрос о переводе на Хорошевку.

— Почему? — удивился Поляков[84].

— Потому что надо подождать, потерпеть. Ты хоть помнишь, с какой должности поехал ты в Индию военным атташе и главным резидентом?

— Да, помню. Тогда у меня все прекрасно получилось. А нельзя ли, Сергей Иванович, через некоторое время повторить подобный зигзаг с загранкомандировкой?

— А что?.. В самом деле неплохая идея! — отозвался Изотов и с хорошо скрытым лукавством продолжил: — У тебя большой опыт разведывательной работы, есть опыт руководства резидентурой. Сколько ты уже прослужил за кордоном?

— Около семнадцати лет. А всего в разведке более тридцати.

— Да, это очень ценно, Дмитрий Федорович…

Скупая похвала начальника управления кадров стоила для Полякова в его положении очень многого. Он благодарно кивнул и, проглотив внезапно подкативший к горлу ком, хрипло произнес:

— Спасибо, Сергей Иванович. В последнее время я так редко слышу от вас добрые слова.

— Да ладно тебе! Ты у нас, как никто другой, обласкан повышениями в должности и высокими воинскими званиями, — парировал Изотов. — Нет, Дмитрий Федорович, тебе не стоит жаловаться на судьбу и на недостаток добрых слов. Ты лучше запасайся теперь терпением и жди, когда опять подвернется счастливый случай.

— Что ж, будем надеяться на такой хороший случай, — коротко обронил Поляков и направился к выходу.

Перспектива снова побывать в загранкомандировке приятно

щекотала нервы генерала Полякова. Он остановился у порога и, обернувшись, сказал:

— А вы, Сергей Иванович, действительно замолвите обо мне доброе слово генералу армии?

Изотов чуть усмехнулся. «Только этого мне не хватало в нынешней ситуации», — подумал он и сквозь зубы произнес:

— Нет, Дмитрий Федорович, тут я тебе не помощник. Не могу я заместителю начальника Генштаба молвить о ком-то слово. Он вон, — Изотов указал пальцем вверх, — насколько выше меня сидит…

— В таком случае вы все равно не забывайте обо мне, — приоткрыв дверь, с ухмылкой бросил Поляков.

Изотов нервно дернулся, встал, исподлобья посмотрел на него и презрительно ответил ему:

— Всего доброго, Дмитрий Федорович…

* * *

С того дня у генерала Полякова словно камень с души свалился, и началась у него более-менее спокойная работа в ВДА. Он посчитал тогда, что судьба в очередной раз соблаговолила ему, что разговор с Изотовым был полезным и обнадеживающим. И, как ни в чем не бывало, он принялся за старое: собирать и накапливать шпионскую информацию о выпускниках разведывательного факультета 1980 года и трех последующих лет. Таковых набралось 87 человек. Когда наступил день закладки тайника «Киев» Поляков решил отказаться от его использования: «Зачем мне он, если есть безопасный способ передачи сведений за две с половиной секунды».

Закодировав на пленку информацию о 87 будущих военных разведчиках, а также объяснение, почему не стал использовать тайник «Киев», он, проезжая на троллейбусе мимо посольства США, легким нажатием кнопки на миниатюрном передатчике, находившемся в кармане пиджака, отправил американцам большой объем шпионских сведений. Подобных передач в последующее время он провел еще четыре и таким образом сообщил в ЦРУ полные данные на еще большее количество слушателей академии, а также различные аналитические обзоры и документы Генштаба и ГРУ.

Вооруженный миниатюрным устройством для мгновенного сброса информации, Поляков уверовал, что теперь он свободен от каких-либо подозрений в Москве. Но напрасно так считал Поляков: случайно встретившийся ему при выходе из метро

генерал-майор Хоменко снова предупредил его:

— Ты, Дмитрий Федорович, будь осторожнее. В последнее время я все чаще слышу в своем «аквариуме» перешептывания за спиной, а иногда даже и открытые разговоры о тебе…

— Какие еще разговоры? — насторожился Поляков.

— Конечно, не из приятных, я бы сказал даже, опасные разговоры.

— Да не темни ты, говори конкретнее! — вскричал Поляков.

— Да все о том же прошлом в Америке… И о настоящем тоже…

— А что могут говорить о моем прошлом и настоящем? — вконец разозлился Поляков.

— Что не случайно отозвали тебя из долгосрочной командировки и отстранили от оперативной работы. Или ты не догадываешься об этом? — поддел его Хоменко.

Поляков ничего не сказал в ответ, его лицо покраснело, а на лбу резко обозначились вены. Он долго и пристально смотрел на Хоменко, потом обронил:

— Ну и что ты предлагаешь?

Хоменко, почувствовав себя не в своей тарелке, с напряжением в голосе проговорил:

— Ты хоть проверяешься, ведется или нет за тобой наружное наблюдение?

— А если даже и ведется, что от этого изменится? — дал неутешительный ответ Поляков, хотя чувство тревоги стало еще сильнее.

— Ну смотри, — собравшись уходить, заключил Хоменко.

— А чего мне смотреть, — бросил Поляков. — Это ты смотри, чтобы самому не залететь под фанфары…

Пока он шел от метро до автобусной остановки, перед глазами у него стояло лицо Хоменко. «Непонятный и опасный тип! Мне кажется, что он такой же сексот, как и я, а еще предупреждает меня», — сделал вывод Поляков, анализируя только что состоявшийся разговор.

Мысли о возможном провале крутились в его голове, а чувство опасности, возникнув, никак не отпускало. Когда пришел домой, начал поспешно рвать разные бумаги и сжигать их в туалете. Жена каким-то шестым чувством поняла, что что-то случилось, и с неподдельным страхом спросила:

— А почему мы после отпуска не вернулись в Индию?.. Почему ты после этого сильно изменился, ходишь сам не свой, как потерянный?

Ему ничего не оставалось как, в который уже раз, при ответах на ее щепетильные вопросы опять слукавить:

— От возвращения в Индию меня отвели по вине Римского. Он оговорил меня в растрате финансовых средств в отместку за то, что я якобы дезинформировал Центр о том, что он попал в поле зрения индийских спецслужб и потому его откомандировали в Москву.

— Но ведь ты действительно не только в Дели, а и в Нью-Йорке и Рангуне слишком много тратил денег на покупку очень дорогих подарков для своих начальников. Я каждый раз удивлялась, откуда у тебя такие большие суммы денег. А ты, оказывается, постоянно залезал в кассу посольства. Каким же надо быть бессовестным человеком, чтобы это делать?!

— Но я же не для себя их брал!

— Какая разница? — прервала его Нина Петровна. — Для себя или не для себя — все равно это нечестно! Ты же генерал военной разведки! Как тебе не стыдно, Дима?! Это же настоящее воровство!

— Не надо, Нина, обвинять меня в этом. Мне и без того тошно…

Леонид Гульев, выехав в США в качестве руководителя вашингтонского разведаппарата ГРУ, получил за денежное вознаграждение от доброжелателя Фреда материалы, подтверждающие предательство Полякова. В шифрованном сообщении в Центр со ссылкой на данные Фреда говорилось:

Поляков завербовался в Нью-Йорке в конце 1961 года, в СССР выехал в середине следующего года; в 1965–1969 годах работал в Бирме, а в 1973–1976 и 1979–1980 в Индии. Фред передал нам скопированные материалы на 57 сотрудников советской колонии в Америке, которые изучаются по линии ФБР в качестве возможных осведомителей, и о внедрении спецтехники в их квартиры…

Тогда же генерал Гульев направил в Москву дипломатической почтой полученные от Фреда фотокопии документов ЦРУ и ФБР на английском языке под грифом «совершенно секретно»:

Документ первый:

> Из Центрального разведывательного управления. 24 сентября 1969 г. Директору Федерального бюро расследования. Содержание: о Бурбоне. Секретно, лично.
>
> Отвечаем на ваш запрос о том, что удалось нам использовать из сообщений Бурбона относительно деятельности советской нелегальной разведки…
>
> а) После своего отъезда из США в 1962 году Бурбон не имел непосредственного доступа к информации о деятельности нелегальной разведки ГРУ, и в связи с

этим он в настоящее время знает о ней меньше, чем знал во время наших и ваших опросов до середины 1962 года.

б) Каждый раз, когда Бурбон выезжал в отпуск в Москву, ему ставилась задача путем осведомления через его товарищей в американском направлении выяснить положение дел с нелегальной разведкой ГРУ в Соединенных Штатах. Информация, которую он получал, всегда направлялась вам в ФБР.

в) Бурбон постоянно докладывал, что ни один нелегал ГРУ с 1959 года не направлялся в США.

г) В марте 1969 года, работая уже в Бирме, он в процессе беседы с бывшим начальником американского направления ГРУ М.С. Савельевым получил подтверждение, что с 1959 года нелегалы ГРУ в США не направлялись.

д) Недавно Бурбон проявил недовольство, когда ему было предложено изложить еще раз сведения о нелегальной разведке ГРУ. Он считает, что этот вопрос он полностью осветил в прошлые годы.

Принимая все изложенное во внимание, мы включили в перечень задач, которые Бурбон должен освещать, и задание по сбору информации о современном состоянии нелегальной разведки.

Документ второй:

Меморандум Нью-Йоркскому отделению ФБР. 20 октября 1969 года. Содержание: о нелегальной разведке ГРУ. Секретно, лично.

Все упоминаемые в наших меморандумах имена и фамилии имеют прежние индексы, они проходят по делу агента Топхэт и в этой связи не требуют новой индексации получателем направляемого документа…

Отдельная информация, которая будет поступать от источника «Н-Й-3549-С» (Топхэт) и которая должна быть направлена за пределы ФБР, потребует грифа секретности выше чем «конфиденциально». Это будет касаться только той информации, которая не подлежит рассылке и раскрытие которой может нанести ущерб интересам США в области международных отношений и национальной безопасности.

При рассылке информации, получаемой от источника «Н-Й-3549-С», в документах не должно содержаться никаких ссылок на время получения информации (дата, месяц или год).

Поскольку источник «Н-Й-3549-С» занимает весьма чувствительное, важное положение, экстремальные меры осторожности должны быть всегда предприняты в обращении с получаемой от него информацией, и должны быть исключены какие-либо действия, которые могли бы поставить под угрозу безопасность агента или привести к установлению его личности…

Документ третий:

От Директора ФБР. 15 апреля 1980 года.

Руководителям отделений ФБР в Вашингтоне, Нью-Йорке и Сан-Франциско. Секретно, лично.

Для сведения органов ФБР сообщаю, что для переписки внутри нашего ведомства агенту Топхэт присваивается новый псевдоним — Спектр. Он должен использоваться впредь и в переписке с ЦРУ…

Копии документов ЦРУ, составленные на основе донесений агента и содержащие сведения о деятельности советских спецслужб, будут направляться и в ваш адрес.

ЦРУ сообщило, что в настоящее время оно имеет возможность проведения с Топхэтом регулярных встреч, и изъявило готовность оказывать через него помощь ФБР. Однако в силу условий, существующих в том районе мира, где в настоящее время работает агент, эти встречи проводятся значительно реже и короче по времени, чем это было в прошлом. С учетом этого только по мере острой необходимости вам следует направлять свои запросы с обязательной пометкой — «Спектру». В этой же связи штаб-квартира ФБР согласилась с тем, что все фотографии, которые будут направляться для показа Спектру, будут ограничены только фотографиями тех советских лиц, которые подозреваются в принадлежности к советским спецслужбам или требуют уточнения принадлежности их к какому-то ведомству…

Сведения о восстановлении связи с этим агентом представляют собой тайну особого значения как в ЦРУ, так и в штаб-квартире ФБР. Представителям ЦРУ в Нью-Йорке, Вашингтоне и Сан-Франциско об этом было не известно. К этим сведениям допущен лишь узкий, избранный круг лиц в штаб-квартире ЦРУ. Поэтому вам следует принять самые строгие меры к тому, чтобы эти сведения не просочились через личные контакты сотрудников ваших отделений с местными представителями ЦРУ. Внутри отделений к этой

информации должны быть допущены только те лица, которым действительно это необходимо для работы…

Документ четвертый:

От Директора ФБР. 7 июля 1980 года. Отделению ФБР в Нью-Йорке. Секретно, лично.

Для вашего сведения сообщаем, что ЦРУ направило в штаб-квартиру ФБР следующую информацию:

Недавно Спектр из беседы с Владимиром Григорьевичем Молчановым, бывшим с 14 июля 1974 по 23 апреля 1978 года резидентом ГРУ в Нью-Йорке, установил, что три года назад, когда Молчанов еще был резидентом, резидентура ГРУ в Нью-Йорке насчитывала от 30 до 40 офицеров.

Сейчас Спектр предполагает, что в резидентуре ГРУ в Сан-Франциско должно быть 4–6 офицеров-разведчиков, а в Вашингтоне — от 25 до 30 офицеров.

Поскольку источник данной информации является особо секретным, доступ к ней должен быть строго ограничен.

Комментарии агента Фреда к этим документам:

Я обращаю ваше внимание на следующие важные моменты. Я предполагал, что Спектр по-прежнему находится за границей. Однако более внимательное изучение этого вопроса показало, что сейчас он работает, к моему большому сожалению и досаде, в штаб-квартире ГРУ. Получается, что Спектр непотопляем и тем самым представляет большую опасность для меня.

Надеюсь, что вами будут предприняты максимальные меры предосторожности в работе с моими документальными материалами. Это одна из причин, которая может и должна еще связывать нас. Другая причина, которая тоже может являться одной из главных, — это тот факт, что мне есть еще многое сообщить вам в будущем…

Эти ценные сведения Фреда, переданные из ГРУ в КГБ СССР, послужили основанием для восстановления дела оперативной проверки и перевода его теперь уже в ДОР «Дипломат». Когда материалы агента Фреда и план мероприятий по ДОР доложили генералу армии Георгию Карповичу Циневу, ставшему к тому времени первым заместителем председателя Комитета

госбезопасности, он, прочитав их, с огорчением заметил:

— Оказывается, два года назад я был не прав, давая указание о прекращении проверки генерал-майора Полякова. Я тогда никак не мог поверить, чтобы генерал из разведки, орденоносец Великой Отечественной войны мог стать изменником Родины, врагом своей страны. Некоторые сомнения остаются у меня и сейчас. Чтобы они не оставались, первый отдел вашего управления, Николай Алексеевич, — обратился он к начальнику Третьего главка генерал-лейтенанту Душину, — должен довести это дело до логического конца. Надо разобраться с ним как можно скорее. Ивашутин уже звонил по «вертушке» Виктору Михайловичу[85] и просил ускорить арест предателя. Петра Ивановича можно понять: пока Поляков работает начальником разведывательного факультета, он принесет ему еще много неприятностей. Мне кажется, зря вы пишите в преамбуле плана мероприятий, что после отзыва Полякова из Индии и перевода в ВДА он мог прервать агентурную связь с ЦРУ в Москве. Наоборот, наблюдение за ним ни в коем случае не снимать, и прошу усилить контроль за радиоэфиром. Вчера служба «Р»[86] зафиксировала трехсекундный выход неизвестного лица и с неизвестного места на американское посольство. Я не исключаю, что это мог быть и Поляков.

— Мы обязательно учтем, Георгий Карпович, все ваши рекомендации, — заверил зампреда генерал Душин. — Мы понимаем, что разобраться с таким высокопрофессиональным и опытным разведчиком, сотрудничавшим с американским ЦРУ более двадцати лет, будет нелегко…

— Чтобы облегчить работу, надо вам задействовать разработанную во Втором главке систему контрразведывательных мер по выявлению и разоблачению вражеской агентуры, — прервал его Цинев. — Для этого мы готовы предоставить весь комплекс оперативно-технических средств. Надо было бы и указать это в вашем плане, который я уже подписал. И имейте в виду, вчера, после звонка Ивашутина, Виктор Михайлович предупредил меня, что он через месяц заслушает вас о ходе работы по ДОР «Дипломат». Так что постарайтесь выполнить все позиции плана в обозначенные вам сроки. Разговор будет очень серьезным, у председателя накопилось много вопросов к вам по делу Полякова. Будьте готовы к этому.

— Хорошо, Георгий Карпович. Но нам нужна будет ваша помощь в решении одного щекотливого вопроса…

— Говорите какого?

— До тысяча девятьсот восьмидесятого года ГРУ не информировало нас об имевших место в начале семидесятых

годов массовых провалах в США военных разведчиков-нелегалов, агентов из числа иностранцев и офицеров нью-йоркской резидентуры. Подозревался в этом тогда и Поляков. Была создана в ГРУ комиссия, которая расследовала это ЧП. Однако нас не поставили в известность об этом факте, не ознакомили нас и с выводами комиссии. Скрывался от нас и факт провала разведчицы Троповой, вывод которой за кордон осуществлял Поляков вместе с известным вам агентом ЦРУ подполковником Поповым. Вся вина за ее провал была возложена только на Попова. Поляков же остался вне подозрений. Он продолжал получать руководящие должности в Москве и за границей, дослужился до генерал-майора, в последние годы работы в Индии постоянно поддерживал открытую связь с американскими разведчиками, но никто — ни ПГУ, ни ГРУ — нас об этом не информировал. Вот и теперь, когда наши товарищи начали разрабатывать Полякова, они не могут получить доступ к оперативным материалам ГРУ, связанным с фактами провалов агентуры и утечкой секретной информации, к которой Дипломат тоже имел отношение. А это, как вы сами понимаете, может затруднять нашу разработку объекта…

— Сегодня же я свяжусь с Ивашутиным, и мы решим этот вопрос.

— Спасибо, Георгий Карпович…

* * *

Контрразведчикам Третьего главка для разоблачения американского шпиона практически все было предоставлено, однако оперативная разработка его шла очень медленно и трудно. Проведенные негласные обыски по местам работы и жительства Полякова с целью обнаружения уликовых материалов ничего не дали оперативникам. Не было получено ни одной детали и зацепки, которые могли бы свидетельствовать о сборе и хранении секретных сведений и передаче их противнику, не говоря уже об обнаружении предметов шпионской экипировки. Ничего существенного, оперативно значимого не получила контрразведка и от мероприятия по прослушиванию его телефонных разговоров. Безрезультатным оказалось и проведение постоянного наружного наблюдения. Несмотря на это, руководство управления, посчитав, что досрочный отзыв Полякова не мог не побудить его принять самые серьезные меры обеспечения собственной безопасности вплоть до прекращения связи с ЦРУ и уничтожения средств и документальных

материалов шпионажа, вышло с предложением о возбуждении в отношении него уголовного дела. Но из-за отсутствия прямых доказательств преступной деятельности объекта разработки Следственный отдел не поддержал предложение военной контрразведки. Это обстоятельство сильно огорчило генерал-лейтенанта Душина: «С чем же теперь я пойду на доклад к председателю комитета?» Об этом он сказал по телефону Циневу, перед тем как направиться в приемную Чебрикова. Ответ зампреда не был неожиданным для Душина.

— Указание председателя я не имею права отменять, его надо выполнять. Вам же есть что сказать, что вы так волнуетесь? — успокаивал его Цинев. — Вы получили вспомогательные материалы, характеризующие предателя. Расскажите, что в ГРУ не хотели выносить сор из избы и потому прикрывали свои промахи в работе. Что нашлись покровители в лице главного кадровика, который незаслуженно продвигал его в генералы. Сообщите, что еще во время первой командировки в США Поляков допускал политически неправильные суждения. Я имею в виду совещание в представительстве СССР при ООН, когда он выступил с резкой критикой советской позиции по вопросу разоружения и когда глава советской делегации поставил перед резидентом ГРУ вопрос о доверии Полякову и досрочном его откомандировании в Москву. Но в Центре замяли это. Не сработала тогда и наша нью-йоркская резидентура. Так и скажите об этом председателю! И еще скажите, что отсутствие информации об этом в Третьем главке не позволило вам на ранней стадии выявить гнильцо и подлость этого человека, а в последующем и влиять на принятие решений при рассмотрении вопросов о его назначениях на должности резидентов и военных атташе в капиталистические страны. Вы же докладывали мне обо всем этом! Вот и расскажите все это на заслушивании у председателя! И доложите ему, что успели наработать за три года ваши подчиненные из первого отдела…

— Спасибо, Георгий Карпович, за поддержку. Вы воодушевили меня…

— Да, чуть не забыл, — вспомнил Цинев, — расскажите Виктору Михайловичу и о том, к каким выводам пришла комиссия ГРУ, расследовавшая причины массовых провалов в Америке в семидесятые годы. Что в ходе служебного расследования даже не выдвигалась версия о возможно действующем в центральном аппарате или в нью-йоркской резидентуре агента американских спецслужб. Хотя в те годы от разных источников информации, в том числе и от офицеров ГРУ, поступали сигналы о возможной причастности Полякова к выдаче

противнику не только своих подчиненных, но и разведчиков-нелегалов и их агентов. Я удивляюсь, как можно было членам комиссии списать эти повальные провалы на самих пострадавших, представив их всех неумехами!

— Да, в ГРУ пришли тогда к явно ошибочному выводу, — подтвердил генерал-лейтенант Душин. — В справке комиссии было отмечено, что причинами всех провалов стали ошибки, допущенные при документировании легализации за рубежом, а также нарушения конспирации при осуществлении связи. Ну и, как обычно в подобных случаях, говорилось о слабой подготовке и невысоких личных качествах офицеров и их агентов.

— Одним словом, тогда предателю все сошло с рук, — заключил Цинев. — И поэтому он продолжал еще двадцать лет вредить своей стране и своему народу. Об этом тоже надо сказать на заслушивании…

* * *

На докладе у председателя КГБ СССР о работе Третьего главка по ДОР на «Дипломата» генерал Душин придерживался сценария выступления, подсказанного ему Циневым.

— В процессе первичной проверки Полякова нам не удалось зафиксировать в его поведении каких-либо признаков, свидетельствующих о поддержании им связи с американскими спецслужбами, — заключил Николай Алексеевич, не сводя взгляда с внешне спокойного председателя КГБ.

Но это спокойствие давалось В.М. Чебрикову[87] с большим трудом.

— Все, что доложили вы мне сейчас, это, конечно, интересно, — сказал он, барабаня пальцами по крышке стола и пытливо глядя то на Душина, то на присутствовавшего куратора Третьего главка Цинева. Потом добавил: — Но я не услышал от вас главного: почему ваш первый отдел до сего времени не добыл ни одного доказательства его шпионской деятельности? Сколько лет вы ведете эту разработку?

— Почти четыре года, — тихо ответил Душин.

— Вот это да! — непроизвольно воскликнул Чебриков и, переведя взгляд на своего первого заместителя Цинева, спросил: — Я что-то не могу припомнить, чтобы дела по шпионажу у нас велись четыре года.

Сочувственно посмотрев на поникшего генерала Душина, Цинев решил вступиться за него:

— Позвольте мне, Виктор Михайлович, дать одно небольшое

пояснение?

— Да, пожалуйста.

— В том, что разработка Полякова затянулась, есть и моя вина. Когда из ГРУ поступил сигнал о подозрениях на шпионаж и первый отдел завел на него дело оперативной проверки, я, признаюсь вам, не поверил, чтобы фронтовик, дважды орденоносец да еще и генерал мог стать изменником Родины, ее врагом. Поэтому я и сказал тогда Николаю Алексеевичу: «На кого же мы будем опираться, если начнем подозревать наших генералов?» И попросил тогда прекратить его проверку, а приблизительно через год или полтора в ГРУ поступили от закордонного источника, причем работавшего в самом ФБР, сведения о месте и времени вербовки Полякова, о его командировках в Бирму и Индию и о работе с ним сотрудников ЦРУ. После этого первый отдел возобновил работу по нему. Но время было упущено, и потому разработка его затянулась.

— Но все равно, у вас было еще три года, чтобы реализовать это дело, — обращаясь к начальнику военной контрразведки, раздраженным голосом заговорил председатель КГБ. — Вы и ваш первый отдел, очевидно, забыли о решениях коллегии комитета от тысяча девятьсот шестьдесят третьего и шестьдесят шестого годов, как должны вестись дела оперучета по шпионажу и «Измена Родине в форме бегства за границу». Так вот я напоминаю вам, они должны вестись наступательно, с пресечением на ранней стадии недозволенной деятельности проверяемых лиц. Уже двадцать с лишним лет Поляков успешно работает на противника, а вы позволяете ему еще несколько лет наносить Советскому государству и разведке и без того уже огромный ущерб. Сколько еще он будет нам морочить голову? Неужели оперативный состав вашего первого отдела до сего времени не осознал, что совершаемое Поляковым преступление более опасное, чем предательство Пеньковского? По мнению Петра Ивановича Ивашутина, в истории предательств нет равных Полякову по нанесению вреда нашей стране. Что не позволяет вам изобличить этого неугомонного врага-генерала?

Смутное, досадливое чувство неясности в исходе разоблачения предателя не только волновало начальника военной контрразведки, но и мешало ему сосредоточиться и обдумать, что ответить председателю. Боясь выдать свое волнение и тревожные чувства за последствия[88] такого трудного и тягостного разговора, Душин прокашлялся и, не глядя ни на кого, тихим, еле слышным голосом заговорил:

— То, что я сейчас скажу, прошу не расценивать как оправдание, возможно, неумелых действий в работе по делу

«Дипломат». Поляков является опытным профессионалом-разведчиком, он хорошо осведомлен о методах работы органов госбезопасности. Досрочный отзыв из командировки в Индию побудил его принять серьезные меры личной безопасности вплоть до прекращения шпионской деятельности и уничтожения уликовых материалов.

— На каком основании вы делаете такие заявления? — с нескрываемой угрозой в голосе спросил нахмурившийся Чебриков.

— На том, что мы проводили негласные обыски в его служебном кабинете в Индии и по месту жительства, на даче и в гараже. К сожалению, мы ничего из предметов шпионской экипировки его не обнаружили.

— Плохо, что ничего не обнаружили! Значит, небрежно искали. Рэм Сергеевич Красильников[89] рассказывал мне, что у всех разоблачаемых агентов всегда находили при обысках какие-то уликовые материалы. А тем более у такого долгосрочного агента, как Поляков, которого цэрэушники при каждом его возвращении в Москву из загранкомандировки или при поездке в отпуск обязательно снабжали разной шпионской атрибутикой. Так что наверняка остались где-то далеко спрятанными какие-нибудь улики, о которых он мог давно уже забыть.

— Но наши товарищи из отдела Кудряшова Михаила Петровича делали все возможное, чтобы добыть эти улики…

— Нет, не все, Николай Алексеевич! — прервал Душина председатель КГБ. — Как докладывал мне ранее Георгий Карпович, ваши подчиненные почему-то не удосужились даже провести обыск в частном доме матери Полякова…

Цинев и Душин угрюмо молчали: им нечего было сказать в ответ, потому что упрек Чебрикова был справедлив.

— По самым серьезным делам оперучета вот так вот работать нельзя! Это, конечно, не работа! — не смог скрыть своей досады Чебриков. — Четыре года вы, Николай Алексеевич, вместе со своим Кудряшовым словно в потемках бродили и потому не добыли ни одной улики. Столько времени и оперативных сил потрачено, и все это псу под хвост! — вконец рассердился председатель КГБ. — Вот как это все можно назвать?

Душин бросил на Цинева беспомощно-вопросительный взгляд, хотел что-то сказать, но тот подал ему знак, и он промолчал.

— Ловить рыбу в мутной воде — вот как это можно назвать! — со злостью бросил Виктор Михайлович. — Даю вам на продолжение разработки Полякова еще год. Этого времени вполне достаточно, чтобы генерал Кудряшов и его первый отдел

могли показать себя. Пока же они не показали свои когти этому подлому Дипломату. А чтобы он и дальше не наносил своей подрывной деятельностью большой вред… — Чебриков, посмотрев на Цинева, немного помолчал и уже гораздо мягче добавил: — Надо, наверно, порекомендовать Ивашутину, чтобы он освободил Полякова от должности начальника разведывательного факультета академии.

Цинев озабоченно закивал.

— Иначе, — продолжал Виктор Михайлович, — он и впредь будет собирать и накапливать информацию о выпускниках факультета и сдавать их противнику… А потом, чего доброго… — Чебриков горько усмехнулся и флегматично бросил: — Петру Ивановичу и не с кем будет работать. — Затем он посмотрел на часы, потом на начальника военной контрразведки, сказал: — Итак, все теперь будет зависеть от профессионализма ваших подчиненных, Николай Алексеевич. Не мне вам напоминать, как важно и престижно для вашего Третьего управления разоблачить матерого шпиона американской разведки. Все силы и средства вам даны. И, пожалуйста, смелее проводите с взаимодействующими подразделениями комитета острые мероприятия. Без этого вы не сможете добыть ни одного вещественного доказательства. А то, что уликовые материалы у него остались, я еще раз повторяю, у меня нет никаких сомнений. Ищите — и вы найдете их. Если у вас, Николай Алексеевич, нет ко мне вопросов, то на этом мы и закончим…

Вскоре генерал-майор Поляков был выведен в действующий резерв в Институт русского языка имени А.С. Пушкина. Тогда же внешняя разведка КГБ получила от агента Рика[90] достоверные сведения, подтверждающие причастность Полякова к агентуре ЦРУ. В переданном Риком списке завербованных сотрудников советских спецслужб значился и Поляков по кличке «Топхэт». Так постепенно в Третьем главке стали накапливаться материалы, в которых угадывалось змеиное жало предательства генерала ГРУ и мрачный перезвон его «тридцати сребреников».

Новым толчком к активизации работы по изобличению Полякова послужила и информация надежного источника ГРУ, выезжавшего в Италию и сообщившего о том, что неизвестный иностранец, представившийся эмигрантом из России, проявил интерес к судьбе якобы знакомого ему сотрудника Института русского языка имени А.С. Пушкина Дмитрия Федоровича Полякова. Когда об этом было рассказано генералу, то выражение лица его стало чуть ли не испуганным, и он, махнув рукой, бесцеремонно бросил в ответ, что считает все это давней провокацией американцев с целью дискредитации его в глазах

руководства ГРУ и мести за успешную многолетнюю в США его работу против них.

Не исключено, что американские разведчики, действующие под прикрытием сотрудников посольства США в Москве, понимали, что он находится в поле зрения органов КГБ, и потому опасались сами выходить на какую-либо связь с Дипломатом. С целью же выяснения его положения американцы пытались использовать других лиц из числа иностранцев, как, например, военного атташе Бирмы в Москве, который знал его по работе в Рангуне.

Однако давно уже догадавшийся о проявляемом к нему интересе со стороны контрразведки Поляков стал избегать контактов с какими бы то ни было иностранцами. В Институте русского языка имени А.С. Пушкина, куда они часто наведывались, он под различными предлогами избегал встреч с ними, вплоть до невыхода на работу. А при посещении выставки «Международная книга» поспешил даже покинуть зал, когда узнал, что на выставке присутствуют американцы.

Делая все, чтобы оградить себя от случайных встреч с ними, он сознательно подал рапорт об увольнении из ГРУ и решил жить на даче в районе поселка Челюскинский. Там же, по Ярославскому шоссе, в двух с половиной километрах находились дачи сотрудников американского посольства. Поэтому работа по Дипломату стала вестись во взаимодействии с разработкой посольской резидентуры ЦРУ. Вскоре было установлено несколько случаев, когда по времени маршруты Дипломата и американских разведчиков при следовании на дачу пересекались. Однако из-за отсутствия данных о непрерывном передвижении американских разведчиков зафиксировать возможно состоявшиеся контакты их с Дипломатом не удавалось.

Таким образом, реализация ДОР путем возбуждения уголовного дела в обозначенный председателем КГБ срок срывалась. Тогда его первый заместитель генерал армии Цинев дал указание направить материалы разработки в Следственный отдел комитета на заключение. Там после тщательного их изучения и анализа снова отказали в возбуждении уголовного дела за отсутствием каких-либо улик «по шпионажу». Но продолжать разработку и дальше — после пяти лет ее проведения — было уже невозможно, но невозможно было и позволять шпиону вредить родной стране! Несмотря на то что военная контрразведка настаивала на возбуждении дела по статье 64 пункт «а» УК РСФСР, следователи решились использовать другой серьезный компромат: при проведении негласного мероприятия в квартире Полякова был обнаружен пригодный к стрельбе

девятизарядный револьвер иностранного производства и боеприпасы к нему. А это указывало на состав преступления, предусмотренного статьей 78 УК — «Незаконное хранение огнестрельного оружия и боеприпасов».

Так с санкции руководства КГБ СССР было принято решение возбудить в отношении Полякова уголовное дело и подвергнуть его аресту…

* * *

В июне 1986 года Поляков заметил в квартире скол керамической плитки на кухне. Будучи опытным разведчиком, он обследовал место скола с образовавшимся там отверстием и сразу понял: контрразведка внедрила подслушивающую технику.

Это повергло его в настоящую панику: он заподозрил, что в квартире могли побывать кагэбэшники, и сразу же приступил к проверке: все ли осталось на месте? Как правило, он всегда запоминал, где и на каком месте находились его личные вещи: ручки, карандаши, ластик и ежедневник с номерами телефонов. Затем заглянул в письменный стол — иностранная валюта и брелок от ключей с вшитой в кожаную подложку инструкцией по связи с американской разведкой были на месте. Потом подошел к книжным полкам и первым делом взял с одной из них «Энциклопедию рыболова», в которую были закамуфлированы тайнописные копирки и письма-прикрытия. Убедившись, что к книге тоже не прикасались, он поставил ее обратно на полку. Просмотрел «Справочник по перезарядке боеприпасов к стрелковому оружию», в котором находились две тайнописные копирки и выписка из инструкции по восстановлению связи с посольской резидентурой ЦРУ в Москве. Удостоверившись в том, что все лежит на своих местах и ничего не сдвинуто, Поляков оставил все, как было.

После этого ему стало казаться, что он попал в невидимое кольцо, которое постоянно сжимается. Чтобы вытеснить из головы возникавшие малодушные мысли, он вышел на прогулку по Арбату. Через несколько минут ему показалось, что кто-то следит за ним, следит и будто усмехается, уверенный в своей силе и власти. Давящее чувство тревоги снова не давало ему покоя, в конце концов он оглянулся и, увидев перед собой метрах в семи-восьми двух прилично одетых молодых мужчин, развернулся и пошел им навстречу. Поняв, что это кагэбэшные «топтуны», он, миновав их, не оглядываясь, направился к своему дому. Почти физически продолжая ощущать за собой «наружку», а

она и в самом деле не упускала его из виду, он действовал инстинктивно как опытный разведчик: шел, не оглядываясь и не поворачивая головы вправо или влево. «Главное, не нервничать и не дать повода «топтунам» заподозрить, что я расколол их», — подумал он, подходя к дому.

Дома у него появилась возможность проанализировать все и выстроить мысли в отношении своего возможного провала, но у него ничего не получалось. Инстинкт самосохранения подсказывал Полякову, что опасность совсем близка, она ходит где-то рядом и в любую минуту может постучаться в дверь. Не дожидаясь этого, он на другой день вышел опять на Арбат и попросил цыганку погадать. Та предсказала ему дорогу в пропасть и недолгую жизнь. И как назло, в тот же день и час по возвращении домой дорогу ему перебежала черная кошка. С того момента жизнь пошла у него устрашающе холодной и горькой. «Все, Дмитрий Федорович[91], кончилось твое везение, — сказал он самому себе. — Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал. Не удалось тебе прожить в последнее время скрытной кротиной жизнью. Слишком уж много ты предал хороших людей. А теперь вот будь готов к расплате. А все это из-за того, что не на тот алтарь ты положил свои способности. Что ж, с этим обстоятельством надо тебе считаться, как человек считается с тем, что он болен смертельным недугом…»

С того дня спокойствие окончательно покинуло его, кажущиеся равновесие и опора под ногами стали шаткими, как у канатоходца. Угроза ареста безжалостной глыбой стала с каждым днем наваливаться все больше и больше. Куда бы ни шел теперь Поляков, ему казалось, что все сотрудники наружного наблюдения КГБ заняты слежкой только за ним одним. Такое чувство часто посещает подобных Полякову людей в его положении. Особенно тех, кто хоть раз замечал за собой «наружку». Ничего не поделаешь, в природе человека есть что-то неосязаемое и неуловимое, которое долетает до органов чувств и предупреждает его о серьезной опасности.

Лишившись всех точек опоры в жизни, он все больше осознавал всю зыбкость и ненадежность своей жизни. «Какой же я дурак был тогда, в Дели, когда Вольдемар Скотцко предлагал мне остаться в Индии!» — казнил он себя теперь по истечении семи лет. И хотя он понимал, что шансы уцелеть уже ничтожны, его по-прежнему волновало только одно — как бы сохранить свою жизнь. «Предсказания цыганки, недобрые приметы, связанные с черной кошкой, — все это предвещает серьезную угрозу», — паниковал Поляков. Он чувствовал уже, что его арест — это вопрос времени. «С ума можно сойти от всего этого», — подумал

он и, взяв из холодильника бутылку водки, лихорадочно начал пить одну рюмку за другой. Да и ночью не в силах заснуть, он пил рюмку за рюмкой, пытаясь выдавить из души навалившийся ужас страха перед арестом. Изнуренный темными мыслями о возможном расстреле и угнетающими переживаниями в связи с этим, он только под утро забылся трудным хмельным сном. И снились ему крысы, которые шныряли вокруг него, а он постоянно отстреливался. Когда, наконец, они все куда-то разбежались и попрятались, то одна с почти оторванной головой осталась сидеть в углу. Мертвенные, немигающие глаза ее уставились на него. И тут он очнулся, лицо его было искажено диким страхом. Ему стало не по себе: сердце сильно ухало, на душе было тоже погано, и какой-то мучительный кавардак царствовал в голове.

Полдня он не находил себе места от убеждения, что вот-вот с ним произойдет что-то ужасное, потом от тоски по прошлому и от жалости к себе. Не выдержав состояния крайнего беспокойства и тревоги, он сел в машину и в попытке уйти от черных мыслей укатил на дачу. Но и там беспрестанный страх продолжал изводить Полякова в течение всех последующих дней. Каждое утро он просыпался с одной только мыслью, что именно в этот день его, наверно, арестуют. Понимая, что проводить изо дня в день время в ожидании ареста просто невыносимо, он решил вернуться в Москву. В тот же день, вечером, ему позвонил генерал Хоменко и сообщил, что 7 июля в Военно-дипломатической академии состоится встреча с ветеранами ГРУ. А на другой день в его квартире опять раздался телефонный звонок.

— Приветствую тебя, Дмитрий Федорович! — раздалось в трубке.

Поляков по голосу сразу узнал начальника академии генерал-полковника Мещерякова.

— Здравия желаю, товарищ генерал-полковник! — радостно воскликнул Поляков.

— А ты почему не на даче в такое прекрасное время года?

— Да я только вчера приехал оттуда. Хоменко сообщил мне, что седьмого июля, в понедельник, состоится встреча с ветеранами разведки. Вот я «прискакал» в надежде на то, что, быть может, и меня пригласят на нее.

— Вот поэтому я и звоню, чтобы пригласить тебя на эту встречу, — подхватил начальник академии. — Она действительно состоится седьмого июля в пять часов вечера. Мы предлагаем тебе, как самому опытному ветерану в делах разведки в «поле», выступить на этом вечере.

— Спасибо за доверие, товарищ генерал-полковник. А о чем я

должен там говорить? — поинтересовался Поляков.

— Об укреплении славных боевых традиций в военной разведке. Подъезжай-ка на полчасика пораньше, чтобы мы могли с тобой все скорректировать…

— О'кей! Я обязательно приеду.

— Тогда до встречи в понедельник…

После этого телефонного звонка Поляков впервые почувствовал, как невидимый пресс, давивший на него в последние два месяца, свалился с души и плеч.

А тем временем в КГБ СССР оперативная группа уточняла последние детали планируемой операции по захвату уникального шпиона-генерала с двадцатипятилетним стажем предательской деятельности. Решено было взять его так, чтобы скрыть арест от американских разведчиков, которые постоянно оберегали его и держали под своим визуальным присмотром. Чтобы все было тихо и незаметно для посторонних, на КПП академии дежурных за час до начало встречи ветеранов подменили сотрудниками группы захвата. Как только Поляков в генеральской форме и при всех своих регалиях вошел в помещение КПП и показал приглашение, миновав «дежурного», сразу оказался в окружении крепких молодых мужчин в гражданской одежде, о профессии которых догадаться было не трудно. Они смотрели на него с нескрываемым презрением.

— Что это все значит? — возмутился Поляков.

— Просим вас, Дмитрий Федорович, пройти с нами в комнату дежурного, — вежливо ответили ему.

Сердце генерала учащенно забилось. «Все, это конец! — пронеслось в его голове. — Лучше бы не приезжал я с дачи!»

Когда вошли все в комнату дежурного по КПП, старший оперативной группы объявил о том, что Поляков подозревается в государственном преступлении.

Слово «государственное преступление» подействовало на него как удар в солнечное сплетение. Голова закружилась, руки и ноги ослабли так, что он перестал их чувствовать. Казалось, что вот-вот он потеряет сознание, и в этот момент голос старшего группы вернул его к реальности:

— Раздевайтесь, пожалуйста, Дмитрий Федорович.

— Я еще раз спрашиваю: что все это значит?

— Сейчас мы доставим вас в Лефортово, и там вам все объяснят. Вопросы еще есть к нам?

— Да, — еле слышно ответил Поляков: чувствовалось, что ему было трудно говорить. — Нельзя ли мне позвонить жене и сообщить ей об аресте?

— Нет! — категорическим тоном отозвался представитель

Комитета госбезопасности.

Глава 7
Протоколы Духанина

Я не думаю, чтобы хоть один русский перешел на сторону противника по идеологическим соображениям…

Ричард Хелмс, директор ЦРУ в 1966–1973 гг.

В Лефортовском следственном изоляторе КГБ СССР у генерала Полякова было много времени подумать, что он натворил за 25 лет сотрудничества с американскими спецслужбами, что могло послужить основанием для ареста, какие уликовые материалы могут быть сейчас в руках органов госбезопасности и как теперь вести себя на допросах. «Если бы КГБ имело что-то серьезное, — размышлял он, — меня бы давно уже арестовали. Причем сделали бы это, как они это умеют, в лучшем виде: высокопрофессионально, организовав задержание с поличным при проведении очередной операции по связи с американской разведкой в Москве. Такая возможность у чекистов была, пусть только теоретически, но она все же существовала вплоть до моего отъезда в конце 1979 года в Индию. И раз уж я туда поехал, значит ни руководство ГРУ, ни КГБ ничего не имели против моей кандидатуры. Что же могло случиться? По приезде в Дели я восстановил связь с американской разведкой и до отъезда в отпуск в Москву с соблюдением всех мер конспирации поддерживал ее с сотрудником ЦРУ Вольдемаром Скотцко.

Все контакты с иностранными дипломатами в полной мере объяснялись исполнением возложенных на меня обязанностей военного атташе, и поэтому ни у кого из окружающих не должно было вызывать подозрений. Такие встречи и уединения с установленными сотрудниками американской разведки легендировались перед Центром осуществляемой оперативной разработкой того или иного дипломата. И это развязывало мне руки и снимало все возможные вопросы со стороны своих сотрудников и резидентуры КГБ. Кроме того, в условиях заграницы эффективность контрразведки и резидентуры КГБ крайне невелика и не представляла собой реальной угрозы в плане выявления негласных и порой далеко не случайных связей советских граждан с сотрудниками иностранных фирм, компаний

или спецслужб. Поэтому с этой стороны каких-либо провалов также не могло быть. Мои неприятности начались весной 1980 года. Наверно, прав был Вольдемар Скотцко, сообщив мне о допущенной ошибке при осуществлении ближней радиосвязи с ЦРУ в Москве, когда я использовал одну и ту же кодировочную группу. Да, радиопередачи могли оказаться уязвимыми для радиоконтрразведки КГБ. Но, по словам американцев, передаваемые в высоком скоростном режиме радиовыстрелы невозможно запеленговать. Таким образом, вероятность провала была близка к нулю.

Но Скотцко от имени ЦРУ повинился передо мной еще и в том, что в США вышла книга их бывшего сотрудника Дэвида Мартина, в которой раскрывался крайне важный для меня эпизод из деятельности американских спецслужб. В нем рассказывалось, что в 1961 году с предложением своих услуг в ФБР обратились сотрудник КГБ и сотрудник ГРУ, работавшие в Нью-Йорке под крышей Постоянного представительства СССР при ООН, которых окрестили Скочем и Бурбоном. В связи с этим Вольдемар не случайно стал успокаивать меня, говоря, что под сотрудником ГРУ имелся в виду не я, а техник резидентуры Чернов. Этот эпизод, конечно, не может не порождать некоторое беспокойство. Но даже при учете знания об этой публикации невозможно идентифицировать личности Скоча и Бурбона, о которых шла речь в книге.

Что же вызвало этот надуманный предлог моего отвода от продолжения командировки в Индию, последующее отстранение от оперативной работы, перевод на участок, не связанный с секретами, а затем и увольнение в запас якобы по состоянию здоровья? Даже ежу понятно, что такой прессинг был далеко не случаен. О многом говорят и такие факты, как плохо залегендированная обоснованность таможенного досмотра моих личных вещей, периодическое появление «хвоста», обнаружение в квартире техники слухового контроля. К тому же не случайно и то, что многие офицеры стали тогда относиться ко мне настороженно, а генерал Хоменко даже предупредил о возникших у руководства военной разведки подозрениях в моем сотрудничестве с американцами.

Так что же все-таки явилось основой таких подозрений? Во всяком случае, не то, о чем я был предупрежден Вольдемаром. А может, никто и не закладывал меня?.. Если этого не было, значит, было что-то другое, за что могла зацепиться контрразведка КГБ. А чтобы проверить возникшие у нее подозрения, меня во второй раз направили в ту же Индию. Потом, когда что-то выяснили, выдернули под надуманным предлогом обратно. Но что они

могли выяснить?.. Какие у них могут быть доказательства моей причастности к шпионажу? Да никаких! А то, что мне вменяют статью за незаконный ввоз и хранение оружия, это все ерунда… И все же все слишком серьезно… Да и КГБ — это не та организация, чтобы играть в бирюльки. И дальнейшее отрицание всего и вся теперь уже ни к чему хорошему не приведет. То, от чего я ускользал в течение 25 лет, случилось. И, исходя из этого, надо, наверно, в самом общем виде признаться в предательстве, назвать фамилии отдельных официальных лиц из числа иностранцев, с которыми общался по службе и сообщал о них в отчетах в Центр. Но при этом я не должен давать следователям ни одной зацепки, которую можно было бы проверить и материализовать в вещественное доказательство. Во что бы то ни стало надо перехитрить их и выведать, чем они располагают на меня…»

Поляков метался в поисках выбора линии поведения на предстоящих допросах, но, объективно оценивая сложившееся положение, прекрасно понимал, что шансов на реабилитацию у него уже нет. К тому времени он настолько устал от двойной жизни, был настолько измотан морально и физически, что еще до ареста стал терять былую уверенность в благополучном исходе своего сотрудничества с американцами. Да и в самом начале, когда решился пойти к американцам на вербовку, он не обманывался относительно того, что его ожидает в случае разоблачения. В том, что в качестве меры наказания за предательство будет смертная казнь, он не сомневался тогда и внутренне был готов к этому. Мысль о смерти не возбуждала у него страха, а вызывала только брезгливое чувство, как момент падения в глубокую яму с дерьмом.

О смертной казни он думал теперь как о наиболее благоприятном для него исходе, поскольку предательством сам разрушил жизнь не только свою, но и детей и внуков, покрыл свое имя позором и сделал всех членов семьи изгоями общества. Нельзя забывать, что все это происходило в те времена, когда социалистическая мораль, вопросы чести, верности и долга не были пустым звуком. Смерть, хоть она и не решала всех его проблем, оставалась единственным и наилучшим выходом из создавшегося положения — «мертвые срама не имут». Все дни после ареста были у него наполнены ощущением засасывания тела какой-то липкой и удушливо-пахучей средой.

Пока же оставаясь живым, он каждый день умирал от сознания происходящего и мук, причиненных своим близким. Самое страшное было в том, что состоявшийся арест — это была катастрофа для его семьи, которую он любил и пытался оберегать все годы. Своей жизни он давно не придавал особого значения. И

все же где-то далеко в тайниках сердца у него теплилась надежда, что, может быть, все обойдется и без смертной казни: «Ведь я не какой-то там перебежчик капитан Резун, и не какая-то мелкота вроде лейтенанта Сорокина и майора Чеботарева, они были тоже из ГРУ. Я все же генерал, бывший резидент и военный атташе при посольствах СССР в Индии и Бирме. Таких людей, как правило, увольняли со службы или заключали в тюрьму, оставляя им жизнь».

Размышляя так, генерал Поляков пришел к выводу, что не следует все же давать правдивые показания, но и нагло лгать и изворачиваться не надо. «Я должен преподносить себя как преданного делу партии и правительства человека, ратующего за справедливость и приверженность социал-демократическим принципам. Буду доказывать следователю, а потом и суду, что я не враг России, а патриот, который все годы пребывания за рубежом отстаивал ее интересы. Я должен выдавать себя за борца с тоталитаризмом и хрущевщиной, доказывать, что я такой же демократ, как и генсек Горбачев, и, таким образом, направить следственный процесс в политическое русло…»

Допрос арестованного генерала Полякова начал вести один из опытнейших следователей, профессионал высшей категории, имевший уже множество раскрытых преступлений и награжденный двумя орденами Красной Звезды, заместитель начальника второго отдела Следственного управления КГБ СССР полковник Жучков Анатолий Гаврилович. В первый же день допросов Поляков стал придерживаться заранее избранной им тактики поведения: он признался в предъявленном обвинении в самом общем виде. Следствию нужно было его признание, и оно получило его. «А дальше, — решил генерал, — пусть следователь подкрепляет предъявленное обвинение имеющимися в его распоряжении фактами и доказательствами. И тогда настанет «момент истины» и выяснится, чем же в действительности располагает следствие». Поэтому Поляков и заявил о своей готовности к сотрудничеству в рамках обвинения по статье 218 УК РСФСР. Тем самым Поляков посчитал, что это позволит ему еще раз внимательно обдумать складывающуюся ситуацию, выработать тактику поведения и обстоятельно сформулировать свои показания.

Так начался поединок, который по напряженности и степени значимости был сродни шахматной партии высочайшего уровня. В дебюте обе стороны отмобилизовывали свои силы и осуществляли маневрирование, готовясь к непосредственному столкновению в надежде найти уязвимые места в защитном построении противника.

На четвертый день допросов полковник Жучков, за которым продолжали оставаться прямые обязанности по контролю работы следователей его отдела, поставил перед руководством управления вопрос об отстранении его от дальнейшего следствия по делу Полякова. Это было связано с тем обстоятельством, что разоблачение такого матерого шпиона, установление мотивов его предательства и определение объема выданных им сведений требовало много времени и выдвигало на первый план нерешенную за истекшие шесть лет разработки Дипломата задачу по получению изобличающих его доказательств. Их отсутствие не только не способствовало формированию внутреннего убеждения у следователя, но и грозило свести на нет все предпринимаемые усилия по разоблачению шпиона. Опереться же следствию в этой ситуации было не на что, и поэтому вся работа должна была начинаться с чистого листа, на страх и риск следователя. Контрразведка же в лице Третьего главного управления добилась лишь одного — возбуждения на основе ДОР уголовного дела. Проблемы, трудности и ответственность за исход были переложены на плечи следствия.

К сожалению, в то время в Следственном управлении не занятых расследованием уголовных дел сотрудников требуемой квалификации не оказалось. Это объяснялось тем, что в тот период многие ветераны уходили на пенсию, а им на смену пришла неопытная молодежь. Не хватало людей и для подготовки новых высокопрофессиональных кадров. Да еще, как на грех, именно в тот период контрразведка органов госбезопасности выявила много агентов иностранных спецслужб из числа советских граждан. Поэтому и не хватало следователей. Для более ускоренного получения доказательств шпионской деятельности по расследуемым делам, конечно, не помешали бы аналитические материалы о разведках ведущих капиталистических стран, об использовании ими форм и методов вербовки и поддержания связи, а также о допущенных типичных ошибках при выявлении и разработке вражеской агентуры. Но их в то время не было. Отсутствие же в структуре КГБ единого аналитического центра о деятельности иностранных разведок отрицательно сказывалось и на сроках, и на результатах следственной работы в целом.

Ранее полученные материалы оперативных и следственных подразделений по делам об измене Родине в форме шпионажа в отношении майора ГРУ Филатова, оперуполномоченного КГБ Армянской ССР прапорщика Григоряна, третьего секретаря посольства СССР в Колумбии Огородника, сотрудника Управления «Т» ПГУ КГБ СССР подполковника Ветрова, офицера

ГРУ старшего лейтенанта Иванова и научного сотрудника НИИ Госкомитета по гидрометеорологии Павлова хранились мертвым грузом в архивах разных оперативных подразделений, которые, как «собака на сене», держали его под спудом. Не находили применения эти материалы и в учебном процессе Высшей школы КГБ СССР имени Дзержинского, где в течение многих десятилетий подготовка будущих контрразведчиков и следователей осуществлялась только на уголовном деле Пеньковского.

Обращение же к материалам других уголовных дел препятствовалось руководством оперативных подразделений под предлогом необходимости соблюдения норм секретности, а фактически за ними скрывались тогда ошибки и недочеты самой контрразведки. Нарастающее количество уголовных дел на «кротов» и перебежчиков, таких как Постоянный представитель СССР при ООН — заместитель Генерального секретаря ООН Шевченко, сотрудник резидентуры ГРУ в Греции подполковник Бохан, старший научный сотрудник Института истории АН СССР Глаголев, сотрудник резидентуры ГРУ в Женеве майор Резун (ныне известный под литературным псевдонимом Суворов), начальник отделения 8-го Главного управления КГБ майор Шеймов, сотрудник резидентуры ПГУ КГБ в Тегеране майор Кузичкин, заместитель резидента ПГУ КГБ в Марокко Богатый и другие, мало что могло дать в плане подготовки кадров для контрразведки и следственных подразделений. Поэтому приходилось основываться главным образом на выводах ведомственных служебных расследований. Учитывая все эти обстоятельства, полковник Жучков предложил начальнику отдела Кузьмичеву Виктору Михайловичу[92] и заместителю начальника Следственного управления генерал-майору Загвоздину Александру Васильевичу[93] доверить дальнейшее ведение следствия по делу Полякова подполковнику Духанину[94].

— Я уверяю вас, что только Духанин сумеет переиграть Полякова и получить от него данные, где нам надо искать уликовые материалы. Вы же помните, как он блестяще зарекомендовал себя по делу на сотрудника Управления «К» ПГУ подполковника Полещука.

На раскрасневшемся от июльской жары лице Загвоздина мелькнула одобрительная улыбка: он хорошо знал следователя Духанина и был доволен подсказанным вариантом решения проблемы.

— Но он же в отпуске, — заметил вдруг начальник отдела.

— Других свободных и опытных следователей у нас нет, — парировал Жучков. — Надо отзывать его из отпуска. Александр

Сергеевич, как никто другой, умеет докапываться до истины, отделяя ложь и вымысел.

Кузьмичев согласно кивнул и, сделав небольшую паузу, сказал:

— Да, он имеет солидный опыт расследования дел, дорога изобличений ему хорошо знакома, но как он отнесется к тому, если мы прервем ему отпуск, которого он ждал два года?

— Да не будет он, Виктор Михайлович, возражать. Работа по делу о шпионаже, да еще и на генерала из военной разведки — это же неплохая компенсация для следователя-профессионала за недогулянный отпуск.

— А где находится Александр Сергеевич? — поинтересовался генерал Загвоздин. — Он в санатории или здесь, в Москве?

— Вчера я наводил о нем справки. Он сейчас в Москве, — ответил Жучков. — Два дня назад вернулся с Урала, с отдыха в родных местах.

Генерал бросил вопросительный взгляд на начальника отдела Кузьмичева.

— Ну что, Виктор Михайлович, будем отзывать его из отпуска?

— Да, товарищ генерал.

— Тогда переговорите с ним сначала сами по этому вопросу. Если же он не захочет прерывать отпуск, в таком случае я подключусь к беседе с ним…

* * *

Уговаривать и убеждать подполковника юстиции Духанина в необходимости досрочного выхода на работу не пришлось. Жучков передал ему все материалы уголовного дела, протоколы четырехдневных допросов и предупредил о том, что для изучения их ему отводится только пять дней.

Через неделю Духанин доложил начальнику отдела в присутствии Жучкова о своей готовности приступить к допросам арестованного генерала.

Кузьмичев мягко улыбнулся и спросил:

— Так как, Александр Сергеевич, хорошее дельце мы подкинули тебе?

— Да это не дельце, Виктор Михайлович, а самая настоящая непаханая целина, да еще и без межевых столбов. Ни одного доказательства о шпионской деятельности, кроме самых общих признательных показаний, полученных, — Духанин перевел взгляд на Жучкова, — благодаря мастерству Анатолия

Гавриловича.

— С твоей оценкой допроса Дипломата согласен. Я знакомился с делом на него и должен сказать: оно действительно очень сложное для получения доказательств. Поляков — тертый калач, он почти сорок лет работал в военной разведке и потому попытается направить следователя по ложному пути, чтобы, а это главное, уйти от наказания. Поэтому для расследования и разоблачения Дипломата, как ты сам понимаешь, требуется человек особый, можно сказать «штучный», практиковавшийся уже на делах с окраской «Измена Родине в форме шпионажа». Вот поэтому мы и остановились на твоей кандидатуре.

Поработать по такому многосложному делу, как «Дипломат», Духанин очень хотел. После разоблачения шпионов Полещука и Вареника ему представилась редкая возможность проверить себя еще раз, но теперь уже на самом уникальном из всех шпионских дел за всю историю отечественной контрразведки. С благодарностью глядя на начальника отдела за оказанное доверие и предоставленную возможность внести вклад в дело защиты государственной безопасности страны, Духанин хотел сказать и о том, что не пожалеет ничего для решения поставленной задачи, но произнес совсем другое:

— А вы уверены, Виктор Михайлович, что я смогу вытянуть это дело?

Начальник отдела, посмотрев на него уверительным и твердым взглядом, сказал:

— Я нисколько не сомневаюсь в этом и полагаюсь только на твой профессионализм. А мы с Анатолием Гавриловичем, — Кузьмичев подмигнул своему заму, — вмешиваться в процесс следствия не будем. Имей в виду, что «грушники», как они сами говорят, подозревали его на протяжении двадцати лет, а наши оперативники из Третьего главка — только последние шесть лет. Однако ни те, ни другие так и не смогли добыть ни прямых, ни косвенных доказательств его предательства. А это о чем может свидетельствовать? Только о его исключительно высоком профессионализме. Поэтому, Александр Сергеевич, надо построить допрос так, чтобы он сам начал раскрывать, что и где из шпионских аксессуаров хранил у себя дома и у матери, что прятал в гараже и на даче. В определенные моменты он мог, конечно, и уничтожить многое, но мог что-то и спрятать куда подальше. Я почему-то уверен, что он уже забыл, где что прятал. Жаль, что оперативники из Третьего главка упустили в свое время возможность провести тщательный негласный обыск в его квартире и других местах. И только из-за того, что мы не имели вещественных доказательств по шпионажу, вынуждены были

возбудить уголовное дело не по шестьдесят четвертой — «Измена Родине в форме шпионажа», а по двести восемнадцатой статье УК РСФСР. Повторяю, что получить доказательства о преступной связи Полякова с ЦРУ будет сложно, если вообще это возможно.

— Да, я понимаю, — вяло проговорил Духанин, — но отступать нам некуда, раз возбудили уже уголовное дело…

— Да, это так, — согласился Кузьмичев, — надо, Александр Сергеевич, проявить себя на допросе Полякова так же виртуозно, как это было при расследовании двух предыдущих дел — на Вареника и Полещука.

— Но, чтобы мне сработать так же результативно, обязательно потребуется помощь следственной группы из хороших ребят.

Уставившись на Духанина долгим взглядом, начальник отдела безрадостно сообщил:

— Вся беда в том, что нет у нас свободных следователей, все заняты в работе по конкретным делам. И потом для тебя сейчас, — бодро продолжил Кузьмичев, — важнее всего установить вначале психологический контакт с Поляковым, создать нормальную, рабочую обстановку, не забывая о том, что хозяином положения, главным действующим лицом в ходе следствия должен стать ты. От твоего интеллекта и культурного уровня, степени профессиональной и специальной подготовки и некоторых других личных качеств будет зависеть очень многое. От уверенности в поведении и безошибочности в словах и действиях будет зависеть сохранность твоего статуса — хозяина положения — в течение всего периода следствия. В ином случае рассчитывать на получение от него правдивых показаний и установление истины не придется. Все должно выглядеть естественно, каждое слово надо взвешивать, чтобы не вызвать у Полякова каких-либо подозрений или сомнений в том, что мы не располагаем доказательствами его шпионской деятельности. Он ведь не простой человек, а разведчик, генерал с огромным жизненным и практическим опытом. Поэтому тебе надо твердо верить в то, что будешь говорить, а иначе он быстро разберется в происходящем. Ты должен разобраться в обстановке быстрее его.

А то, что Анатолий Гаврилович, — Кузьмичев перевел взгляд на Жучкова, — получил первичные признания допрашиваемого о своем сотрудничестве с американскими дипломатами, это еще ни о чем не говорит. Всем нам хорошо известно дело сотрудника Управления «К» ПГУ подполковника Полещука, который в ходе расследования сменил девять версий своего предательства и условий поддержания конспиративной связи с ЦРУ. Каждое его признание было ловушкой для следователя. Этим приемом

подследственные иногда умело пользуются. Нам известны случаи, когда следователь, получив первые признательные показания допрашиваемого, упивался успехом, ограничивался этим и сворачивал дальнейшее расследование, не удосужившись закрепить показания какими-то уликами. Зачем, мол, тратить время и силы, если человек уже признался. А в суде потом подсудимый отказывался от данных им на следствии показаний, и дело таким образом «трещало по всем швам». Кстати, и расследование дела на Полещука, не подкрепленное доказательствами, на начальном этапе превратилось в кошмар для следователей. Мало того, Главный военный прокурор, генерал-полковник Горный заявил руководству КГБ, что если по истечении двух месяцев ничего из уликовых материалов не будет добыто против Полещука, то его придется освобождать из-под стражи, дело прекращать, а сотрудников КГБ наказывать. Дело передали в наш отдел, поменяв следователей, которых к тому времени он довел до ручки своим лживо-наглым поведением. И только благодаря твоему умению оно сдвинулось с мертвой точки. Высокопрофессионально в той ситуации сработали и сотрудники оперативного седьмого отдела Следственного управления майор Можгинский и подполковник Гуржос, им удалось тогда получить ценное вещественное доказательство — очешник с закамуфлированным в нем планом восстановления связи с ЦРУ на случай невозвращения за границу из отпуска. Отступать Полещуку стало некуда, и он дал признательные показания. Но они, как ты помнишь, ничего не значили для нас, так как Полещук не раз их корректировал, да и большая часть откорректированных показаний оказалась неправдой. И так продолжалось до тех пор, пока ты не припер его к стенке. Я уверен, что Поляков будет зондировать осведомленность следствия по всему кругу вопросов, а это уже очень серьезно. Если он поймет, что к чему, что состав преступления тянет только на двести восемнадцатую статью Уголовного кодекса, а это пока единственный наш козырь, то для него это будет крупный успех. Допустить такого мы не должны. Итак, Александр Сергеевич, вся надежда теперь только на тебя.

Духанин сидел молча, погрузившись в размышления. Не выдержав долгой паузы, начальник отдела спросил:

— Ты о чем задумался, Александр Сергеевич?

— О том, как можно добраться до сути, до статьи шестьдесят четыре. И о том, что мне придется, как и в случае с Полещуком, опять применять новые методики, чтобы многое узнать: его характер и повадки, связи и контакты. И исследовать опять как под микроскопом всю его жизнь и служебную деятельность, в том

числе и в загранкомандировках. По ходу следствия будет возникать много сомнений, противоречий и дополнительных вопросов, выяснять которые придется по всем местам его служебной деятельности…

Начальник отдела, поняв намек на необходимость дополнительной помощи, взмахнув рукой, остановил Духанина.

— Сколько человек потребуется для создания оперативно-следственной группы?

— По моим прикидкам, не меньше семи.

Кузьмичев вопросительно посмотрел на своего заместителя.

— Где будем искать их, Анатолий Гаврилович? По должности они должны быть не ниже старших следователей. Расследование дела Полякова — очень серьезное и ответственное. Оно на контроле на самом «верху». — Начальник отдела указал пальцем в потолок.

Полковник Жучков задумался на несколько секунд, потом сказал:

— Где-то, через четыре дня, должен освободиться от допросов Алексей Посевин, а через неделю и Сергей Шубин. Все остальные работают по конкретным делам. Снимать людей с этих дел мы не можем.

— Что же делать? — тяжело вздохнул Кузьмичев, глядя в окно.

— А может, стоит прикомандировать в Центр толковых следователей из периферийных органов КГБ? — подсказал Духанин.

Начальник отдела мгновенно перевел взгляд на него и одобрительно воскликнул:

— О, это хорошая мысль! Пожалуй, только таким образом мы можем выйти из затруднительного положения. Я попрошу тебя, Александр Сергеевич, подготовить сегодня же докладную записку за моей подписью на имя генерала Волкова[95] с обоснованием необходимости создания оперативно-следственной группы из семи человек и прикомандировании пяти старших следователей из периферийных органов. Из каких именно, мы потом определимся. Полагаю, что Волков и Загвоздин с нашим предложением согласятся.

— Вне всякого сомнения, — с легкой заминкой отозвался Жучков.

* * *

С июля 1986 года работу по расследованию шпионской

деятельности Полякова продолжил начальник отделения второго отдела Следственного управления КГБ подполковник юстиции Духанин. По данному делу предстояло проделать огромнейшую работу для разоблачения агента иностранной разведки. В процессе поиска и сбора, исследования и оценки доказательств первым делом требовалось установить наличие состава преступления, предусмотренного статьей 64 пункта «а» УК РСФСР. Опереться следователю в этой ситуации было не на что, и вся его работа должна была осуществляться на свой страх и риск. Военная же контрразведка, не достигнув ничего — а это тоже результат, которым редко кто из разработчиков дел по шпионажу мог «похвастать», — добилась только возбуждения уголовного дела. Таким образом, все проблемы, трудности и ответственность за исход реализации дела оперативной разработки были переложены на плечи следователя Духанина. При этом руководство Комитета госбезопасности осознанно пошло на этот шаг, понимая, что другого выхода из создавшегося положения не остается…

Приступая к расследованию архисложного дела на Дипломата, Духанин знал, что следствие — это наука точная, как математика, не допускающая вольных толкований и рассуждений, когда речь идет о виновности или невиновности конкретного лица, обвиняемого по расстрельной статье «Измена Родине в форме шпионажа», когда ответственность следователя возрастает во сто крат. Осознавая все это, Духанин не без волнения готовился к допросу генерала ГРУ, мысленно неоднократно представлял их первую встречу, знакомство и установление отношений. Понимал он и то, что, в отличие от своего визави, не имеет права даже на малейшую ошибку. Слишком высока была ставка в игре умов между ним и генералом — разведчиком ГРУ — агентом ЦРУ.

Тем временем Поляков, предупрежденный Жучковым о том, что работу с ним продолжит другой следователь, тоже начал прокручивать в голове процесс предстоящих допросов. Он ставил перед собой все возможные и невозможные вопросы, готовил на них ответы и каждый день с тайным опасением ожидал встречи с новым следователем. Больше всего Полякова пугало то, что следователь может задать вопросы, к которым он не подготовлен, что он при этом не сумеет вывернуться и тем самым усугубит свое шаткое положение, а главное — может возникнуть между ними пропасть недоверия и подозрительности. Но как только его ввели в кабинет следователя, который первым поприветствовал его, все представления и размышления о предстоящем, возможно, жестком и предвзятом ведении допроса у него исчезли. Из-за

стола вышел одетый в светлый костюм и белую рубашку со светло-синим галстуком высокий, спортивного сложения, сравнительно молодой еще человек. На его дружелюбном лице играла мягкая приятная улыбка, что свидетельствовало, как показалось Полякову, о том что хозяин кабинета был приветливым, добрым человеком, что он был доволен этой встречей с ним или, по крайней мере, делал вид, что доволен.

Стоявший перед Духаниным подследственный вызвал у него противоречивое впечатление: черты лица казались мягкими, намекали на добродушие, но в звонком, отрывистом тембре голоса и остром, настороженном взгляде проницательных глаз чувствовалось пренебрежение к людям и привычка командовать ими.

— Присаживайтесь, пожалуйста, Дмитрий Федорович, — уважительно произнес следователь, указывая на стул с рядом стоявшей тумбочкой. — Меня вы можете называть Александром Сергеевичем. — Затем он повернулся к конвойным и, расписавшись, как положено, на талоне о доставке арестованного, попросил оставить их одних.

Когда дверь за конвойными закрылась, Духанин вытащил из ящика стола распечатанную пачку сигарет, зажигалку и предложил Полякову закурить.

— Спасибо, но я не курю.

— И давно вы бросили?

— Собственно говоря, я никогда не курил.

Закурив, Духанин с иронией обронил:

— Это, конечно, хорошо. Тем самым вы, Дмитрий Федорович, надолго сохраните себе здоровье и продлите жизнь.

Сказанные с первых минут встречи такие обычные слова следователя тронули генерала Полякова, и он был вынужден признать, что напрасно настраивал себя на возможное противостояние, что пока его визави не вызывает никакого опасения и раздражения. И потому с едва заметной лукавой улыбкой парировал:

— Да разве придется мне теперь пожить?

— Все будет зависеть только от вас, Дмитрий Федорович, — уважительно ответил Александр Сергеевич, продолжая демонстрировать удивительное для Полякова проявление спокойствия и такта.

В таком ключе Духанин всегда строил свою работу с подследственными. И не только он: таковы были требования, предъявляемые законом и руководством Комитета госбезопасности к своим сотрудникам. Со временем это стало «фирменной маркой» КГБ, хотя в памяти людей запечатлелись

страницы страшных воспоминаний о репрессиях, и каждый переступавший порог Следственного управления внутренне содрогался и невольно подпадал под сохранявшийся в сознании людей психологический пресс. Иногда это даже упрощало и облегчало решение задачи по установлению истины. Поэтому Духанин начал вести допрос так, как будто это не допрос, а, скорее всего, полуофициальная беседа.

— Итак, Дмитрий Федорович, нам придется встречаться в этом кабинете не один раз, — продолжал тактично следователь. — Будем исходить из такого посыла: вы отвечаете на мои вопросы кратко, четко и честно. И если нам удастся с первых минут достигнуть взаимопонимания, то это будет выгодно нам обоим. Отказ же отвечать на какие-то вопросы я буду расценивать как нежелание оказывать содействие следствию.

Духанин сделал небольшую паузу, давая генералу сориентироваться, затем, погасив сигарету, добавил:

— Допрос буду строить только на основе того, что мы уже знаем о вас. Ваше конституционное право отвечать или не отвечать, признавать или не признавать то, о чем я буду спрашивать. Если возникнут разногласия, будем вместе уточнять, с чем вы не согласны. Хочу сразу же предупредить о том, что каждый упоминаемый вами факт или событие будут перепроверяться через оперативников КГБ, в том числе с задействованием имеющейся у нас агентуры из числа сотрудников ЦРУ и ФБР…

Сообщение о наличии в органах КГБ агентов из ЦРУ и ФБР было воспринято Поляковым с заметным для следователя испугом.

— Так как?.. Вы согласны с таким ведением моих допросов?..

Поляков откинулся на спинку стула, задумался на несколько секунд, потом выпрямился, расправил плечи и, посмотрев в глаза следователя, отрывисто ответил:

— Да, согласен.

За этими двумя словами чувствовалась сила его нервного напряжения.

— А чтобы не возникли неясности и лишние вопросы у меня и у вас, вы должны говорить только правду.

Зацепившись за последнюю фразу «говорить только правду», генерал начал вдруг философствовать о правде и о том, что она значила в его жизни. Духанин не стал прерывать излияния экс-разведчика, так как они давали возможность лучше узнать его взгляды, мировоззрение, жизненную позицию, а главное — проникнуть во внутренний мир подследственного. Но когда Поляков стал утверждать, что правда всегда одна-единственная,

то следователь не удержался, чтобы не спросить:

— А в чем же она одна, ваша единственная, правда? Да и какой она может быть, если вы через шестнадцать лет после окончания Великой Отечественной войны начали постоянно обманывать свою семью, свою страну и своих сослуживцев?

Ни один мускул на лице генерала не дрогнул, хотя второй вопрос был для него неприятным уколом и заставил задуматься: «Выходит дело, что комитетчики знают, что я был завербован американцами в шестьдесят первом году… Неужели произошла утечка информации из ЦРУ или ФБР? В КГБ ведь, как сказал только что следователь, есть тоже свои агенты в американских спецслужбах. Так оно и должно быть: обе стороны обязаны знать, что делает или замышляет ее противник. Но кто же мог навести КГБ на меня? Я же не допустил ни одной ошибки! Может быть, Сенькин? Гульев или Абдуллаев, которые недолюбливали меня?.. Нет. Это невероятно, чтобы кто-то из них мог знать о моей вербовке. Тогда откуда же дует ветер? А, впрочем, что гадать, все равно ничего уже не изменить. Позже все выяснится…» И, взглянув на следователя, он совершенно спокойно, уверенным тоном заговорил:

— Моя правда, как я уже сообщил вашему предшественнику Анатолию Гавриловичу, заключается в том, что я поддерживал отношения с американскими коллегами исключительно на официальной основе. Сначала как сотрудник секретариата Военно-штабного комитета при ООН, а затем как военный атташе в Бирме и Индии. Причем встречался с ними только за рубежом и в основном на протокольных мероприятиях, — подчеркнул он. — Но иногда разве что на охоте или на рыбалке… — Он сделал паузу, потом продолжил: — Хочу пояснить, что Военно-штабной комитет был создан в рамках Устава ООН для того, чтобы давать советы и оказывать помощь Совету Безопасности — постоянно действующему органу ООН по всем вопросам, относящимся к военным потребностям в деле поддержания международного мира и безопасности, к использованию войск, предоставленных в его распоряжение, и к командованию ими, а также к регулированию вооружений. СССР, как вы знаете, является постоянным членом Совета Безопасности. И ни для кого не была тогда секретом безмозглая, авантюристическая международная политика руководителя Советского государства Никиты Хрущева, дважды поставившего мир на грань ядерной войны. А ведь за плечами советского народа была уже тяжелая война, в которой каждая семья понесла невосполнимые потери. Моим сыновьям исполнилось в то время девять и шесть лет, и я не мог не думать об их будущем. Поэтому, чтобы противодействовать агрессивной

политике Хрущева, я и решил оказать содействие Соединенным Штатам Америки. Но никакого политического ущерба своей стране я не причинил, так как по окончании срока загранкомандировки в июне тысяча девятьсот шестьдесят второго года я отплыл на теплоходе из США в СССР.

Духанин понимал, что сказанное Поляковым априори не может быть правдой, и он решил сделать свой ход, основываясь только на интуиции.

— Значит, вы говорите, что только на официальных мероприятиях встречались? И только с коллегами из дипломатического корпуса США? А может быть, это были все же конспиративные встречи с установленными разведчиками из ФБР и ЦРУ? И встречались вы с ними не только в официальной обстановке, но и, как вы сами сейчас признались, на охоте и рыбалке? Что вы скажете на это?

Вот так начался поединок, который по напряженности и степени значимости был сродни шахматной партии высокого класса. В дебюте обе стороны отмобилизовывали свои силы к осуществлению маневрирования, готовясь к непосредственному столкновению и стараясь найти уязвимые места в защитном построении противника.

Поляков не спешил с ответом на вопросы следователя, анализируя услышанное.

И тут Духанин вновь спросил:

— Скажите, Дмитрий Федорович, перед первой и последующей командировками за рубеж знакомили ли вас с так называемыми «Правилами поведения командируемых за границу»? И давали ли вы обязательство соблюдать эти правила?

— Да, я подписывал такую инструкцию.

— А что в ней говорилось, вы можете вспомнить?

— Трудно все вспомнить через двадцать пять лет, особенно такой незначимый документ. Но я сейчас попробую. Итак, первое: соблюдать долг советского гражданина перед своей Родиной. Отстаивать ее честь и интересы. Второе: строго хранить государственную тайну. Третье: честно и добросовестно выполнять возложенные на меня обязанности. Четвертое: избегать разговоров о служебной работе с кем бы то ни было. В том числе и с членами семьи… — Он попытался вспомнить что-то еще, но не стал терять время и, махнув рукой, сказал: — Больше ничего важного там не было, так общие слова.

— А жена знала, что вас завербовали в Нью-Йорке?

Делая вид, что для него был не понятен вопрос, Поляков спросил:

— А с чего вы взяли, что меня завербовали? У вас есть на этот

счет какие-то доказательства? Если они есть, то назовите их. А так, как вы сейчас заявили, при желании можно любого сотрудника разведки заподозрить в чем угодно. Кстати, в тридцатые годы разведчиков тоже обвиняли в предательстве и в сотрудничестве с иностранными спецслужбами. В капиталистической стране советский разведчик постоянно вращается во враждебной среде и имеет вполне реальные служебные контакты с представителями самых различных кругов. Иногда даже и с коллегами из спецслужб противника. Ну и что?.. Конечно, это можно истолковать, что ты был завербован и стал английским или французским агентом. Попробуй докажи потом, что это ты завербовал того или иного иностранца и использовал его в интересах своей страны. Вот так и искажались и переворачивались с ног на голову подлинные факты. А интерпретировались они потом вопреки истине и уголовно-процессуальному кодексу так, как это было нужно следствию.

Духанин убедился, что его подследственный умеет держать удар, хорошо владеет собой, и потому заметил:

— О доказательствах, Дмитрий Федорович, мы еще поговорим. Кстати, я прекрасно понимаю вас, как человека, который многие годы был не в ладу с присягой Родине. Потому вы и стремитесь сейчас, когда вас уже арестовали, спрятаться за положения уголовно-процессуального кодекса, вместо того чтобы четко ответить на мой вопрос…

— О чем вы, Александр Сергеевич? — с учтивостью вдруг произнес генерал.

— Да все о том же: в ваших показаниях не хватает конкретики. Складывается впечатление, что вы чего-то ждете от меня. Или вы полагаете, что за вас я буду рассказывать тайную часть вашей жизни? Вы в самом начале признались в сотрудничестве с американскими спецслужбами. Похвально, что решили сотрудничать со следствием. Дело осталось за малым: подробно рассказать об этом. И вот тут-то у вас стали возникать затруднения. Так, во всяком случае, показалось мне. Думаю, не нужно быть провидцем, чтобы не понять, что вы хотите сначала услышать, чем располагает в отношении вас КГБ. Я понимаю вас, вы хотите, чтобы «овцы были целы и волки сыты». Для ясности дам сейчас вам ключ к пониманию создавшейся ситуации и ожидаю от вас гораздо большей откровенности. Я называю оперативный псевдоним, присвоенный вам в ФБР при вербовке, — Топхэт. Он вам известен, не правда ли? И еще я называю ваш регистрационный номер — три тысячи пятьсот сорок девять «С». Как видите, мы многое знаем о вас. Теперь сами делайте выводы.

Когда следователь произнес оперативный псевдоним и

сообщил регистрационный номер, Поляков содрогнулся так, словно его ударили. На начало 1980 года в распоряжении ГРУ действительно имелась информация закордонного источника — сотрудника нью-йоркского отделения ФБР. Он сообщил о вербовке в 1961 году трех сотрудников представительства СССР при ООН, которым были присвоены клички Топхэт, Скоч и Федора. Кто были эти люди, оставалось неизвестным. Очень важно было разобраться — «кто есть кто?». Духанин понимал, что Поляков вполне мог быть или даже, скорее всего, был одним из них. Но кем именно: Скочем, Федорой или Топхэтом? От точности этого определения во многом зависел успех всего расследования в целом. В ином случае — провал и полный конфуз. Для тренированного контрразведывательного ума следователя Духанина каждый фрагмент, каждая деталь, неважно, насколько она была мала и на первый взгляд незначительна, порой имели огромное значение. Именно они помогали при решении стоящей задачи и разгадывании головоломки самой высокой степени сложности. Так обстояло дело и теперь. Полной уверенности в правильности названного псевдонима у следователя не было. Поэтому ему пришлось рисковать. Однако у него была разработана специальная форма доведения информации до обвиняемого, оставлявшая следователю возможность для отступления и выхода из возможно возникающего нежелательного положения, не теряя при этом своего лица. Псевдоним Топхэт был назван Духаниным потому, что ему по ряду признаков отдавалось предпочтение перед двумя другими.

Произведенный «выстрел» попал в «десятку»: это действительно оказался псевдоним Полякова, что было замечено по его непроизвольной реакции — резкое вздрагивание. До этого он никогда не проявлял своих эмоций, всегда оставался бесстрастным, сдержанным. Не имел права на иное поведение и следователь, он не мог поучать и обращать в свою веру допрашиваемого, хотя и играл первую скрипку на допросах, однако партитуры у него, конечно, не было.

Продемонстрированное следователем «знание» псевдонима Полякова прозвучало солидно и позволяло ему говорить о «безграничных» возможностях КГБ твердо и уверенно, а главное — воспринималось это подследственным весьма серьезно.

Череда предательств советских разведчиков — Попова, Пеньковского, Филатова, Резуна, Полещука, Сметанина, Гордиевского, Вареника, Ветрова и других — вызывала у всех сотрудников КГБ и ГРУ омерзение и неприязнь к этим иудам. В этой связи справедливо изречение древнеримского философа

Тацита о том, что «предателей презирают даже те, кому они сослужили службу». То же испытывал и следователь Духанин при общении с сидевшим напротив него генералом Поляковым. Но все эти чувства никак не проявлялись внешне, Александр Сергеевич всегда был корректным, вежливым и внимательным по отношению к Полякову. Мало того, он часто интересовался состоянием его здоровья, положенными прогулками, питанием, сном и даже прочитанной книгой.

Полякову была приятна такая манера спокойного допроса и общения, когда ему было понятно, что следователь стремится получить объективную информацию о нем и о его преступлении. Именно тогда, с первого допроса, и закладывалась основа для установления психологического контакта между ними. Только при хороших отношениях следователь мог рассчитывать на абсолютную искренность допрашиваемого.

И Духанину удалось достичь этого: в последующие дни допросов Поляков начал подробнейшим образом рассказывать все о себе и своих знакомых, о работе и семье. Это было нужно для того, чтобы, во-первых, получить полнейшую информацию о подследственном. Во-вторых, чтобы приоткрыть завесу и проникнуть в его внутренний мир через проблемы, не связанные с прямым предательством. Вся его информация находила отражение в протоколах. Причем даже малозначительные факты и детали были крайне необходимы, при их проверке и сопоставлении можно было понять, когда Поляков говорил правду, когда ложь. Но этим предстояло заниматься уже другим следователям из пока еще не созданной оперативно-следственной группы.

На той стадии стояла одна задача — получить знания об арестованном, задавая ему разные вопросы, втягивая в обсуждение и даже в споры по конкретным темам, что позволит объективно разобраться в мотивах его предательства. Самому же следователю нельзя было раскрываться, чтобы не попасть впросак и не дать даже намека на отсутствие у него уликовых материалов. Смысл этого сводился к формуле: «язык человеку дан для того, чтобы скрывать свои мысли, но узнавать чужие». В этом и заключалась чрезвычайная важность изначального знания о Полякове, когда от него еще не требовался ответ на главный вопрос об имевшей место вербовке и когда не надо было ему лгать и изворачиваться.

Так постепенно Поляков стал доверять следователю многие личные вопросы, что и создавало основу для их дальнейших деловых отношений.

Вскоре наконец-то была сформирована оперативно-

следственная группа. В нее вошли Сергей Шубин и Алексей Посевин из отделения Духанина, Анатолий Мисливец из УКГБ по Кемеровской области, Владислав Эсалниекс из КГБ Латвии, Игорь Филатов из КГБ Молдавии, Сергей Сиренко и Виталий Марков из КГБ Украины. Все были старшими следователями и имели большой опыт работы. Руководителем этой бригады приказом начальника Следственного управления был назначен подполковник Духанин. В день выхода этого приказа в кабинете начальника отдела Кузьмичева состоялось инструктивное совещание, на котором были представлены все члены следственной группы и ее руководитель.

Кузьмичев, обращаясь к следователям в присущем ему спокойном тоне, сказал:

— Друзья мои! Цель создания вашей группы — разоблачение предателя и обязательное получение вещественных доказательств шпионской деятельности генерал-майора ГРУ Полякова. Разработчики из Третьего главного управления КГБ не смогли получить на него никаких уликовых материалов. Теперь вам предстоит это сделать вместе со своим руководителем. Для этого, — обращаясь уже к Духанину, продолжал Виктор Михайлович, — вашим помощникам предоставляется право самостоятельно поддерживать связь с оперативниками Второго, Третьего, Седьмого управлений и отдела радиоконтрразведки, а также с руководством ПГУ и ГРУ. Практически вам надо пройти шаг за шагом по вредоносному следу матерого шпиона в генеральских погонах и во чтобы то ни стало добыть доказательства. Что должен сделать для этого каждый из вас, скажет сейчас Александр Сергеевич Духанин.

— Первое, что мне необходимо знать, — начал он, — кто из вас уже ознакомился с материалами оперативной разработки? Поднимите руки.

Руку поднял только один человек.

— Тогда вам, товарищи следователи, — продолжил он, — надо срочно приступить к изучению материалов ДОР «Дипломат». И делать это вам придется поочередно. При этом вам необходимо зафиксировать в своих рабочих тетрадях все то, что будет соответствовать выполнению предстоящих каждому из вас отдельных задач. Я сейчас назову их вам. Самым слабым местом в расследовании является, как отметил начальник отдела, отсутствие доказательств. Надо во что бы то ни стало получить их, и тогда появится перспектива в расследовании. Либо через некоторое время мы должны будем прекратить дело по измене Родине и вести его дальше по статье двести восемнадцать. И тогда нас будут постоянно глодать сомнения: а все ли мы

сделали, не допустили ли где-то ошибки и не упустили ли мы из своих рук стопроцентного предателя? Чтобы этого не произошло, надо его изобличить. Для выполнения поставленной задачи, прошу записать, кто из вас чем будет заниматься…

Духанин открыл лежавшую перед ним папку и, заглянув в нее, сказал:

— Майору Маркову — детальное изучение и анализ всех материалов ГРУ по периодам обеих командировок Полякова в США и работы в Центре в промежутке между ними. Выяснить, не располагает ли чем-либо на него Управление «К» ПГУ КГБ. Особое внимание обратить на переписку с Центром и его отчеты о проделанной работе в период нахождения в Нью-Йорке. Подробнейшим образом выяснить все по агентуре. Кроме того, необходим будет анализ и поиск сомнительных моментов и странностей в его поведении, причин ошибок в работе, ситуаций в семье, его взаимоотношения с коллегами и знакомыми…

Переведя взгляд на следователя из Молдавии, Духанин продолжил:

— Аналогичные задания майору Филатову по Бирме и последующей работе Полякова в Москве. Капитану Эсалниексу — то же самое по первой командировке в Индию и последующему пребыванию в Москве. Майору Сиренко — по второй командировке Полякова в Индию и последующему его пребыванию в Москве вплоть до ареста. Майору Шубину — еженедельный анализ протоколов допроса и иных следственных действий, ведение вопросников и «эпизодников»[96], оказание следователям помощи в планировании работы. Старшим группы будет у вас Шубин…

Духанин сделал паузу, окинул взглядом присутствующих, потом опять посмотрел в свои записи и сказал:

— На каждом участке каждым следователем должен поддерживаться теснейший контакт с ГРУ и с соответствующими управлениями комитета в рамках исследуемых обстоятельств. Но при этом никакой самодеятельности не должно быть, все вопросы в обязательном порядке предварительно согласовывать с Шубиным и со мной. Выход на руководство ведомств и управлений ГРУ и КГБ будем осуществлять централизованно, только через меня или, в необходимых случаях, через полковника Кузьмичева и генерал-майора Загвоздина. Перед каждым следственным действием в обязательном порядке знакомиться с «эпизодиками» и согласовывать план своих действий с Шубиным. В необходимых случаях за счет внутренних возможностей группы будем усиливать то или иное направление в расследовании. В этих целях будем привлекать майоров Мисливца и Посевина, а

также, возможно, и других следователей. Подробные инструкции будут даны каждому из вас дополнительно. Что касается меня, то я буду допрашивать не только Полякова, но и наиболее значимых свидетелей. Отчеты каждого из вас о проделанной за минувший день работе и ее результатах буду заслушивать на ежедневных утренних совещаниях, а также принимать обязательное участие в планировании следственных действий и организовывать постоянное взаимодействие как внутри бригады, так и с оперативными подразделениями ГРУ и КГБ.

Переложив в своей папке один листок и взяв другой, Духанин начал читать его про себя. Начальник отдела, воспользовавшись возникшей паузой, сказал:

— В целях обнаружения уликовых материалов и предметов шпионского снаряжения я считаю необходимым провести еще раз обыски с использованием поисковой техники[97] в квартире подследственного, на его даче и в гараже. И, конечно же, в обязательном порядке в доме его матери, в котором по непонятным для меня причинам Третий главк обыск вообще не планировал. Это я считаю серьезным упущением. Уверен, что Поляков, если он шпион, не мог уничтожить все вещдоки, которыми его снабжала иностранная разведка. Десятки раз за время службы он въезжал и выезжал из СССР и по существующей практике каждый раз обеспечивался американцами предметами шпионской экипировки: инструкциями по связи, шифртаблицами, средствами тайнописи, фото- и радиотехникой, письмами-прикрытиями и тому подобным. Что-то из этого он, уезжая из Москвы, конечно, уничтожал, но что-то мог и спрятать в самых укромных местах или в специально сделанных тайниках в названных мною помещениях, а потом мог забыть о них. Пока прикомандированные следователи еще в полной мере не будут загружены, надо, Александр Сергеевич, задействовать их в проведении обысков. Надо найти хоть что-то, подтверждающее шпионаж. Иначе Поляков скоро разберется в ситуации и заявит, что признательные показания дал полковнику Жучкову под воздействием угроз, тем более что задерживали его сотрудники группы «А» очень жестко.

— Да, Виктор Михайлович, — подхватил подполковник Духанин, — я предусмотрел проведение таких обысков с задействованием в них четырех человек — Маркова, Филатова, Мисливца и Эсалниекса. Есть у меня для них и другие поручения, касающиеся работы Полякова в Москве…

Окинув взглядом сидящих за большим, прямоугольным столом участников совещания, Духанин остановил взгляд на сотруднике управления КГБ по Кемеровской области:

— Вам, майор Мисливец, совместно с оперативниками из Третьего главного управления будет задание по отработке следующих вопросов. Во-первых, надо установить все его контакты в ГРУ и Генштабе Вооруженных Сил СССР. Выяснить, не интересовался ли он информацией, выходящей за пределы его компетенции. Во-вторых, определить объем известных ему сведений по другим подразделениям ГРУ, в которых он не работал. И последнее: к каким секретным документам был допущен в Военно-дипломатической академии.

Не озадаченным оставался старший следователь майор Алексей Посевин, который с недавнего времени был переведен в отделение Духанина.

— Алексею Ивановичу предстоит не менее важная и ответственная работа по подготовке и проведению экспертиз документов и материалов.

Закрыв папку, Духанин внимательно посмотрел на каждого из присутствующих, а затем негромким, ровным голосом сказал:

— Все, что я говорил вам сейчас, необходимо для того, чтобы как можно больше узнать об обвиняемом. Когда располагаешь большой информацией, то работать с ним гораздо легче. Он должен почувствовать, что мы знаем о нем почти все, — это позволит мне полностью владеть инициативой при ведении допросов. А самое главное, чтобы у него появилась мысль, что Комитет госбезопасности имеет в американских спецслужбах своих источников информации, что через них мы отслеживаем всю историю его сотрудничества с американской разведкой. А если не догадается, то я сам скажу ему об этом. — И Александр Сергеевич вопросительно посмотрел на начальника отдела: согласен ли он с его мнением.

Кузьмичев промолчал.

— Тогда у меня все, — заключил Духанин, — Если есть у кого-то вопросы, пожалуйста, задавайте.

Руку поднял старший следователь из Кемеровской области майор Мисливец:

— А кто из нас должен выяснять мотивы измены Родине и причины, способствовавшие этому?

Духанин кивнул.

— Вопрос правильный. Цель и мотивы измены Родине, а также возможные причины измены Родине Поляковым будут выясняться сообща в процессе расследования. И прошу вас всех не забывать американскую формулу вербовки MICE. Напоминаю, что ее название образовано первыми буквами слов: Money — деньги, Ideology — идейные соображения, Compromise — компромат, Ego — самомнение. Скрупулезно ищите ответы на эти вопросы, а

потом мы все это обобщим. Конечно, будет очень важно выяснить мотивы измены Родине. Это даст нам возможность составить психологический портрет предателя и позволит понять его сущность, его действия в различных жизненных ситуациях. О человеке можно безошибочно судить только по тому, как он действовал и каким являлся в те моменты, когда на весах судьбы лежали его честь, достоинство и счастье. Итак, если нет других вопросов, то имейте в виду: при возникновении каких-либо затруднений, связанных с выполнением ваших заданий, можете смело рассчитывать на абсолютную поддержку руководства нашего отдела и управления.

* * *

Сразу же после совещания оперативно-следственной группы Духанин пригласил на допрос арестованного генерала. Как и накануне, Поляков чувствовал себя погано из-за того, что позволил сам загнать себя в угол, раскрыв связь с американской разведкой и первому следователю Жучкову, и второму — Духанину. Он понимал, что теперь у него остались только два варианта: или продолжать утверждать, что пошел на контакт с американцами по идеологическим соображениям, что действовал как социал-демократ, или раскрывать следователю всю правду. Решил остановиться на втором варианте. «Но всего я ему все равно не скажу, даже если он что-то и выпотрошит из меня, — размышлял Поляков. — Главное, надо и впредь сохранять спокойствие, трезвую голову и не запутаться в своих показаниях».

Находясь в следственном изоляторе уже длительное время, Поляков надеялся, что переданная им противнику информация политического характера сама по себе ничего не значит и что она не является основанием для обвинения в шпионской деятельности. «Что касается допущенных мною нарушений установленных правил и норм поведения за границей и взаимоотношений с иностранцами, то такие формальности в худшем случае приведут к увольнению из разведки и, может быть, исключению из членов КПСС, — продолжал размышлять Поляков, идя на допрос в сопровождении конвойных. — Самое страшное, что сейчас следователь начнет опять задавать очень много уточняющих вопросов. Больше всего удивляет, что он затрагивает факты и эпизоды из моей жизни, о которых почти никто не знал и не знает в ГРУ. Да и Александр Сергеевич, как назло, оказался слишком въедливым следователем. Хотя его можно понять: он заинтересован в получении полной и объективной информации

обо мне. Поэтому и спрашивает буквально обо всем, иногда доходит даже до малозначимых фактов и деталей. Его вопросы и уточнения — это не что иное, как игра со мной. И если это так, то я должен быть заинтересован в минимизации и преуменьшении причиненного вреда своей стране и разведке. Именно в этом и должна заключаться моя последующая борьба за выживание…»

С этими мыслями он и вошел в кабинет № 319. Все в нем было как прежде: рабочий стол, приставной к нему столик с телефонами, настольная лампа, пишущая машинка «Эрика», большой двустворчатый сейф, тумбочка с графином и стаканами для воды, на столе тумблер для включения табло, извещавшего об идущей в кабинете работе.

Как обычно, Духанин поинтересовался у Полякова, выходил ли он утром на прогулку, как чувствует себя, и только после этого начал допрос:

— Итак, со вчерашнего вечера у нас остался без ответа один из главных вопросов: почему советский генерал пошел добровольно на сотрудничество с американской разведкой? Что могло его подтолкнуть к этому? Ведь ни один здравомыслящий человек не стал бы рисковать карьерой в свои сорок лет, занимая уже тогда престижную должность заместителя резидента. Да не в какой-нибудь Эфиопии или Гондурасе, а в самих Соединенных Штатах Америки.

Поляков глубоко вздохнул, посмотрел напряженно на следователя и произнес тихо, словно спрашивая самого себя:

— С чего же мне начать, Александр Сергеевич?

— Начните с Нью-Йорка конца тысяча девятьсот шестьдесят первого года, — подсказал ему следователь.

Напряжение покинуло Полякова, он почувствовал себя в эту минуту легко и свободно.

— Если говорить честно, — начал он, — то я сознательно перешел на сторону американцев…

— И в силу каких же причин вы перешли на их сторону? — перебил его Духанин.

— Причин несколько…

— А может быть, все же одна — материальная, как у всех тех предателей, которых мне доводилось допрашивать? Доллары для них были магнитом, притягивающим к себе непреодолимой силой.

Поляков обвел следователя критическим взглядом и, досадливо поморщившись, начал спокойно рассказывать:

— Я пошел на сотрудничество с американцами только по политическим мотивам. Я их тогда предупредил, что мне не нужны доллары. А сказал я так потому, что не хотелось быть

зависимым от них. Мне хотелось все делать так, как я считаю нужным. Если и приходилось брать у них наличными, то общая сумма не превышала моего месячного жалованья. Большие деньги — вещь опасная, в нашем деле они всегда жгут карманы, и потому я всегда тратил их как можно скорее. Сорить ими было нельзя, иначе можно было легко попасть под подозрение и навредить самому себе. Да и тратить их самому было опасно, поэтому, чтобы не привлекать к себе внимания сослуживцев и контрразведки резидентур КГБ, я составлял список всего того, что мне нравилось, что хотелось иметь и без чего, казалось, я никак не должен был возвращаться из загранкомандировок. Потом этот список я передавал американцам…

— Выходит дело, что они были вашими опекунами и расплачивались за все ваши покупки? А деньги за них вы, очевидно, не возвращали им?

— Да, конечно.

— Образно говоря, это были ваши бартерные сделки с американцами и являлись они хорошим прикрытием материальной заинтересованности в сотрудничестве с ФБР и ЦРУ.

— Не совсем так. Я же говорил вам, что у меня были только политические мотивы.

— А это как понимать?

— Очень просто. У каждого человека есть и должна быть свобода выбора. Первая командировка в США убедила меня, что надо стремиться жить хорошо, невзирая на идеологические установки нашей партии и правительства. И если раньше Америка была главным противником для меня, как разведчика, то потом, когда я пожил там и увидел, какими большими темпами развивается эта страна и насколько комфортнее в ней жить, мое сознание вступило в противоречие с советской реальностью. Мои взгляды на идеологию пошатнулись. Я все глубже задумывался, как долго буду еще заставлять себя жить той жизнью, какая была в нашей стране. Только во второй командировке в США я окончательно понял, что моя задача — впредь не вредить Америке.

Тут Поляков взглянул на следователя, на лице которого ничего не читалось.

— Согласитесь, Александр Сергеевич, — решил он продолжить, — что каждый человек мечтает жить красиво. Но надежду на такую жизнь в нашей стране никогда не давали. И только поэтому я решился вырваться из того унизительного состояния, когда из нас пытались сделать простых пешек и безликих людишек…

— Поясните, пожалуйста, кто пытался сделать из вас

пешку? — остановил его Духанин.

— Известное дело, кто! Верхушка советской власти и безраздельно господствовавшая в нашем обществе родная коммунистическая партия. Вернее, ее Политбюро, которое, как и Совет Министров, возглавлял тогда Никита Сергеевич Хрущев.

И Поляков начал разносить Хрущева на все корки за его маразматические лозунги о «коммунизме не за горами», за призывы «догнать и перегнать Америку». За антисталинский доклад на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях». За то, что на этом съезде Хрущев обрушился на Сталина с грубыми нападками, принижал его положительные деяния и свалил всю ответственность за репрессии на него. Что из-за авантюрного доклада Хрущева на том съезде произошел раскол в международном коммунистическом движении и социалистическом лагере. Что это по его вине углубились разногласия с Китаем, которые дошли до ссоры и переросли в вооруженный конфликт.

— И если уж говорить о мотивах принятого мною решения об идейно-политической поддержке американцев, то это никак не измена Родине, — продолжал свой монолог Поляков. — И хотел бы еще подчеркнуть, что толчком к этому послужило и поведение Хрущева во время его известного визита в США, где мне тогда довелось воочию пообщаться с ним. Личное наблюдение за поведением Хрущева на сессии Генеральной Ассамблеи ООН произвело на меня удручающее впечатление. Я не представляю, как партия великой державы могла доверить управление страной такому ограниченному человеку, который не понимал реальности происходящего, был способен ввергнуть наше государство в любую политическую авантюру. Мне казалось, что Хрущев недооценивал тогда США как экономическую и военную силу. Неспособность США победно завершить свои военные действия в Корее и как-то отреагировать на события в Венгрии Хрущев посчитал политической слабостью Америки. Исходя из этого, я полагал, что предотвратить военные авантюры со стороны такого необузданного политика, как Хрущев, может только сильный противник в лице США. И потому я решил довести через американских коллег политические взгляды по вопросам войны и мира до руководства США.

Я знал, на что иду, понимал, что преувеличиваю свои возможности, но ничего не мог с собой поделать. Решил пожертвовать собой, хорошо понимая, как это может отразиться на моей семье, которую я горячо люблю. Но особенно потрясли меня события в Венгрии, Польше и Берлинский кризис, я имею в виду строительство стены. Наши действия, по моим убеждениям,

не соответствовали тогда ленинской идее о праве наций на самоопределение и могли спровоцировать большую войну. На встрече с советским партийным активом в Нью-Йорке Хрущев открыто заявил, что только дураки могут верить в мирное сосуществование антагонистических систем. Что мы дадим существовать капитализму только до той поры, пока сможем задушить его. Цитирую, конечно, не дословно, так как эту тему он развивал пространно, обвиняя работников МИДа в мягкотелости и аполитичности. Такое высказывание Хрущева носило явно выраженный агрессивный характер. После этого мне очень хотелось ускорить вступление в контакт со спецслужбами США, чтобы, повторяю, довести до сведения политического руководства США, как понимает проблему «мирного сосуществования» первый коммунист мира. С того времени я убедился, что Советский Союз стал более вероятным источником гонки вооружений и возможным источником новой войны между США и СССР. Как человек, связанный с разведкой ядерного потенциала Америки и ее ядерного оружия, я отчетливо представлял себе, к каким неисчислимым жертвам мирного населения может привести подобная политика нашего лидера…

Генерал сделал паузу и вопрошающим взглядом посмотрел на Духанина, ожидая его мнения. Но следователь молчал. И Поляков вынужден был продолжить свои показания:

— Я, Александр Сергеевич, внимательно изучал все случаи вступления США в войну и не нашел в их истории ни одного факта вхождения в военные конфликты без обсуждения этого вопроса в конгрессе. Сама система государственного устройства и правления страной не позволяла сделать это. Появление же стратегических ракет в СССР я считал возможной подготовкой к развязыванию внезапного нападения на США. А стремление Америки увеличить свою военную мощь расценивал как создание средств устрашения и предотвращения развязывания очередной мировой войны. По долгу службы в представительстве СССР при ООН я занимался, повторяю, вопросами оценки и сопоставления ядерных потенциалов СССР — США. И ответственно заявляю вам, что к тому времени было заметное отставание американцев как в ударной силе ядерного оружия, так и в средствах его доставки. Поэтому во имя сохранения мира я и пришел к решению сообщить об этом американцам и предупредить их о военных авантюрах Хрущева…

Видя, как торопливо записывает следователь его показания, Поляков начал говорить чуть медленнее:

— А еще я не могу простить ему бездумного сокращения вооружений и численности Вооруженных Сил. Как сейчас помню,

тогда увольняли сотни офицеров-фронтовиков, которым до выхода на полную пенсию оставалось всего несколько месяцев. Практически они выбрасывались на улицу. Мне противны были и его решения по снятию маршала Георгия Константиновича Жукова с поста министра обороны. И особенно снятие с должности генерала армии Сергея Матвеевича Штеменко, которого я глубоко и искренне уважал. А чего стоили экономические реформы Хрущева? Особенно в сельском хозяйстве. Во время отпуска в Москве в шестьдесят первом году я почувствовал резкое снижение уровня жизни населения и убедился тогда, что все обещания, данные Хрущевым от имени партии, — чистейший блеф. Проанализировав все, я понял, что мы живем не по законам общественного развития, а по партийным установкам. Мне стало ясно, что в нашей стране было полное пренебрежение законами социалистической экономики или даже отсутствие таковых в природе. И результатом этого явилось неполное обеспечение населения продуктами питания. У меня даже создавалось впечатление, что Хрущев, чтобы как-то оправдать провал своих политических и экономических амбиций, может так обострить международную обстановку, что доведет ее до глобального конфликта. С приходом к руководству партией и страной Брежнева я первоначально надеялся на поворот к реалистической внешней и внутренней политике государства, но потом убедился, что Брежнев задался главной целью — обеспечить военное превосходство СССР в стратегическом ядерном вооружении над США. Последующие события на международной арене — Кубинский кризис, инцидент в Чехословакии с ее оккупацией советскими войсками, пограничный конфликт с КНР — убедили меня в правильности принятого решения. Одной из причин сотрудничества с американцами послужило стремление свободно излагать свои взгляды и убеждения. Свойство характера работать «на грани риска» тоже способствовало принятию решения на измену Родине…

— Значит, это была все же измена, а не сотрудничество в прямом смысле слова? — ухватился за последнюю фразу следователь.

Поляков понял, что он проговорился, допустил фатальную ошибку, и стал думать, как ему выйти сухим из воды. «Если в КГБ нет ничего существенного на меня, нет уликовых материалов, а только косвенные признаки, не имеющие силу доказательств, то дальнейшая игра «кто кого?» стоит свеч. В самом деле, — продолжал он размышлять, — если бы следователь располагал доказательствами, то не ходил бы столько недель вокруг да

около, а давно бы скрутил меня в бараний рог. Так что, Александр Сергеевич, своей обходительностью и хитростью вам не взять меня…»

— Я понимаю, что мой вопрос об измене оказался для вас, Дмитрий Федорович, весьма болезненным, — прервал его размышления Духанин, догадавшийся о колебаниях Полякова, какой дать ответ на его вопрос. — Не надо вам ничего придумывать, скажите прямо, что вы действительно изменили Родине, которая дана нам один раз и до самой смерти. Родина, она, как мать, всегда у нас одна. Двух родных матерей не бывает, как не бывает и двух родин. И ее не выбирают по вкусу или желанию, точно так же, как не выбирают себе мать. Не зря же говорят, возблагодари за честь называться ее сыном и за трудное счастье служить ей. И еще хранить и оберегать ее, делать для нее все, что в твоих силах. Вы, Дмитрий Федорович, надеюсь, понимаете, что Родина-то всегда проживет без нас, а вот сумеем ли мы прожить без нее? Хорошо сказал об этом двести лет назад один из вождей якобинцев Дантон[98], отказавшийся бежать из Франции, где ему грозила смертная казнь. Он сказал тогда: «Разве можно унести отечество на подошве башмаков?» Вот скажите мне, как вы, генерал советской военной разведки, относитесь к нарушению присяги и измене Родине?

Поляков, не отводя взгляда, сказал:

— Во-первых, я не изменял Родине, я всегда оставался ее патриотом. А во-вторых, Родина для меня — понятие абстрактное, потому что шестнадцать взрослых лет я прожил вне ее — в США, Бирме и Индии. Плюс четыре года войны с фашистской Германией. Получается, двадцать лет…

— Ну как же так, Дмитрий Федорович?! — воскликнул следователь. — Родина, за которую вы воевали четыре года, стала вдруг абстрактным понятием? У меня в голове это не укладывается. Меня волнует до сих пор вопрос, почему предают иногда те, кто предавать, казалось бы, ну никак не должен!

— В таком случае почему же вас не волнует вопрос об измене Родине сына бывшего министра морского флота СССР Юрия Носенко? Тем более что он был сотрудником Второго главного управления КГБ СССР. Или заместитель Генерального секретаря ООН, заместитель министра иностранных дел СССР Аркадий Шевченко, который тоже оказался агентом ЦРУ?

— Но сейчас не о них идет речь. В Евангелии от Святого Луки сказано: «Кто станет хитростью спасать душу свою, тот и погубит ее».

Генерал нервно потер щеку, в глазах его появилась настороженность.

— К чему вы сказали это сейчас? — спросил он холодным тоном.

Духанин остался доволен тем, что пробный шар относительно предательства прошел и затронул струны гордого, эгоистичного генерала. И после небольшой паузы, сделав бесхитростное, разочарованное выражение лица, махнул рукой.

— Да это я так… Из-за вашего абстрактного понятия Родины, — отделался он легкой, вроде бы добродушной иронией. — А еще из-за вашего ложного патриотизма, — добавил он.

Поляков вытер ладонью взмокший лоб.

— Зачем же ставить под сомнение патриотизм советского офицера, генерала-разведчика, сорок лет прослужившего в Вооруженных Силах страны?

— Из них четверть века вы с большим усердием служили Америке. Разве это не так, Дмитрий Федорович?

Поляков опять погрузился в глубокое раздумье: в памяти, как на фотобумаге, стал проявляться офис американской миссии при Военно-штабном комитете ООН, потом появился облик ее руководителя генерала О'Нейли и вербовщика из ФБР Джона Мори. Волна резкой боли вдруг захлестнула его мозг, он хотел уже рассказывать о том, как произошла его вербовка в ноябре 1961 года, но произнес совсем другое, почти шепотом:

— Что-то нервы у меня начали сдавать… Чувствую себя отвратительно… Нельзя ли, Александр Сергеевич, перенести продолжение допроса на завтра?

— Можно, — не колеблясь, ответил следователь, а про себя подумал: «Интересно, осталась ли в нем хоть капля совести и офицерской чести, чтобы сказать завтра всю правду?»

Затем Духанин стал торопливо оформлять протокол допроса. А Поляков, словно угадав его затаенную мысль, негромко проговорил:

— Завтра я, Александр Сергеевич, обязательно отвечу на ваш вопрос.

Оформив протокол и подавая его генералу, как ни в чем не бывало, равнодушно промолвил:

— Прочтите это, пожалуйста. Если согласны с изложенным, то подпишите как обычно: «Протокол мною прочитан, с моих слов записано правильно, дополнений и поправок не имею». И поставьте свою подпись.

После того как увели Полякова, Духанин решил подождать возвращения оперативно-следственных групп, которые были задействованы в тот день в проведении повторных обысков на квартире допрашиваемого, на даче и в доме его матери в

подмосковном городе Щелково. Первыми вернулись и доложили о результатах обысков старшие двух групп во главе с Сергеем Шубиным и Владиславом Эсалниексом. Применив современную поисковую технику, они обнаружили в хорошо оборудованных тайниках транзисторный радиоприемник, музыкальный центр марки «Нэйшнл Панасоник», дорожный несессер, складной спиннинг иностранного производства, пластмассовую коробочку цилиндрической формы с крышкой бело-красного цвета, брелок для ключей, подзарядное устройство марки «Сони» и три аккумулятора к нему, две сменные приставки к ранее изъятому миниатюрному фотоаппарату «Тесина», «Энциклопедию рыболова» на английском языке, большое количество грампластинок иностранного производства в фирменных бумажных конвертах и многое другое.

А где-то ближе к полуночи из Щелкова позвонил Виталий Марков, который выезжал во главе третьей группы на обыск в дом матери Полякова, и в присущей ему полушутливой форме сообщил о какой-то очень загадочной находке. Какой именно, не сказал. Разговоры о подобных следственных мероприятиях по открытой связи велись в то время крайне редко, да и то с использованием условностей. Пришлось всем дожидаться его возвращения. И хотя наступила уже ночь и пошли вторые сутки напряженной работы, никто из следователей не расходился. Бригада Маркова прибыла в Следственное управление лишь во втором часу ночи.

Свой доклад Марков начал с самого существенного: он сообщил, что после детального осмотра дома следователи перешли на чердак и приступили к его обследованию. Известно, что чердаки очень часто служат местом сокрытия уликовых материалов и предметов. Так было и в этот раз. В расщелине поперечной балки перекрытия была обнаружена скрытая под слоем опилок свинцовая трубка с заклепанными концами. При вскрытии трубки внутри нее были обнаружены два кадра микрофотопленки с инструкцией по условиям проведения сеансов радиосвязи и схемой места постановки графического сигнала в Москве, а также три шифрблокнота для зашифровки и расшифровки агентурных сообщений. Это было то, что в юриспруденции называется прямыми доказательствами принадлежности таких вещей к возможной шпионской экипировке.

Ранее имевшиеся предположения перевоплотились в уверенность, и это давало повод для полноценного, наступательного ведения следствия. Переполнявшая всех радость добытых вещдоков заставила забыть об усталости от «мозговых

атак» предшествующих дней и в особенности того дня и той ночи, когда проводились обыски. Виталий Марков был в центре восторженного внимания и в который уже раз пересказывал своим коллегам обстоятельства обнаружения свинцовой трубки.

В ту же ночь Духанин сформулировал для следователей своей бригады задачи по дальнейшему направлению работы с учетом новых данных, поступивших в результате обысков. Сделав паузу, он остановил взгляд на майоре Посевине:

— Проведение экспертиз изъятых предметов и вещей, как договорились ранее, остается за вами, Алексей Иванович. И сделать это надо как можно быстрее.

Затем, посмотрев на старшего оперативно-следственной группы майора Шубина, сказал:

— За вами, Сергей Николаевич, контроль сроков проведения экспертиз. При необходимости окажите помощь Посевину в подготовке постановлений о назначении экспертиз по каждому виду добытых в ходе обысков предметов.

— Хорошо, это мы сделаем, — ответил Шубин.

— Тогда все, вы свободны. А я пойду доложу Кузьмичеву о результатах вашей работы. Шеф тоже не уезжал домой и ждал вашего возвращения со следственных мероприятий.

Выслушав доклад Духанина, начальник отдела воскликнул:

— Но я же говорил, что не мог Поляков уничтожить все улики! С чем и поздравляю тебя, Александр Сергеевич!

— Спасибо, — ответил Духанин. — Мне очень не хватало фактических данных сотрудничества Полякова с американцами. Если экспертные оценки обнаруженных при обысках вещей и предметов подтвердят принадлежность их к шпионской экипировке, то это внесет перелом в общий ход расследования и позволит мне завершить следствие пораньше.

— Что ж, Бог в помощь тебе, Александр Сергеевич, — неожиданно произнес начальник отдела.

* * *

После успешно проведенных обысков Духанин пребывал в хорошем настроении. Расписавшись на талоне о доставке обвиняемого на допрос, он включил расположенный под крышкой стола тумблер, после чего над входом в кабинет загорелась лампочка красного цвета, означавшая, что за дверью идет следственное действие и любому человеку вход запрещен. Затем Александр Сергеевич задал несколько дежурных вопросов о самочувствии и состоянии здоровья Полякова, потом перешел к

деловой части допроса:

— Итак, начнем наш рабочий день с известных философских изречений, относящихся к сегодняшней теме допроса. Жизнь устроена так, что все меняется, но ничто не исчезает, и все тайное рано или поздно становится явным. Вы, Дмитрий Федорович, конечно, понимаете, что у нас есть доказательства, неоспоримо свидетельствующие о предательстве и о вашем сотрудничестве с американскими спецслужбами. В свое время мы предъявим их вам. Думаю, что таковых наберется немало. Признаюсь вам, что для людей моего поколения, как, кстати, и вашего, воспитанных на советских идеалах, ваше преступление не поддается пониманию. У вас за плечами годы войны, было высокое положение в военной разведке. У вас была прекрасная семья. Вас уважали, ценили и любили. Для окружающих вы являлись образцом советского гражданина, патриотом своей страны. И вдруг выясняется, что все это сплошная декорация, бутафория, а на деле все обстояло по-другому. Вы были искренни в своих чувствах только по отношению к своей семье, но своими действиями вы и ей нанесли смертельный удар. Мне трудно представить, как ваша жена и дети справятся с постигшим их позором. И самое ужасное, что им теперь от этого никуда не деться.

И хотя мы с вами находимся по разные стороны баррикад, я по-человечески понимаю ту душевную боль, которую вы сейчас переживаете. Нам было ясно с самого начала, почему вы так старались убедить меня в своей невиновности. Тем самым вы стремились как-то уклониться от ответственности за содеянное, вы манипулировали показаниями в диапазоне от полного отрицания до совершенно абсурдных признаний об официальном сотрудничестве с американцами. При этом вы, конечно, боролись не столько за свою жизнь, сколько за сохранение чести семьи. Наверное, вы все же обратили внимание на то, что я путем небольших утечек в ходе допросов доводил до вас сведения о нашем знании некоторых фактов вашего сотрудничества с американскими спецслужбами. Но то ли вы не верили мне, то ли на что-то надеялись и потому продолжали с заметной для меня решимостью уклоняться от взаимопонимания. Я считаю, что пришло время говорить только правду. Конечно, это всегда трудно, но вы должны понять, что теперь вам от этого никуда не деться. Для начала даю маленькую подсказку: вспомните, что вы хранили в расщелине поперечной балки крыши дома вашей матери в городе Щелково, и соотнесите это знание с вашим поведением на предыдущих допросах. Думаю, что все после этого станет на свои места. И никакие контраргументы вам не

понадобятся для смягчения или оправдания своего предательства…

Поляков чувствовал, как кровь приливает к голове, но он сдерживал себя и продолжал молчать, не поднимая глаз на следователя, опасаясь выдать свои чувства, ибо в душе соглашался с ним.

— Эксперты, — продолжал уверенно Духанин, — четко определят время изготовления и государственную принадлежность изъятых у вас при обысках предметов. Что касается их назначения, то оно уже нам понятно. А вы подумайте, как следует, и примите правильное решение. Было время разбрасывать камни, пришло время собирать их. Предлагаю начать с показаний о том, когда и кем вы были завербованы, что передавали и какие задания вам давались американцами. Исходите из того, что несущественных деталей для нас не может быть, поэтому прошу не упускать их в своих показаниях. Все ваши сообщения, как я уже говорил однажды, будут перепроверяться и потому не хотелось бы, чтобы между нами возникало недопонимание. Вы должны осознать меру своей ответственности и сделать все от вас зависящее, чтобы искупить свою вину хотя бы частично.

Что и говорить, подполковник Духанин умел профессионально вести допросы: иногда он просто слушал ответы на задаваемые вопросы, давая выговориться своему оппоненту, и только в крайних случаях, когда возникала в этом необходимость, мог чуть поднажать и подтолкнуть обвиняемого на путь откровения, чтобы достичь ожидаемого результата. Было и такое, что он давал упрямому и гордому генералу возможность забраться в самые дебри его лжесвидетельства, а затем несколькими деталями или фактами разрушал их в прах и добирался до истины. Но чаще всего допрос строился по жесткой системе: вопрос-ответ. Были и другие психологические и тактические приемы, каждый из которых в определенной степени учитывал особенности личности подследственного. Но общим для всех приемов оставалось правило неукоснительного соблюдения требований закона и обязательная психологическая совместимость следователя с допрашиваемым.

С того дня Поляков окончательно убедился, что Духанин располагает достаточным объемом компромата и вескими доказательствами его агентурной связи с американскими спецслужбами.

— Итак, начнем все сначала, — предложил ему следователь.

Закрыв глаза ладонями, Поляков надеялся, что короткое пребывание в «темноте» прояснит голову и подскажет, с чего

лучше начать. Прошло несколько секунд, прежде чем он отстранил руки от лица и с тяжелым вздохом произнес:

— Если бы вы знали, Александр Сергеевич, как неприятно на старости лет оказаться в таком вот сложном положении. Вам, Конечно, это трудно понять. Вы — следователь, а я… — Он не договорил и, махнув рукой, добавил: — Я понимаю, что вас создала сама профессия, чтобы видеть в каждом допрашиваемом только преступника или врага народа…

— О моей профессии и о том, каким кого я должен видеть и воспринимать, — прервал его Духанин, — поговорим по завершении следствия, а сейчас давайте ближе к делу. И, пожалуйста, обо всем по порядку.

Какое-то время генерал Поляков продолжал взвешивать свое безвыходное положение. Когда, наконец, в подкорке его мозга прозвучал поданный инстинктом самосохранения сигнал к тому, что пора прекращать бессмысленную словесную дуэль со следователем, он сразу же побледнел от того, что придется говорить правду. Поначалу он даже засомневался, стоит ли раскрывать ее полностью. Обливаясь холодным потом, он достал платок, долго чихал в него, выигрывая время для продолжения размышлений.

— Начните свои показания с посещения офиса генерала О'Нейли в Нью-Йорке, — подсказал Духанин.

— Да что теперь говорить об этом! — И генерал опять сделал рукой легкую отмашку, потом опять вытер со лба пот. — Моя работа на ФБР и ЦРУ была подобна труду Сизифа, который бесконечно вкатывал на гору огромный камень, а он, достигнув вершины, снова скатывался вниз. Одним словом, это была бесплодная и бесславная работа на американцев.

— Побойтесь Бога, Дмитрий Федорович! Вы опять не искренни. Вы делали для Америки и ее спецслужб много ценного и полезного. А вот родную страну вы своей преступной деятельностью, наоборот, обкрадывали и унижали.

— Я считаю, что передача мной сведений американцам не принесла никакого вреда России. И время доказало, что я был прав. Как видите, ничего в мире и с Советским Союзом не случилось. Так какое же это преступление я совершил?

Духанин скептически усмехнулся, решив пока помолчать.

— Если даже и совершил, — продолжал Поляков, — то покажите всему миру свой гуманизм, что уголовное дело генерала Полякова не такой уж для советской державы принципиальный вопрос. Согласитесь, Александр Сергеевич, сильный всегда должен быть гуманным. Я же ничтожная песчинка, которая не может остановить процесс развития

Советской страны. В Библии сказано, что Бог создал разведку в то же время, когда он сотворил и небо, и землю, и человека. Господь всегда помогал разведчикам выполнять задание, а тех, кто проваливался или изменял ему, не отталкивал от себя, а относился к ним по-божески, то есть прощал их грех. Вот и вы отнеситесь ко мне, грешнику, по-божески.

Выслушав эту «притчу» и рассуждения своего визави, Духанин с трудом сдержался, чтобы в резкой форме не поставить его на место. Но все же ответил:

— А что же вы не вспоминали Бога, когда решали: изменять или не изменять своей Родине? Так что, товарищ генерал, есть вещи и поступки, которые никогда не прощаются! А за вами так много грехов, что мы будем еще долго разбираться в них.

Генерал потер лоб рукой, то ли пытался сосредоточиться, то ли просто смахивал пот, потом сказал:

— Перед каждой загранкомандировкой и перед возвращением в Нью-Йорк, в Рангун или Дели из отпуска я всегда уничтожал улики. Но иногда кое-что прятал, да так, что потом забывал о них.

— Это даже хорошо, что вы забывали о них, — лукаво улыбнулся Духанин. — Надеюсь, что теперь-то вы не будете уклоняться от прямых ответов.

— Тогда, полгода назад, я сразу понял, по какой статье доставили меня сюда. Знал я и о том, что за незаконное хранение оружия генералов из разведки в Лефортово не привозят. К тому же при аресте ваши волкодавы, или как там они у вас называются, проговорились, что задерживают меня по статье шестьдесят четыре «а». Что ж, теперь мне действительно некуда деваться.

— Оно и понятно: человек задним умом крепок. Каждый арестованный, кто был не в ладах с законом, обычно стремился после ареста прибиться к закону и как-то поладить с ним, а вы — нет.

Духанин долго смотрел на Полякова, ожидая услышать от него что-нибудь в ответ, но, так и не дождавшись, взглянул на часы и сказал:

— Что ж… Разговор о том, почему вы пошли на предательство и какой ущерб нанесли нашей стране, продолжим теперь послезавтра. А вы за это время подготовьтесь к тому, чтобы изложить все четко и полно…

* * *

Следователь Духанин, понимая, что расследование

уголовного дела на Полякова вступает в более ответственную фазу, занялся анализом имевшейся в ходе допросов и собранной оперативно-следственной группой информации, в том числе и опросов тех его сослуживцев, которые хорошо знали предателя. Наибольший интерес вызвали у Духанина показания начальника второго управления ГРУ генерал-лейтенанта Леонида Александровича Гульева, который в начале 60-х годов был подчиненным Полякова в нью-йоркской резидентуре. Он утверждал, что в провалах нелегальной сети военной разведки в США, а также некоторых агентов и доверенных лиц из числа иностранных граждан повинен только Поляков.

Духанин еще на предварительной стадии провел беседу с Гульевым и был уже тогда в курсе собранных им фактов, на основании которых подозревался в предательстве полковник Поляков. Но было в анализе тех фактов что-то искусственно натянутое, подогнанное под подозрения в отношении Полякова. И в то же время прекрасно воспитанному, интеллигентному, с широким кругозором и энциклопедическими знаниями генералу Гульеву нельзя было не верить. Тем более что следствие готово было тогда воспользоваться любым, даже мало-мальски или самым незначительным фактом в интересах дела. Но не могло быть и речи об использовании непроверенных фактов. Духанин по опыту знал, чем это может обернуться, тем более по таким делам, как измена Родине в форме шпионажа, когда обвиняемому грозила расстрельная статья.

Перед тем как вызвать на очередной допрос Полякова, Александр Сергеевич разложил по прозрачным папкам материалы допросов свидетелей и результаты проверки работы Полякова в США. Затем позвонил дежурному, чтобы привели к нему арестованного. Когда они остались вдвоем, следователь решил напомнить, на чем закончился позавчерашний допрос:

— Я просил вас два дня назад подготовить ответы на следующие вопросы: когда вкралось в ваше сознание намерение об установлении негласного контакта с американцами? Где и кто вас вербовал? Где проходили встречи и какого характера давались вам задания?

Поляков задумался, припоминая, как все начиналось и как потом все развивалось.

— Соображение о тайном контакте с американцами пришло мне в голову за полгода до окончания командировки в США, — начал рассказывать генерал. — После посещения офиса руководителя американской миссии Военно-штабного комитета при ООН у меня в тот же день вечером состоялась конспиративная встреча на одной из темных улочек Нью-Йорка с

сотрудником ФБР Джоном Мори. Но назвался он мне тогда Джоном Муром. В первое время фэбээровец считал меня подставой КГБ, — и это сильно угнетало меня. И голос разума подсказывал мне, что я, наверно, совершил непоправимую ошибку. Но, к сожалению, в то время я не понимал, что со мной происходило. Я находился как будто во власти какой-то неодолимой силы, овладевшей мной и влекущей в неизвестном направлении. Видя, что американцы продолжают не доверять мне, я начал выдавать им на каждой встрече все, что знал на тот период работы.

Информация исходила из меня каким-то неконтролируемым потоком. Два фэбээровца, которые в первые два месяца приходили в отель «Камерун» для встречи со мной в зарезервированный ими конспиративный номер, сидели всегда с включенным портативным магнитофоном и боялись даже прервать меня. Сначала я выдал им фамилии шести наших шифровальщиков, потом начал раскрывать ведомственную принадлежность сотрудников советской миссии при ООН, советского посольства и резидентур КГБ и ГРУ в Нью-Йорке и Вашингтоне. И в дальнейшем я сбывал жадным до всякой информации американцам различные секретные сведения. Где-то за месяц или полтора до моего отъезда на родину фэбээровцы, продолжавшие подозревать, что я все же подстава советской разведки, под сильным нажимом выудили у меня сведения о нелегалах. Я вначале упирался, но они, как я понял, уже знали, что я занимался в ГРУ подготовкой нелегалов и организацией последующего вывода их в другие страны, в том числе и в США. Проявив к этому повышенный интерес, они начали прессинговать меня вопросами о методике обучения нелегалов.

Поляков сделал паузу, потом продолжил свой признательный, жестокий, по сути, монолог:

— Короче говоря, я рассказал им все о системе подготовки разведчиков-нелегалов в ГРУ. Потом как-то совсем легко, не ведая, что творю, начал выдавать нелегалов. Сначала я назвал выводившихся в США по линии нашего первого управления Жакоба, Гайда, Тропову, Шурову, Норда, Мэйси, Хильду и Агнессу. Но предавал я не только их, но и тех сотрудников специальной разведки резидентуры, которые поддерживали с ними связь и руководили их работой. Это полковник Сажин, майоры Фекленко и Зыков, подполковники Мошков, Федоров и капитан Семенов…

Благодушное настроение допрашиваемого возмутило Духанина.

— Но зачем же было предавать своих же подчиненных?

— А чтобы американцы поверили в меня и не считали подставой.

Духанин несколько секунд оторопело смотрел на него, потом, не выдержав, упрекнул:

— Да как же так, Дмитрий Федорович?! Есть же золотое правило разведки: при возникновении опасности у агента — погибай сам, но обезопась и сохрани его. Есть и еще одно неписаное правило: если разведчик «в поле» попал под подозрение контрразведки противника, то он выводится из страны пребывания на родину. А делается это для того, чтобы продлить ему потом разведывательную жизнь в других регионах мира. Неужели вы этого не знали?

— Да, это все так, — согласился Поляков и, отпив глоток воды, обронил: — Да, самая большая опасность в разведывательном деле — это оказаться отрезанным от источников информации и от Родины…

— И как же тогда понимать вас после всего этого? — прервал его Духанин. — Говорите сейчас одно, а почему-то делали совсем другое. Дико даже, что во имя завоевания доверия у главного противника вы рубили сук, на котором сидели, сдавая американцам всех подряд — и товарищей по работе в резидентуре, и своих самых ценных помощников — нелегалов. Из-за вашего предательства некоторые из них вынуждены были покончить с собой, другие были арестованы и посажены в тюрьму на длительные сроки. Вы поломали судьбы сотен военных разведчиков, их агентов и нелегалов. После вашего отъезда из США их пришлось выводить оттуда через третьи страны, а по возвращении на родину они становились невыездными, потому что вы их засветили. По той же причине некоторые были отстранены от продолжения службы в разведке. И вы это прекрасно знаете, потому что находились тогда в Москве и работали в центральном аппарате ГРУ. Знали вы и о том, что из-за вашего предательства была провалена в США вся нелегальная сеть. Ликвидировано было в Центре и специальное подразделение по нелегальной разведке…

Сделав паузу, Александр Сергеевич вытащил из прозрачной пластиковой папки-уголка подготовленный оперативно-следственной группой список агентов-иностранцев, к работе с которыми был подключен Поляков, как заместитель резидента ГРУ в Нью-Йорке.

— Назову вам для подтверждения лишь некоторых из них. — И он начал перечислять псевдонимы агентов: — Дрон, Вольф, Дарк, Росман, Бард, Грант, Беджер, Карел, Горун, Марс и многие другие. Они были вам известны в период работы в Нью-Йорке?

По лицу генерала начала медленно растекаться болезненная бледность.

— Да, — негромко ответил он.

Духанин достал из пачки сигарету, прикурил, с жадностью затянулся и выпустил струю сизого дыма.

— А вы хоть когда-нибудь, после возвращения из Америки, раскаивались в том, что по собственной инициативе установили неслужебный контакт с американской спецслужбой и выдали ей не только секреты ГРУ, но и тех, кого вы называли своими негласными помощниками и сослуживцами? Вам не приходило в голову, что, изменяя Родине, вы предаете самых близких вам людей — мать, жену и сыновей? Что своим подлым поступком вы посрамляете родных своих и обрекаете их на вечный позор? Что до конца своей жизни они будут помнить, что являются родственниками человека, который предал их Родину?!

Духанин обратил внимание, как после каждой его фразы начинал нервно подергиваться уголок рта подследственного.

Взглянув горестно на следователя, Поляков с дрожью в голосе проговорил:

— Ваши слова о семье задели меня за живое. Я очень люблю их всех — и жену, и сыновей, и внуков. Но они не поверят, что я мог стать предателем, изменником Родины. — И он закрыл лицо руками, а когда немного успокоился и оторвал от лица руки, добавил: — Я практически с самого начала сотрудничества с ФБР понимал, что совершил роковую ошибку, тягчайшее преступление. Бесконечные терзания души, продолжавшиеся в тот период, так изматывали меня, что я не раз был готов явиться к вам с повинной. И только мысль о том, что потом будет с женой, детьми и внуками, да и страх позора, останавливали меня, и потому я продолжал свою преступную связь с ЦРУ, чтобы хоть как-то отсрочить час расплаты.

Духанин слушал внимательно: он всегда слушал арестованных не перебивая и предоставляя им возможность высказаться до конца. Выслушав Полякова, Александр Сергеевич покачал головой и укоризненно произнес:

— Да, Дмитрий Федорович, у вас был шанс, и не один, очиститься от греха иуды. По возвращении из каждой загранкомандировки или в те годы, когда вы приезжали в Москву в отпуск, вы могли бы без каких-либо осложнений и последствий для себя признаться в грехах своих, перестать делать зло для своей Родины. Самое удачное время складывалось для вас в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году, когда с государственных постов был снят ненавистный вам правитель страны Никита Хрущев. Если бы вы заявили тогда о прекращении

своей связи с ЦРУ, то вы сейчас не находились бы здесь, в Лефортово. Но, к сожалению, вы так и не осознали греха своего, продолжали вредить стране.

Генерал долго молчал, потом выпрямился, расправив широкие плечи и тяжело вздохнув, сказал:

— Что теперь говорить об этом. Поезд ушел. А главное, в тот период я переступить через самого себя уже не мог. Мне было тогда чрезвычайно интересно работать на грани риска. Причем сразу на два ведомства — на ГРУ и на ЦРУ.

— Я вообще удивляюсь, как удавалось вам быть одинаково успешным слугой двух господ: и ГРУ, и ЦРУ?

Поляков усмехнулся и, немного подумав, спросил:

— Какой ответ вы хотите услышать? Честный или дипломатичный?

— Сначала дипломатичный, а потом посмотрим.

— Служить «нашим» было труднее и сложнее, чем американцам. Особенно в Москве, где мне приходилось быть все время начеку, быть предельно вежливым, осторожным и угодливым, особенно по отношению к начальству. А с американцами все было проще — их надо было постоянно подкармливать секретной или даже для служебного пользования информацией.

— Это дипломатичный ответ, а теперь давайте честный.

— А если говорить честно, то я, конечно, больше работал не на свою страну, а на ФБР и ЦРУ. В дальнейшем, когда меня командировали в Бирму и Индию, я отчитывался перед Центром только тем, что нарабатывали мои подчиненные. Утаивать от Москвы полученную ими информацию было бессмысленно и опасно. А что касается лично меня, как главного военного атташе и руководителя резидентур, то это была самая настоящая имитация моей ответственной службы Родине. В Индии и Бирме я больше уделял внимания поездкам с американскими коллегами на охоту и рыбалку. Обобщение поступавших материалов, их анализ и подготовка отчетных данных в Центр возлагалась на моих заместителей: в Рангуне — на Владимира Николаевича Фекленко, а в Дели — на Леонида Морозова.

— О ваших делах в Рангуне и Дели мы поговорим на последующих допросах, — предупредил следователь. — А сегодня, и завтра, и в другие дни недели, а может быть, и всего месяца вы будете давать показания о работе в Америке. Минут десять назад я спросил вас, не раскаиваетесь ли вы перед теми, кого предали.

— Да какое это теперь имеет значение?! — прервал его Поляков. — Вы же не хуже меня знаете, что позднее раскаяние

никому ничего не дает и никого не спасает.

— Но без раскаяния нет и прощения. И на этом, и на том свете.

— Нет, Александр Сергеевич, ни в чем я не хочу раскаиваться. Я считаю, что смерть одного или двух разведчиков-нелегалов или агентов-иностранцев не так страшна, как если бы погибло все человечество. А я делал тогда все возможное и невозможное, чтоб этого не произошло, чтоб сохранить жизнь на Земле. И потому горжусь своей миролюбивой миссией в Америке, которую я продолжил потом и в Индии, и в Бирме, и в нашей стране. И если даже кого-то из разведчиков и агентов я и выдал противнику, то это пустяки по сравнению с тем, что я пытался сделать для всеобщего блага, для справедливости и мира. Предавая иногда целую страну, человек спасает тем самым весь земной шар. И потому я нисколько не стыдился, когда предавал отношения профессионального доверия у бывших подчиненных и у тех, с кем работал в Центре.

Стратегия поведения на допросах, выработанная Поляковым после ареста, заключалась в том, чтобы в процессе сотрудничества со следствием минимизировать последствия своего предательства, признаваться в одном и отрицать другое.

Духанин понял это давно. Вот и на сей раз, выслушав демагогический монолог генерала, он еще раз убедился, что Поляков всему, что было в его предательской деятельности, будет стремиться находить хоть какое-то оправдание.

— Если я правильно вас понял, Дмитрий Федорович, то получается, что, выдавая противнику своих коллег, разведчиков-нелегалов и агентов, вам было все равно, что с ними будет и как с ними поступят?

— Да, мне было все равно, — равнодушно отозвался Поляков.

— А почему?

— Потому что это была моя работа по линии ЦРУ. А впрочем, какое это теперь имеет значение?

— Это очень важно для меня и для предстоящего судебного разбирательства. То, что вы выдавали американцам своих коллег и агентов, это далеко не пустяки, как вы только что выразились. Люди из-за вас, повторяю еще раз, серьезно пострадали, а некоторые, как я уже говорил, покончили с собой. Так вот советские законы строго карают тех, кто доводит людей до самоубийства.

— Мне все ясно, — закивал Поляков.

— Что вам ясно? — удивился следователь.

— Что вам плевать на судьбы планеты и всего человечества из-за каких-то трех-четырех человек, наложивших на себя руки…

Поляков умолк, не закончив фразы, слова будто застряли у него в горле, и поэтому он не смог говорить дальше. Да и не нужно было что-то говорить: после трехчасового допроса 65-летний генерал заметно устал и начал опять оправдываться, возомнив себя чуть ли не «спасителем вселенной» и самым «миролюбивым миссионером на Земле». Предположение Духанина о психологическом перенапряжении подследственного подтвердилось в ту же минуту: генерал отпил глоток воды и, приложив руку к левой стороне груди, жалобным тоном проговорил:

— Что-то сердце начало опять у меня пошаливать. Разрешите, Александр Сергеевич, пойти полежать немного.

Духанин окинул сочувствующим взглядом Полякова, набрал по телефону дежурную службу и вызвал конвойных для доставки арестованного в следственный изолятор.

* * *

В течение нескольких дней Поляков давал подробные показания о своей вербовке в Нью-Йорке, о местах проведения встреч с операторами из ФБР, какую информацию передавал им, что больше интересовало их и какие задания ему давались. Еще четыре дня потребовалось Полякову только на то, чтобы вспомнить и перечислить поименно хорошо известных ему по совместной службе за границей разведчиков ГРУ и ПГУ КГБ СССР, работавших под «крышей» посольства и других советских учреждений в Америке, а также о нелегалах и агентах из числа иностранных граждан. Духанин понимал, что когда будет подсчитан ущерб, нанесенный Поляковым советской внешней и военной разведкам за период работы в США, то цифры окажутся весьма внушительными. На данный момент расследования стало известно, что Поляков выдал американцам 92 агентов-иностранцев, раскрыл принадлежность к отечественным спецслужбам 198 офицеров, 6 шифровальщиков, 19 разведчиков-нелегалов…

Сообщив генералу эти цифры, Духанин ожидал, что тот начнет опровергать их или они вызовут у него чувство раскаяния, но тот в ответ лишь улыбнулся, потом иронично заявил:

— Уж не собираетесь ли вы, Александр Сергеевич, ходатайствовать перед руководством ЦРУ о поощрении меня за такие результаты?

Следователь посмотрел на него пронизывающим взглядом карих глаз и только потом холодным тоном произнес:

— Не вовремя и не к месту ваша ирония, гражданин Поляков. Вы ломали судьбы сотен людей, в их числе много ваших коллег и их агентов, а теперь позволяете себе еще шутить и иронизировать. — И сердито добавил: — Не забывайте, где и в связи с чем вы находитесь здесь!

Генерал сразу сник.

— Извините, Александр Сергеевич. Я не думал и не ожидал, что последует такая ответная реакция на мою первую шутку за все время допросов.

Чтобы сдержать вспыхнувший гнев и не дать ему воплотиться в какие-нибудь нежелательные слова, Духанин поспешил взять себя в руки. Когда самообладание вернулось к нему, он, чтобы поставить Полякова на место, решил ознакомить его с полученными накануне результатами экспертиз по ряду предметов, изъятых при повторных обысках по местам его проживания, в том числе и в доме его матери.

— На одном из предыдущих допросов, — начал совершенно спокойно Духанин, — вам была предъявлена в качестве доказательства противоправной деятельности изъятая на чердаке дома вашей матери свинцовая трубка с хранившимися в ней микрофотографиями инструкций по связи с американским разведцентром и тремя шифрблокнотами. Теперь вот я предъявляю вам для ознакомления заключения экспертов, согласно которым обнаруженные при обысках в квартире и на даче предметы являются вещественными доказательствами вашей шпионской деятельности. Это транзисторный радиоприемник «Нэйшнл Панасоник» модели RF-3000, который по заключению экспертов предназначался для прослушивания радиопередач в диапазонах длинных, средних, коротких и ультракоротких волн. Его технические характеристики позволяют осуществлять в Москве и Московской области прием передач зарубежных радиостанций. Обнаруженное подзарядное устройство марки «Сони» и три аккумулятора «Кандика» обеспечивали поддержание в Москве регулярной двусторонней агентурной радиосвязи с американским разведцентром. В дорожном несессере, по заключению экспертов, был тайник для хранения щифрблокнотов, а в справочнике по перезарядке боеприпасов к стрелковому оружию имелись двадцать чистых листов с заголовками «Для заметок», являвшихся тайнописной копиркой. Несколько листов внутреннего конверта для грампластинки «На Бродвее» были средством нанесения тайнописи. В подложку брелока для ключей закамуфлирована инструкция по связи с разведцентром. В пластмассовой коробочке с крышкой бело-красного цвета хранились таблетки для проявления тайнописи.

Вы подтверждаете предназначение этих вещей к шпионскому арсеналу и их принадлежность вам?

Наступила долгая пауза. Глубоко вздохнув и внимательно взглянув на следователя, Поляков кивнул:

— Да, я все это подтверждаю.

— Тогда у меня будет другой вопрос. Ранее вы показывали, что передавали американцам информации больше, чем в свой разведцентр. Поясните, пожалуйста, откуда вы ее черпали.

Поляков кивнул и, подумав секунду, ответил:

— В первое время сотрудничества с ФБР я обладал уже немалым запасом информации о структуре ГРУ, об организации работы в оперативных подразделениях. Я знал все о методике подготовки нелегалов и их выводе в разные страны. Знал все о составах резидентур вашей внешней и нашей разведки. Располагал я, естественно, и кое-какими знаниями о специфике работы ГРУ и ПГУ. Обо всем этом я информировал ФБР дозированно: на одной встрече давалась одна порция, на второй другая и так далее. Передавал периодически поступавшие из Центра указания, копии шифротелеграмм и различных документов. Особый интерес американцы проявляли к структуре, задачам и деятельности советской миссии при ООН, в которой я работал. В Москве же было еще больше возможностей для сбора, обработки и хранения информации разного характера. А черпал я ее из закрытого фонда оперативной библиотеки, из журналов «Военная мысль» и из разговоров со своими коллегами — офицерами, начальниками отделов и управлений. Короче говоря, каждый сослуживец являлся объектом получения втемную необходимых мне сведений. Но подходил я к этому очень осторожно. Чужие секреты выдавал только тогда, когда знал, что к ним причастны и другие «секретоносители». Это необходимо было для того, чтобы в случае утечки информации, а этим, естественно, могли заинтересоваться органы госбезопасности, я мог бы подстраховать себя, поскольку с секретами соприкасался не я один. И их мог выдать любой из «секретоносителей»…

Как и на предыдущих допросах, Духанин не прерывал Полякова, лишь изредка задавал уточняющие вопросы, иногда даже втягивал его в обсуждения и в споры по конкретным или пространным темам. Этим самым следователь предоставлял Полякову говорить как можно больше, пользуясь формулой, которую он применял с самых первых допросов: «язык человеку дан для того, чтобы скрывать свои мысли, но узнавать чужие». Это была очень важная работа следователя, когда торжествовало правило: «Торопись медленно!»

— Получал я нужную для ЦРУ информацию и в Генштабе

Вооруженных Сил, — продолжал генерал. — Там у меня были свои знакомые старшие офицеры, которых я по возвращении из загранкомандировок тоже одаривал американскими сувенирами. Взамен получал, также втемную, сведения весьма секретного характера.

Зафиксировав показания обвиняемого, Духанин попросил его вспомнить и назвать, что из подарков он привозил для тех, кого использовал втемную.

На лице Полякова появилось удивленное выражение:

— Но так вот сразу я не могу вспомнить, что привозил из Нью-Йорка, что из Рангуна или Дели. Я, конечно, попытаюсь это сделать. Если вы не возражаете, изложу вам потом письменно. Так пойдет?

— Хорошо, оставим пока вопрос о подарках и сувенирах. Перейдем к московскому периоду вашей шпионской деятельности. Но сначала дайте показания: чем вас снабдили американцы перед отъездом в Москву в июне шестьдесят второго года? И как вы должны были поддерживать связь с посольской резидентурой?

Поляков кивнул в ответ.

— Да, меня снабдили тогда двумя шифрблокнотами для кодировки сообщений, дали шариковую ручку, на стержне которой крепилась микропленка с условиями связи. Предложили они мне и график проведения на Ленинских горах тайниковых операций, но я категорически отказался тогда от Ленинских гор…

— Поясните почему? — прервал его удивленный следователь.

— Потому что американцы уже проводили там подобные операции с другими своими агентами, которые там и были арестованы. Контрразведка уже знала, где ей надо охотиться за «кротами». Поэтому я предложил своим оператором другие места и нарисовал им по памяти свою схему расположений тайников. Это на улице Арбат, затем около Академии имени Дзержинского и при входе в Парк культуры и отдыха имени Горького. Тогда же меня обеспечили двумя приставками к фотоаппарату для вертикальной и горизонтальной фотосъемок и одной катушкой с защищенной пленкой. Эта пленка была рассчитана на специальное проявление. На случай острой необходимости дали мне номер телефона американского посольства в Москве и словесный пароль: «607. Мэдисон-авеню»…

— Так что еще? — начал вспоминать Поляков. — Да, чуть не забыл самого главного: американцы обеспечили меня таблеткой цианистого калия, которая по форме и внешнему виду ничем не отличалась от наших советских таблеток. И хотел бы подчеркнуть еще одну немаловажную деталь…

— Подчеркивайте, я слушаю вас и продолжаю записывать, — отозвался Духанин, не отрывая взгляда от протокола допроса.

— Когда Джон Мори инструктировал меня перед отъездом из Нью-Йорка, я выдвинул ему тогда свои условия работы в Москве с незнакомыми для меня операторами из ЦРУ. Я сказал, что работать с ними буду только на бесконтактной основе и что места для закладки тайников буду подбирать сам. Тогда же предупредил, что выходить на связь в условиях Москвы по их графику я не намерен.

— Почему? — удивился следователь, поднимая голову и устремляя взгляд на генерала.

— Потому что боялся вашей легендарной «наружки». Мне было известно, что она плотно опекала работавших в Москве американских разведчиков. Попадать в поле ее зрения из-за них я не хотел. Да, чуть не забыл: предусматривалась еще связь посредством публикаций частных лиц в разделе объявлений в газете «Нью-Йорк таймс». Эти объявления должны были адресоваться человеку с моими инициалами, то есть «Д.Ф.».

— И все же вы пошли тогда на установление связи с ЦРУ в Москве? Жаль, что вы не использовали в то время свой первый шанс, чтобы сойти с позорного пути и снизить градус совершенного вами зла.

Поляков пожал плечами.

— Не мог я тогда сойти с этого пути из-за того, что американцы могли запросто отомстить мне за уход от них. Они выдали бы меня со всеми потрохами. И я так или иначе оказался бы здесь, в Лефортово.

— И это было бы лучше и для вас, и для нас. Тогда бы вы на двадцать четыре года меньше ущерба принесли бы нашей стране и в целом советской разведке.

— Значит, наверно, так было угодно Богу, — усмехнулся Поляков.

Духанин также иронически улыбнулся и сказал:

— Вы упустили в своих показаниях один существенный эпизод, случившийся с вами в Америке. Он произошел в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году при проведении партийного актива представительства СССР при Организации Объединенных Наций с участием заместителя министра иностранных дел Андрея Януарьевича Вышинского…

Помассировав виски кончиками пальцев, Поляков понял намек следователя и стал неторопливо рассказывать:

— Да, был такой малоприятный эпизод, который чуть было не закончился полным крахом для меня. Это произошло действительно в пятьдесят третьем году после смерти Сталина.

Партийная организация представительства СССР при ООН проводила тогда партийный актив, посвященный подготовке восьмой сессии Генеральной Ассамблеи. Доклад делал постоянный представитель СССР при ООН товарищ Вышинский. В своем докладе он, в частности, коснулся вопроса о том, что на сессии опять будет поставлен вопрос о сокращении вооруженных сил и вооружений на одну треть. При этом он сделал оговорку, что некоторые дипломаты хоть и возражали на выдвижение этого вопроса, тем не менее он будет поставлен на обсуждение. После его доклада выступил в прениях и я. Я сказал, что постановка вопроса о сокращении вооружений в прежней форме не даст должных результатов. Именно эта часть выступления и подверглась резкой критике со стороны его заместителя Царапкина1. На следующий день Вышинский вызвал меня и в присущей ему грубой манере, с многочисленными оскорблениями начал объяснять необходимость постановки вопроса о сокращении вооруженных сил. А для более глубокого понимания этого вопроса он дал мне сборник своих выступлений, связанных с сокращением вооруженных сил и запрещением атомного оружия. Тогда же Вышинский предупредил меня, что этот вопрос был уже согласован с Советским правительством, и потому не следовало выступать мне с подобной критикой.

— Это вы тогда легко еще отделались, покритиковав позицию СССР в вопросах разоружения, — констатировал Духанин, сделав вид, что ничего не знает о последствиях его критического, никем не санкционированного выступления на партсобрании.

Поморщившись, как от зубной боли, генерал заметил:

— Если бы легко… Этот Вышинский же зверюга был! Он в то время поставил перед резидентом вопрос о доверии мне. Об этом было немедленно доложено в Центр. Я по сей день благодарен резиденту за то, что он в своей шифровке в Москву защитил меня.

— Каким же образом он мог вас защитить перед всемогущим Вышинским и его указанием о недоверии вам?

Поляков, почесав затылок, ответил:

— Резидент поступил тогда мудро, он смягчил мой поступок, сообщив руководству Центра о том, что мое критическое выступление объясняется незнанием сути политического вопроса и неумением излагать свои мысли. И был сделан в шифровке вывод, что оснований к недоверию мне нет.

— А как вам стало известно о содержании этой шифровки? И было ли обсуждение в ГРУ необдуманного и рискованного поступка на том собрании после возвращения из США?

Генералу не понравились оба вопроса, он кисло взглянул на следователя, потом отвел взгляд в сторону и сказал:

— О содержании шифровки мне рассказал впоследствии, если я не ошибаюсь, перед самым назначением меня главным резидентом в Индию, начальник управления кадров Изотов. А что касается обсуждения моего рискованного шага, то оно не состоялось. После проведенной Вышинским профилактики трогать меня не стали. Это дело просто замяли. Да и к чему было раздувать его, если я высказал личное мнение. Да и выступление мое на том партийном собрании не причинило никакого вреда ни военной разведке, ни нашей стране. Это во-первых. Во-вторых, руководству ГРУ было не выгодно раскрывать перед всем оперативным составом антисоветскую позицию не простого офицера, а полковника-фронтовика, награжденного в годы войны двумя боевыми орденами. Критиковать внешнеполитическую линию Советского государства в вопросах разоружения было тогда невероятным и позорным поступком для офицера ГРУ. Я уже говорил на одном из предыдущих допросов, что только личное неприятие всех реформ и волюнтаристических замашек Хрущева подтолкнуло меня через восемь лет после смерти Сталина к тайному сотрудничеству с американцами. Я был уверен, что найду у них полное понимание своих политических взглядов и убеждений. И действительно, я нашел среди них единомышленников, которые, как и я, придерживались реального подхода к международным проблемам. Мне кажется, и я, наверно, буду прав в том, что когда решается вопрос будущего человечества, войны и мира, то надо брать в союзники даже тех, кто находится и в стане главного противника. Для победы над тоталитарным режимом таких властителей, как Хрущев, я согласен был сотрудничать даже с самим Люцифером!

Поляков сделал паузу, ожидая, что скажет на это следователь. Но Духанин, спрятав свое негодование под маску вежливости, продолжал молча писать протокол, потом спросил:

— А почему вы все те годы вели тайную войну со своим государством в основном за его пределами? Многие диссиденты и антисоветские элементы, сталкиваясь с теневыми сторонами советской действительности и политическим злом, вели борьбу здесь, в своем Отечестве. Они тоже не соглашались с политическим режимом и Хрущева, и Брежнева, но, в отличие от вас, они не изменяли Родине, чтобы поливать ее дерьмом.

Нервно дернув головой, Поляков сморщился и сказал, не глядя на следователя:

— Вот уж действительно, кто-кто, а кагэбешники по любому фасону могут лапти сшить. И, что самое удивительное, даже без примерки!

— Не будем сейчас об этом. Давайте лучше вернемся к вашей

тайной войне с тоталитарным режимом.

— Да, я боролся с эти режимом больше четверти века и пришел к выводу, что наша партия — это партия диктата. Она не разрешает никому отходить в сторону от ее официального курса. Она изгоняет из своих рядов за малейшее несогласие с ее линией. Только по этой причине я выполнял ее партийные поручения, нигде и никогда не заявляя открыто о своих взглядах. Для меня лично неприемлема была и тогда, и сейчас однопартийная система, которая не давала полной свободы всем советским людям. Информируя об этом моих американских операторов, я был уверен, что такая информация не причинит вреда нашей стране. Вся беда в том, Александр Сергеевич, что у нас, в Советском Союзе, если ты не согласен с политикой партии и правительства, то ты автоматически становился антисоветчиком.

Таким образом, Поляков по-прежнему придерживался той же тактики поведения: всеми способами преподносить себя как приверженца социал-демократических преобразований и как патриота своей страны, ратующего за справедливость; выдавать себя за борца с тоталитарным режимом и моральным разложением советского общества, начавшимся при Хрущеве, и говорить о том, что никакой он не изменник Родины и не предатель. Он явно думал: «А если окажусь прижатым к стене и загнанным в угол вещественными доказательствами, то должен соглашаться кое в чем и убеждать, что стал жертвой политических и идеологических обстоятельств, и таким образом направить процесс следствия, а затем и военного суда в политическое русло. Только в этом случае мне можно будет рассчитывать на снисхождение…»

Но и следователь был не лыком шит: он давно уже раскусил уловки своего подопечного. Видя, что Поляков пытается инстинктивно защищаться и говорить многое в свое оправдание, Духанин как бы вскользь заметил:

— Вы, Дмитрий Федорович, были более радикальны, чем диссиденты. Что бы вы ни говорили мне сейчас, градус зла и критики советской власти у вас намного выше, чем у них.

Поляков был удовлетворен, что следователь признал его идейным образцом. И тут же заметил:

— С появлением в СССР диссидентского движения я понял, что не одинок был в своих сомнениях в отношении проводимой в стране политики. Но я отчетливо понимал полную бесперспективность этого движения в условиях существовавшего в стране режима. И потому у меня никогда не возникало желания примкнуть к диссидентам. Да, я во многом соглашался с их взглядами, но, к сожалению, не находил у них ясно выраженной,

единой программы и идеологической платформы. Мне представлялось, что диссиденты, как и я, жертвовали собой каждый в отдельности и потому успеха не имели.

Сделав об этом запись в протоколе допроса, Духанин ободряюще произнес:

— А теперь давайте вернемся назад и уточним кое-что. Вы говорили, что ваше критическое, антисоветское выступление на партактиве советского представительства в Нью-Йорке могли замять в Москве. А как же получилось, что после возвращения из первой командировки в США через пять лет вас снова выпустили в Америку? Ведь на тот период времени вы, имея такую компру, никак не соответствовали требованиям инструкции ЦК КПСС по подбору кадров для работы за границей, особенно в капиталистических странах. Наверно, у вас была солидная поддержка в руководстве ГРУ? Например, в политотделе? Может быть, потому и замяли ваше дело, связанное с недоверием и профилактикой вас самим Вышинским?

— Вы, очевидно, намекаете на начальника управления кадров Сергея Ивановича Изотова? Если вы имели в виду его, то он тогда работал еще в ЦК КПСС. К нам, в ГРУ, он пришел намного позже. Это потом уже, после второй командировки в Нью-Йорк, я нашел к нему подход через американские подарки. С того времени и начал действовать какой-то скрытый механизм, делающий наши взаимоотношения легко осуществимыми и вполне объяснимыми. Впоследствии при каждом возвращении в Москву в отпуск или по окончании командировок я всегда привозил для него самый ценный подарок. Наиболее дорогим был серебряный сервиз из Индии. Принимал он подарки всегда охотно, руководствуясь принципом: не возьмешь ты, возьмет кто-нибудь другой. Эту его потребность в дорогих заморских подарках я, конечно, использовал в своих личных интересах…

— В каких именно?

— Прежде всего, в продвижении по службе и в получении генеральского звания…

Поляков еще много чего рассказал о своей карьере. Его память дополняла немало подробностей о кадровой политике и моральном климате в ГРУ, о самом Изотове, с помощью которого он, к большому удивлению следователя, ожидал назначения на должность начальника оперативного управления — второго или третьего — и таким образом собирался дослужиться до звания генерал-лейтенанта.

Лукаво улыбаясь этому бесхитростному желанию допрашиваемого, Духанин сделал последнюю запись, закурил и, подавая Полякову протокол допроса на подпись, объявил:

— Встретимся теперь через два дня. За это время вы должны вспомнить все о своих контактах с американскими дипломатами: что передавали им, где встречались с ними и какие задания получали от них…

* * *

На последующих допросах агент ЦРУ Поляков дал подробные и правдивые показания о своем сотрудничестве в Бирме с американскими разведчиками Джеймсом Флинтом и Алвином Капустой, работавшими «под крышей» посольства США в Рангуне. К тому времени между допрашиваемым и следователем установился хороший психологический контакт, который был основан на полном доверии друг другу. Генеральская гордость и амбиции бывшего военного разведчика Генштаба Вооруженных Сил СССР ушли из его души, исчезли и признаки капризного тщеславия. В часы ночных бдений генерал-шпион с трудом преодолевал происходивший в нем перелом иудина греха: уж очень не хотелось ему признавать, что за свое многолетнее предательство он не заслужил права на жизнь. Невзирая на это, он вел себя всегда достойно, не унижался, не лебезил перед следователем и ни о чем его не просил. За прошедшие одиннадцать месяцев почти каждодневных допросов и нахождения в следственном изоляторе следователь Духанин стал тем единственным человеком, которому доверялось все личное и советы которого были очень важны для него.

Понимая, что поставил на карту судьбу своей семьи, Поляков глубоко переживал не за себя, а за жену и сыновей1. Мучительно ожидая завершения бесконечно монотонного процесса следствия, он уже психологически устал от подневольной, почти целый год анафемской жизни, какой и врагу не пожелаешь. Выбитый из привычной жизненной колеи, он опирался теперь только на внутреннюю убежденность в правоте своей измены Родине и на силу своего властного и мстительного характера. Видя его полную опустошенность и страдания от любви к родным и близким, о которых Поляков иногда вспоминал в процессе допросов, следователь в душе сочувствовал ему и не раз предлагал встретиться с женой и сыновьями в Лефортовском изоляторе. Однако арестованный каждый раз отказывался от свидания:

— С какими глазами я появлюсь перед ними, что буду говорить им?! Я же разрушил не только свою жизнь, но и их судьбы. Нет, Александр Сергеевич, не надо пригвождать меня к

позорному столбу перед ними!

И хотя Духанин в процессе многомесячного расследования узнал многое о Полякове, однако до конца разобраться во внутреннем мире генерала военной разведки было ему не легко. Даже те офицеры, которые знали Полякова долгие годы, не могли понять, что он за человек, а уж раскусить его за одиннадцать месяцев допросов было невозможно.

По истечении еще двух месяцев допроса Духанин почувствовал, что Поляков стал более откровенен. Но, несмотря на это, почти все его показания, особенно наиболее важные, тщательно исследовались и перепроверялись сотрудниками Третьего главка КГБ и оперативно-следственной группы. И делалось это не потому, что Духанин подозревал его во лжи или в манипулировании фактами. Все дело в том, что через двадцать пять лет Поляков мог, конечно, что-то и забыть или даже внести путаницу в давно прошедшие события. Кстати, это случалось иногда, несмотря на то что Поляков обладал феноменальной памятью. Поэтому и самому Духанину приходилось что-то уточнять, возвращаясь к ранее данным показаниям.

— Неделю назад вы сообщили, что в Бирме был выдан вами агент ГРУ Джек Данлап[99], имевший псевдонимом Дарк. Что завербован он был подполковником Мантровым. Осмотром дел оперативной переписки было установлено, что ваши показания относительно Дарка не точны. К работе с ним подполковник Мантров никакого отношения не имел. Его агентом был сотрудник ФБР Дан Драммонд. Что вы можете показать относительно этого несоответствия?

Поляков: Я действительно ошибся в своем прежнем показании. Фактически дело обстояло следующим образом. Работая в Центре в качестве куратора вашингтонской резидентуры ГРУ, я имел по долгу службы доступ и к личному делу Дарка. Он поставлял нам ценные сведения о дислокации вооруженных сил США и о планах Североатлантического комитета; о средствах радиотехнической разведки США, Англии и Канады; о результатах перехвата радиосетей Вооруженных Сил СССР. Особенно высоко оценивалась его информация, касавшаяся пролетов американских самолетов-шпионов над территорией СССР. Поступали от него и другие важные разведсведения. Провал Дарка произошел только по вине главы советского правительства Никиты Хрущева во время его визита в Соединенные Штаты Америки. Перед поездкой туда Хрущев получил от нас достоверные сведения о запланированных новых полетах американских разведывательных самолетов над СССР. Речь шла о намерении США послать шпионский самолет «У-2» в

воздушные пространства Советского Союза с целью обнаружения местонахождения наших радиолокационных установок ПВО на Кавказе. Рассердившись, Хрущев пригласил к себе посла США в Москве и в беседе с ним предупредил, что нам известно о замышляемых американцами новых провокационных акциях. И если полеты не будут отменены, то мы накажем США точно таким же образом. О существе беседы Хрущева с американским послом знал крайне ограниченный круг лиц. Приехав в Америку для участия в работе Генеральной Ассамблеи ООН, Никита Сергеевич встретился в Вашингтоне с военным атташе генерал-майором Родионовым. Родионов попросил Хрущева не разглашать на заседании Ассамблеи ООН сведения, полученные агентурным путем. Но Хрущев, будучи человеком упрямым, болтливым и вспыльчивым, разгласил тогда секретную информацию, поступившую к нам от агента Дарка. Никита прямо заявил, что получил достоверные сведения о том, что США запланировали разведывательный полет в район Черноморского побережья Кавказа и что дал уже указания сбить его. Естественно, что после всего этого ФБР бросилось искать виновника утечки сверхсекретной информации. Как рассказывал мне потом капитан второго ранга Осипов, у которого одно время был на связи Дарк, ФБР после визита Хрущева начало выяснять через налоговое ведомство, откуда появились у него крупные денежные средства для покупки «ягуара», двух «кадиллаков» и большой крейсерской яхты. Поняв, что попал в поле зрения контрразведки и что его вот-вот арестуют, Дарк покончил жизнь самоубийством летом тысяча девятьсот шестьдесят третьего года.

Духанин: А какие показания вы можете дать о сотруднике ФБР Дане Драммонде, работавшем на вашу военную разведку?

П.: Драммонд передавал Мантрову сведения о работе ФБР против работников советских учреждений в Вашингтоне. Между прочим, именно с появлением на связи у Мантрова этого агента для меня возникла реальная опасность провала, поскольку Дарк мог сообщить Мантрову о моем сотрудничестве с американцами.

Д.: Осмотром дел оперативной переписки рангунской резидентуры ГРУ с Центром установлено, что в своем отчете от 19 апреля 1966 года вы указали, что через Джона Мори закрепили отношения с начальником «MEDT» полковником Джоном Мерритом и что «MEDT» представляла якобы интерес для вашей разведки. На предыдущих допросах вы давали иное освещение моментов, связанных с «бизнесменом» Мори и организацией «MEDT». Имеете ли вы в настоящее время какие-либо уточнения или дополнения по данным вопросам?

П.: Да, имею. Джон Мори прибыл в Рангун под прикрытием

должности финансового инспектора Министерства обороны США, то есть по линии военной организации «MEDT». Первая встреча с ним, как я и указывал ранее, была проведена на конспиративной основе в кабинете полковника Хоупта в здании американского посольства. Думаю, что Меррит не был информирован об истинной цели прибытия Мори в Бирму, как и о моем сотрудничестве с ним. «MEDT», конечно, не представляла разведывательного интереса, но я преподнес эту организацию как особо важный военный объект, а сделано это было для того, чтобы продемонстрировать Центру свою активность в установлении оперативных контактов и развертывании работы по главному противнику. А еще мне надо было под этим предлогом легализовать свою связь с Мори, которого я представлял Центру как якобы уже завербованного мною агента.

Д.: То есть вы выдавали желаемое за действительное. И, очевидно, это получалось у вас неплохо, если судить по «вербовкам» подставленных вам «дипломатов» из ЦРУ Джеймса Флинта и Алвина Капусты в Рангуне, Уолтера Вильямса, Пауля Диллона, Роберта Марциновски и Вольдемара Скотцко в Дели. О вашем сотрудничестве с американцами в Индии мы поговорим несколько позже, а сейчас дайте, пожалуйста, показания относительно задания, которое вы получили в Бирме на Москву.

П.: В задании исключительно большое значение отводилось фактическому состоянию и перспективам работы нелегальной разведки ГРУ. Американцы полагали, что объективно нелегальная военная разведка должна возродиться и со временем может превратиться в эффективный инструмент ГРУ в кризисных ситуациях и в военное время. Вопросом воссоздания нелегального подразделения очень часто интересовались у меня цэрэушники, уж очень им хотелось внедрить в эту службу своего квалифицированного агента. И, как я понял, они возлагали большие надежды на меня. А что касается задания на Москву, то мне ставилась задача по выявлению планов СССР по использованию ядерного оружия, состоянию боевой подготовки войск и по разработке образцов вооружения и военной техники.

* * *

На следующем допросе Поляков сообщил следователю Духанину о том, что в Бирме он передал американской разведке все сведения о работе подчиненного ему разведаппарата: о находившихся на связи агентах и доверенных лицах — об их псевдонимах, местах работы, национальности, положении в обществе и времени вербовки или установления оперативного контакта. Сообщил он и о том, что по возвращении из Бирмы был назначен начальником направления стран Юго-Восточной Азии, что в Москве была проведена только одна тайниковая операция на улице Малая Бронная у магазина «Продукты», что после ее проведения он два с лишним года не выходил на связь с американцами. Те, естественно, обеспокоились столь долгим молчанием своего ценного агента и, чтобы выяснить причины этого, «заманили» его в числе других офицеров ГРУ и Министерства обороны СССР в посольство США, официально пригласив их на прием по случаю приезда в Москву «бизнесмена» Джона Харрисона Меррита, с которым Поляков поддерживал дружеские отношения в Бирме. На том приеме он постоянно находился рядом с Мерритом и сообщил ему о том, что в начале 1973 года предстоит долгосрочная командировка в Индию.

Что собранные им сведения о существующем в ГРУ особо секретном подразделении по повстанческим движениям в странах Юго-Восточного региона и о действующих там агентах военной разведки передать Мерриту не представилось возможным, так как обстановка и условия приема в посольстве США не позволяли это сделать. Что передачу этих сведений он осуществил лишь по прибытии в Индию через военного атташе при посольстве США Вильяма Кинга.

А через несколько дней для восстановления связи с ним туда же прилетел из США представитель ЦРУ Уолтер Вильямс. Он был представлен Полякову как торговый сотрудник компании «Нортроп». Для прикрытия своей связи с ним Поляков сообщил в Центр, что у него появилась возможность взять в вербовочную разработку торговца американской фирмы «Нортроп», производящей электронное оборудование. Получив из Москвы согласие на контакты с Вильямсом, Поляков провел с ним пять встреч, однако их результатами Центр был разочарован и высказал мнение о бесперспективности дальнейшей работы с таким «фирмачом».

После этого на смену Уолтеру Вильямсу в Дели прибыл

кадровый разведчик Пауль Лео Диллон, который в совершенстве владел русским языком.

— О своем знакомстве с первым секретарем американского посольства Диллоном, — продолжал давать показания Поляков, — я сообщил в Центр и о том, что якобы совместно с подполковником Вадимом Канавским приступил к изучению его в качестве кандидата на вербовку. В переписке Диллон стал фигурировать у меня под псевдонимом Плед. В силу возникшей необходимости прикрытия своих связей с цэрэушниками я взял на себя смелость нарушить наложенное Центром табу на установление контактов с ними. Мало того, я разрешил своим подчиненным поддерживать связи с американцами на первых порах без санкции Центра, обосновывая это выполнением поставленных задач по главному противнику. Фактически же это было сделано для того, чтобы мои личные контакты с сотрудниками ЦРУ не показались бы подозрительными окружающим, то есть чтобы не выглядеть мне одному белой вороной. Таким образом, все контакты с иностранными дипломатами стали мотивироваться выполнением возложенных на нас задач по добыванию информации по стране главного противника.

Духанин: Вы сказали, что разработка Пледа велась совместно с Вадимом Канавским. Но это не соответствует действительности. Объясните, пожалуйста, с какой целью вы вводили в заблуждение свой разведцентр?

Поляков: Да, передававшаяся мною в Центр информация относительно совместного участия Канавского в изучении и разработке Диллона не соответствовала действительности. Да и сами донесения на этот счет являлись не чем иным, как блефом, и должны были выполнять единственную задачу — легендировать встречу с американцем перед руководством ГРУ и сотрудниками резидентуры КГБ в Нью-Дели. Именно этой цели служила и вышеупомянутая информация в Центр о мнимом участии Канавского в разработке Пледа. По моему мнению, она должна была придать еще большую правдоподобность придуманной легенде о проводимой мною разработке американца.

Д.: Ранее вы дали показания, что от ничего не значащей информационной отдачи Уолтера Вильямса Центр рекомендовал вам отказаться от продолжения контактов с ним. А что мог дать военной разведке Плед, которого вы преподносили в оперативной переписке как перспективного кандидата на вербовку?

П.: Подставляясь мне в этом качестве, Плед сам с санкции Лэнгли «завербовался» в целях повышения эффективности моей работы. Для этого он дозированно снабжал меня «коктейлем»

подготовленной в ЦРУ разнообразной информации по китайской экономике, по радиоперехватам на Ближнем Востоке и в странах Азии.

Д.: А что требовал Плед взамен? Чем вы снабжали его? И в каком объеме?

П.: ВПК[100] Совмина направила в КГБ и ГРУ в начале 1973 года перечень первоочередных задач для советских разведчиков, работающих за границей. Этот перечень включал в себя потребности конструкторских бюро и НИИ оборонных отраслей промышленности в информации о новых военных технологиях. Как вспоминал позднее Ричард Перл, заместитель министра обороны США при правительстве Рейгана, «этот перечень представлял захватывающий дух документ». «Из него нам, американцам, — говорил он, — стало известно более чем о сотне советских военных программ, в которых СССР намеревался использовать западные технологии с тем, чтобы повысить свои военные возможности». Из этого перечня была сделана выборка наиважнейших для «оборонки» заданий и по согласованию с Генштабом был составлен под грифом «совершенно секретно» план номер восемь. Я получил его где-то на второй неделе после приезда в Индию. В обеденные перерывы в течение нескольких дней я переснимал по частям этот план в своем кабинете. На это ушло у меня более десяти фотопленок. В непроявленном виде я передавал их Пледу по одной на встречах в отеле «Оберой», а также во время совместных рыбалок на реке Ировади и ее притоках. План номер восемь, по словам Пледа, вызвал в Лэнгли огромный интерес…

Д.: Вы можете сейчас дать показания, что конкретно вы передали ЦРУ по линии ВПК?

П.: В перечне заданий было так много всего, что я не могу сейчас все вспомнить.

Д.: Назовите то, что помните.

П.: В перечне заданий ВПК Совмина содержались, например, такие темы по добыванию сведений:

— о планах использования самолетов в качестве носителей ядерного оружия, о закупке за рубежом самолетов, которые могут быть переоборудованы для доставки ядерного оружия к цели;

— о количестве накопленного в Индии и нарабатываемого в год плутония; о природных запасах и количестве добываемой руды и мощности обогатительных фабрик по урану, торию и литию; о планах строительства предприятий по разделению изотопов лития;

— о производстве и закупке Индией для нужд КАЭ[101] ртути, лития начиная с 1970 года;

— о РЛС[102] для обнаружения низколетающих целей и о характеристиках контактных датчиков цели для ракет «Рапира», «Тайгер Кэт», «Рэд Топ» и «Файстрик»;

— о технологии изготовления циркониевых трубок от руды до готового изделия;

— об информационных бюллетенях ФАО[103] и о международном институте риса по изучению ржавчины зерновых культур, кукурузы и перикуляриоза риса. И о каких-либо достижениях по исследованию этих заболеваний…

Сделав паузу, Поляков попытался вспомнить что-то еще, но, так и не вспомнив ничего, сказал:

— Если что-то всплывет в моей памяти, то я обязательно сообщу вам потом.

Д.: В 1974 году ЦРУ для придания видимости активной работы подставило вам техника американского посольства в Дели Роберта Марциновски. Вы можете объяснить, в чем заключался смысл вашей разработки этого техника, являвшегося явной «подставой» вам?

П.: Смысл разработки состоял в том, чтобы укрепить мое положение в ГРУ. А еще она была направлена на улучшение отношений с моим начальником в Центре генерал-лейтенантом Сеськиным, он открыто выказывал недоброжелательность, направленную на меня, и стремился всеми путями, правдами и неправдами скомпрометировать меня и очернить перед командованием. До отъезда в мае 1974 года в отпуск в Москву, я провел четыре встречи с Робертом Марциновски и получил от него мало-мальски полезную информацию.

Д.: Вы сказали, что в мае 1974 года вам предстояло поехать в отпуск. Давалось ли вам тогда задание на Москву?

П.: Разумеется. Оно предусматривало глобальные, заведомо не выполнимые для меня задачи. Это, кстати, понимал тогда и Диллон, который реально смотрел на вещи и трезво оценивал мои возможности. Естественно, он не взял на себя смелость пересматривать задание Лэнгли и попросил меня добыть дополнительные сведения по вопросу подготовки в СССР лидеров повстанческих движений. На случай невозвращения из отпуска мне были переданы шифрблокноты, конспиративные адреса в США, письма-прикрытия, тайнописная копирка и условия связи в Москве через тайники. Поддержание радиосвязи тогда не предполагалось. Новым было нанесение тайнописи. Оно должно было производиться не на обратной стороне письма-прикрытия, а на внутренней части конверта. А теперь, с вашего позволения, Александр Сергеевич, я хотел бы передать в распоряжение следствия два своих заявления…

Д.: О чем они?

П.: Одно по вопросам подготовки моей диссертации и об использовании ее материалов начальником Военно-дипломатической академии генерал-полковником Павловым в личных интересах. Второе: о нарушениях воинского долга и злоупотреблении служебной деятельностью некоторыми офицерами ГРУ.

— Об этом и о многом другом мы поговорим завтра, — заметил Духанин и, посмотрев на часы — до окончания допроса оставалось еще несколько минут, — спросил: — Скажите мне: что для вас Родина? И как вы к ней относитесь?

Поляков с усмешкой ответил:

— Да никак! Она для меня — абстрактное понятие.

— Ну как же так?! — удивился следователь. — Для всех слова «Родина», «честь» и «патриотизм» — это святые слова…

— Для меня они тоже были святыми в годы войны, а потом… Не хочу больше говорить об этом.

— Но как же могло так случиться, что для боевого офицера, орденоносца, генерала-разведчика Родина стала вдруг абстрактным понятием?

— Очень просто. Я считал всегда, что страна, которую я защищал в годы войны, должна была дать мне больше, чем дала. За шестнадцать лет после окончания войны коренным образом изменилась в стране обстановка, произошло и перерождение моих взглядов на жизнь. Я взял себе за принцип: брать от жизни или все, или ничего! А всего моя Родина не давала мне и не могла тогда дать…

— Вот ведь как! Или все, или ничего! Неужели вы, Дмитрий Федорович, и в самом деле считали тогда, в тяжелые послевоенные годы, что Родина вам, как ее защитнику, что-то недодала?.. А не кажется ли вам, что она, наоборот, незаслуженно передала вам столько лишнего, что не отработать вам этого еще десятки лет?!

— Нет, не кажется. Мне хотелось жить достойно, а все остальное — патриотизм, Родина, дело партии — все это ерунда!

Духанин не ожидал услышать от фронтовика, бывшего военного атташе таких злобных, ядовитых слов и потому, с трудом сдерживая себя, с некоторым возмущением в голосе парировал:

— Вот с такой крохоборческой идеологией и принципами — или все, или ничего — некоторые и обрекали себя и своих близких на вечный позор. Для основной же массы советских людей честь была, есть и остается превыше всего. С вами, Дмитрий Федорович, мне все понятно: честь и совесть уже давно

покинули вас. Но Родина Дмитрий Федорович, дается нам всего один раз до самой смерти.

— Я согласен с вами. И потому я сегодня здесь, а не в Америке. Хотя мне не раз предлагалось перебраться туда и из Индии, и из Бирмы.

Духанин снова посмотрел на часы, потом на Полякова и, поморщившись, сказал:

— А вот о том, кто вам предлагал перебраться туда и за какие заслуги, мы поговорим на следующем допросе…

* * *

Несмотря на вскрывавшиеся в ходе следствия все новые и новые факты предательской деятельности Полякова, угрызений совести он по-прежнему не чувствовал. Следователь понимал, что напротив него сидел преступник, с которым он должен постоянно поддерживать хорошие отношения на уровне доверия и откровенности, внушать подследственному профессиональное уважение и понимание его положения. И все это делалось Духаниным ради того, чтобы разоблачить предателя, у которого уже был ярлык врага, и эта оценка его не менялась, хотя вскрывались и хорошие стороны этого человека. Как врач привыкает к тому, что пациент испытывает боль после проведенной тяжелой операции, но по этому поводу хирург не падает в обморок, так и следователь, имея дело с разными обстоятельствами, в том числе и с ужасными, не пересматривает каждый раз своего отношения к сидящему напротив обвиняемому. Свои чувства и недовольство в таких случаях скрываются. Поэтому мозг следователя, не имея передышки, был в постоянном напряжении и днем и ночью. И если об этом Духанину приходилось раньше читать или слышать, то теперь довелось познать на собственном опыте.

Придерживаясь ранее избранной тактики допроса — благожелательного отношения к допрашиваемому и удержания инициативы в руках следствия, Духанин, прежде чем выяснить, кто же из американских «дипломатов» предлагал Полякову остаться за границей, а затем перебраться в США, решил поменять тему допроса и вернуться к выяснению причин провалов разведчиков-нелегалов. К тому времени оперативно-следственная группа завершила свои исследования серии загадочных провалов. Показания отдельных сотрудников ГРУ о том, что это было делом рук Полякова, являлись, конечно, важными, но не имели каких-либо доказательств, и только с помощью объективного выяснения

всех обстоятельств можно было рассчитывать на полное понимание происшедших событий и выявление действительного предателя девятнадцати нелегалов. В их длительную подготовку для тайной работы за рубежом вкладывались большие деньги, эти люди составляли золотой фонд советской разведки, они проживали в чужих странах по поддельным документам, ходили по лезвию ножа и находились там многие годы без близких родственников и знакомых..

Глубокий и детальный анализ реальных потерь в агентурной и нелегальной сети ГРУ, который применили следователи группы Духанина по каждому фигуранту, позволил окончательно установить вину предателя Полякова. Поэтому на допросе Духанин, имея данные объективного анализа, потребовал от арестованного генерала подробного отчета о всех агентах, находившихся на связи в период его работы в США, а также о разведчиках-нелегалах, действовавших в зоне ответственности его резидентуры. Этому было посвящено несколько продолжительных допросов, и на каждом из них Александр Сергеевич буквально выжимал из него показания, требуя их с такими подробностями, что Полякову невольно приходилось как бы еще раз переживать время своих первых командировок в США.

Закончив выяснение обстоятельств провалов разведчиков-нелегалов, следователь неожиданно для Полякова перешел к его работе в Рангуне:

— Из оперативных материалов ГРУ усматривается, что в период служебной деятельности в Бирме вы поддерживали тесные взаимоотношения с военными атташе из Франции, Израиля и Индии. Назовите их, пожалуйста, и дайте показания: какого характера были эти отношения? Чем они закончились?

Поляков нервно дернулся и осторожно начал:

— Военным атташе Индии был полковник Митра, из Израиля — полковник Ашер Гоннен, а из Франции — подполковник Андре Готье. Он же был военным атташе и в Таиланде. Мои отношения с ними носили обычный служебный характер. Как все военные дипломаты, мы обменивались малозначимой, несекретной информацией. Лично я, чтобы показать Центру свою активность в подборе и изучении иностранцев, преподносил их в донесениях в Москву как кандидатов на вербовку. А чтобы убедить руководство в полезности и перспективности контактов с ними, я в своих отчетах в разведцентр сообщал полученные якобы от них сведения, хотя на самом деле информация исходила от других источников резидентуры. Попытки перевести работу с Готье, Митрой и Гонненом на агентурную основу успеха не имели. Готье и Гоннен вскоре уехали домой, даже не поставив меня в

известность. Митра оставался в Бирме, но никакого проку от него не было…

— Получается, что вы тогда «липовали»? — прервал его следователь.

На лице Полякова расцвела сладчайшая улыбка.

— А кто из нашего брата не «липовал» тогда? Все разведчики в той или иной мере не только «липовали», но даже иногда и переписывали из газет нужную им информацию для передачи ее в Москву.

— Ну хорошо. А теперь я попрошу дать показания о ложной «разработке» американского разведчика Пола Диллона в Индии, о встречах с ним и что вы выдали ему.

Поляков, не колеблясь, назвал всех своих подчиненных, работавших в бомбейской и делийской резидентурах, а также хорошо знакомых ему по работе в Центре сотрудников разведаппаратов ГРУ во Вьетнаме, Бирме, Китае, Камбодже, Гонконге, Лаосе, Малайзии, Филиппинах, Сайгоне и Сингапуре.

— Работая в Москве начальником направления стран Юго-Восточной Азии, я знал об их командировках в эти страны, — пояснил генерал Поляков. — И потому предоставил Полу Диллону исчерпывающую о них информацию. Если подсчитать, то я выдал тогда более сотни разведчиков из ГРУ и агентурную группу нелегалов в Сайгоне из шести французов во главе с Дином… — Поляков сделал паузу, припоминая что-то еще, потом добавил: — Все операторы из ЦРУ, и особенно Джон Мори из ФБР, всегда интересовались судьбой моих коллег, провалившихся за границей. Американцы хотели знать, навсегда ли такой разведчик потерян для советских спецслужб. И может ли он выезжать потом за рубеж в новые командировки. Я сказал тогда, что после разоблачения Пеньковского практика ГРУ основывалась на правиле, согласно которому «провалившийся» разведчик отводился от загранкомандировок. Со временем эта линия была пересмотрена и к решению подобных вопросов стали подходить дифференцированно и более гибко. Должен еще заметить, что американцы относились крайне заинтересованно, когда речь шла о кадровых перестановках. То есть я хочу сказать, что они стремились быть в курсе всех перемещений и назначений офицеров нашего ведомства.

— Сколько по времени продолжалось ваше сотрудничество с Диллоном?

Поляков еще раз убедился, что следователь располагает полной и достоверной информацией о его жизни и работе за границей. И изумленно выдохнув, признался:

— Встречи с Диллоном я прекратил только после того, когда

резидент КГБ в Индии Яков Прокофьевич Медяник сообщил о принадлежности Пледа к ЦРУ США. К тому времени я получил как раз звание генерал-майора и потому не стал тогда искушать судьбу, доложил сразу в Центр. Ответ получил незамедлительно: дальнейшие контакты с Пледом прекратить. Однако я продолжал встречаться с ним, но теперь уже на конспиративной основе в номерах делийских отелей «Ашока» и «Оберой»…

— Так сколько же времени вы находились у него на связи?

— Два года. На последней, одиннадцатой по счету встрече Диллон ознакомил меня с разработанным в Лэнгли быстродействующим, малогабаритным приемо-передающим устройством под названием «Брест». Размером со спичечную коробку, этот передатчик мог накапливать большой объем шпионской информации и «выстреливать» ее в течение двух-трех секунд в окно жилого или служебного помещения американцев на расстоянии до ста метров. Возвратившись из командировки в Москву, я провел девять сеансов ближней радиосвязи с использованием быстродействующего передатчика «Брест».

Духанин: Кем подбирались места для проведения такой радиосвязи?

Поляков: Все места для такой радиосвязи подбирались американцами, я к этому никакого отношения не имел. Меня лишь обязывали работать в Москве на определенные квартиры, в которых проживали сотрудники американской разведки. При этом мне рекомендовалось в целях безопасности вести связь с различных точек в Москве. По мнению американцев, этого было вполне достаточно для того, чтобы избежать возможности выявления моих радиосигналов в эфире, их расшифровки и захвата с поличным. Вместе с тем они не были уверены в абсолютной безопасности и поэтому проинструктировали меня в отношении линии поведения. Например, если я буду замечен кем-либо с радиоаппаратом в руках и буду при этом в военной форме, то мне предлагалось объяснять наличие данного устройства тем, что это связано со служебной деятельностью по линии Министерства обороны. Если же буду в гражданском, то рекомендовалось сослаться на принадлежность к органам КГБ. Речь шла, разумеется, о случайных людях, которые могли заметить мои манипуляции с передатчиком. При этом Диллон предупреждал еще о том, что все передачи записываются и фиксируются соответствующими службами советской контрразведки, а потому существует возможность световой раскладки сигналов радиопередатчиков и возможной расшифровки сообщений. А что касается конкретных мест проведения мною сеансов радиосвязи, то они осуществлялись

прямо из троллейбуса с улицы 26 Бакинских Комиссаров, с Большой Полянки, Ленинского проспекта и Садового кольца.

Д.: Дайте показания, как вы могли работать в троллейбусе с передатчиком при наличии в салоне пассажиров?

П.: В этих случаях я старался расположиться у заднего бокового стекла, спиной к пассажирам. Радиопередатчик находился в боковом кармане пальто или костюма и был обращен в сторону посольства или места проживания радиокорреспондента. Проезжая мимо, я нажимал на кнопку передатчика и производил тем самым выброс информации в эфир. Для получения ответа о приеме ее мне не требовалось делать каких-то действий. Все это осуществлялось в автоматическом режиме.

Д.: Дайте точные показания, какие сведения были собраны вами для американской разведки, когда вы находились в Москве в 1976–1979 годах?

П.: В этот период мною было передано американцам довольно много секретных материалов. После командировки в Индию я был назначен начальником третьего разведывательного факультета ВДА. Это открыло мне еще больший доступ ко всем материалам спецбиблиотеки и позволило знакомиться со многими служебными и совершенно секретными документами всех оперативных подразделений ГРУ под предлогом сбора информации для подготовки диссертации. Кроме того, я, как генерал, был вхож в некоторые кабинеты Генштаба Вооруженных Сил СССР. Все это, вместе взятое, позволяло мне без помех собирать, накапливать и хранить дома, на даче и в служебном помещении различные шпионские сведения. Одни из них были пересняты на фотопленку и хранились в непроявленном виде дома, другие — держались в голове… А память у меня была хорошая…

Д.: Дайте, пожалуйста, показания, что именно вы выдали в Москве американцам? И каким образом вы делали это?

П.: Во-первых, я переснял и затем передал через тайники фотопленки со списками выпускников трех факультетов академии. Выпуск 1978 года состоял из 52 офицеров первого факультета и ста восьми — второго и третьего факультетов. Выпуск 1979 года соответственно — шестьдесят семь и сто двадцать человек.

Д.: Получается, что на 352 молодых разведчиках вы поставили крест, разрушив все их планы на дальнейшую жизнь. Неужели вы никогда не жалели о том, что сделали тогда? И не только тогда, а и в предыдущие годы, когда вы предавали своих сослуживцев и их агентов?

П.: Нет, я об этом никогда не жалел.

Д.: Но предавать своих коллег и нелегалов, которых вы лично готовили к выводу в США, — это надо быть Иудой Искариотом!

П.: Значит, таковым я и являюсь, честно признаваясь вам во всем.

Д.: Извините, Дмитрий Федорович, если мои слова вам показались обидными. Если бы вы поставляли американцам, скажем, только экономическую и политическую информацию, то это еще куда ни шло. Но когда вы предавали и ставили на кон жизни сотен людей, то это уже переполняет меру всего возможного.

Лицо генерала перекосилось. Уставившись на следователя мрачным взглядом, он раздумывал, стоит ли давать ответ. Потом, нервно забарабанив пальцами по крышке рядом стоявшей тумбочки, глубоко вздохнул, выпрямил спину и сказал:

— Да, я легко предавал всех, кого знал. Я вынужден был это делать! И знаете почему?..

Следователь молчал.

— Потому, что с первых дней вербовки фэбээровцы считали меня подставой КГБ, а я, чтобы переубедить их в этом и войти в доверие, вынужден был выдавать и шифровальщиков, и разведчиков-нелегалов, и агентов из числа иностранцев, не говоря уже о своих коллегах из ГРУ и КГБ. Больше всего удивляло меня то, что чем ценнее была моя информация, тем паче они склонялись к тому, что КГБ для закрепления внедрения к ним этой подставы якобы подпитывал меня невероятно важными сведениями, которые невозможно было перепроверить. Когда же я был передан на связь в Бирме сотрудникам ЦРУ Флинту и Алвину Капусте, а в Дели — Уолтеру Вильямсу, Полу Диллону и Вольдемару Скотцко, о котором я потом расскажу вам, то я убедился, что микроб недоверия ко мне перешел из ФБР в ЦРУ. И потому опять мне пришлось доказывать им, что я не тот, за кого они принимали меня. Вот и посвящал я их в святая святых агентурно-разведывательной работы ГРУ. Вы говорили раньше, что был шанс отказаться от сотрудничества с ними, но тогда уже было просто поздно. Американцы размазали бы меня по стенке, а возможно, и пустили бы в расход. Поэтому я продолжал действовать по принципу: семь бед — один ответ. Признаюсь вам, я прекрасно понимал тогда, к чему приведет моя рваная жизнь, что долго и безнаказанно она не может продолжаться.

— Да нет, Дмитрий Федорович, ваша рваная жизнь продолжалась слишком долго, ровно четверть века. Никто еще из подобных вам изменников Родины не служил нашему главному противнику столько лет. — Духанин посмотрел на часы и сказал:

— О вашей рваной жизни мы поговорим на следующем допросе, а на сегодня — все.

* * *

Вопрос о недоверии Полякову со стороны американских спецслужб действительно возникал всякий раз, когда происходила смена операторов из ЦРУ. Каждый из них пытался выяснять причины его перехода на их сторону. Поначалу эта, казалось бы, не очень существенная деталь оставалась без внимания и у следователей оперативно-следственной группы КГБ. Они полагали, что Поляков, рассказывая о недоверии американских спецслужб, набивает себе цену, пытаясь поколебать в глазах чекистов свои отношения с ЦРУ. Его операторы тоже толком не знали и не могли объяснить, почему их боссы подозревают его в двурушничестве. Они ссылались лишь на то, что их руководству были непонятны мотивы такой исключительной преданности.

Так продолжалось вплоть до 1980 года, когда Поляков встретился с Вольдемаром Скотцко в Дели. Тогда он объяснил цэрэушнику, что основным мотивом принятого им решения об измене Родине послужило несходство политических взглядов с официально существовавшими в его стране. Это объяснение было не очень понятным, тем не менее Скотцко воспринял его как вполне достаточное, полагая, что сомнения у спецслужб должны оставаться всегда.

На самом деле все обстояло несколько иначе: добровольное предложение своих услуг и переход на сторону американцев полковника ГРУ Полякова Д.Ф. (Нью-Йорк, 1961 г., «Топхэт»), майора ПГУ КГБ Кулака А.И. (Нью-Йорк, 1962 г., «Федора»), сотрудника ГРУ Чернова Н.Д. (Нью-Йорк, 1962 г., «Ник Нэк»), полковника ПГУ В.В. Лысова (Нью-Йорк, 1962 г.) было воспринято спецслужбами США далеко не одинаково. Так, ФБР во главе со своим шефом Эдгаром Гувером считало вербовку этих лиц большой удачей. Другое дело ЦРУ, в котором управление контрразведки возглавлял одержимый страстью к выявлению и разоблачению агентов советской разведки Джеймс Энглтон. Он считал, что все перебежчики из СССР — это подставы КГБ и потому они не должны пользоваться доверием. Не случайно ставший в те годы директором ЦРУ Уильям Колби расценивал маниакальную одержимость Энглтона как вредоносную, принесшую большой ущерб интересам разведывательного дела Америки. Поляков был передан из ФБР на связь только в Бирме, и

потому ЦРУ изводило себя сомнениями в течение десяти лет, вплоть до ухода на пенсию Джеймса Энглтона, сыгравшего демоническую роль в истории этой спецслужбы.

Между прочим, перебежчики бывают разные, для специальных служб противника особый интерес представляют те, кто служил в разведке той страны, которую он покинул. Когда разведчик из враждебного Западу государства оказывается за границей и просит убежища, ему определенно уготован теплый прием, поскольку он приносит с собой большое количество информации если не в виде документов, то хотя бы в собственной голове.

Перебежчики — это та питательная среда, которая обеспечивает жизнедеятельность всех спецслужб мира. А переход такого ответственного сотрудника разведки, как генерал Поляков, — это всегда большое событие для противника. Доставленные им сведения на Запад освежали знания о спецслужбе противоборствующей стороны, о ее организационном построении, об устоявшемся стиле работы, методах обучения персонала, о стратегии и тактике, об отношениях, сложившихся между разведслужбой и правительством.

Если же перебежчик или инициативник занимал высокий пост или целенаправленно готовился к измене Родине, то он особенно опасен для своей страны. К перебежчику или к тому, кто вербуется по собственной инициативе, каковым и был Поляков, всегда относятся в чужом разведсообществе с подозрительностью. Спецслужбы предпочитают иметь дело с теми, кого они сами наметили к вербовке и долго обрабатывали, кого приходится тащить, а он «отбрыкивается». Но и в этих случаях подозрения не исчезают полностью. Причина этого лежит на поверхности, она очень проста и довольно цинична: если человек переметнулся один раз, то почему он не может переметнуться вновь?

Масла в огонь недоверия к перебежчикам и к таким «кротам»-инициативникам, как Поляков, подлил резидент КГБ в Финляндии Анатолий Голицын. После того как сотрудники советского отдела ЦРУ наотрез отказались заниматься его делом, он был передан для дальнейшей работы Джеймсу Энглтону. Основанием для такого решения явились утверждения Голицына о том, что советская агентура проникла не только в ЦРУ, но и во все западные спецслужбы. Как показало время, Энглтон и Голицын оказались созданы друг для друга. Возник идеальный тандем: перебежчик утверждал, что «кроты» есть повсюду, а американец был убежден, что советская разведка дьявольски хитра и способна проникнуть в сердце любого государства на самом высоком уровне. Между ними установились те

исключительные отношения, которые и привели ЦРУ чуть ли не на самый край пропасти.

По заявлению Голицына, принесенные им в ЦРУ разоблачения настолько важны и опасны, что КГБ не замедлит заслать в США лжеперебежчиков для его дискредитации. И действительно, вскоре после побега Голицына на Запад два сотрудника представительства СССР в ООН, Лысов и Кулак, предложили свои услуги ЦРУ, а в июне 1962 года то же самое сделал майор Второго главного управления КГБ Юрий Носенко. После этого Голицыну поверили, и, таким образом, охота на «кротов» начала разворачиваться с еще большим размахом. В списке подозреваемых появились десятки новых имен, в том числе и из различных структур разведсообщества Америки. В связи с этим проводилось много допросов: не оставляли без внимания и не щадили ни одного сотрудника, каким бы ни был его послужной список или занимаемая должность.

Из-за неукротимого пыла и одержимости Энглтона отлаженная машина американской разведки оказалась тогда почти полностью парализованной. Все подозревали всех. Голицын не остановился на полпути. Навязчивая идея проникновения «кротов» в западные спецслужбы захватила, помимо американской, и другие разведки. Голицыну удалось перевернуть и английскую МИ-6 с ног на голову. Главной причиной доверия англичан к его обвинениям явилась ужасная правда о Киме Филби, который одно время возглавлял советский отдел в МИ-6. К концу лета 1963 года охота на «кротов» в ЦРУ была в самом разгаре. Временный отъезд Голицына в Англию замедлил ее ход, но вскоре после его возвращения в США поиски агентов проникновения вновь набрали темп.

Поскольку Голицын неоднократно заявлял, что после него все перебежчики будут не кем иным, как внедренными агентами КГБ, то фактически все дела и разработки, которые вел отдел соцстран ЦРУ, рассматривались американской контрразведкой как ущербные. Предполагалось, что советский отдел ЦРУ должен вербовать сотрудников ГРУ и КГБ по всему миру, но какой же был смысл в этом, если должностные лица могущественной контрразведки в штаб-квартире Лэнгли усматривали в каждом вновь завербованном или добровольном информаторе агента, засланного к ним из КГБ?

Попал тогда в число подозреваемых и Топхэт-Поляков, его считали двойным агентом, а главный специалист по шпионажу Джеймс Энглтон называл его «фальшивкой». Поэтому все операторы из американской разведки, приезжавшие в Рангун и Дели для работы с Топхэтом-Бурбоном-Спектром, пытались

каждый раз выяснить причины перехода его на их сторону. В конце 1974 года Энглтон вынужден был уйти в отставку, потому что он так и не смог выявить ни одного агента советской разведки в стенах Лэнгли. Обвинение же во внедрении Полякова с целью дискредитации Голицына и получения информации о ведущихся операциях и планах ЦРУ подтверждения не нашло. Как заявили впоследствии эксперты ФБР, «Поляков был абсолютно надежен и относительно этого двух мнений тут не должно быть».

После ухода Энглтона из ЦРУ и окончания «охоты на кротов» некоторые эксперты американских спецслужб начали всерьез задумываться: а не являлся ли сам Голицын агентом-провокатором, засланным для того, чтобы парализовать работу Лэнгли? Ведь именно эта цель была достигнута в результате его и Энглтона разрушительной деятельности. Но на этот вопрос до настоящего времени так и не дано четкого ответа.

* * *

В середине декабря 1979 года Поляков вместе с женой вылетел во вторую командировку в Индию на прежнюю должность старшего оперативного начальника военно-стратегической разведки в Дели и Бомбее.

Из показаний подследственного Полякова Д.Ф.:

> «…Связь с представителем американской разведки Вольдемаром Скотцко была установлена в особо конспиративных условиях при посредничестве военного атташе США. Строгая конспиративное вызывалась начавшейся войной в Афганистане. Международная реакция на вторжение советских войск оказалась хуже некуда. Многие страны Запада и третьего мира считали, что советская интервенция в Афганистан — это совсем не одно и то же по сравнению с вводом войск в Венгрию или Чехословакию. В связи с этим все представительства социалистических стран в Индии оказались в жесткой изоляции, а их контакты, в том числе и официальные, с сотрудниками иностранных миссий были прекращены. Оперативная обстановка диктовала разведчикам соцстран весьма сложные условия: проводить встречи рекомендовалось накоротке и как можно конспиративнее. Учитывая сложившуюся ситуацию, мы вынуждены были отказаться от встреч в гостиницах, на рыбалке или на охоте и перенести места их проведения в

книжные магазины, располагавшиеся возле делийских рынков. Такой вариант отрабатывался с учетом наших увлечений литературой. Встречи были от силы пяти-семиминутными, и проводились они только в обеденное или предобеденное время возле рынков «Хан Маркет» и в районе Саус Экстеншен. Все сведения я передавал на непроявленной фотопленке…»

— Дайте показания, что содержалось тогда на этих пленках? — остановил его Духанин.

Поляков: В них были секретные сведения о разработке в СССР лазерного оружия и создании его опытного образца, указание Центра о повышении мобилизационной готовности разведаппарата в связи с обострением военно-политической обстановки в Азии. Была информация о системе хранения шифрдокументов и о существовавшей защите шифровальной комнаты в посольстве, о формах упаковки кодовых книжек и шифровальных таблиц. В благодарность за эти сведения Скотцко на очередной встрече преподнес мне хорошие подарки: ружья марки «Зауэр» и «Ремингтон» в комплекте с двумя сменными стволами и тремя дополнительными прицелами. Тогда же он, как и Диллон, предложил взять его в агентурную разработку. Что и было сделано мною.

Духанин: В таком случае дайте показания, сумел ли Скотцко, как кандидат на вербовку, предоставить вам полезную информацию?

П.: Если говорить честно, то это была малозначимая информация, в которой было только пять-семь процентов правды.

Д.: А теперь хотите услышать, какую оценку и резолюции имели полученные вами информационные материалы, которые давали вам цэрэушные «дипломаты»?

П.: Да, конечно.

Духанин достал из папки отпечатанный листок бумаги и начал зачитывать:

— «Сведения Риноса содержат устаревшую информацию за семьдесят четвертый год. Оперативно значимых материалов от Флинта и Алвина Капусты в Бирме, от Вильямса, Риноса, Диллона и Скотцко в Индии по наиболее важным военно-политическим вопросам практически не поступало. Не было добыто ценной информации и по главному противнику — США. Этот раздел разведывательного задания выполнялся Даниным[104] неудовлетворительно…»

Лицо генерала искривила жалкая улыбка, — это была улыбка злобы.

— Да знаю я все это, Александр Сергеевич! — отмахнулся он рукой. — Но не кажется ли вам странным, если я неудовлетворительно выполнял задания по главному противнику, то почему же тогда дважды после Бирмы меня направляли в Индию? И не на рядовую должность офицера разведки, а военным атташе, руководителем резидентуры и начальником военно-стратегической разведки. А главное — дали звание генерала!

— Не надо лукавить, Дмитрий Федорович. Успешностью своей карьеры и присвоением генеральского звания вы больше обязаны протекции начальника управления персонала генерал-лейтенанта Изотова. Кадры тогда закрывали глаза на ваши промахи и ляпсусы в работе за кордоном, а также и на мнение некоторых ваших непосредственных руководителей в центральном аппарате ГРУ… А теперь я хочу вам показать протокол осмотра журналов «Военная мысль» за 1958–1980 годы. Ознакомьтесь с его содержанием и уточните, какие номера журналов были вами переданы американской разведке?

После долгой паузы, связанной с чтением протокола, Поляков сказал:

— Я ознакомился с предъявленным мне аналитическим документом. Впервые я стал передавать номера этого журнала с конца семьдесят третьего года. К моменту моего приезда в Дели их скопилось в офисе довольно много. Все номера журнала с тысяча девятьсот шестьдесят пятого по май восьмидесятого года включительно я дозированно передавал американцам. По содержанию «Военной мысли» можно было понять, что ядерную войну выиграть невозможно. Тем самым я показал американцам, что советские военные руководители не сумасшедшие поджигатели войны. На мой взгляд, журнальные публикации в какой-то степени и предопределили видение неправильности расчетов американцев, которые могли бы привести их к победе в «горячей войне».

— Если вы считаете, что помогли предотвратить «горячую войну», то как тогда понимать выдачу американцам технических данных на советские противотанковые ракеты? Спустя некоторое время эти данные позволили США противостоять в Ираке нашим ракетам при проведении военной операции «Буря в пустыне». Так что не ради предотвращения «горячей войны», а для победы в ней американского оружия передавали вы секретные сведения и раскрывали военную тайну о разработке и создании в СССР лазерного оружия. Советские эксперты подсчитали, что своим предательством за четверть века вы нанесли нашей стране огромный политический и экономический ущерб, а тем, на кого вы так долго работали, дали прибыль в миллиарды долларов.

Поляков с каменным замороженным лицом смотрел в окно, как будто истина могла покоиться где-то там, далеко.

Следователь терпел подобные его выходки, зная, что делать замечания генералу Полякову — себе же хуже: он в таких случаях замыкался и подолгу молчал.

Однако на сей раз Духанин решил прервать затянувшуюся паузу:

— На суде вам, Дмитрий Федорович, обязательно напомнят о том, что я сказал вам сейчас.

К большому удивлению Александра Сергеевича это замечание не произвело на Полякова никакого впечатления. Вобрав голову в плечи, он продолжал отрешенно смотреть в окно.

Будучи по натуре человеком твердым и привыкшим говорить ровно столько, сколько необходимо, Духанин недовольно смотрел на молчавшего Полякова, потом спросил:

— Так имеете ли вы, Дмитрий Федорович, какие-либо дополнения или уточнения по обстоятельствам своего сотрудничества с американскими разведорганами за время второй командировки в Индии?

Поляков: Да, имею. Незадолго до моего отъезда в отпуск на одной из конспиративных встреч я был проинформирован Вольдемаром Скотцко о допущенной мною ошибке при осуществлении ближней радиосвязи с ЦРУ в Москве. Ошибка заключалась в том, что я произвел шифрование одного из сообщений с ранее использовавшейся кодировочной группой. Это, по оценке американцев, делало канал связи якобы уязвимым для радиоконтрразведки КГБ. А с другой стороны, это противоречило утверждениям специалистов ЦРУ о том, что автоматически передаваемые в высоком скоростном режиме сообщения практически невозможно было запеленговать. Тогда это меня успокоило, но огорчило другое: от имени ЦРУ Скотцко неожиданно повинился передо мной об одной компрометирующей меня истории. Оказалось, что в США вышла книга их бывшего сотрудника Дэвида Мартина, в одной из глав которой рассказывалось о том, что в ФБР с предложением своих услуг обратились два сотрудника разведорганов КГБ и ГРУ, работавших в Нью-Йорке под крышей Постоянного представительства СССР при ООН. Что одного окрестили Скочем, а другого — Бурбоном. Я, естественно, сорвался тогда и облаял Вольдемара за возможный провал меня по вине ЦРУ. Он, конечно, успокаивал и убеждал в том, что под сотрудником ГРУ имелся в виду не я, а техник нашей резидентуры в Нью-Йорке Николай Чернов. Но при этом заметил, что неприятности у меня все-таки могут быть, и от имени руководства ЦРУ стал уговаривать меня

не возвращаться в СССР и перебраться из Индии в Америку. Так мне стало известно тогда еще об одном агенте ЦРУ, Скоче, то есть о Чернове. Что касается предложения о невозвращении на родину, то я, кажется, уже рассказывал — на обещанную мне райскую жизнь в Америке я твердо ответил ему: рад бы в рай, да вот грехи не пускают. После моего категорического отказа он спросил: «А что ждет вас в России?», я ответил: «Меня ждет там только братская могила».

Духанин: В июне 1980 года состоялась последняя ваша встреча с Вольдемаром Скотцко. Какое-то задание на Москву он дал вам тогда?

П.: Перед отъездом из Дели американец снабдил меня еще одним быстродействующим радиопередатчиком «Брест», дал график связи, брелок с вшитой в его подложку инструкцией на случай моего выезда за границу и тысячу долларов на расходы, если вдруг окажусь за рубежом на незаконном основании. Способ поддержания связи на территории СССР оставался прежний — это тайники и радиосвязь. Конкретного задания не было, давалось лишь общее, глобального плана. Наверное, ЦРУ предчувствовало мое разоблачение и потому не стало особо озадачивать меня. Да и сам я, собираясь к отъезду в Москву, интуитивно чувствовал, что возвращаться из отпуска не придется, и потому захватил с собой все наиболее ценное и все то, что могло скомпрометировать меня по работе в Дели.

Д.: Теперь дайте показания, как сложилась ваша судьба в Москве.

П.: Находясь в отпуске в Москве, я стал систематически обнаруживать признаки проявляемого к своей персоне пристального внимания со стороны КГБ. На основе их интенсивности я понял, что против меня ведется оперативная разработка. Понять это не составляло особого труда, поскольку за моими плечами было уже более тридцати лет работы в разведке. Подтверждалось это и такими «проколами» КГБ, как ничем не обоснованный таможенный досмотр прибывших из-за границы личных вещей генерала-дипломата; периодически появлявшийся за мной «хвост»; установление в квартире техники слухового контроля и так далее. К этому, безусловно, относились и другие признаки.

Например, поведение коллег при встречах со мной, некоторые из них стали сторониться меня, отворачиваться и не отдавать честь, как старшему офицеру. Потом неожиданно сообщили о том, что из КГБ поступил документ, компрометирующий меня перед индийскими спецслужбами. Что индийская контрразведка может якобы арестовать или выдворить

меня из страны. С этого момента и овладела мной знобкая, неотвязная тревога. Стало понятно, что прессинг в отношении меня далеко не случаен. А за неделю до окончания отпуска в принудительном порядке направили на диспансеризацию и сразу же госпитализировали. После выхода из госпиталя известили о том, что «по состоянию здоровья» я отстранен от дальнейшей командировки в Индию и переведен на участок работы, не связанный с секретами. То есть в Институт русского языка имени Пушкина. А спустя еще некоторое время меня уволили в запас. КГБ тем временем продолжал, можно сказать, открыто контролировать меня. Поэтому о поддержании связи с американцами в Москве я уже не помышлял и, как говорится, вынужден был залечь на дно. Тогда же предпринял срочные меры по ликвидации уликовых материалов, хранившихся в доме матери, на квартире и на даче. О некоторых местах их хранения я, конечно, забыл. Разумеется, избавился я и от двух быстродействующих радиопередатчиков «Брест». Я вывез их на дачу и размолотил там на камне, а остатки сжег в бачке для мусора. Помню, оставались где-то инструкции по восстановлению связи с американцами как в Москве, так и за границей в случае моего выезда туда…

Бросив взгляд на часы, которые показывали уже позднее время, Духанин спешно дописал протокол допроса и, подавая его на подпись Полякову, сообщил:

— Мы вышли с вами, Дмитрий Федорович, на финишную прямую, осталось провести два заключительных допроса…

* * *

Каждый протокол, который Духанин ухитрялся печатать на своей американской машинке марки «Ай-Би-Эм», представлял что-то невообразимое по своему содержанию. Так много было разного, оперативно значимого и порой, казалось, не очень связанного друг с другом. Но нет, это были протоколы, всегда посвященные конкретным вопросам, полные внутренней логики, последовательные и написанные хорошим, грамотным языком.

Перед заключительными двумя допросами Духанин, чтобы не упустить что-то важное для уголовного дела, в течение нескольких дней перечитывал материалы следственного процесса, — это более четырехсот протоколов, справок, первичных анализов, заключений экспертиз, письменных заявлений обвиняемого, выписки из материалов оперативной разработки Дипломата и его переписки с Центром. Чтобы лучше

понять, какие основные мотивы подвигли Полякова к предательству, Александр Сергеевич решил собрать их воедино в одном следственном документе.

Пригласив на предпоследний допрос генерала, он попросил его дать еще раз конкретные показания: что вынудило его инициативно пойти на услужение американским спецслужбам и продавать им секреты родной страны?

— Надо же такому быть! — удивился Поляков. — Ну и ну! Нарочно не придумаешь, американцы не могли никак понять побудительные мотивы сотрудничества с ними, а теперь вот и вы о том же самом. Вам я, Александр Сергеевич, называл их по ходу допросов несколько раз. Странно все же, почему моим объяснениям не верит ни одна из противоположных сторон, — ни ЦРУ за время двадцатипятилетнего сотрудничества, ни вы за полтора года следственного процесса?

— Да, это может показаться странным, что ЦРУ за четверть века не могло вас понять. Если это действительно так, то что ж вы хотите от меня?! Всего-то за полтора года работы со мной?! Вы сотрудничали со следствием по времени почти в двадцать раз меньше!

— А по количеству всех встреч со мной вы, Александр Сергеевич, превзошли американских операторов, если я не ошибаюсь, почти в десять раз.

— Может быть, это и так, — согласился следователь. — А если говорить всерьез, то все дело в том, что по ходу допросов вы действительно не раз упоминали причины своего предательства. Но при таком разбросе показаний по всем протоколам допроса, а их за полтора года набирается более четырехсот, мне не хотелось бы тратить много времени на поиски конкретных ваших высказываний. Мне надо собрать их и сосредоточить в одном протоколе.

— В таком случае я прошу предоставить мне возможность изложить показания собственноручно.

Духанин, согласно кивнув, сказал:

— Что ж, на основании статьи сто шестьдесят Уголовно-процессуального кодекса РСФСР вам предоставляется такая возможность.

Письменные показания Полякова Д.Ф. о мотивах измены Родине.

Изменения в моих взглядах начали происходить во время второй по счету командировки в США под воздействием причин

идейно-политического характера. Пребывание в Америке привело меня к коренному пересмотру взглядов на жизнь, крушению личных идеалов и утрате самого содержания дальнейшего существования. Как у человека, выросшего в Советском Союзе и воевавшего за победу в Великой Отечественной войне, у меня не было желания и стремления принимать капиталистический образ жизни. Я был тогда, как и все советские люди, пропитан такими идеями, которые делали меня чуждым Западу. Поэтому о мотивах принятого решения перейти на сторону американцев однозначно сказать не могу. Причин было много, и все они продиктованы соображениями идейно-политического характера. Среди них не последними были события, которые особенно потрясли мое воображение. Прежде всего, это глубокое разочарование в руководителе Советского государства Никите Хрущеве, с которым мне довелось пообщаться во время его первого визита в США.

На секретной встрече с партийным активом в Нью-Йорке Хрущев заявил, что только дураки могут верить в мирное сосуществование антагонистических систем. Он сказал тогда, что мы дадим существовать капитализму только до той поры, пока не сможем задушить его. Цитирую, конечно, не дословно, так как эту тему он развивал пространно, обвиняя работников МИДа в мягкотелости и аполитичности. Его высказывания носили в то время явно агрессивный характер.

После таких его выступлений у меня появилось желание найти контакт со спецслужбами США, чтобы довести через них до администрации США информацию о том, как понимает проблему «мирного сосуществования» первый коммунист планеты.

Повторяю, что мои убеждения формировались исподволь, начиная с шестидесятых годов. Основой для их формирования были наблюдения за состоянием жизни в США, знакомство с жизнью европейских государств по материалам прессы, с директивными материалами и речами представителей разных стран в ООН.

Если раньше я воспринимал деятельность и систему нашего государства как должное, то, увидев и оценив жизнь людей за рубежом, я понял, как глубоко был индоктринирован. Это привело меня к душевному надлому и к изменению моих политических воззрений — к переходу на позиции социал-демократических убеждений. Так я стал по своим взглядам ближе к социал-демократам, чем к коммунистам. В конце концов, я разуверился в необходимости революционных преобразований в мире, в необходимости революций с их кровавыми столкновениями и бесчисленными невинными жертвами, в необходимости демократического централизма, как способа

руководства партийным аппаратом.

Это и вынудило меня пойти на измену Родине, так как я видел и понимал, что наша партия в состоянии существовать и управлять страной только в условиях подавления всякого инакомыслия, только при системе запретов и ограничений, унижающих человеческое достоинство. Видел я также, что наша партия более бюрократична, чем все другие политические партии. Был я тогда чрезвычайно обеспокоен и тем, что проповедь идеологического противостояния может стать причиной развязывания новой войны. Поэтому я поставил перед собой задачу: оградить политическое руководство США от неправильного восприятия политических, военных и экономических акций СССР; разъяснить им суть потока политических и пропагандистских мероприятий; показать, в чем заключается обман советских решений и что американцам надо самим разбираться во всем и противодействовать нечистоплотной внешнеполитической деятельности СССР.

Свои возможности о помощи Америке я не переоценивал, я хотел лишь показать спецслужбам США пути осуществления нежелательных для сохранения мира советских акций.

И еще: работая в Штатах, я убедился, что американцы никогда не начнут войну первыми. По своей натуре и характеру они представлялись мне теми дельцами, которым дороже всего их собственное дело и их собственная жизнь. Разобравшись в демократичном характере государственного устройства США, я понял, что в этой стране маловероятно возникновение диктатуры одной личности, которая была бы способна на принятие решения об объявлении войны. Должен заметить, что американцы боятся нас, но боятся не как государства, не как нацию, а как идеологическую систему, способную разрушить жизненные идеалы многих народов.

В связи с этим я внимательно изучил случаи вступления США в войны и не нашел в истории примера вхождения их в военные конфликты без обсуждения таких вопросов в прессе и в конгрессе, без колебаний и споров, то есть когда они начинали бы действовать внезапно, без предупреждения. Повторяю еще раз: сама система государственного устройства и правления страной не позволила бы им это сделать.

Появление стратегических ракет в нашей стране я рассматривал как возможную подготовку СССР к внезапному нападению на США. Стремление же Америки увеличить свою военную мощь расценивал как создание средств для устрашения и предотвращения новой мировой войны. При этом я почему-то был убежден, что СССР не начнет первым войну против более

сильного противника, и в то же время считал, что не начнут ее и Соединенные Штаты. В этом я был абсолютно уверен. Считаю, что для обеспечения стабильного мира нет необходимости достигать ядерного превосходства, для этого достаточно уже накопленных ядерных средств устрашения, способных нанести ответный удар как с одной, так и с другой стороны. Для этого, по моему мнению, хватит и половины имеющихся на сегодня ядерных средств. Конфронтация же, бряцание оружием всегда вызывали у меня внутреннюю негативную реакцию.

Занимаясь с первой командировки в Америку разведкой ядерного потенциала США, я понял, что нужно нам всем договариваться. Мои попытки как-то подать свой голос в этом направлении не давали результатов. В последующем такие события, как Кубинский кризис, события в Венгрии и Польше, разлад с Китаем и необоснованное, на мой взгляд, бесполезное наращивание сил на границе с Китаем и, наконец, строительство стены в Берлине — все это не находило у меня понимания. Это были не соответствующие гуманным принципам социализма акции, направленные на усиление конфронтации в мире и приближение всеобщей катастрофы. Не находила понимания в моем сознании и среда, в которой мы искали «друзей». Мне казалось, что меркантильные соображения, которые лежали в основе наших отношений с некоторыми странами, получающими от нас вооружения и различное военное оборудование, не соответствуют идеалам социалистического общества. Вот такая негативная установка поддерживалась во мне по мере наблюдения за деятельностью компартий Бирмы, Вьетнама, Кампучии и других азиатских стран. Руководители этих государств во имя достижения политических целей иногда забывали о гуманизме и вели войны, что приводило к гибели миллионов человеческих жизней.

К числу указанных выше причин моей измены относятся и события, происходившие внутри СССР: снятие с должностей и увольнение Жукова, Штеменко и, конечно же, развенчание культа личности Сталина перед советским народом и всем миром.

Ранее у меня были сомнения в справедливости деятельности Сталина. Эти сомнения вызывались его жестокостью, созданием невиданных доселе органов подавления, приводивших к излишним жертвам. С приходом к власти Хрущева, которого я считал не достойным руководить ни партией, ни государством, я пришел к выводу, что такого лидера может выдвинуть только партия, потерявшая свое идеологическое лицо со всеми вытекающими последствиями.

Ни для кого из живших в то время взрослых людей не была

секретом бездумная, авантюристическая политика тогдашнего Хрущева, дважды ставившего мир на грань ядерной войны. Нам, разведчикам, находившимся в то время в США, это было особенно понятно. За плечами нашего народа была уже тяжелейшая война, в которой каждая семья понесла невосполнимые потери. Моим сыновьям в то время исполнилось восемь и шесть лет, и я не мог не думать об их будущем. Вот это и есть один из главных мотивов, объясняющий, почему я в конце 1961 года решил оказывать содействие Соединенным Штатам Америки в противодействии агрессивной политике Хрущева.

Авантюризм и волюнтаризм Хрущева, его взгляды и поведение за рубежом — все это, вместе взятое, и породило во мне полную безысходность, разрушило внутренние идеологические устои, мою мировоззренческую платформу и толкнуло меня в лагерь главного противника. Я задавал себе не раз вопросы: «Как могло стать возможным, что при нашей демократии, в условиях «самого справедливого», социалистического общества на руководящие должности в партии и государстве выдвигаются такие авантюристы, как Хрущев?» И, к сожалению, не находил ответа.

Сущность доктрины Хрущева я видел в коммунистической экспансии, то есть в насильственном перенесении коммунистической формы правления в зависимые от СССР развивающиеся страны, что, по моему мнению, не соответствовало ленинской идее о праве наций на самоопределение. Бороться же открытыми способами я с этим не мог и тоже по этой причине избрал измену Родине, так как знал, что иные формы борьбы привели бы меня к неминуемой гибели. Подтверждением тому стало мое выступление на партийном собрании в Нью-Йорке, когда я высказал свое мнение по вопросам политики разоружения. Это, как я уже говорил на одном из допросов, чуть было не закончилось полным моим крахом. Я понял тогда, что так действовать дальше нельзя, что еще одно такое выступление — и я перестану существовать как личность.

Одной из причин моего становления на путь сотрудничества с американцами было также и стремление открыто высказывать свои взгляды и убеждения, но это была лишь сопутствующая, не основная причина измены. В области профессионального дела хотел бы подчеркнуть, что я всегда стремился к работе за гранью риска: чем больше опасность, тем интереснее становилась моя жизнь. И еще о профессионализме: меня всегда возмущало, когда от военных разведчиков требовали добывания не фактических данных о противнике, а той информации, которая ожидается «наверху». Возмущало, конечно, и падение профессионализма в

разведывательной работе, засорение разведки случайными людьми.

Вот по этим причинам я и принял решение вступить в сотрудничество со спецслужбами США. И сожалений об этом у меня до последнего дня, связанного с арестом, никогда не возникало. Хотя я знал, что человек я — обреченный, но, жертвуя собой, я полагал, что в какой-то, пусть даже крошечной мере, я способствую предотвращению новой войны.

О крушении своих идеологических устоев и о своем преступном сотрудничестве со спецслужбами США я ни с кем не делился. Ни жена, ни дети, ни близкие мне люди об этом ничего не знали. Для них я продолжал оставаться таким же ортодоксальным коммунистом-сталинистом, каким я был до начала 1962 года.

Все это я пишу не для того, чтобы выгородить себя, а лишь в смутной надежде, что это даст ключ к более серьезному анализу причин моего падения компетентными органами, а также к принятию превентивных мер, предотвращающих дальнейшие попытки измен Родине со стороны других советских граждан.

Показания о мотивах моей измены Родине написаны мною собственноручно.

Подпись Полякова

07.04.1987 г.

Прочитав эти показания, Духанин долго и задумчиво смотрел на Полякова, отмечая про себя, что некоторые его доводы отличаются разумностью, хотя они и сводились в целом к оправданию предательства.

— Мотивов своего преступления вы, Дмитрий Федорович, назвали много, — заметил он. — А нельзя ли выделить из них какой-то основной? Я понимаю, в этом наборе причин предательства возможны их сочетания и комбинации, в том числе и самые заземленные, например пожить красиво…

— Что касается заземленных мотивов, — подхватил Поляков, — то я готов перечислить их сейчас. Мне не нравилось, например, что у меня «отнимали» жалованье, которое ООН выплачивала своим служащим и значительную часть которого мы, сотрудники этой международной организации, должны были сдавать в казну Советского государства. При этом хочу сделать оговорку, что я легко обходился без этих ооновских денег и если бы только захотел, то мог бы получать за передаваемую американцам информацию не одну тысячу долларов. Кстати, мне предлагали их на каждой явке, но я отказывался от них. Если и

брал у американцев доллары, то это была только одна пятая или одна шестая часть предлагаемых ими денег. И брал я их не для себя, а для приобретения подарков, причем с таким расчетом, чтобы общая сумма вознаграждения не превышала половины моего месячного оклада. Это делалось с той целью, чтобы не вызывать подозрений у окружения о наличии и непомерной трате излишних денег и чтобы не попасть потом в поле зрения органов КГБ…

— До чего ж хитер этот Дмитрий Федорович! — покачав головой, вставил следователь.

— Таким и должен быть каждый разведчик! — постучав себя в грудь, парировал Поляков. — Вы знаете, что я много лет служил за границей, но ни я, ни жена никогда не были поражены распространенным среди советских граждан психозом шопинга и болезнью обогащения. А теперь о других, как вы выразились, заземленных мотивах, которые тоже сыграли свою роль в моем решении переступить порог совести. Это, конечно, и недовольство моим непосредственным руководством, которое недооценивало меня в течение пятнадцати лет после войны.

— И все же основные мотивы вы не назвали, — разочаровался следователь. — Оно и понятно: никто и никогда из изменников Родины не признавался в меркантильности и в желании пожить в свое удовольствие.

Генерал скорчил недовольную гримасу и, пожав плечами, укоризненно произнес:

— Но я же дал вам письменные показания! И я назвал там, что главная причина моего сотрудничества с американцами вытекает из-за внутреннего несогласия с рядом положений внешнеполитического курса СССР и из-за идеологических расхождений с руководством страны.

— Возможно, кто-то из завербованных агентов и имел политические мотивы. Но они не были определяющими. В основе всех известных мне предательствах лежали, как правило, меркантильные интересы. Это, кстати, подтверждал и бывший директор ЦРУ Ричард Хелмс. Вот послушайте, что он заявил в бытность вашего сотрудничества с американцами: «Я не думаю, чтобы хоть один русский перешел на нашу сторону по идеологическим соображениям…» Если вы пошли на предательство даже из-за того, что вас раздражал Хрущев, и вы затаили враждебность по отношению к нему, то зачем же было раскрывать американцам имена и фамилии сотен советских разведчиков и их агентов? Зачем было калечить судьбы этих людей? Меня и вас всегда учили быть преданными не Политбюро ЦК КПСС и не Хрущеву, а своей Родине. И какая бы она ни была,

она — наша страна, она наша Родина. Вот о таких именно людях как вы, Дмитрий Федорович, очень хорошо и очень правильно сказал однажды профессор Оксфорда Джон Толкиен: «Есть категории людишек, которым достаточно сказать: что ж, страна, которую я любил, обречена — и любое предательство будет всегда морально оправдано…»

Поляков поморщился, сообразив, что его загоняют в угол.

— Но я, согласитесь, в процессе следствия никогда не оправдывался. Я, повторяю, на службу к американцам пошел не потому, что сделался жертвой их шантажа. Я пошел на контакт с ними по собственной инициативе из-за идейных и политических расхождений. Я был сознательным шпионом, шпионом по убеждению. Лишь незадолго до ареста я стал терять былую уверенность в благополучном исходе своего сотрудничества с американцами. В том, что это будет смертная казнь, я не сомневался тогда и внутренне был готов к ней. Оставаясь живым, я каждый день умираю от сознания того, что причиняю много мук своим близким. На последней встрече в Нью-Дели весной тысяча девятьсот восьмидесятого года Скотцко, как я уже говорил вам, предложил мне не возвращаться на родину. Он предложил тогда очень выгодные условия: должность советника ЦРУ по вопросам организации агентурной связи, присвоение звания полковника американской армии, высокую материальную обеспеченность как в процессе службы, так и в будущем, когда стану пенсионером. Что я ответил ему, вы знаете. Он, словно предчувствуя мой предстоящий арест, сказал на прощание: «Не поминайте меня лихом, Топхэт, я добивался от вас только одного: чтобы вы согласились комфортно доживать свой век в нашей стране. Мы, ваши коллеги, многому учились у вас и хотели бы и дальше учиться. Но, к большому сожалению, не вышло у меня убедить вас. Подумайте, — умолял он меня, — у вас есть еще время до отъезда. Как говорится, еще не вечер». Однако этот черный вечер наступил полтора года назад, когда меня арестовали. Можно было бы, конечно, еще до ареста убежать из России, но нельзя убежать от самого себя. Если бы даже я и убежал или остался тогда в Индии, то все равно все плохо бы кончилось: рано или поздно КГБ добрался бы до меня. Руки у чекистов длинные. Троцкого вон даже в Мексике достали…

— Не надо, Дмитрий Федорович, сравнивать себя с Троцким. Каждому достается свое. Между прочим, вы уже взяли свое. И даже больше, чем положено, как сказал однажды начальник политотдела ГРУ генерал Долин…

— Значит, вы тоже считаете, что я получил больше, чем положено? — упрекнул следователя Поляков. — Но вы же знаете,

что я получил генеральский мундир, о котором говорил Долин, соответственно занимаемой должности.

— Скажите пожалуйста! — бросил в сердцах Духанин, разведя руками. — Он, видите ли, получил звание генерала по своей должности! Не надо мне пудрить мозги, Дмитрий Федорович! Знаем мы, как некоторые получают звания и должности! А тем более вы лично! Узнав после первой командировки о том, что резидент Бон[105] дал вам отрицательную характеристику[106], вы просчитали все и в конце шестьдесят первого года решились предложить противнику свои услуги в надежде на то, что он, противник, в долгу не останется. И вы не обманулись в этом: ЦРУ взамен вашей ценной информации тоже подкармливало вас кое-чем и подставляло вам для вербовочных разработок своих разведчиков-дипломатов. То есть ЦРУ работало на ваш успех, на ваши продвижения по должности. Не без поддержки Изотова, конечно. После приобщенной в ваше личное дело характеристики Бона вы никогда бы не стали генералом. Об этом, кстати, вы показали на одном из допросов. Так ведь было, Дмитрий Федорович?

— Да, — неохотно буркнул Поляков, не глядя на следователя.

— А что касается Хрущева, о котором вы так много говорили, — продолжал Духанин, — то с некоторыми вашими суждениями о нем с вами согласен. Но согласитесь и вы со мной: министры, премьер-министры и лидеры компартии — все это люди временные и рано или поздно они уходят с политической сцены. А иногда и в лучший мир. Да и партия может на каких-то этапах ошибаться, а идеология оказаться ничтожной. Преданность родной стране, которой присягал служить верой и правдой, должна быть выше политических привязанностей и симпатий, она не должна подвергаться пересмотру под влиянием перемен в своем сознании или в силу каких-то меняющихся или преходящих обстоятельств. Даже Александр Сергеевич Пушкин в свое время страстно призывал: «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы». Идея служения Родине — это ключевая нравственная идея советского человека, а тем более разведчика. Для него она равнозначна служению священника, учителя или врача. А вы вот…

Следователь не договорил, заметив немигающий, оловянный взгляд генерала. Неподвижно сидевший Поляков напоминал человека, будто потерявшего что-то очень дорогое для него. На самом деле так оно и было: не стало для него семьи, знакомых и любимого дела. Тишина, возникшая в кабинете, словно трясина затягивала его в небытие, генерал с трудом вернулся в происходящее. Он встрепенулся, посмотрев на следователя

рассеянным взглядом, и неожиданно спросил:

— Так это о чем мы говорим?

Поляков намеренно произнес фразу во множественном числе, надеясь, что следователь ответит в единственном.

— Да все о том же, Дмитрий Федорович. О том, как низко может пасть человеческая душа. Так низко, что потом и всей жизни не хватит, чтобы вымолить у Бога милости. Предательство — это самое худшее, что бывает на белом свете. Предатель — это венец Сатаны. Иуда в своем индивидуализме дошел до немыслимого преступления — предает Бога и гибнет сам позорной смертью…

Поляков скривился и махнул рукой, всем своим видом выражая апатию и отстраненность от сказанного:

— Мне теперь все это безразлично. Дни мои уже сочтены. Хотел бы лишь заметить вам, Александр Сергеевич, что история без иуд не делается. Только одним из них везет больше, а другим — меньше.

— А вы лично к каким себя относите?

— К тем, которым повезло меньше. Уверен, что кому-то другому из нашего ГРУ повезет больше. Так было всегда, так оно и будет впредь.

Следователь посмотрел на часы: времени было уже много. Поняв, что разговор их затянулся, он допечатал протокол на машинке и, подавая его на чтение и подпись Полякову, сказал:

— Встретимся теперь на заключительном допросе через три дня. Мне это время необходимо для того, чтобы проанализировать все материалы следственного процесса, потом вместе с вами выявить и устранить возможные противоречия и восстановить полную ясность и объективность при подготовке обвинительного заключения…

— Вот о чем я и говорил, — пробормотал Поляков.

— Не понял, о чем вы? — удивился Духанин.

— О том, что дни мои до обвинительного заключения уже сочтены. Так скажите же, сколько дней осталось мне жить? Месяц? Два?.. Или три?

— Читайте пока протокол, а там видно будет…

* * *

После этого допроса мысль о том, что жить осталось немного, как вбитый гвоздь, засела в голове Полякова. В душе тоже что-то ныло и болело. Всю ночь провалялся он на кровати, не в силах заснуть. А когда чуть забрезжил рассвет, он встал и подошел к

окну. Раннее июньское утро наступало на московские улицы очень медленно. Солнце еще не взошло, а птахи начинали уже прочищать горлышки, готовясь к утренней спевке. Генерал любил этот утренний мир и его особенные минуты общения с пробуждающейся жизнью, когда каждый человек обнажал после сна свою беззащитную суть, когда жизнь представлялась началом движения людей и событий. Но и на сей раз, как и накануне вечером, Полякова мучила все та же гнетущая мысль: «Сколько жить осталось?» От этой мысли, вытеснившей все остальные, голова болела и ныло сердце. Но, возможно, ныло оно больше и от понимания того, что по уши увяз в предательском дерьме.

Та жизнь, из которой он уже собирался и должен был уходить, была прекрасной и всегда сопряженной с риском. Да, Поляков привык ходить по острию ножа, и он не мыслил уже себе другой жизни. И вдруг, как никогда раньше, ему захотелось вспомнить всю свою прошедшую жизнь[107], все, к чему стремился и что успел сделать.

И, словно в обратной прокрутке киноленты, перед ним начали мелькать кадры из его детства и юности, эпизоды из военной и послевоенной жизни. Вот он — школьник времен коллективизации и индустриализации страны среди группы пацанов, издевающихся над своим сверстником из соседнего дома. А вот уже и выпускник Старобельской средней школы, что в Луганской области, взахлеб сообщающий друзьям, как вместе с отцом — бухгалтером плодоконсервного завода — поймал сетью на реке Айдар огромную щуку и, вытащив ее на берег, оглушил одним ударом кирзового сапога. Рассказывал об этом под восхищенные восклицания дружков, добавляя много такого, чего не было на самом деле. Упиваясь завистливым блеском глаз своих корешей, юноша Дима Поляков чувствовал себя тогда героем. Веселые друзья, девушки… все кружилось в памяти. Затем началась строгая армейская жизнь в Киевском артиллерийском училище. Потом был боевой путь по дорогам войны на Западном и Карельском фронтах. После войны — учеба в Москве в Академии имени Фрунзе и на курсах Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Высшее военное образование получил поверхностное, но, несмотря на это, распределился в центральный аппарат ГРУ. Тогда же удачно женился на дочке генерала и вскоре был командирован в Нью-Йорк на должность прикрытия — сотрудника советской миссии при ООН. Особого рвения к своим прямым обязанностям не проявлял, больше заботился о своей семье…

И тут Поляков вспомнил, что по возвращении из первой загранкомандировки вел он образ жизни скромный, тесных связей

с коллегами не устанавливал, избегал участия в компаниях по случаю награждений, присвоения очередных воинских званий или повышений в должности, зато выделялся угодливостью по отношению к начальству. «Наверное, благодаря этому и направили меня во второй раз в Америку, причем сразу на должность заместителя резидента по спецразведке, — подумал Поляков. — И именно тогда я и вляпался в шпионское дерьмо. Наверно, не следовало направлять меня во второй раз в Нью-Йорк, где я окончательно потерял уверенность в правоте своей жизни. Да, не хватило мне мужества и твердости остаться самим собой… Страху на войне не знал, а тут вот на тебе… пошел на подлость, хотя знал, чем все обернется. Странные мы все-таки люди, — вечно недовольны тем, что имеем. Ведь все было — и квартира на Калининском проспекте, и машина, и престижная работа, и семья. Спрашивается, зачем было приносить столько горя и несчастья своим же разведчикам, не говоря уже о близких родных и знакомых. Вся беда, что сам ты взял на себя крест Иуды. И потом понесло тебя, как по течению реки. Хотел остановиться, но не мог, как будто змея своим взглядом зачаровала тогда. В пасть к ней сам шел, и не было сил у тебя, чтобы остановиться и сопротивляться…»

И на второй, свободный от допроса день Поляков продолжал укорять себя: «Вот с чьего голоса надумал ты раскачивать страну родную в самый разгар «холодной войны»? Против какой громады ты пошел!? Неужели ты не понимал тогда, что разбить матушку-Россию не удастся никому? Это же тысячелетняя Россия! Об нее столько уже государств зубы сломало! Даже немцы с огромным войском Гитлера ничего не смогли поделать. Победить Россию можно только собственными руками, руками самих русских. Для этого они должны посеять смуту в стране, обезуметь от состояния этой смуты и разорить ее. Ты же понимал, что победителем тебе не стать, а вот клеймо предателя получил ты на века и на память всем поколениям! И не очиститься тебе от этого клейма никогда! Пропал ты в этой жизни ни за грош!» И по лицу его медленно текли бесчувственные слезы: кто знает, возможно, откуда-то из глубин детства или отрочества выползло впервые угрызение совести. Выползло и посыпало соль на рану. Жизнь, еще вчера светившая белой полоской неба над Москвой, теперь превращалась в могильный мрак.

Внутри у него было гадко. Заснуть, как и накануне, он долго не мог, пытаясь выдавить из головы приходившие то и дело колючие мысли. Когда все же заснул, то приснился ему сон: фэбээровец Джон Мори стоял на трибуне и, улыбаясь, подмигивал ему. И было в его улыбке что-то холодно-плотоядное и в то же

время доверительное. Потом он начал громко провозглашать с трибуны: «Ты, молодец, Топхэт, что выбрал нас и пришел к нам! Ты — наш человек, Топхэт!» Отгородившись рукой от взгляда Джона Мори, Топхэт со злобой крикнул ему в ответ: «Отстань от меня, Сатана!» И в этот момент Поляков проснулся, осторожно ощупал себя и успокоился. Видя, что настало уже время завтрака, он вытер со лба проступивший холодный пот и, подумав о том, что во сне и не такая чепуха может привидеться — на то он и сон, и наваждение, — стал готовиться к приходу за ним конвойного.

Но и после завтрака арестованного генерала продолжали угнетать неотвязные, мрачные мысли. Ощущение того, что он бессилен перед надвигающимся смертным приговором, на какое-то время парализовало его. Заскрежетав зубами, он прилег опять на свою жесткую кровать, закрыл глаза и задремал. И снова приснился ему зловещий сон: будто стоит он по колено в дерьме, пытается выбраться из него, а сил не хватает. Мгновенно проснувшись, он стал ожидать, когда следователь соблаговолит вызвать его на заключительный допрос…

* * *

На последний допрос с согласия Духанина пришел и заместитель начальника отдела полковник Жучков. Полтора года назад именно он начинал следственные действия по делу «Дипломат». На этот раз Анатолий Гаврилович решил посмотреть, как поведет себя его бывший подопечный, — несговорчивый и гордый в то время генерал Поляков.

Испытав в предыдущие три дня болезненное отсутствие сна из-за постоянно возникавших в голове тяжелых дум, Поляков, когда его доставили на допрос, продолжал чувствовать себя неважно. Это было видно и по его внешнему виду: он был мрачен и порой судорожно ловил ртом воздух, при этом рукой хватаясь за грудь.

Допрос Духанин начал с похвалы:

— Подводя сегодня итоги длительного следственного процесса, я должен отметить, что вы, Дмитрий Федорович, добросовестно сотрудничали со следствием. На допросах вы не юлили и не пытались выгородить себя, не посыпали голову пеплом и не сжимали челюсти до треска зубовного, когда я говорил вам о неоспоримых фактах или задавал неожиданные, каверзные вопросы. А самое главное, вы не смотрели при этом злобно на следователя, — шутливо обронил Александр Сергеевич, и с улыбкой бросил взгляд на полковника Жучкова…

Тот тоже улыбнулся, но не сказал ни слова.

— И еще я должен заметить, — продолжал Духанин, — что Дмитрий Федорович никогда не просил для себя снисхождения…

— А как можно просить, — вставил Поляков, — если я давно уже знал, что мне уготована высшая мера наказания.

Сидевший молча Жучков утвердительно кивнул головой.

— Давайте не будем пока говорить о мере наказания, все будет решать суд, — обронил Духанин. — Скажите лучше, какие у вас будут замечания или дополнения по ведению допросов?

Опустив голову, Поляков задумчиво потер ладонью щеку.

— Есть у меня два дополнения, одно из которых может заинтересовать органы госбезопасности, а другое — подтвердить ранее сделанные выводы о моих идейно-политических мотивах измены Родине. Итак, первое. Довожу до вашего сведения, что в ГРУ я, как агент американской разведки, был не одинок. Я уже сообщал, что после моего отъезда из США был завербован техник нашей резидентуры в Нью-Йорке Николай Чернов. Кроме того, на американцев работали разведчик-нелегал Норд и сотрудник ПГУ Валентин Лысов, о чем мне стало известно от моих операторов из ФБР и ЦРУ. Есть у меня на примете и некоторые другие сотрудники ГРУ, в действиях которых я установил признаки негласного их сотрудничества со спецслужбами иностранных государств.

— Вы можете сказать, кто к их числу относится? — обрадовался Духанин.

Замявшись, Поляков несколько секунд молчал, решая, стоит ли о них говорить, потом произнес:

— По моим предположениям и наблюдениям, к их числу относятся два генерал-майора из ГРУ. Но есть и более важные фигуры из высших эшелонов власти, которые тоже недалеко ушли от иудиного помазания и замараны тем же шпионским дерьмом, что и я. По причине отсутствия у меня доказательств их сотрудничества, не буду называть фамилии, но они хорошо известны иностранным спецслужбам. Время для их разоблачения, видимо, пока не пришло. А теперь я хотел бы дополнить ранее данные мною показания о мотивах, которые как бы подталкивали меня на активизацию сотрудничества с американцами. Можно мне это сделать сейчас? — спросил он виновато, обращаясь к Духанину.

— Можно, конечно, — ответил Александр Сергеевич.

— Так вот, с приходом к руководству партией и страной Леонида Ильича Брежнева я первоначально надеялся на поворот к реалистической внешней и внутренней политике нашего государства. Однако я вскоре убедился, что Брежнев задался

единственной целью: обеспечить военное превосходство СССР над силами НАТО и перевес в стратегическом ядерном вооружении над силами США. Мне казалось даже, что доктрина Брежнева — оказание помощи, в том числе и военной, всем странам, имеющим антиимпериалистическую направленность, представляет не меньшую угрозу стабильности в мире, чем авантюризм Хрущева. В то же время все мы видели, что внутриполитическая деятельность Брежнева не давала положительных результатов. Мало того, его экономическая политика вела к моральному разложению общества. Про себя я называл тогда Брежнева не иначе как самым результативным растлителем народа за всю историю России…

Неожиданно для Духанина и Полякова со стула поднялся полковник Жучков и, ни слова не говоря, быстро вышел из кабинета. «С чего бы это вдруг он как с цепи сорвался?» — задумался Александр Сергеевич.

Возникла пауза. Прошло, наверно, около минуты, после чего Духанин с озабоченным и встревоженным видом, но, как ни в чем не бывало, вежливо обратился к Полякову:

— Продолжайте, Дмитрий Федорович, давать свои показания.

Генерал, почувствовав боль в груди, с побледневшим страдальческим лицом потянулся к стакану с водой. Сделав несколько медленных глотков, он поставил стакан на место и, напрягаясь, с трудом заговорил:

— Я считаю, что в угоду министру обороны Гречко Брежнев без обоснованных причин создавал на азиатской территории СССР новые военные округа и продолжал наращивать в нашей стране ядерный потенциал. И все это делалось в ущерб благосостоянию советского народа и подрывало экономику России…

Слова застряли в горле Полякова, когда в кабинет, не постучав даже, влетел полковник Жучков. Подсев к Духанину, он начал что-то нашептывать ему на ухо. Когда закончилось это нашептывание, Александр Сергеевич уставился на него оторопелым взглядом и сердито выдавил из себя:

— Но я же только что начал допрос! Есть еще факты, которые остались невыясненными и требуют его показаний! Я имею в виду, о потенциальных изменниках Родины. Вы же слышали, что он говорил?!

Жучков, дернув головой, сделал большие глаза и раздраженно бросил вслух:

— Не дай бог, если дойдет до высшего руководства страны, что вы обсуждаете с изменником Родины недостатки нашей социалистической системы! А тем более осуждаете вместе с ним

действия Генерального секретаря и членов Политбюро ЦК КПСС!

— Ну и что? — побагровев, с возмущением воскликнул Духанин. — Да все они — и Хрущев, и Брежнев, и Гречко — немало наломали дров! Разве это не так?

Махнув рукой, заместитель начальника отдела встал и опять ушел из кабинета[108].

Взглянув на обвиняемого, который в это время судорожно ловил ртом воздух и то и дело хватался за грудь, Духанин оробел:

— Что с вами, Дмитрий Федорович?

— Сердце… Пока я не был в эти три дня на допросах, оно уже во второй раз схватывает меня…

Опасаясь, что генерал в отставке может умереть на последнем допросе до оглашения приговора, — а это могло вызвать международный скандал и шумиху в прессе, что следователь, мол, умышленно довел его до смерти или что КГБ позволил сокамерникам умертвить его, — Александр Сергеевич огорченно заметил:

— Сейчас я позвоню охранникам, чтобы они сопроводили вас к дежурному врачу.

Духанин сделал два телефонных звонка и, обращаясь к Полякову, сказал:

— Теперь мы встретимся примерно через месяц. Вы вместе со своим адвокатом в соответствии с требованиями закона должны ознакомиться с материалами уголовного дела, а затем и с обвинительным заключением.

Поляков встал и подошел к Духанину, чтобы рукопожатием своим выразить слова благодарности:

— Вы, Александр Сергеевич, были всегда тактичны, внимательны ко мне, не провоцировали и не нагоняли страха на меня. Поэтому можете не сомневаться во мне, от показаний своих при подписании обвинительного заключения и на судебном процессе я не откажусь, — добавил он, пожимая на прощание руку следователю.

* * *

В тот же день из центральной поликлиники КГБ в следственный изолятор на «скорой помощи» приехали врачи. Они провели медицинское освидетельствование Полякова и дали заключение о том, что он нуждается в стационарном лечении. После недолгого оформления документов он был отвезен в госпиталь КГБ и помещен в одиночную палату с охраной из двух человек.

Лечили Полякова так, как и всех сотрудников органов госбезопасности. Когда он пошел на поправку, то с разрешения врачей ему стали привозить на ознакомление по одному тому уголовного дела. По окончании изучения всех материалов дела Поляков без колебаний подписал протокол ознакомления. После этого уголовное дело о шпионской деятельности генерал-майора в отставке было направлено в Главную военную прокуратуру для утверждения протокола и обвинительного заключения.

Глава 8
Возмездие

Злодеяние не должно оказываться безнаказанным.

Агата Кристи

Пока в Верховном суде СССР изучали материалы шпионского дела генерала Полякова, в Первом и Третьем главных управлениях КГБ СССР шла разработка мероприятий по локализации возможных провокационных действий спецслужб противника в отношении резидентур советской внешней и военной разведки в Индии и Бирме. Это необходимо было сделать потому, что изменник Родины Поляков в процессе сотрудничества с ЦРУ передал американцам много сведений о кадровом составе, формах и методах работы советских спецслужб, а также о разведывательных устремлениях резидентур ГРУ и КГБ в Дели. Во-вторых, чтобы противник при реализации переданной Поляковым информации не нанес ущерба двусторонним советско-индийским отношениям. В-третьих, чтобы определить круг лиц из числа агентов и доверенных, связь с которыми целесообразно было законсервировать на какое-то время. В-четвертых, чтобы принять соответствующие меры по обеспечению безопасности выданных противнику сотрудников советской разведки и заменить тех из них, в отношении которых обстановка могла складываться неблагоприятно. В это же время в подразделениях КГБ велась разработка плана по обеспечению судебного процесса: о доставке подсудимого в зал заседаний суда, о его охране, питании, медицинском обеспечении, недопущении с его стороны возможных нежелательных действий во время суда, а также о доставке вещественных доказательств шпионской деятельности генерала Полякова.

Закрытый процесс по его уголовному делу начался, как и намечалось, 24 ноября 1987 года. За отдельной деревянной перегородкой сидел на стуле заметно постаревший Поляков в арестантской форме. Рядом с ним стояли два охранника.

Заметно было, что немногие присутствующие в зале наблюдали шпиона враждебно, а другие насмешливо. Он вызывал впечатление человека, который только что пережил что-то тяжелое, глубоко потрясен и ждет новых тревог.

Как только в зал вошли участники судебного процесса, нервы

Полякова мгновенно напряглись, и он увидел прямо перед собой строгие лица трех генерал-лейтенантов, поднявшихся на небольшое возвышение.

Председательствующий генерал-лейтенант Бушуев Георгий Иванович объявил заседание военного трибунала открытым и назвал его повестку:

— Сегодня слушается дело по обвинению генерал-майора в отставке Полякова Дмитрия Федоровича, бывшего ответственного работника Главного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР в совершении преступлений, предусмотренных пунктом «а» статьи 64[109] и статьи 78[110] Уголовного кодекса РСФСР. Поскольку сегодняшнее и все последующие заседания затрагивают интересы национальной безопасности СССР, а некоторые материалы уголовного дела имеют гриф «секретно», суд вынес заключение проводить процесс в закрытом режиме.

Затем, обращаясь к Полякову, спросил:

— С вашей стороны не будет возражений?

— Нет, — ответил подсудимый.

— Благодарю вас. Тогда позвольте огласить обвинительное заключение по уголовному делу номер сто одиннадцать.

И Бушуев начал зачитывать твердым и звучным голосом обвинительное заключение на ста восемнадцати страницах. Вот лишь некоторые выдержки из него:

— В доме матери Полякова, в городе Щелково, была обнаружена в расщелине опорной балки чердачного перекрытия металлическая трубка, в которой находились три свернутых шифрблокнота из тонкой бумаги и микропленка с инструкциями. По заключению криминалистической экспертизы шифр-блокноты изготовлены американской разведкой и предназначены для расшифровки и зашифровки сообщений. Бумага шифрблокнотов не растворяется в воде и в органических растворителях. Красящие вещества, с помощью которых нанесены пятизначные группы цифр, относятся к полиграфическим краскам для офсетной печати иностранного производства.

— О мотивах своего предательства Поляков показал: «Бороться открытыми способами я не мог, по этой причине я избрал измену Родине, так как знал, что иные формы борьбы привели бы к моей скорой гибели. Идя на сотрудничество с американцами, я ставил перед собой задачу противодействовать внешнеполитической деятельности СССР и оказать хоть какую-нибудь пользу США в усилении их противостояния политике СССР…»

— Помимо собственного признания, Поляков изобличается

показаниями 57 свидетелей — бывших его сослуживцев, которых он раскрыл американским спецслужбам в период работы в Нью-Йорке, Рангуне и Дели.

— В результате длительного преступного сотрудничества со спецорганами США причинил существенный вред государственной безопасности и обороноспособности СССР, повлекший тяжкие последствия. Он поставил под угрозу безопасность и жизнь 19 разведчиков-нелегалов, свыше 150 агентов, в том числе из числа иностранных граждан, находившихся в контакте с представителями советской военной разведки. На основе переданных сведений американскими спецслужбами были выявлены, подвергнуты аресту и затем осуждены к длительным срокам тюремного заключения ценные агенты Карел, Бард, Дрон, Беджер, Росман, Вольф и ряд других. Из-за преследования со стороны контрразведывательных органов США покончили жизнь самоубийством разведчик-нелегал Мейси, агент Дарк и другие.

— Значительно осложнил работу за рубежом более чем 1300 офицерам военной и внешней разведки и ограничил дальнейшее их использование по прямому назначению. В США из-за его предательства был арестован полковник Егоров И.Д. с женой, подвергался воздействию с целью склонения к измене Родине полковник Масленников П.Е., в Японии был арестован майор Мачехин А.Е., многие офицеры были объявлены нежелательными лицами и выдворены из стран пребывания.

— Раскрыл заинтересованность Советского государства в развитии и совершенствовании ряда областей науки и техники. Затруднил оперативную работу ведомств по добыванию разведывательной информации и новейших технологий. Создал спецслужбам противника возможности для подготовки дезинформации, ориентированной на советских специалистов, занимающихся разработкой военной техники. Способствовал принятию в 1979 году правительствами стран — участниц НАТО законов об экспортном контроле в торговле с СССР и другими социалистическими государствами.

— Дал возможность американским спецслужбам проводить акции по компрометации внешней политики СССР на международной арене.

После оглашения обвинительного заключения Главный военный прокурор генерал-лейтенант Попов Борис Сергеевич сообщил, что поддерживает выдвинутое обвинение в отношении Полякова в измене Родине, что согласен со всеми приведенными в нем доказательствами и задал первый вопрос:

— Скажите, подсудимый, вы раскаиваетесь в содеянном?

— Нет, не раскаиваюсь. Свое решение вступить в сотрудничество с представителями спецслужб США до сих пор считаю правильным. Сожаления об этом у меня не возникало, хотя знал, что человек я обреченный. Я полагал, что, жертвуя собой, я способствую предотвращению развязывания новой войны.

— Второй вопрос. Удовлетворены ли вы итогами сотрудничества с американской разведкой?

— Я понимал, что больших результатов в этом сотрудничестве достичь не смогу и поэтому не испытываю никакого удовлетворения. На многие поступавшие от меня сведения американцы не обращали особого внимания, многое им было известно ранее, и только весьма малая часть информации соответствовала целям моего сотрудничества с ними.

Поняв, что подсудимый пытается смягчить нанесенный им вред стране и ее безопасности, Главный военный прокурор снова спросил:

— Что заставило вас предложить американцам свои услуги? Попов заметил, что Поляков находится в состоянии болезненной тревоги.

— О причинах своей измены Родине я дал подробные показания в ходе предварительного следствия. И я могу их повторить, но это займет слишком много времени, — с грустью и досадой ответил подсудимый. — В основном они — идейно-политические…

— Повторять не надо, — отозвался Главный военный прокурор.

Тогда председательствующий на суде спросил его:

— В семье знали о вашем преступном сотрудничестве со спецслужбами США?

— Ни жена, ни дети, ни близкие родственники об этом ничего не знали. Я практически с самого начала сотрудничества с ЦРУ понимал, что совершил роковую ошибку. Однажды хотел сам явиться с повинной, и только мысли о том, что будет потом с женой, детьми и внуками, да и страх позора остановили меня.

Вопросов к подсудимому было много: о его вербовке, о доверии со стороны спецслужб США, о материальном вознаграждении, о закладках тайников, о хранении шпионского снаряжении, о сборе секретной информации и способах ее передачи, об использовании радиотехнических средств и тому подобное. В этом и заключалось исследование судом всех обстоятельств дела, доказательств и фактов, озвученных при оглашении обвинительного заключения.

Затем был проведен осмотр вещественных доказательств,

изъятых при обыске в квартирах Полякова и его матери, в том числе инструкций по связи, тайнописных копирок, камуфляжей и контейнеров для хранения предметов шпионского снаряжения.

А когда председательствующий предоставил последнее слово подсудимому, в зале мгновенно установилась мертвая тишина. Строгие, сосредоточенные лица присутствующих снова, как и в начале судебного процесса, уставились на Полякова. Чувствуя их осуждающие взгляды, он взял себя в руки, привстал и, опираясь руками о стол, окинул зал мрачным, оловянным взглядом. Одна из стенографисток переставила свой стул поближе к нему. Отрешенно посмотрев на нее, он выпрямился и медленно заговорил, глядя на председательствующего:

— Я буду краток. Теперь мне нет необходимости говорить много и заходить далеко. Скажу вам лишь одно: я не враг своей Родины, я хотел лишь уберечь советский народ и все человечество от новой мировой войны…

Председательствующий на судебном процессе генерал-лейтенант Бушуев понял, что подсудимый решил в самый последний момент побороться опять за смягчение наказания. Постучав молотком, он предупредил его:

— Не надо вам заходить так далеко! От вас требуется короткое и ясное — «да, признаю свою вину» или «нет».

В зале наступило гробовое молчание.

Холодящая тишина зала вызвала у Полякова такое тягостное чувство, будто он снова находится в темной одиночной камере. В этот момент кто-то так громко кашлянул, что он вздрогнул и вернулся к реальной действительности.

— Я, конечно, понимаю, что мое заключительное слово не будет иметь никакого значения, и потому я заявляю суду, что ни о чем я не жалею. И если бы пришлось мне начать жизнь снова, то я поступил бы точно так же и повторил бы все, что делал до своего ареста. Я сознательно шел на измену Родине и потому нисколько не раскаиваюсь, но вину свою я признаю. У меня все.

Бушуев перевел взгляд на обвинителя — Главного военного прокурора генерал-лейтенанта Попова.

— Пожалуйста, Борис Сергеевич, вам слово.

Поляков не сводил глаз с обвинителя, прекрасно понимая, что от решения Главного военного прокурора во многом будет зависеть его судьба. Генерал Попов встал, посмотрел на обвиняемого и начал негромко говорить:

— Подсудимый Поляков дискредитировал Советскую страну перед лицом всего мира. В годы войны советские люди шли на пытки и смерть, но не становились предателями, не изменяли Родине и не выдавали противнику своих товарищей.

Расследование шпионской деятельности подсудимого Полякова и свидетельские показания на суде дают основания считать его вину доказанной в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» статьи шестьдесят четыре Уголовного кодекса Российской Федерации, и применить к нему высшую меру наказания…

Услышав эти слова, Поляков мгновенно потерял способность мыслить здраво. И хотя он предчувствовал, что будет приговорен к высшей мере наказания, однако в глубине души все же надеялся на, возможно, смягчающие обстоятельства и на сохранение жизни. Контролируя свое поведение и эмоции, он с болью, которую не мог скрыть, встал, когда председатель Военной коллегии Верховного суда СССР Бушуев начал выразительно оглашать текст приговора:

— Именем Союза Советских Социалистических Республик Поляков Дмитрий Федорович за измену Родине в форме шпионажа и умышленных действий из враждебных побуждений в ущерб государственной безопасности и обороноспособности СССР приговаривается Верховным судом к высшей мере наказания — расстрелу… Судебное заседание закончено.

Главный военный прокурор бросил взгляд на подсудимого: тот в этот момент протянул руку за стаканом воды. Когда он брал его, то рука так дрожала, что часть воды расплескалась. Едва успел он выпить ее, как тут же на него были надеты наручники и конвойные из Лефортовского следственного изолятора КГБ повели его к выходу из зала судебного заседания. Неожиданно он услышал за спиной знакомый голос адвоката:

— Завтра я подъеду в изолятор, и мы поговорим о подготовке прошения в Президиум Верховного Совета, чтобы вас помиловали как участника Великой Отечественной войны.

Поляков обернулся к адвокату, угрюмо посмотрел на него и безразлично бросил:

— Делайте что хотите!

На другой день при встрече с адвокатом приговоренный к расстрелу Поляков был уже совсем другим: собранным и уверенным в себе.

— К чему теперь все это? — заговорил он в солидном, даже строгом тоне. — Я не питаю никаких иллюзий о помиловании! Это во-первых. А во-вторых, зачем лично вам давать повод для возможно нежелательных последствий со стороны органов госбезопасности?

— За меня не беспокойтесь, мое конституционное право — защищать подсудимого. Это во-первых. А во-вторых, вы, очевидно, не знаете, что защитник всегда оказывается умнее обвинителя.

Поляков, кивнув головой, сказал в ответ:

— Что касается меня, то я уверен, мы не достигнем цели. Вы же знаете, что даже более мелких изменников Родины в нашей стране всегда расстреливали, а тут… Нет, этот номер с помилованием не пройдет. Я загубил себя сам, и все участники судебного процесса в этом убедились. Вы же слышали, что я говорил вчера?..

— Что? — на вопрос ответил вопросом адвокат.

— Что я сознательно пошел на измену Родине. После такого признания мне никакого помилования уже не будет. Да и что даст сохранение жизни? Я уже отвергнут всеми… Даже сыновьями и внуками!.. Ну зачем мне нужна такая жизнь?! Нет, избавьте меня от этого!

Адвокат не знал что сказать. Несколько секунд он молча смотрел на осужденного, потом заговорил:

— Меня обижает ваше нежелание действовать совместными усилиями. В конце концов вы же продлите себе жизнь до принятия решения высшим руководством страны. А это, считай, два, а то и три месяца пройдет.

— Давайте не будем об этом больше! — негнущимся, твердым голосом ответил адвокату Поляков. — Подумайте сами, зачем мне подвергать себя мучительному ожиданию расстрела еще два или три месяца, заведомо зная, что все равно окажусь в братской могиле, о которой я однажды сказал в Индии своему оператору из ЦРУ.

— А я уверен, что могу быть вам полезен, — настаивал адвокат.

И все же под воздействием адвоката осужденный генерал-разведчик ухватился за соломинку — написал прошение о помиловании. Ровно три месяца, как и предполагал адвокат, он ожидал решения Президиума Верховного Совета СССР в камере-одиночке следственного изолятора КГБ. О чем только не передумал в те дни Поляков, находясь в полной изоляции: и о предстоящей лютой казни, и о щемящей надежде остаться в живых, и о позорном будущем своей семьи — детей и жены, от встречи с которыми он во второй раз отказался по окончания следствия.

Сам факт предательства Родины на таком высоком уровне, как генерал-майор Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, был тогда настолько ошеломляющим, что после оглашения приговора некоторых начальников и старших офицеров ГРУ отправили в отставку или понизили в должности за допущенную халатность и излишнюю болтливость. А о приведении в исполнение приговора Военной

коллегии Верховного Суда СССР в отношении самого опасного американского шпиона XX века газета «Правда» официально сообщила только через два года — в 1990-м.

Глава 9
Иудин грех. Вместо послесловия

И много Понтийских Пилатов,
И много лукавых Иуд
Отчизну свою распинают,
Христа своего предают.

Алексей Толстой

Предательство старо как мир. Оно идет еще от Иуды Искариотского, о котором сказано, что он был одним из двенадцати святых апостолов — учеников Иисуса Христа. И вот этот ученик, придя к первосвященникам, сказал: «Что вы хотите дать мне, и я предам вам Его». Они не сделали ему никакого предложения. Им тогда и в голову не приходило, что один из учеников Христовых может оказаться предателем. Иуде не в чем было обвинять своего Учителя, ему нужны были только деньги. Только сребролюбие сделало его предателем. В самом слове «предательство» была сосредоточена квинтэссенция большого греха. О том, что всякий грех, и прежде всего сребролюбие, зависть и честолюбие, — это то, из-за чего и был предан на смерть Иисус Христос. И это то, из-за чего до сих пор еще предают.

Предатель был, есть и будет всегда оставаться предателем, в какие бы тоги его ни рядили; это самое худшее, что бывает на свете, это — венец «князя тьмы», это человек, который вступил в союз с Сатаной и, приняв его в свою жизнь, опустился до христопродавничества. В основе почти всех предательств лежали не идеологические мотивы, как утверждал это в отношении себя генерал-майор военной разведки Дмитрий Поляков, а самые заземленные — материальные, которые в простонародье зовутся шкурными. Об этом, кстати, свидетельствуют и материалы следствия: при каждой поездке в Москву из США, Индии и Бирмы, будь то отпуск после каждого года работы или возвращение из загранкомандировки, он обогащался всякий раз приобретенными американцами товарами для дома и семьи, драгоценными вещами и предметами роскоши, дорогостоящими подарками и сувенирами. Поляков сам называл на допросах суммы — от двадцати до тридцати тысяч долларов США, потраченных на эти

цели. А если учесть, что таких поездок за время всех загранкомандировок он совершил не менее десяти, то получил он не менее трехсот тысяч долларов, не считая тех наличных, которые выдавались ему периодически за особо ценную информацию, а еще, как правило, перед отъездом в СССР.

Но человек обладает такой особенностью, что со временем он начинает ненавидеть то, что нахапал в большом количестве. Когда Иуда задумывал предать своего Учителя за тридцать сребреников, то они сияли для него как солнце, а когда предательство свершилось и он получил их, то они начали жечь его совесть. Поэтому пусть никто не думает преуменьшать Иудин грех. Особенно когда человек сознательно, расчетливо и хладнокровно идет на такой грех, заранее зная, что последствия его могут быть самыми ужасными. Поляков точно так же, как Иуда, предал свое призвание, свою совесть, семью и Родину, а это самый большой людской грех. И потому относятся к таким предателям с глубоким презрением, они всегда отвратительны и жалки. Во все времена и у всех народов они считались и считаются подонками.

Ни один предатель, потерявший честь и достоинство, когда бы это ни произошло — в древние времена или сейчас, не был счастлив в своей жизни. Не случайно наши мудрые предки Тацит и Плутарх об этом пороке человека говорили: «Предатели предают прежде всего самих себя», «Предателей презирают даже те, кому они сослужили службу». Мерзкая сущность таких людей не становится менее мерзкой, если они, как Поляков, выставляли себя патриотами, поборниками справедливости и мира на Земле. Чем же можно оправдать того, кто предает самых близких людей? Кто служил интересам США, а не родной стране. Кто снабжал противника важнейшей политической, экономической и военной информацией, нанося своей Родине многомиллиардный ущерб. Оправдать это невозможно ничем.

Генерал Поляков служил американским спецслужбам верой и правдой двадцать пять лет. О том, что четверть века он сосал двух мамок — ЦРУ и ГРУ, руководителям военной разведки даже в кошмарном сне не могло привидеться. И в самом деле, это как же надо ненавидеть свою страну, своих коллег по разведывательному цеху, чтобы из года в год на протяжении четверти века предавать все и вся! Поэтому у читателя может невольно возникнуть вполне справедливый вопрос: а где же был мощный контрразведывательный аппарат КГБ СССР? Почему позволили Полякову так долго работать на США? Что помешало обнаружить его на ранней стадии?

Ответа краткого и однозначного тут не может быть. Во-

первых, Поляков был хладнокровным, коварным и опытным профессионалом. Во-вторых, он обладал хорошими природными данными, выделявшими его из основной массы коллег: аналитическим умом, нестандартным подходом к делу, твердой волей, изворотливостью, крепкими нервами и звериной осторожностью. Его «ахиллесовой пятой», как показало следствие, являлось болезненное самолюбие и тщеславие. Еще за первые годы работы он уверовал в то, что он не глупее своих начальников и гораздо больше достоин продвижения по службе, чем некоторые из тех, кто буквально на глазах стремительно поднимались по карьерной лестнице и досрочно получали на погоны новые звезды. Он действительно интеллектуально был выше на голову некоторых своих коллег, знал реальную расстановку сил в мире и объективно оценивал военную мощь и угрозу как со стороны США, так и СССР.

Встав на сторону американцев, Поляков с самого начала предавал хладнокровно и расчетливо, но не безоглядно. Никого из известных ему нелегалов ГРУ и агентов из числа иностранцев он напрямик не выдавал, он лишь называл офицеров резидентуры, поддерживающих связь с нелегалами, и тем самым предоставлял ФБР возможность самостоятельно выходить на разведчиков и их помощников. Таким образом он уберег себя от провала, выехав по окончании срока командировки в Москву задолго до того, как в США начались первые аресты советских агентов и нелегалов.

Судьба преданных им людей не волновала Полякова. Позже он узнает, что одни нелегалы счастливо избежали ареста ФБР, вторые попали в тюрьму, третьи были арестованы или перевербованы, четвертые, как капитан Мария Доброва, покончили жизнь самоубийством. Все поддерживавшие с ними конспиративную связь офицеры резидентуры были обвинены своим руководством в этих провалах и изгнаны из разведки и армии. Поляков продолжал оставаться спокойным, он — как тот солдат, который считал, что война без жертв невозможна.

Что и говорить, это был тогда самый тяжелый провал агентурной и нелегальной сети ГРУ в США. Чтобы выяснить причину таких массовых провалов, в 1962 году была создана в ГРУ специальная рабочая группа из нескольких человек для расследования этого факта. На основе тщательного изучения и анализа всех материалов по работе в Америке комиссия пришла к выводу, что возможными причинами провалов могло стать следующее: «использование нестойких документов и неудовлетворительное решение легализационных вопросов в стране пребывания, слабая подготовка и невысокие деловые и

личностные качества разведчиков — нелегалов, грубые ошибки резидентуры в организации работы и поддержания связи». Но не согласился тогда с такими выводами лишь один человек — это генерал-лейтенант ГРУ Леонид Гульев. Он сказал в то время: «Если не видишь всех точек соприкосновения при выявлении виновника этого чудовищного преступления, то никому и никогда не удастся правильно соединить их между собой. И что удобнее всего списать свои ошибки за счет промахов нелегалов и их связников».

Знавший, что любая разведка всегда стремится не выносить сор из избы и что изменить что-либо после выводов комиссии не в силах, Гульев на какое-то время внешне смирился, но не отступил. Он запросил материалы личных дел на всех засвеченных разведчиков-нелегалов и агентов, сам проанализировал все и пришел к непреложному факту: в провалах виноват только Поляков. Об этом Гульев сообщил командованию ГРУ, но оно не признало и не хотело признавать наличие в рядах военной разведки возможного предателя! Ему сказали, что это плод его фантазии, что у него нет никаких доказательств. И что негоже бросать тень подозрений на старшего офицера — генерала, фронтовика-орденоносца. Это потом уже стали появляться другие, вызывавшие серьезные подозрения в отношении Полякова факты: публикация отрывков из книги Джона Баррона в журнале «Ридерз дайджест» за 1970 год, где более тридцати раз упоминалась фамилия советского разведчика по фамилии «Поляков» и прямо говорилось, что он готовил ранее нелегалов по линии ГРУ. А спустя некоторое время американские спецслужбы спохватились, что выход в свет этих журнальных статей может повлечь разоблачение их самого ценного агента. Поэтому в выпущенной в 1974 году книге Баррона фамилия Полякова была убрана. А через шесть лет появилась еще одна публикация — уже бывшего американского разведчика Дэвида Мартина «Причуды зеркал», в которой приводились подлинные факты предательства офицера ГРУ под псевдонимом Бурбон.

Странно, конечно, что и эту важную информацию, попавшую тогда в американскую прессу, в ГРУ не заметили. К сожалению, и Первое главное управление комитета не проинформировало о ней контрразведку КГБ СССР. Владей она такими данными, маловероятно, чтобы в Третьем главке не придали бы этим фактам значения и не закрыли бы Полякову выезд в последующие две командировки в Индию.

Поляков же, отлично усвоивший уроки школы отечественной разведки и контрразведки, продолжал тем временем действовать решительно и успешно работать на поражение своей страны в

«холодной войне». После публикаций в Америке компрометирующих сведений о Полякове ему в 1974 году было присвоено звание генерал-майора. В таком высоком звании он получил еще больший доступ ко всему, что делалось в ГРУ, ко всем планам и мероприятиям военной разведки. Поэтому передаваемая им в ЦРУ информация с того времени выходила уже за пределы того, что положено было знать: очень уж хотелось ему удивить ею заокеанских хозяев и повысить в их глазах свою значимость. Для этого он начал поставлять информацию в таком количестве и такого качества, какого ЦРУ раньше не знало и даже не могло мечтать о ней. Объем передаваемых секретных сведений настолько был велик, что зашкаливал за разумные возможности одного человека. Даже спустя годы после расстрела Полякова информация его продолжала причинять огромный вред Советскому Союзу. Во время войны с Ираком благодаря полученным от него сведениям американцы давили противотанковые системы советского производства, ранее считавшиеся неуязвимыми. Что и говорить, укусы змеи продолжали разить и после того, как ее обезвредили.

В 1980 году в ГРУ поступит от надежного закордонного источника Фрэда, работавшего в ФБР, убедительный, можно сказать, «железный» сигнал о наличии американского «крота» в системе ГРУ. В сообщении говорилось: «…в ноябре 1961 года в Нью-Йорке завербован сотрудник ГРУ под кличкой «Топхэт». Через полгода он вернулся на родину. В Нью-Йорке занимался вопросами работы с нелегалами. В 1965 году выехал в Бирму, откуда возвратился в 1969 году. В настоящее время находится в командировке в Индии, где с ним восстановлена связь…» Само содержание подобной информации позволяло практически сразу же и безошибочно определить, о ком шла речь. И опять, как и шесть лет назад, в ГРУ при оценке сведений от Фрэда возникал нелепый вопрос: почему это все время появляются подозрительные совпадения в отношении именно генерала Полякова? А не могут ли они быть целенаправленной дезинформацией американских спецслужб с целью компрометации советского разведчика, сковывания его работы? Но больше всего командование ГРУ по-прежнему волновал больной вопрос: неужели может предавать тот, кто предавать никак не должен? От этого вопроса у аналитиков и экспертов кружилась голова, но не кружилась она у генерал-лейтенанта Гульева. Он еще раз проанализировал все и увидел, как отдельные кусочки мозаики предательства Полякова складывались в цельную картину его государственного преступления — измены Родине. К аналогичному выводу пришел

и контр-адмирал Анатолий Алексеевич Римский, проводивший в то время самостоятельное исследование всех материалов, связанных с работой Полякова в загранкомандировках и в центральном аппарате.

Римский и Гульев, каждый в отдельности, доложили о своих выводах командованию военной разведки и убедили его в том, что источником утечки секретных сведений являлся только один человек — Поляков. Презрение к нему со стороны генералитета и руководителей оперативных подразделений стало столь велико, что у офицеров1 появилась открытая неприязнь к нему и чувство брезгливости. Тогда же генерал армии Ивашутин Петр Иванович сообщил руководству КГБ об имеющихся материалах, дающих основание подозревать Полякова в шпионской деятельности.

Но даже и после этого сообщения контрразведка КГБ работала по заведенному ею делу «Дипломат» ни шатко ни валко. В течение шести лет она не сумела выполнить своих задач по обнаружению вещественных доказательств шпионской деятельности ни на одной из стадий разработки и тем самым позволила ему и дальше причинять существенный вред государственной безопасности и обороноспособности СССР. Причины затянувшейся на долгие годы разработки Полякова были связаны еще и с тем, что он пользовался практически неуязвимыми средствами безличной связи — радио и разовыми тайниками. Причем тайниковые операции проводились только в линии «агент — разведцентр» и только один раз в квартал. При этом места для тайников подбирались, как правило, самим Поляковым. Этим тоже в какой-то мере объяснялась столь долгая живучесть шпиона.

Поддерживая безличную связь с американской разведкой, Поляков провел в США, Бирме и Индии, а также на территории СССР шесть тайниковых операций и двадцать семь двусторонних радиосеансов связи с посольской резидентурой США в Москве. Шесть лет военная контрразведка шла по его следу и накапливала лишь вспомогательные сведения, которые не являлись доказательствами его измены Родине. Это была, конечно, серьезная недоработка Третьего главка, о чем свидетельствуют материалы расследования комиссии КГБ СССР, в которую входили начальники или их заместители почти всех управлений и самостоятельных отделов комитета, а также высказанное в предисловии к этой книге мнение бывшего заместителя начальника Следственного управления генерал-майора юстиции Загвоздина Александра Васильевича. Всем ходом следствия показал это и генерал-майор юстиции Духанин Александр Сергеевич. Мало того, он доказал, что и следствие

способно самостоятельно решать комплекс задач, связанных с разоблачением агентуры противника. А если говорить об источнике внешней разведки КГБ Олдриче Эймсе, то он только в 1985 году подтвердил уже имевшуюся информацию от агента Фрэда о принадлежности Полякова к агентуре американских спецслужб. После сообщения Эймса военная контрразведка во второй раз, и опять без достаточных оснований, без наличия вещественных и иных доказательств, поставила вопрос о реализации материалов разработки «Дипломат». Однако, как и пять лет назад, руководство Комитета госбезопасности не согласилось с предложением Третьего главка о возбуждении уголовного дела. Таким образом, эти настойчиво повторяемые действия контрразведки со всей очевидностью свидетельствовали о неспособности выполнить стоящие перед ней задачи по получению уликовых данных.

Вот и получилось, что и без того сложная задача по разоблачению шпиона Полякова в условиях отсутствия вещественных доказательств представлялась тогда практически не выполнимой и заведомо ставила следствие КГБ в тяжелейшее положение. Ко всему этому отсутствовали и правовые основания для возбуждения уголовного дела, предъявления обвинения и ареста Полякова (закон требовал наличия достаточных данных, свидетельствующих о совершении лицом конкретного преступления). В связи с этим следствием была поставлена задача представить хотя бы какие-либо данные, указывающие на наличие в действиях Полякова любого другого состава преступления: например, злоупотребление служебным положением, контрабанда или незаконное хранение оружия. Но даже такое законное требование следователей вызвало почему-то непонимание и досаду.

В мае 1986 года, с опозданием на шесть лет, был проведен негласный досмотр в московской квартире Полякова, где удалось обнаружить оружие иностранного производства и патроны к нему. Его незаконное хранение образовывало состав преступления по статье 218 УК РСФСР и предоставляло следственным органам возможность предъявить Полякову обвинение и применить к нему меру пресечения в виде заключения под стражу. Только благодаря этому обстоятельству руководством КГБ СССР было, наконец, принято подводившее черту под оперативной частью работы и столь давно желанное для контрразведки решение о возбуждении уголовного дела.

Вместе с тем находившиеся в квартире инструкция по связи с американской разведкой, двадцать листов тайнописной копирки, подзарядное устройство для быстродействующих

приемопередатчиков и ряд иных предметов шпионской экипировки остались незамеченными контрразведчиками и были выявлены только в ходе расследования уголовного дела.

Упущения в оперативной разработке, в частности отсутствие перечисленных уликовых материалов, объективно поставили перед следствием суперсложную задачу: при полном отсутствии доказательств, исключительно на основе предположения, а не внутренней уверенности в принадлежности Полякова к агентуре ЦРУ, постараться изобличить многоопытного и прекрасно подготовленного разведчика в предательстве.

В конечном счете, поставленные задачи были выполнены. В ходе следствия удалось разоблачить не только Полякова, как главное действующее лицо, но также и выявить на основе всестороннего анализа других изменников Родины. Фамилий их Поляков не стал называть по причине недоказанности предательства. Умолчал он во время допросов, возможно, и еще кое о чем. И если бы заместитель начальника отдела полковник Жучков не прервал его показаний на последнем допросе, то не исключено, что он мог бы все же назвать некоторых своих сослуживцев и должностных лиц высокого ранга в подозрении на шпионаж, в том числе и из ЦК КПСС. Поэтому и поторопились с его расстрелом: как говорил вождь всех народов Иосиф Сталин, «нет человека, нет проблемы».

А в том, что шпиона Полякова расстреляли, и расстреливают таких, как он, это и есть высшая справедливость! Признавать, что твоя страна вскормила предателя, это всегда противно, и потому счастлива земля, не имеющая сына или дочери, которые могли бы предать свою Родину! И потому никто в мире не любит предательство и предателей только потому, что это самое презренное отребье!

Для американцев же Поляков был весьма ценным приобретением из всех тех агентов, которых спецслужбы США сумели когда-либо завербовать. Да, он был шпионом большого калибра. И потому не случайно, когда американцы узнали о вынесении смертного приговора «бриллианту в короне ЦРУ» Полякову, то решили любой ценой сохранить ему жизнь. Суть их первоначального плана была в том, чтобы обменять его на советских разведчиков, ранее арестованных в Америке. Но ответ из Советского Союза они получили отрицательный: предатель не заслуживает никакого снисхождения. Чтобы все же спасти его, спецслужбы США, как сообщалось в некоторых советских средствах массовой информации, пошли на крайнюю меру: подключили к спасению агента своего президента. Во время очередной встречи в верхах Рональд Рейган попросил

Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева помиловать генерала Полякова. Кто знает, как бы поступил тогда «главный перестройщик» нашей страны, если бы за несколько дней до этой встречи приговор суда не был приведен в исполнение. Горбачев тогда лишь развел руками и сказал:

— Господин президент, мне придется вас огорчить. Человек, которого вы просите помиловать, уже мертв: по приговору суда он расстрелян.

Сообщение советского лидера испортило Рейгану настроение, но бывший артист Голливуда умел скрывать свои чувства и быстро перевел беседу на официальную тему переговоров.

Впоследствии один из ветеранов Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных Сил СССР, с которым мне довелось беседовать о Полякове, спросил: «А стоит ли теперь ворошить прошлое этого человека? Предателя-то давно уже нет в живых, его расстреляли двадцать четыре года назад…» — «Стоит! — твердо ответил я. — Стоит хотя бы даже потому, чтобы напомнить вынашивающим в потемках души мысль об измене Родине. И о том, что все тайное рано или поздно становится явным, что за грех иудин, как и за все в этой жизни, надо платить».

Конечно, никакие обеты долга не удержат того, кто, как Иуда Искариотский или как генерал Поляков, шел сознательно, расчетливо и хладнокровно на грех свой, заведомо зная об ужасе этого грехопадения.

Что ж, предатели приходят и уходят, чаще всего в мир иной, а Россия остается и идет вперед.

Приложение

Перечень наименований предметов роскоши, материальных ценностей, подарков и сувениров, полученных агентом ЦРУ Поляковым Д.Ф. от американской разведки в период работы в США, Бирме и Индии. Стоимость в долларах США[111].

В США

1. Телевизор «Филко» — 300.
2. Катушечный стереофонический магнитофон «Сони» — 280.
3. Проигрыватель «Колумбия» — 125.
4. Магнитофон марки «Вейс оф мюзик» — 130.
5. Два фотоаппарата «Роллефлекс» — 320.
6. Фотоаппараты «Кодак-Ретина», «Контакс» и «Никомат» — 435.
7. Фотоувеличитель марки «Омега» и два сменных к нему объектива — 90.
8. Две кинокамеры «Кейстон» — 120.
9. Слайд-проектор американского производства — 75.
10. Четыре спиннинга с катушками — 120.
11. Кожаное пальто и куртка фирмы «Буржак» — 290.
12. Токарный станок для работ по дереву — 195.
13. Ленточная полировочная электромашина — 4900.
14. Пять дисковых пил с победитовыми и обычными зубьями и приспособлениями для заточки фрез и дисковых пил — 5000.
15. Золотые часы «Омега» — 80.
16. Около двадцати наименований в двух и более экземплярах американские сувениры — охотничьи ножи, брелоки, броши, шариковые ручки, браслеты, портмоне, газовые зажигалки, зажимы для галстуков, хрустальные изделия и другие предметы — около 700.

Подарки, приобретённые также на доллары ЦРУ для жены и жён некоторых начальников подразделений ГРУ

17. Шуба черная каракулевая — 450.

18. Шуба из енота — 250.

19. Цигейковая шуба с шалевым воротником — 125.

20. Массивное золотое обручальное кольцо и кольцо с двумя вставками из жемчуга — 140.

21. Золотая брошь в форме листика со вставками из сапфиров — 90.

22. Серьги со вставками из циркония (три пары) — 135.

В Бирме

1. Стереофонический усилитель марки «Фишер» с проигрывателем марки «Джерард» и двумя динамиками — 280.
2. Киноаппарат «Болекс» 8 мм — 220.
3. Кинопроектор «Емиг» 8 мм — 80.
4. Слайд-проектор 35 мм — 100.
5. Холодильник двухсекционный — 220.
6. Газовая плита — 80.
7. Ковры напольные шерстяные три штуки — 500.
8. Паласы напольные четыре штуки — 140.
9. Мотор подвесной лодочный — 110.
10. Кухонная посуда — 200.
11. Спортивные принадлежности — 300.
12. Изделия из хрусталя французской фирмы «Лалик» — 180.
13. Сервиз обеденный фарфоровый на 12 персон — 110.
14. Серебряный кофейный сервиз — 450.
15. Две пивные кружки из серебра — 300.
16. Электрический рубанок и небольшой токарный станок — 140.
17. Различный инструмент — 300.
18. Калькулятор — 40.
19. Монтажный столик для кинопленки — 50.
20. Фотокинопленка — 300.
21. Кухонный набор из нержавеющей стали (12 предметов) — 100.
22. Ваза серебряная круглая — 250.
23. Фарфоровая ваза для цветов — 40.
24. Швейная машина «Зингер» — 125.
25. Вязальная машина швейцарского производства — 120.
26. Фотоаппарат марки «Тесина» — 130.
27. Шуба серая смушковая — 350.
28. Норковая горжетка — 400.
29. Пальто на меху с воротником из шкуры выдры — 180.
30. Жемчужное ожерелье (три пары) — 135.
31. Кожаное пальто — 130.
32. Пальто с воротником из бобрового меха — 110.
33. Несколько отрезов ратина, бостона, джинсовой ткани — 700.
34. Одежда и обувь (мужская, женская и детская) — 1600.
35. Золотые часы марки «Ле Культр» с браслетом, марки «Лонжин» с браслетом, швейцарские из белого золота со вставками из бриллиантов — 410.

36. Серьги из белого золота со вставками из бриллиантов и жемчуга (четыре пары) — 460.

37. Золотые кольца со вставками из бирюзы, бриллиантов, сапфиров, рубинов, опала, нефрита и жемчуга — 780.

38. Браслет двойной из золота со вставками из сапфиров — 400.

39. Книги, альбомы, золотые кулоны, серебряные вазочки, сувениры бирманские из перламутра, штампованной латуни и дерева, золотые запонки — 600.

В Индии (стоимость не указана)

1. Женская дубленка.
2. Женские наручные часы швейцарского производства «Тюдор».
3. Карманные электронные часы марки «Тиссо».
4. Фотоаппарат «Никон Ф-2» и два объектива нему.
5. Фокусирующий экран к фотоаппарату «Никон».
6. Магнитофон «Уэр» с аккумулятором и блоком питания.
7. Кассетный стереофонический магнитофон марки «Сони».
8. Музыкальный центр марки «Нейшнл Панасоник».
9. Чемодан с фотопринадлежностями.
10. Шерстяной ковер.
11. Четыре меховые шкурки голубой норки и две — выдры.
12. Золотые кольца со вставками из бриллиантов и сапфиров.
13. Золотые серьги и броши со вставками из бриллиантов и сапфиров, золотые заколки для галстуков со вставками из рубина.
14. Две серебряные фляжки.
15. Пять удочек и спиннинговых катушек.
16. Десять охотничьих ножей.
17. Складной лук со стрелами.
18. Серебряная шкатулка с овальной вставкой из сердолика.
19. Бронзовая люстра с хрустальными подвесками.
20. Натуральный изумруд.

Кроме того, за свое преступное сотрудничество со спецслужбами США Поляков Д.Ф. получил от американцев:

1. Охотничье ружье марки «Ремингтон» в комплекте с двумя сменными стволами.
2. Двуствольные охотничьи ружья с вертикальным расположением стволов марки «Винчестер» и «Браунинг» с ореховой ложей.
3. Малокалиберную одиннадцатизарядную винтовку бельгийского производства марки «Браунинг» с оптическим прицелом.
4. Девятизарядный револьвер испанского производства «Астра».
5. Пистолет «Чешска Зброевка».
6. Пневматическую винтовку производства ФРГ.
7. Оптический прицел «Вивер».
8. Нарезной вкладыш к гладкоствольному оружию.
9. Многочисленные боеприпасы к охотничьему и пневматическому оружию.

Комментарии к перечню наименований

В процессе следствия обвиняемый в шпионаже 66-летний Поляков сумел вспомнить и назвать более ста наименований различных товаров, предметов роскоши, подарков и сувениров. По признанию самого Полякова, это еще не полный список. Другие вещи и их стоимость он так и не смог вспомнить. В данный перечень наименований вошли те товары и материальные ценности, которые были куплены американскими спецслужбами — ФБР и ЦРУ — в период его работы за границей.

Приведенная в перечне стоимость некоторых предметов и подарков далеко не соответствует ценам сегодняшнего дня. Да, это так: 50 и 40 лет назад был совсем иной уровень цен, другим был и доллар, который стоил тогда дешевле советского рубля. Нельзя не заметить и того, что многие товары и предметы были не доступны для советского покупателя: их не было в те годы в продаже и купить их можно было только за границей. Сейчас эти вещи стоят в три, а то и в десятки раз дороже. Исходя из этого, можно предположить, что если бы Поляков не заказывал американцам вышеперечисленные материальные ценности, а получал бы от них наличность, то он имел бы ее в два раза больше своего месячного жалованья. И как показал на следствии Поляков, он просчитал все это, прежде чем пойти без всякого принуждения на измену Родине. Таким образом, получается, что основным мотивом его измены были не политические и не идеологические причины, якобы толкнувшие на борьбу с тоталитарным советским режимом, а именно материальные, корыстные соображения.

Просчитал он и то, что за продаваемые американцам секреты Генштаба Вооруженных Сил СССР и его Главного разведуправления он будет иметь много выгод. Во-первых, за оказание предательских услуг американцы могут помочь ему в добывании разведывательной информации, пусть даже полуправдивой, и в достижении «реальных результатов» по вербовкам агентуры. Во-вторых, он считал, что будет что-то перепадать от спецслужб США и для материального благополучия его семьи. И Поляков не ошибся в своих преступных замыслах и ожиданиях: на первой же явке в Нью-Йорке сотрудники ФБР предложили ему за выданные сведения о шифровальщиках советского представительства при ООН солидное денежное вознаграждение. Но он отказался от крупной суммы долларов, хотя и очень любил их, и попросил своих операторов расплачиваться иначе: взамен предоставляемой им информации

дарить различные вещи, предметы роскоши и презенты для его сослуживцев в Москве. Обосновал он эти условия оплаты своих услуг тем, что подобная бартерная сделка избавит его от улик и не позволит ему засветиться на неразумной трате лишней наличности, которая может неизбежно привлечь внимание и даже подозрение коллег, работающих под крышей советских учреждений в Нью-Йорке. Но иногда Поляков брал от американцев и наличность, но в таких размерах, чтобы она не превышала месячного его оклада. Делалось это опять же для того, чтобы при трате денег не бросалось в глаза посторонним, что он живет не по средствам.

А что касается преподношений в дар разных ювелирных украшений и материальных ценностей, то Поляков, обуреваемый большим желанием приобрести то, что ему очень уж хотелось и что особенно нравилось, начал периодически наведываться в торговые точки и отслеживать появление в них новых вещей и сувениров. И если они там появлялись и если они заинтересовали его, то записывал их в свой блокнотик с указанием адреса и названия магазина, а затем передавал свой список американцам.

Получая от них первые крупные подношения и видя, что в Лэнгли дорожат его персоной, Поляков начал клянчить уже более дорогостоящие подарки — появившиеся в то время новые японские магнитофоны и телевизоры, немецкие кинокамеры, охотничьи ружья престижных бельгийских, испанских и германских фирм. Чтобы купить хотя бы одно такое ружье с вертикальным расположением стволов и ореховой ложей с инкрустацией по металлу, ему не хватило бы многих его зарплат. Причем американские спецслужбы не только покупали для него дорогие вещи, они еще и поднимали его имидж: поставляли на каждую встречу с ним малозначимую информацию и липовых кандидатов на вербовку, чтобы он мог имитировать перед московским разведцентром свою активную разведывательную работу. Он же в ответ сполна отрабатывал свои 30 сребреников, продавая по дешевке наиболее дорогой товар — секретную информацию, а зачастую и государственную тайну. Что и говорить, иуда есть иуда!

Отправляясь ежегодно в отпуск в Москву, Поляков, пользуясь дипломатическим иммунитетом, привозил много упаковок и коробок с подарками для нужд семьи и сотрудников разведки. Самыми ценными презентами он одаривал своих начальников, от которых зависела его карьера и которые помогли ему раньше в продвижении по служебной лестнице. Других, рангом пониже, — всякими безделушками, которые не продавались тогда в Советском Союзе. А дарил он их с одной целью: чтобы

расположить к себе людей, чтобы складывалось у них мнение о нем как о человеке не жадном и «своем в доску» для них. И чтобы нужные ему люди из ГРУ могли бы при случае замолвить за него словечко командованию военной разведки. И такие люди были у него, они помогли ему сначала стать руководителем американского направления, потом китайского, впоследствии стать военным атташе и резидентом, а затем и генерал-майором. Справедливо сказал по этому поводу один из ветеранов Службы внешней разведки России: «Пока будут допускаться случаи протекционизма, подхалимства, угодничества, пока люди будут выдвигаться на руководящие должности не по деловым и личностным качествам, а по принципу личной преданности, до тех пор будем мы получать вот таких, как Поляков, политических и моральных уродов, наносящих огромный политический и экономический ущерб нашей стране, ее обороноспособности и ее спецслужбам».

Да, не всякий человек годится в последователи Иуды. А уж тем более сподобиться ему в величии измены. Это могут совсем немногие. Но один из них в конце 1961 года все же сподобился стать его последователем — это генерал-майор Поляков Д.Ф., тогда он был полковником, резидентом спецразведки ГРУ Генштаба Вооруженных Сил СССР. И воздалось ему в конце концов по заслугам его — расстрелом.

notes

Примечания

1

По показаниям Полякова Д.Ф. в процессе следствия в Следственном управлении КГБ СССР.

2

Имя и фамилия изменены.

3

При допросах в Следственном отделе КГБ Поляков Д.Ф. называл его Джоном Муром.

4

Из рассказа Полякова Д.Ф. на допросе в Следственном отделе КГБ СССР.

5

По показаниям Полякова Д. Ф. на допросе в Следственном управлении КГБ СССР.

6

В переводе с английского языка «Цилиндр» — так американцы называют сотрудников, работающих в дипломатических учреждениях за границей.

7

Джеймс Джезус Энглтон — директор Управления контрразведки ЦРУ США с 1954 по 1974 год. Был свято убежден в том, что органы госбезопасности СССР постоянно пытаются внедрить агентов в ЦРУ.

8

Агент, проникший в разведку или контрразведку противника.

9

Директор ЦРУ США в 1953–1961 годы. При нем ЦРУ подготовило и в апреле 1961 году осуществило попытку вторжения на Кубу. Высадка вооруженных отрядов кубинских контрас закончилась полным провалом, после которого Даллес вынужден был уйти в отставку.

10

Полковник.

11

Ровно через три года после этого диалога Н.С. Хрущев был освобожден от обязанностей Первого секретаря ЦК и члена Президиума ЦК КПСС.

12

В 1956 году в Венгрию были введены советские войска для подавления контрреволюционного мятежа.

13

С легкой руки Джона Мори это выражение появилось в досье ФБР на Полякова. Когда директор ЦРУ США Джеймс Вулси ознакомился с досье на Топхэта, то он сказал, что Поляков из всех завербованных в годы «холодной войны» агентов — самый драгоценный камень в короне ЦРУ.

14

Ровно через три года после этого диалога Н.С. Хрущев был освобожден от обязанностей Первого секретаря ЦК и члена Президиума ЦК КПСС.

15

Подполковник ГРУ Петр Попов в 1958 году занимался переброской Таировых из Европы в США. Попов и предал их тогда, будучи уже завербованным сотрудниками ЦРУ.

16

CCCP.

17

Спецслужба США.

18

Через полгода он был арестован.

Разработка его длилась до 1965 года, а затем арестован ФБР.

ФБР и МИ-5 (английская контрразведка) вели его совместную разработку вплоть до 1965 года.

21

Узнав о своем провале, Дарк летом 1963 года покончил жизнь самоубийством.

22

Был задержан в Англии в июне 1966 года.

23

Арестован в Нью-Йорке в 1962 году.

24

Сержант Военно-воздушных сил США был арестован в 1966 году, а его оператор А. Малинин выдворен из страны.

25

Профессор Нью-Йоркского университета, был арестован через год на явочной квартире вместе со своим оператором П. Масленниковым.

26

Сразу после отъезда Топхэта в Москву произошли провалы нелегалов Сана, Бартона, Туоми, Хильды, Таировых, Жакоба, Ларсена, Ванды, Саниных, Гайда, Норда и других.

27

В 1963 году были арестованы осуществлявшие связь с нелегалами сотрудники резидентуры ГРУ Иван Егоров и Петр Масленников, выдворены из США Иван Выродов, Василий Прохоров и Алексей Полежаев.

Впоследствии вербовочные предложения фэбээровцами были сделаны Владимиру Сажину, Николаю Цапенко, Виктору Симонову и Алексею Полежаеву, но те отвергли их предложения и вынуждены были из-за предательства Д. Полякова прервать свои командировки и досрочно вернуться в СССР.

29

Это был секретный документ под названием «ГРУ. Введение к организации и проведению оперативной работы», впоследствии он вошел отдельным разделом в учебное пособие ФБР для подготовки и работы американских контрразведчиков.

Таков был в те годы у Д.Ф. Полякова принцип самосохранения: «Вы ведите наружное наблюдение за выданными мною агентами и их операторами, но арестовывать их вы должны только после моего отъезда из США».

31

Разведчик-нелегал капитан Мария Дмитриевна Доброва.

32

В середине октября 1962 года предательский принцип самосохранения Топхэта сработал: при проведении тайниковой операции Мария Доброва была сфотографирована и взята под наружное наблюдение. Обнаружив за собой слежку, она сообщила в Центр о нависшей угрозе разоблачения, а затем, на всякий случай, уничтожила все улики — шифртаблицы, тайнописные копирки и т. д. Центр дал ей команду срочно уходить — выехать в Канаду, а затем, при помощи резидентуры в Оттаве, возвратиться на родину. В мае 1963 года она покинула Нью-Йорк и прибыла в Чикаго, чтобы перебраться потом в Канаду. Но и в Чикаго она снова выявила слежку. Через некоторое время в номер к ней постучали копы и предложили сотрудничество с контрразведкой США. Она попросила у них дать ей время обдумать все. Старший из них, Рональд Брайтон, согласился с ее просьбой и, предупредив, что все выходы и входы в отель и в ее гостиничный номер надежно контролируются, направился к выходу, бросив на ходу: «Через час я зайду за ответом». Оставшись одна, она перебрала в памяти все варианты возможных причин провала. Но, не остановившись ни на одном из них, она решила предпочесть смерть предательству. Услышав за дверью приглушенные голоса возвращавшихся фэбээровцев, она выбежала на балкон, вступила на перила и выбросилась с девятого этажа.

33

На самом деле подполковник ГРУ Петр Попов был задержан у пригородных касс Ленинградского вокзала.

34

Штаб-квартира ЦРУ США в штате Вирджиния.

35

По показаниям Полякова Д.Ф. в процессе следствия в Следственном управлении КГБ СССР.

36

Генерал-лейтенант Изотов Сергей Иванович — начальник управления кадров Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных Сил СССР.

37

Подполковник Попов Петр работал на ЦРУ США, расстрелян в 1960 году.

38

Майор госбезопасности Дерябин Петр изменил Родине в 1954 году и сотрудничал с ЦРУ до 1982 года.

39

Разведчик-нелегал ГРУ Шистов Алексей пришел в американское посольство в Париже в 1957 году и предложил свои услуги ЦРУ США.

40

Сотрудник советской внешней разведки Николай Хохлов изменил Родине в 1954 году.

41

Это была операция «Анадырь» по скрытному размещению на острове Свободы советских комплексов стратегических ракет и приданных им средств ПВО, сухопутных и военно-морских сил.

Центр пошел тогда на поводу Д.Ф. Полякова и, откомандировав из Рангуна этих разведчиков, прислал на замену им других офицеров.

43

В 1968 году Мики был перевербован сотрудниками ФБР. Американские контрразведчики два года изучали его связи, установили агента Дитрина и его адрес, а также еще одного агента — нелегала Мучачо, которому удалось вместе с женой бежать из США в Мексику. С личным делом Мучачо и с ним самим Поляков не был знаком. В 1973 году работа с Мики была прекращена.

44

Военно-политическая группировка, созданная для борьбы с национально-освободительным движением в Юго-Восточной Азии. В июне 1977 года прекратила существование.

45

Псевдоним Полякова Д.Ф.

46

Псевдоним Джеймса Флинта.

47

Разведчик.

49

Разведывательное управление Министерства обороны США.

Подлинные фамилии пока не подлежат разглашению.

51

По показаниям Полякова Д.Ф. в процессе следствия в Следственном управлении КГБ СССР.

Эти сведения впоследствии помогли американцам «прорубить окно» в Поднебесную: в 1972 году президент США Ричард Никсон и госсекретарь Генри Киссинджер посетили Пекин и урегулировали американо-китайские отношения.

53

После визита американской делегации в Китай в донесениях Листа в Москву стали проскальзывать нотки неблагополучия в его работе. Затем он стал настойчиво просить назначить ему встречу с кем-либо из сотрудников пекинской резидентуры ГРУ. Такая встреча была назначена, но ей не суждено было состояться: в районе ее проведения была устроена засада. Через две минуты на месте захвата агента-нелегала Листа и советского военного разведчика внезапно появилась большая толпа китайцев, которых специально подвезли на машинах. Это свидетельствовало о том, что контрразведкой Поднебесной была заранее продумана политическая акция в целях демонстрации враждебных действий, якобы проводимых Советским Союзом против Китая. Провал операции по связи с агентом Листом оказался чувствительным ударом по отношениям СССР с Китаем.

Генерал-полковник ГРУ Мещеряков Владимир Иванович.

55

Ивашутин Петр Иванович, родился в 1909 году в Бресте. Участник Великой Отечественной войны. В 1954–1963 годах — первый заместитель председателя КГБ СССР. С 1963 по 1987 год — начальник ГРУ. Герой Советского Союза. Умер 4 июня 2002 года.

Агентство печати «Новости».

Союз советских обществ дружбы.

Это сообщение советского военного атташе определило впоследствии военно-политическую доктрину США на многие годы вперед. Еще определеннее высказался по этому поводу глава ЦРУ Джеймс Вулси: «То, что сделал Поляков для Запада, не только помогло нам выиграть «холодную войну», но и предотвратило превращение ее в «горячую»».

Рассекретив данные об использовании западных технологий и большую заинтересованность СССР в добывании научных открытий Америки, Поляков тем самым создал возможность для США и стран НАТО ужесточить контроль за распространением передовых технологий и принять закон об экспортном контроле в торговле с Советским Союзом. А главное, он сорвал тогда проведение советских инициатив, направленных на смягчение международной обстановки.

Получение информации о противотанковых ракетах являлось предметом мечтаний для разведки любой страны. Спустя годы переданные шпионские сведения Полякова позволили американцам успешно противостоять советскому оружию во время войны в Ираке. Таким образом, советский шпион поспособствовал победе американцев в войне в Персидском заливе в 1991 году.

61

Президентский консультативный совет по внешней разведке.

62

Управление национальной разведки.

63

По наводке ЦРУ японцы арестовали Александра Мачехина, пытались завербовать его, применяя весь арсенал воздействия с иезуитски жестокими японскими пытками. Однако Мачехин выдержал все и не предал никого. Впоследствии он был вызволен из японской тюрьмы.

70

По показаниям Полякова Д.Ф. в процессе следствия в Следственном управлении КГБ СССР.

Это были работники политотдела.

Одни из них потом арестовывались, другие, хотя и освобождались за неимением доказательств, впоследствии категорически отказывались от продолжения сотрудничества с советской военной разведкой.

73

Координационный комитет по экспортному контролю над экспортом в СССР и социалистические страны с 1949 по 1994 год.

74

Из рассказа Полякова Д.Ф. на допросе в Следственном отделе КГБ СССР.

Впоследствии на допросе в Следственном отделе КГБ СССР Поляков Д.Ф. подтвердил версию Гульева Л.А.

Когда разразился в прессе большой шум в связи с разоблачением агента английских и американских спецслужб полковника ГРУ Пеньковского О.В., то начальника военной разведки Генштаба Серова И.А. понизили в воинском звании до генерал-майора, исключили из партии и лишили всех правительственных наград.

О нависшей над Альдубаевым угрозе возможного ареста или высылке из страны Д.Ф. Поляков сообщил в Центр в мае 1980 года. Не дожидаясь решения индийских властей о выдворении, Альдубаев по распоряжению советского посла Ю.М. Воронцова был своевременно откомандирован в Москву. А связь с его агентами, которых выдал Поляков, прекратилась из-за их отказа сотрудничать с военной разведкой.

79

Измена Родине в форме шпионажа.

80

Из рассказа А.А. Римского в 1993 году.

81

Из рассказа Полякова Д.Ф. в процессе допроса в Следственном отделе КГБ СССР.

82

По заключению специалистов КГБ СССР таблетки были признаны непригодными для проявления тайнописи. Впоследствии эти выводы оказались ошибочными.

83

Из рассказа Л.А. Гульева при его допросе в качестве свидетеля в Следственном отделе КГБ СССР.

Из рассказа Полякова Д.Ф. на допросе в 1987 году.

85

Виктор Михайлович Чебриков — председатель КГБ СССР в 1983–1988 годах. Умер в 1999 году.

86

Радиоконтрразведка.

87

Из рассказа Виктора Михайловича Чебрикова в 1992 году.

88

После того как было предъявлено обвинение Полякову Д.Ф. в «Измене Родине в форме шпионажа», Душин Н.А. был отправлен на заслуженный отдых.

89

Бывший начальник первого (американского) отдела советской контрразведки КГБ СССР. При его непосредственном участии было разоблачено более десяти агентов иностранных спецслужб.

90

Олдрич Эймс — начальник одного из подразделений контрразведки ЦРУ, которое вело работу против СССР. Эймс начал сотрудничать с советской разведкой с марта 1985 года. К тому времени Поляков Д.Ф. уже находился в оперативной разработке органов КГБ. Поэтому его информация не решала главной проблемы — проблемы разоблачения американского шпиона, но тем не менее подтверждение Эймса о завербованном в Нью-Йорке агенте Топхэте придало советской контрразведке больше уверенности в ее кропотливой работе по изобличению изменника Родины.

91

Из рассказа Полякова Д.Ф. на допросе в Следственном отделе КГБ СССР.

92

Кузьмичёв В.М. — Почетный сотрудник госбезопасности, кавалер трех боевых орденов, имел на своем счету не одно раскрытое дело по шпионажу. Умер в 2002 году.

93

Загвоздин А.В. — участник Великой Отечественной войны, Почетный сотрудник госбезопасности, награжден орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Знак Почета и Отечественной войны, заслуженный юрист РСФСР. Непосредственно сам расследовал дело на Пеньковского и Винна. Под его руководством Следственным управлением расследовались все наиболее значимые дела по шпионажу.

Духанин А.С. — начальник отделения 2-го отдела. Именно Жучков А.Г. в 1980 году пригласил его, старшего следователя Военной прокуратуры Московского военного округа, майора юстиции, перейти для прохождения дальнейшей службы в следственное подразделение КГБ СССР.

95

Генерал-лейтенант Волков Александр Федорович — начальник Следственного управления КГБ СССР.

Карточки, в которые вносились эпизоды преступной деятельности объекта.

Специальные технические приборы и металлоискатели, с помощью которых выискиваются в стенах пустоты для тайного хранения драгоценностей и секретных материалов.

В 1794 году Дантон был осуждён и казнён.

99

Дешифровалыцик Агентства национальной безопасности США.

100

Военно-промышленная комиссия при Совете Министров СССР.

101

Комитет по атомной энергии.

102

Радиолокационная станция.

103

Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН.

104

Псевдоним резидента Полякова Д.Ф. в Индии и Бирме.

105

Сараев Илья Михайлович — руководитель нью-йоркской резидентуры ГРУ в 1953–1956 гг.

106

Из характеристики Бона: «…Поляков поставленные ему задачи не выполнил… Основное внимание и время уделял личному обогащению и обеспечению семьи…»

107

Из незапротоколированного следователем показания Полякова Д.Ф.

Допрос был прерван Жучковым А.Г. по распоряжению начальника Следственного управления КГБ СССР генерал-лейтенанта Волкова А.Ф. Начальники всех рангов боялись, когда их подчиненные анализировали реальную советскую действительность и обсуждали несоответствие слов и дел высшего руководства страны.

109

Измена Родине в форме шпионажа.

110

Незаконное перемещение через государственную границу СССР товаров и предметов.

111

По показаниям, собственноручно написанным Поляковым Д.Ф. при допросе в Следственном отделе КГБ СССР.